

О Л Ь Г А Б Е Л О Ш И Ц К А Я

A lighthouse stands on a long, narrow stone pier extending into the sea. The lighthouse is a multi-tiered tower with a lantern room at the top. The pier is made of large, dark stones. In the background, the sea is visible under a large, full moon. The sky is dark with some clouds. The overall mood is mysterious and dramatic.

П Р И Г О В О Р Е Н Н Ы Е К
В Е Ч Н О С Т И
О Т Р И Н У Т Ь Л Ю Б О В Ъ

Заключительная часть истории

В главной героине зреет бессмертная сила — и новая любовь. Но выбрать можно только одно, и ценой выбора может стать гибель любимого. Бывшие враги становятся сподвижниками, но противостояние сторон усиливается. Войны с Анг Миртом не избежать, и результат будет зависеть не только от военной мощи и стратегии, но и от умения сильных мира сего справиться с демонами своей души.

Приговоренные к вечности. Часть 3. Отринуть любовь

Глава 1. Чужое Зеркало

— Подъем! Слышишь, ты... Ну вставай уже, я же вижу, что ты не спишь!

Я с трудом разлепил глаза. Нет, это не Северная Башня... Серо-серебристый высокий потолок с мраморными черными разводами, свет, льющийся откуда-то сбоку... Попытка повернуть голову окончилась провалом: шея затекла так, что я ее не чувствовал. Тут кто-то весьма бесцеремонно схватил меня за волосы и чувствительно встряхнул, отчего я дернулся и неожиданно для самого себя сел, озираясь по сторонам и окончательно приходя в себя. Это ж сколько я вчера выпил, чтобы дойти до такого состояния...

— Понятия не имею! — ехидно заявила Ширин, протягивая мне стакан с водой и с любопытством экспериментатора усаживаясь в кресло напротив. Так это ж я в Нуэйне... Валяюсь у нее в рабочем кабинете на старом кожаном диване в углу. Как я сюда попал?

— Демоны Маара дернули меня вечером окошко открыть, — прокомментировала она все с тем же ехидством. — Чтобы в него мне на голову свалилась наглая черная птица. С ворохом претензий ко всем и вся. С требованием подать ему элласарского бренди. С бурными возмущениями по поводу несовершенства Вселенной. И прочими чисто человеческими глупостями.

Я поднялся и отошел к окну, осторожно проверяя, что у меня там с одеждой. Вроде бы все на месте. А вот с хронологией вчерашних событий... не очень. Помню, что зверски разругался с Шандром по одному из принципиальных вопросов нашей политики с бреннами: мне никогда не нравилось его стремление рубить с плеча, применяя грубую силу там, где можно обойтись хитростью, а то и вовсе не вмешиваться. Потом наш конфликт перешел на мою непутевую, беспечную личность, пренебрегающую осторожностью и безалаберно относящуюся к своему высокому статусу. Вечный Ворон должен руководить, карать и миловать, а не разрываться между региональными отделениями Стражи, базами Следопытов и столицами элезанских земель, пытаюсь погасить свежевспыхнувшие конфликты вечно голодных бреннов. По мнению Шандра, я должен был сидеть в Башне и принимать посетителей строго по расписанию, составленному как минимум за неделю до визитов, а по вечерам глубокомысленно беседовать с братьями по вечности или как минимум с правителями земель, как наших собственных, так и остальных. Я злобно огрызался, потому что спор этот повторялся не в первый раз, но вчера Шандр был особенно резок, порой теряя свой витиеватый восточный стиль.

Причина, впрочем, лежала на поверхности. Моему другу и помощнику не понравилось — ох как не понравилось все то, что случилось со мной в Анг Мирте, и уж тем более испугало его существование демонов-двойников Вечных, а больше всего тот факт, что вместо меня-Ворона в моем обличье мог вернуться некто совсем иной. «А что, если это случится с другими? Как ты теперь отличишь настоящего Вечного от его темного двойника?» Он не понимал, что незнание — худшая из опасностей, а теперь, пусть даже в результате моего печального опыта, мы будем настороже и сможем попытаться найти решение.

— Никто меня не... искал? — поинтересовался я с деланной небрежностью, поворачиваясь к Хозяйке Некроса, которая продолжала наблюдать за мной с веселым ехидством.

— Искал. Твоя рыжая телохранительница. Сидит внизу, в приемной, на скамеечке, и

терпеливо ждет, пока ты очнешься.

— Она-то как меня нашла, — пробормотал я раздраженно, вспомнив, что Джана увязался следом за мной на крыльях, когда я, взбешенный безапелляционностью Шандра, выскочил из Штаба Пауков и понесся к Гевору — по плану дня, за свежей информацией от наших наблюдателей об анг-миртских крепостях, а на самом деле, чтобы выговориться. Картина жизни Анг Мирта постепенно обрастала новыми подробностями: города-башни время от времени воевали друг с другом, в пустошах обитали банды, контролировавшие территорию и тоже жившие в состоянии постоянной грызни. Плодородные земли приходилось охранять силами военных, в особенности — месторождения полезных ископаемых и других источников сырья, тех же углеводородов для топлива, которых в бывших Райских землях оставалось не так уж много. В аномальных зонах водилась небезопасная нечисть, которую уничтожали с помощью все тех же нэргов, но на ее место приходила новая. Чем больше мы узнавали об Анг Мирте, тем сильнее возмущала меня идея заговорщиков, недавно озвученная Ревалем — сделать Анг Мирт частью Ар Соль. Тут-то мы с Крейгом и злоупотребили, да так, что я, будучи злым и маловменяемым, зачем-то отправился к Ширин. Хотя ясно, зачем — мне было важно поставить ее в известность о кровавом ритуале, о демонах, неотлично похожих на нас самих, об анти-Вороне, чуть не завладевшем моим телом и душой и о моей полной, пусть и временной, дезориентации. Да, я справился и вернулся, но мог и не справиться. Она, как наилучший среди нас специалист по Маару, могла бы разобраться, с чем мы столкнулись и насколько это опасно. Я хорошо помню, как я ей все это излагал, продолжая накачиваться ароматным и крепким элласарским бренди. Шейла меня, конечно же, поддержала, но, в отличие от меня, меру она чувствовала гораздо лучше...

— Может, позавтракаем? — предложил я, стараясь, чтобы мой голос не звучал слишком уж жалобно.

— Может, пообедаем? — фыркнула она. — Полдень уже. А еще ты мне говорил, что у тебя состязание мастеров в Тайреме после полудня, на котором ты должен появиться, иначе Шандр окончательно оторвет тебе голову. Вот и мотай в Тайрем. И рыжую свою заberi, а то у меня на нее народ косится.

— Ты мне ее подсунула — ты и забирай, — огрызнулся я.

— Не я, а Реваль, — рассмеялась Ширин. — Ладно уж, давай позавтракаем, что ли... Еще раз.

Пока она заказывала завтрак, я отлучился в туалет, привести себя в порядок. Хорошо, что мне можно не торопиться — организацией состязания занимался Амир, глава Стражи и Следопытов, и я знал, что на него можно полностью положиться. Первое время после Анг Мирта моя человеческая часть упорно не хотела возвращаться в реальность, прячась за Ворона. Я бездумно летал над Элезией, иногда сбегая в Ар Иллим, к теплому океану, улетал на недоступные острова, грелся на солнышке, купался в человеческом и птичьем обличье. Несколько раз слетал в Саманданг, проведать Юльку: превратившись в вороненка, я сидел в листве напротив ее комнаты, наблюдая, как она готовится к занятиям, работает с накопителями и концентраторами, болтает с Ильнаррой о Саше и неожиданно вернувшемся Румянцеве. Я узнал, что она много времени проводит в Наган-Кархе, и это безмерно огорчило меня, несмотря на понимание, что оба они — ее соотечественники, самые близкие здесь люди. Куда я лезу, зачем я это делаю... Правильнее и безопаснее оставить ее в покое, дать идти собственной дорогой. Но я уже не мог. Слишком много она для меня значила.

Все это время на столе моем копились бумаги, срочные и не срочные, откладывались на потом встречи, важные и не слишком, ждали своего часа проблемы, экстренные и второстепенные. Позавчера утром я, наконец, снедаемый муками совести, вернулся в Альбре, ошалел от вороха новых проблем на наших невидимых фронтах, попытался втиснуть исчезнувшие из жизни две недели в один день, получил выговор от Шандра и, недоумевая, кто здесь Верховный, сбежал прочь из Альбре, пустив под откос все тщательно выстроенные планы на ближайшие пару дней.

Когда мы с Ширин уселись перед плотно уставленным тарелками столом, она спросила меня с сочувствием в голосе:

— Что ты чувствуешь после того как... убил самого себя?

Я пожал плечами.

— Ничего особенного. Пожалуй, меня больше гнетет мысль, что я упустил что-то важное там, на площади. Мне снится этот чертов обелиск... Словно там была какая-то подсказка, какая-то важная странность, и я ее даже заметил, но... мысль ускользает.

— Вспомнишь — скажи, — кивнула она, наливая мне огромную чашку кофе.

— Шейла... — начал я. — Извини, а? Что-то я вчера... сорвался.

Хозяйка Некроса внимательно окинула меня проницательным взглядом своих серых глаз.

— Знаешь, я рада, что тут сидишь ты, а не твой жуткий Маар-двойник.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Давненько я так не веселились, — она хихикнула, как девчонка. — Ты залетай, если что.

— Верховный, мы уже опаздываем, — заныла Джана, когда я подобрал ее в огромном пустом холле Нуэйна. — Не стоило вам оставаться здесь надолго, тем более на ночь. Цитадель Некроса — место опасное и недружелюбное ко всем иным стихиям...

— Нет здесь ничего опасного, — буркнул я, стараясь не дышать в ее сторону. — Знала бы ты, какие тут смертельно вкусные булочки...

Но Джана не оценила мою неуклюжую попытку пошутить: удерживая некоторую дистанцию, она проследовала за мной на площадку для Крылатых.

— Суреза? — уточнила она, расправляя Крылья.

— Северная башня. Мне надо переодеться. Ты летишь прямо в Сузу, подождешь меня там.

— Верховный, — голос моей рыжей телохранительницы был строг и холоден. — Я обязана сопровождать вас везде.

Я устало вздохнул, стараясь подавить раздражение.

— Я домой лечу. Встречаться буду исключительно с душем, бумагами на столе, с гвором и шкафом с тряпками. Обещаю тебе больше ни к кому не приближаться и ни с кем в другие отношения не вступать.

Под ее осуждающим взглядом я обернулся и рванул вверх, взяв курс на Альбре.

Когда я снизился над островом Сурезой, на котором проводились соревнования, неугомонная телохранительница была уже там. И как успела? Место для дислокации она выбрала самое верное — в шатре, собранном для меня в центре острова, где с выражением едва сдерживаемого недовольства обретался Шандр. В момент моего приземления он был сосредоточен на беседе с Иларом, главой нашей разведки, поэтому не видел ни ее, ни меня.

— О, так гораздо лучше, Верховный, — улыбнулась она, быстро окинув взглядом мои

свежие брюки, ослепительно белую рубашку и куртку по последней рузаннской моде.

Остатки похмелья выветрились после первой же трансформации, а вот вчерашняя злость мгновенно вернулась обратно. Мальчишка я им, что ли, что все кто ни попадя меня воспитывают? Ладно, Верховный так Верховный. Буду соответствовать.

Проигнорировав ее улыбку, я подошел к Шандру, и ответив надменным кивком на приветствие, велел проводить меня к северной части острова, где стояли учебные рамки для создания порогов. Там уже вспыхивали и гасли зеленоватые вуали — признак настраиваемых переходов. Мастера-шеадристы состязались на скорость, на точность, на умение выстроить переход при недостающих преломлениях, на умение выявить и правильно устранить проблему. Восточная часть острова была превращена в полигон с аномалиями, которые требовалось определить и исправить. В полете я договорился с Эйлой о помощи: наши наиболее опытные мастера внимательно контролировали каждую рабочую точку, но у зеленоглазой это получится несравнимо успешнее. Эйла была в восторге от необычного события, и вот уже почти час до меня доносились ее эмоциональные комментарии. В принципе, я мог туда и не наведываться, но мне и самому хотелось посмотреть. Ну и конечно, чтобы успеть вмешаться и прекратить, если что-то пойдет не так.

Шандр следовал за мной, время от времени перебрасываясь с Джаной ядовитыми репликами. С моим дареным телохранителем у него установились неприязненно-агрессивные отношения, и обычно девушка старалась держаться от него подальше. Было из-за чего: занимаясь наравне с Пауками со старательностью прилежной ученицы, она быстро завоевала популярность у рядового состава и постоянно рвалась доказывать свою полезность. Из-за этого уже несколько раз возникали нелепые, а порою и неприятные ситуации. Иногда мне было ее жаль: я снисходительно позволял ей следовать за мной, часто пренебрегая ее рекомендациями, Шандр откровенно игнорировал, Илар и вовсе выставлял ее вон, когда мы принимались обсуждать земные или анг-миртовские дела. Она терпела. Ей хотелось, как лучше, а выходило... бог знает, что из этого выходило.

Я перемещался из сектора в сектор, завязывая разговоры с мастерами и судьями, пару раз трансформировался и облетел все поле состязаний сверху, а когда вернулся обратно, вместо Джаны рядом с Шандром стоял Илар.

— Освин переслал описания пятерых контактеров из Ар Соль, — вполголоса сказал он. — Общались они с одним местным весьма одиозным политиком, чья партия надеется прийти к власти в самое ближайшее время как раз на идее эскалации прорыва и завоевания Ар Соль.

— Он доверяет источнику? — уточнил я.

— Вполне. Более того, он сообщил, что трое из пришельцев встречались с генералами крепости Кан, на которую делает ставку этот самый политик. Судя по манере поведения, двое были очень высокого ранга, информатор слышал обращение, похожее на «высший» или «великий». Остальные — подчиненные. Один — выраженный айор, остальные могут оказаться как элезамы, так и ирнанцами, остальные расы исключаются. И дважды вместе с одним и тем же элезом приходила женщина. По мнению информаторов — так неземной красоты, — он усмехнулся. — Боюсь, вычислить контактеров будет весьма сложно. У нас тут целых две земли, населенные преимущественно элезамы.

— Среди Вечных нет айоров, — вмешался Шандр.

— Есть, — возразил я. — Альсар.

— Ты серьезно? — хмыкнул Шандр.

— Вы, Верховный, — съязвил я. — Более чем. Информатор Освина сможет опознать их, если мы предъявим ему портрет или распечатки с визора?

— Сможет, — подтвердил Илар. — Собственно, Освин именно это и предложил.

— Тогда начнем с портретов Вечных и их ближайших помощников.

— Где ты их возьмешь? — снова вмешался Шандр.

— Вы, Верховный, — снова с ехидством поправил его я. — Пойду с визитами с визором в пуговице.

— Кто из окружения тебе нужен? На всех есть досье...

— Пока не знаю. Посмотрим, кто попадет в поле зрения в результате моих визитов.

— Теперь по крепости Шен, — продолжил Илар. — Нам удалось установить Зеркало на одного из попавших в поле зрения офицеров. Наблюдение показало, что там расположен только один размыкатель Грани — тот, что настроен на Ар Хойт. Остальные три — в крепости Кан. Там же находится резак грани — тот, что вызывает стену огня. Планируют монтировать второй, но мощностей нет.

— Нужен визор-контакт в крепости Кан, — сказал я. — Для начала — хоть уборщика.

— Ищем. Вообще у них, конечно, беспокойно... очень беспокойно. Идет активная вербовка и обучение солдат для будущей войны с нашими землями. И народ, надо сказать, охотно подтягивается...

Тут мне пришлось прерваться — меня позвали в сектор, где подошли к концу испытания мастеров шеадров, судить результаты. Чтобы попытаться вычислить того, кто мог бы настроить переход в Анг Мирт, я предложил мастерам задачу с «неправильным» преломлением. Каждый из них должен был настроить три перехода, два из которых содержали ошибку в данных, третий же имел частоту преломления пространства Анг Мирта, но поскольку никто из мастеров Ар Соль никогда не ставил подобные пути, частота выглядела как ошибочная. Нам казалось, что справится с задачей только тот, кто уже имел с этим преломлением дело, но, похоже, мы недооценили наших шеадристов: передо мной сияли зеленоватым светом пятнадцать дырок в Анг Мирт. Остальные сочли незнакомое преломление ошибкой, как мы и рассчитывали, и исправили ее по своему разумению, так и не сумев создать нужный контур. Я проверил каждый из удачных Путей, пристально вглядываясь в исполнителей и расспрашивая, как они пришли к нужному решению. Подозрений не вызывал никто. Почти все, кто справился, принадлежали к нашей службе. Старые, опытные, проверенные специалисты. Необычное преломление укладывалось и в теорию, и в здравый смысл, и они рискнули... Остальные — из Коллегиума, к ним я присматривался особенно тщательно, однако и они не вызывали подозрений. Что ж, победителя определим потом, по суммарному количеству очков всех заданий. А Шандр после конкурса на всякий случай еще раз проверит каждого.

— А сколько нужно учиться, чтобы стать мастером шеадров? — спросила меня появившаяся рядом Джана, когда я, велев Илару скопировать для меня все описания контактеров, отправился посмотреть на небольшое, но зрелищное состязание юниоров гвардии Пауков, включенное в программу по инициативе Шандра — он хотел повнимательнее взглянуть на молодежь из отдаленных провинций.

— Шесть лет. Три последних совмещены с практикой при каком-нибудь отряде Следопытов, не обязательно в Элезии. Шедары есть везде, больше половины поставлено и обслуживается детьми Ворона.

— А Горностаи? У них же тоже мастера... Где они учатся?

— Да там же. Аскаремский университет, Рузаннский и Высшая школа технологий в Мардине. Уже там их отбирают или наши Следопыты, или Коллегиум. Шеадристов много не бывает, это штучный товар, — усмехнулся я.

— А почему?

— Теория преломлений строится на многомерности пространства и дуальных преобразований, — я вздохнул, вспомнив свои давнишние «подвиги» в постижении этой сложнейшей научной дисциплины. — А практика работы с ариадами требует развития минимального дара даже у тех, кто от рождения глух к силам и стихиям. Хотя бы на примитивнейшем уровне ощущений. Так что все шеадристы — немного элементаралы.

— Получается, что даже если у тебя нет дара, его можно развить? — удивилась Джана. — Считается ведь, что он бывает только врожденный.

— Можно, — кивнул я. — Только наши школы сил и стихий неохотно берут таких вот желающих. Методики требуются другие, возни много, а им нужен быстрый результат.

— А как же... — начала она, но я, заметив энергично машущего мне рукой Амира, рванул в его сторону — в сектор, где соревновались наши операторы Зеркал. Вчера штатный рисовальщик Стражи Элласара намалевал несколько портретов для настройки, среди которых были и мои собственные. Пришлось терпеливо позировать... Результат мне не понравился, но Амир заверил, что получилось отменно.

Очень сложно настроить Зеркало на Вечного: наша двуликая сущность не позволяет операторам создать стойкую связь между образом-изображением и живым человеком. Считается, что для стабильного канала портрет должен передавать двуликую и могущественную сущность, а настройщик — обладать умением оперировать фэйр или рох в пространстве Ментоса, чтобы этот канал создать и закрепить. С обычными людьми все гораздо проще: настройка работает и по визор-распечатке; для Двуликих желателен хотя бы скетчевый, но живой портрет.

Оказалось, кое-кто из наших участников, пытавшихся настроить на меня Зеркало, все-таки справился с этой невероятно сложной задачей. Им оказался молодой парень из Стражи Западного Ферта. Когда я стал его хвалить, он изрядно смутился:

— Я же делаю это не в первый раз...

Я похолодел. Неужели мы наконец-то наткнулись на след?

— Когда это было?

— Г-год назад, — заикаясь от удивления, ответил победитель. — По поручению Вагабра.

— Что-то я такого не припомню, — медленно произнес только что подошедший Шандр.

Парень побелел.

— Мой мастер сказал мне, что с вами все согласовано, — пробормотал он. — Что это для безопасности...

— С чего делалась настройка? — перебил его Шандр

— С портрета, — ответил парень. — Очень хорошего портрета, не этого, — он кивнул на исходник, и мне неожиданно стало жаль нашего художника. — Карандашный набросок, но вы там как живой.

— Я вообще не помню, чтобы меня рисовали, — тихо сказал я, отворачиваясь в сторону. — За все свои годы в шкуре Ворона.

— Сложно ли нарисовать портрет без модели? — любопытствовал Шандр. — И кто

мог бы это сделать в отношении Вас, Верховный?

— Альсар смог бы, — ответил я после паузы. — Или кто-нибудь из талантливых художников его школы. Или, возможно, рисовал кто-то, хорошо знакомый со мной лично, при этом просматривая записи с визора.

— Ты получил задание от своего мастера или от кого-то другого? — уточнил Шандр у парня.

— От мастера, — кивнул тот.

— Веди его сюда, — велел я. — И перестань трястись, тебя никто ни в чем не обвиняет.

Эпизод с заказом на Зеркало мастер западного купола Стражи Ферта помнил в подробностях.

— Чуть больше года назад, — подтвердил он. — Звонил лично Рейнард. Объяснил, что это решение Вагабра, что вы, Верховный, в курсе и лично дали добро, и что даже портрет для Зеркала — ваш собственный, у вас хранился. Поэтому я и не стал обращаться к вам и уточнять информацию.

Я кивнул. Рейнард, значит. Глава столичной школы Эгрох. Айор, кстати...

— А где именно ставилось Зеркало? — спохватился я, сообразив, что чуть было не упустил самый главный вопрос.

— В Рузанне, — ответил парень. — Здание рядом с Эксерой.

Мы с Шандром переглянулись.

— Трудно было?

— В первый раз — нет, — с гордостью ответил он. — Говорю же, портрет хороший, связь с Зеркалом установилась с первой же попытки. Сейчас задание показалось мне гораздо сложнее. Вы... изменились, Верховный, — пояснил он, словно извиняясь, и я ободряюще кивнул.

— На чем контакт выстроил? — но я уже видел, что рабочая стихия у парня — фэйр, поэтому он и справился.

— Здание покажешь? — спросил Шандр.

Парень энергично закивал.

— Знаешь еще кого-нибудь, кто мог бы так, как ты?

— Думаю, еще пара ребят смогла бы, — кивнул он. — Но кто ставил остальные Зеркала, я не знаю.

— Там были и другие? — ухватился за его слова Шандр.

— В том помещении, где ставил я, было еще четыре Зеркала. Два стояли выключенные, а два были настроены на Даллаха и Эрлен, — пояснил он. — Меня, кстати, этот факт как-то успокоил, а то я слишком сильно волновался.

Я кивнул. Прямо под носом у Ваэля... Хотя кому, как не Рейнарду, знать, насколько мы привыкли к беспечности и многое делаем на обычном доверии. Действительно, расслабились в отсутствии внешней и внутренней угрозы.

— Навестим Рузанну? — спросил Шандр вполголоса. — Верховный.

— Нет, — отрезал я. — Спугнем. Надо... позже.

Повернувшись к растерянному победителю, я собрался было отправить его получать заслуженный приз, но парень меня опередил.

— Меня вызывали туда снова, — сказал он, волнуясь. — Не так давно. Незадолго до битвы в Саманданге.

— С какой целью?

— Ваше Зеркало разбилось, — сообщил парень. — Оператор интересовался, почему это могло случиться, и не мог бы я опять его настроить, когда подвезут новую поверхность. Я согласился, но они больше не обращались.

— Даже не знаю, хорошо это или плохо, — буркнул Шандр. — То ли что-то пошло не так, то ли они добились того, чего хотели.

— Ты дай мне знать, если пригласят, — велел я. — Или, если вдруг все случится очень срочно, сунь в карман обычный визор, и иногда комментируй, что происходит, или просто задавай вопросы. А мы уж там разберемся.

Уходя, я оглянулся на мгновенно пристроившуюся хвостиком Джану. Она смотрела на меня со смесью осуждения и восторга.

Глава 2. Испытания и эксперименты

— Оно не отражает, потому что показатели плотности недостаточно высоки, — раздраженно повторил Румянцев, не оборачиваясь к Саше, — мощности низкие, понимаешь?

— Хорошо, — терпеливо согласился тот. — У тебя есть идеи, как их повысить?

Они только что вернулись с испытательного полигона в Нагре, где опробовали отражающие щиты-поля, предназначенные для защиты от атаки с воздуха, и продолжали обсуждать причины неудачи. Пока что созданные ими щиты успешно защищали от обычных стрел, выпущенных из арлов, но стрелы-концентраторы с легкостью пронизывали их насквозь. Виммы, идущие на низкой скорости, задерживались полем, но вимма на большой скорости проскакивала его, словно туман.

— Неужели ничего подобного не создавалось раньше? — любопытно спросил присутствовавший в оружейном зале Кинэн. Вечный мальчишка развалился в кресле, закинув ногу на ручку, и с загадочной полуулыбкой следил за развивающимся на его глазах спором.

— Что за странная привычка искать все в прошлом? — нахмурился Саша. — Почему не попытаться найти новое решение?

— Ты же начал поиски Либрума? — поинтересовался Горностай.

— Не ради его секретов.

— Зачем же тогда? — удивился Рейнард, который тоже внимательно следил за дискуссией.

— Чтобы возродить наследие Нагов. Начинать не с нуля. Зачем люди занимаются раскопками, восстанавливают руины?

— Чтобы узнать свою историю? — встряла Юлька, искренне любопытствуя. — Так вы ее и так знаете.

— Чтобы показать преемственность, — назидательным тоном ответил Саша. — Что они не выскочки какие-нибудь, а наследники древней и могучей силы, и их власть на этой территории или в этой сфере деятельности законна и имеет глубокие исторические корни. Это не только история, но и идеология...

— Тогда тебе нужно не только Нагр с Либрумом раскапывать, желательно восстановить все до единого храмы и уличные монументы, — Кинэн переглянулся с Рейнардом, который одобрительно кивнул. — И пора уже начать разговаривать со всеми остальными Вечными как равный с равными. Через пару недель — совет. В этот раз он будет у Ревалю в Саманданге. Ты должен присутствовать.

— Меня не приглашали, — буркнул Саша. — Тем более к Ревалю.

— А у кого хватит смелости тебя выставить? — улыбнулся Рейнард.

— У Ворона, например.

— Ворон в этих советах не участвует. Выпендрился когда-то, выразив свое высокомерное «фи», и хлопнул дверью.

— Возьми его с собой, — бросил Рейнард Кинэну. — Или Лануэль попроси.

— Завтра я приглашен в Лессен, — помолчав, Саша решил сменить тему. — К главе дома Тамар. Юбилей у него. Хочет что-то обсудить, — видя, как многозначительно ухмыльнулся Кинэн, он и сам с трудом удержался от усмешки. — Мне нужна спутница. Юля, составишь мне компанию?

— Нет, — ответила она, подумав, что год назад она бы захлебнулась от счастья, предложи он такое. — Я не умею вести себя на здешних светских мероприятиях. Потому что не была ни на одном.

— Это несложно, — рассмеялся Кинэн. — Наряд мы тебе подберем, всех дам затмишь. Манеры — ничего особенного, улыбайся и молчи. Будут танцы — не отказывайся, тут простые фигуры. Могу дать тебе пару уроков.

— Спасибо, я все равно не пойду, — ответила она, избегая его взгляда. Какого черта он пытается его поймать? Хочет загипнотизировать? Пусть потренируется на ком-нибудь другом. — Лучше идти одному. Так больше шансов побеседовать с нужными людьми.

— В одиночку он станет объектом атаки всех присутствующих там женщин, — прокомментировал Кинэн со смешком. — А он не сможет им отказать.

— Еще как смогу, — улыбнулся Саша, но Кинэн насмешливо заломил бровь.

Дима сегодня словно отсутствует, подумалось Юльке с тревогой. Погружен в себя и задумчив, даже на подначки Кинэна не отвечает. А Кольера и вовсе нет, так же, как и Лануэль. Она вдруг поняла, что без Кольера ей как-то неуютно, да и Кинэн в его отсутствие ведет себя более развязано, чем обычно, она уже устала от необходимости все время отражать его натиск. Что ему от нее нужно? Что, ему доступных женщин не хватает?

Рейнард тоже все время пытался втянуть ее в разговор, но его внимание было иным. Иногда он задавал словно бы случайные вопросы, которые касались ее учебы и ее прогресса, словно прощупывая, на что она способна, осторожно касался сложных теоретических и практических проблем, подталкивая ее высказать свое мнение, и выслушивал с уважительной серьезностью, деликатно возражая, если она ошибалась. С ним было интересно беседовать — он создавал впечатление беседы равного с равной. К тому же, как все айоры, он выглядел как загадочный принц, погруженный в романтическую меланхолию. Роскошные черные кудри до плеч, белая кожа, большие темно-карие глаза под густыми бровями, и все тот же тяжелый нос, нарушавший гармонию у большинства мужских представителей этой расы. Широкий в кости и высокий, он не казался тяжеловесным, наоборот — его движения, легкие и плавные, создавали впечатление изысканной грациозности. Эльф, думалось ей. У нас в фэнтези романах так изображают эльфов.

Саша и Кинэн углубились в какие-то технические тонкости, и она, которой все изрядно надоело — и заумные разговоры, и неуютная компания чуждых ей людей, и странная настойчивость Кинэна, незаметно выскользнула из зала и поднялась на верхнюю площадку башни Нигейра. Сегодня она не будет тут ночевать... да и пожалуй, потом тоже. Она окончательно смирилась с тем, что здесь ей неуютно и чуждо. Уж лучше студенческий дормиторий с его шумом-гамом, бьющей ключом жизнью и общей легкой сумасшедшинкой. Поначалу она невероятно обрадовалась появлению Румянцева, но потом обнаружила, что Димка неуловимо, но необратимо изменился, и эти изменения не пошли ему на пользу. Раньше он был веселым всезнайкой, любопытным, позитивным и деятельным, теперь же в нем появилось нечто безапелляционно холодное, циничное, а иногда и жестокое. И откуда взялось это презрительное, высокомерное отношение к двуликим расам, словно они дикое, неразумное зверье? Что с ним произошло?

— Неужели вам не холодно? — раздался рядом шелестящий голос Рейнарда.

— Холодно, — призналась она. — Но я ненадолго. Так, воздуху глотнуть.

— Вас утомляет наш Верховный, — понимающе улыбнулся тот.

— Который из них?

— Старший.

— Не понимаю, чем я могла его заинтересовать, — вздохнула Юлька, глядя, как глава школы Эгрох приближается к ней и останавливается почти рядом, опираясь на парапет. — Разве что он коллекционирует женщин. По-моему, жизненный опыт должен был поумерить его любопытство. Все мы одинаково устроены, — подытожила она с печальным смешком.

— А вы не замечали, что с некоторых пор притягиваете к себе почти всех мужчин? — Рейнард прошелся вдоль парапета, глядя на черное небо в крохотных точках звезд. — И притяжение все растет, не так ли?

Юлька пожала плечами.

— Возможно вы правы, — согласилась она. — Я действительно заметила... более доброе, внимательное отношение. Не то, чтобы прям притягивались... Пожалуй, я сама изменилась. Внутренне. Мне казалось, что тут я веду более здоровый образ жизни и лучше выгляжу, с некоторых пор мне стало легче общаться с противоположным полом, — тут она мысленно добавила — с тех пор, как я избавилась от этой мучительной зависимости под названием «несчастливая любовь». — Я не умею этим управлять, так что это умение не приносит мне пользы. Но льстит, да.

— И ведь не только мужчин-ассаров, — продолжил Рейнард, остановившись в шаге от нее, слишком близко для комфортной дистанции. — Вообще-то что все разумные Ар Соль относятся к вам с симпатией, не так ли? Вам всегда рады. Вам не могут отказать. Вас считают лучше, благороднее, выше, чем они сами, за что-нибудь — за то, что вы умеете летать, за то, что у вас есть дар, за то, что вы красивая молодая женщина... Не удивляет?

— Удивляет, — согласилась она. — Но и я, знаете, стараюсь быть максимально доброжелательной и никого не обижать. Еще я считаю, что у вас очень добрый народ по сравнению с населением Основы.

— Не только, — теперь Рейнард смотрел на нее, сначала — расфокусировав взгляд, а потом — пристально глядя в лицо. — У вас очень интересный профиль силы. Вы знаете, что он совпадает с профилем Элианны? Вы знаете, что ее статуэтка светится с тех пор, как вся ваша троица пересекла границу? Что Нигейр и Элианна засветились одновременно?

— Нет, конечно. Откуда? И о каких статуэтках идет речь?

— Попросите Кольера показать. Каменные статуэтки Вечных, связанные с живыми носителями загадочной магией прошлого. Если у Вечного есть живое воплощение, статуэтка светится. Если нет — гаснет. Нигейр и Элианна вот уже долгое время представляли собой холодный мертвый камень. А потом вдруг засветились, причем обе сразу.

Юлька молчала, шокированная. Потом, взяв себя в руки, выговорила:

— А при чем тут я?

— Вы пришли вместе с Алексом. Потом неожиданно проявили способности, сходные со способностями Элианны... Не улавливаете связь?

— Я бы действительно посмотрела на коллекцию, — прошептала Юлька, отводя взгляд от его красивого и холодного лица.

— Попросите Кольера. Он никому не отказывает.

— Попрошу, — кивнула она.

— Это особенность Элианны, — продолжил Рейнард. — Привлекать к себе людей. В вас зреет ипостась. Это ее сила притягивает живых существ, и существ мужского пола — сильнее всего. Мужчины видят не только вас саму, девушку с Основы по имени Юлия — они видят в вас ЕЕ. Она растет в вас. И их влечет к вам силой невоплощенной Любви.

— Бред, — вдруг разозлилась Юлька. — Да, мы с Сашей пришли вместе, но это была случайность. Сашу специально искали, силами Вечных, а нас зацепило вместе с ним неудачным переходом через Грань.

— Скорее всего, ваш перенос в земли Ар Соль — действительно случайность, — согласился Рейнард, сделав шаг назад. — Да, вас не тащили сюда специально, однако рискну предположить, что сущность Элианны, почувствовав нечто родственное, выбрала вас уже здесь, сразу же после пересечения Грани. Кстати, есть еще один способ проверить, гораздо более действенный. Слышали про персональные шеадари?

Юлька кивнула. Рес когда-то объяснял ей, что это такое, на примере башен Ворона, соединенных между собой цепочкой переходов, настроенных на индивидуальную частоту.

— Зреющий Вечный с какого-то момента может ими пользоваться. Попасть в индивидуальное место силы он может только после воплощения, а вот персональные шеадари начинают срабатывать раньше. Вспомните Алекса, — Рейнард многозначительно улыбнулся. — Он мог проходить через шеадари Змея, ведущий сюда, в библиотеку башни, еще до того, как окончательно превратился в Нигейра. Это потом, после принятия ипостаси, башня полностью открылась для него, а следом — и для всех остальных.

Юлька вспомнила. Да, было. Она вспомнила, как он, обнаружив вход в башню, повел ее показывать зал и библиотеку, как она не смогла пройти через картинку со Змеем и он переносил ее на руках. Рейнард, убедившись, что слова упали на нужную почву, продолжил.

— Персональные шеадари связывают домены с доменами, с личными покоями, с тайными помещениями. Остров Иллирия, домен Элианны, недоступен для всех нас, старые шеадари, ведущие на остров Элианны, не работают. Но хотите попробовать? В одном из шеадров Кархи, как и положено столице, есть шеадари, ведущий на Иллирию. Даже не инициировавшись, вы сможете в него войти. А я — нет. Попробуем?

Юлька задумалась.

— Пока не хочу, — отрезала она, испытывая нарастающее раздражение от собеседника.

— Бойтесь, — понимающе кивнул Рейнард. — Что ж, подумайте и попробуйте сами.

И он, галантно поклонившись, оставил ее наедине с ветром и звездами.

Это не я, подумала Юлька, с тоской глядя на небо. Это Элианна во мне. Я ничего не значу. Все они смотрят на меня, а видят Элианну. Все. Обитатели Белого оврага. Ролли. Самир. Джилейр. Наиль с Ильнарой. Друзья в Саманданге. Наги в столовке. Рес. Рес тоже видит во мне Элианну, а не глупую девочку Юльку, которую надо спасать из охваченного мятежом города и которой нужны надежные крылья, чтобы летать. Ширин учит меня ходить в Маар. Не меня, нет. Это она коллегу будущую воспитывает. Я сама ничего не умею. И профиль силы не мой, а ее.

Не хочу, с отвращением подумала она. Какая гадость эти ваши боги, их могущество и бессмертие, если меня даже любить нельзя за то, что я — это я.

И что теперь ей делать с этим знанием? Какую функцию в этом мире выполняет Элианна и в чем ее предназначение?

Спросить, что ли, у Ширин? Или пусть глава школы Эгрох прочтет ей, недоучке, лекцию?

А почему нет? — вдруг шепнул кто-то в глубине ее души. Разве это плохо — быть Вечной? И какая разница, почему они притягиваются, все эти люди... Она ведь не желает им зла. Она об этом даже не думает, просто живет, как живется. А так...ее ждет долгая, почти бесконечная жизнь. Вечная молодость и здоровье, особые способности. Целый мир — Ар

Иллим, Райские острова, окажется в ее распоряжении. Саша станет смотреть на нее, как на равную. И Кинэна можно будет откровенно послать к черту. А Рес... Тут она осеклась, понимая, что совершенно не представляет, что скажет Рес.

И кого ей придется предать, чтобы воплотиться?

Медленно спустившись с верхней площадки, она поискала глазами Рейнарда, но того в оружейном зале не нашлось. Саша продолжал о чем-то увлеченно спорить с Кинэном. Пожаловавшись на усталость, она попрощалась с ними, услышав от Саши пожелание хорошенько отдохнуть и предложение от Кинэна помочь ей расслабиться, и, удержав невозмутимое выражение лица, отправилась в свою комнату, чтобы надеть крылья. В коридоре ее нагнал Румянцев.

— Юль, подожди. Чем тебя так расстроил Рейнард?

— Так, пара нелепых предположений, не более, — отмахнулась она. — Меня больше ваш Кинэн расстраивает.

— Временами он бывает несносен, — согласился тот, и когда Юлька двинулась дальше по коридору, пошел рядом с ней, взяв за руку. — Ты ему нравишься, вот он и пробует... вдруг ты поведешься?

— Ага, сейчас, — огрызнулась она. — Намекни ему, что у меня характер вредный. Или запросы непомерные. Понты там... Замок хочу в обмен на... благосклонность.

Румянцев от души рассмеялся.

— Так ведь подарит. Что делать-то будешь?

— Сбегу. Слушай, я и правда не хочу это обсуждать, — она выдернула руку из его ладони и ускорила шаг, почти добравшись до двери. — Дома все дела брошены, конспект не дописан, пол не мыт...

— А ты разве не останешься?

Она покачала головой, глядя на его бледное лицо, вдруг ставшее жалким и уставшим.

— Прости. Мне надо побыть одной. И лучше — подальше отсюда.

— Видишь нити?

Медальон с Ильнарой, который Юлька удачно доделала два дня назад, казался теплым на ощупь и чуть мерцал в темноте. Трехмерный фантом, заключенный в силовую оболочку искусственного ариада, начинал двигаться, словно живой, когда Юлька или Ширин брали его в руки. Лизар нарисовал Ильнару сидящей, но образ в медальоне получился в полный рост, словно в процессе переноса с портрета в концентратор фигурка зажила самостоятельной жизнью.

Ширин внимательно следила за ее реакцией, и когда Юлька коснулась образа, то воочию увидела тоненькие отчетливые ниточки-связи, тянущиеся к нему через Маар.

— Вижу, — кивнула она уверенно. — Зеленые.

— Джив, — пояснила Ширин, — твоя базовая стихия, поэтому и связи выстроились на джив. Давай посмотрим на настоящую Ильнару и выясним, работает ли медальон. Попробуй позвать ее, глядя на образ, и попроси прийти сюда. Помнишь номер кабинета?

Они встретились с Хозяйкой Некроса в одном из кабинетов школы Джмар. Ширин сама предложила навестить в университет, заявив, что ей это сделать проще и быстрее, чем Юльке попасть в Нуэйн. Занятия уже закончились, но девушка была уверена, что Ильнара все еще где-то в здании.

Юлька сосредоточилась. Крохотная фигурка Ильнары откликнулась на ее зов —

девушка в кристалле повернула голову, слово оглядываясь. Когда Юлька повторила просьбу, образ осязательно нагрелся, а ниточки-связи, тянущиеся в Маар, напряглись и засияли ярче прежнего.

— Теперь подождем, — сказала Ширин, принимая у нее медальон.

— А если она не придет?

— Придет, вот увидишь. Даже не погружаясь в Некрос, я чувствую, что эта загадочная технология работает. Вибрации нитей чувствую, — Хозяйка Некроса глубоко задумалась, на какое-то время забыв про Юльку. — Так ли важен при этом сам Маар?

— Ниточки идут сквозь него, — робко вставила девушка, и Ширин очнулась.

— Насколько легко у тебя получается выход в пространство Некроса? — поинтересовалась она, глядя на нее хорошо знакомым расфокусированным взглядом. — Что ты чувствуешь теперь, после начала обучения?

Юлька на мгновение задумалась.

— Легче всего — с ожерельем. Я настраиваюсь через встроенные элементы-щиты и скольжу.

— Ходить по Маару не пробовала?

— Пробовала, — кивнула девушка. — Но только во сне.

— Тебе он снился? — заинтересовалась Ширин.

— Я стала видеть странные сны, — призналась Юлька со смущением. — Сначала это обычный сон, что-нибудь из жизни, но постепенно события сна приводят меня в Маар, и там что-нибудь происходит.

— Опиши, как ты туда попадаешь.

— Все время одинаково, — вздохнула Юлька. — Я оказываюсь в храме с зеркалом, накрытым покрывалом. Снимаю покрывало, а там — Маар. Я делаю шаг в зеркало и тут же вижу уходящего человека, которого я должна догнать. Я бегу за ним... и либо теряюсь, либо попадаю в какое-нибудь интересное место и забываю о нем. Догнать никогда не получается, и мне от этого очень больно, я просыпаюсь с чувством мучительной потери.

— Но он остается жив, этот человек? — озадаченно спросила Ширин, внимательно глядя на Юльку.

— Не знаю, — вздохнула та. — Я ни разу его не догнала.

— Не умирает у тебя на руках? — уточнила Вечная.

— Нет.

— Кто из знакомых может вызывать у тебя подобное беспокойство? Иногда сны, связанные с Мааром, означают наши подсознательные, глубоко скрытые страхи за близких или друзей.

— Может, Румянцев? — предположила девушка. — Тот парень, вместе с которым мы с Сашей пересекали Грань. Мы считали его погибшим, но оказалось, что он попал в плен в Анг Мирте. Его там нашли и вернули обратно в Ар Соль.

— Вернули? — изумилась Ширин. — Как его вернули? И кто?

— Он как-то мало рассказывал... Мне, по крайней мере. Саша, наверно, знает подробнее, — Юлька задумалась. — Говорит, однажды пришли люди, забрали его и провели через шедр в Ар Соль, поместили в красивый дом на озере, вылечили, а затем предложили работать на Коллегиум. Он занимался пространственными технологиями, чем-то связанным с многомерной математикой, а потом — системами защиты от нападений с воздуха.

— Коллегиум... — Хозяйка Некроса была заметно удивлена. — Странно. Хотя... то, что

Кинэн в открытую не лезет в наши дразги, не значит, что у него нет в них своего интереса. — А что говорит Рессер?

— Мы это не обсуждали, — вздохнула Юлька. — Шандр сказал, что его нет в Ар Соль. Он в Анг Мирте, и он не знает, когда Рес вернется.

— Он вернулся, — хмыкнула Ширин, явно вспомнив что-то забавное. — Попробуй расспросить своего друга поподробнее, кто же все-таки его вытащил. Пусть опишет дом на озере и шедр, через который его вели. Поверь мне, это очень важно.

Юлька кивнула. Ей хотелось подробнее расспросить Ширин о храме с зеркалом, но в этот момент дверь в кабинет открылась и на пороге появилась Ильнара.

— Я совсем забыла, что мы договаривались встретиться, — сказала она смущенно. — Вспомнила буквально пять минут назад... Прости.

Юлька растерялась, не зная, как теперь объясняться с подругой, над которой они поставили опыт, но Ширин взяла эту проблему на себя.

— Мы проводим научный эксперимент, — сказала она тоном строгой профессорши. — Нам нужны студенты с разных направлений. Твоя подруга согласилась участвовать и предложила тебя в качестве помощницы. Ты согласна?

Ильнара растеряно посмотрела на Юльку.

— Ничего сложного, — продолжила Ширин. — Выполняй мои команды и подробно описывай впечатления.

— Хорошо, — кивнула Ильнара.

— Выйди из помещения и попробуй позвать ее, держа фантом в памяти, — услышала Юлька голос Ширин, прозвучавший в ее сознании.

Покинув класс, она вспомнив крохотную фигурку в ариаде и несколько раз повторила призыв. Почти сразу же дверь открылась, являя ей изумленную Ильнару.

— Почему-то мне захотелось выйти за тобой, — сказала она растерянно. — Она не рассердится?

— Ты слышала мой голос? — спросила Юлька, заводя ее обратно под пристальным взглядом Хозяйки Некроса.

— Нет, — удивилась девушка. — Меня словно потянуло за тобой, но никаких голосов не было.

— Юля, выходи снова и делай то, что я скажу, — велела Ширин.

Оказавшись в коридоре, Юлька снова услышала в своей голове ее голос.

— Прикажи Ильнаре сесть за стол. Потом пусть подойдет к окну, постоит, вернется на то же место и закроет глаза.

Послушно выполнив указания, Юлька зашла обратно и увидела Ильнару, почти задремавшую за партой в первом ряду. Ширин смотрела на нее с выражением легкого недоумения. Медальон-ариад в ее руках ярко светился и пульсировал, словно бьющееся сердце.

— Попроси ее встать, — услышала она мысленный шепот. — Пусть подойдет ко мне.

На их глазах Ильнара встала, не просыпаясь, чуть покачиваясь, подошла к Хозяйке Некроса и замерла у стола.

— Разбуди ее, — попросила та со странным смущением в голосе. — И скажи, что она свободна.

Юлька мысленно повторила приказ. Ильнара, очнувшись, вежливо попрощалась с ними и, сославшись на занятия, поспешно ушла.

— То, что мы творим — неэтично, — пробормотала Ширин. — Но оно работает, надо же, я до последнего сомневалась... Нити видны очень четко, от Ильнары в Маар и из Маара к образу. Когда ты отправляешь приказ, они натягиваются и сияют твоей базовой силой. Она воспринимает приказ как свое собственное побуждение, хотя иногда он немного искажается.

Юлька озадаченно смотрела на медленно потухающий в руках Вечной ариад.

— Так просто... неужели раньше у вас никто этим не пользовался?

— Не так уж и просто, — возразила Ширин с сомнением в голосе. — Во-первых, нужен специалист по стихиям высокого уровня, причем мы не знаем, важна ли устойчивость к Маару, как у тебя, или сгодится любой. Во-вторых, как и при установке следящего зеркала, нужен человек с художественным даром высокого уровня, чтобы создать истинный портрет. В-третьих, нужен концентратор высокой мощности. Возможно, есть в-четвертых и в-пятых, которые мы не видим из-за того, что наш эксперимент единственный. В-шестых, возможно, мы не создали ничего нового, а наткнулись на очередную давно утерянную — или запрещенную — технологию, которую чуть раньше нас раскопал кто-то другой. В общем, надо продолжать, — заключила она решительно. — Я поручу своим специалистам, это будет правильнее, чем такие... эксперименты.

— А как быть с фантомом Нигейра? Мне его делать? Джилейр заглядывал, интересовался, как дела.

— Боюсь, Вечного в обычный концентратор не запихнешь, — усмехнулась хозяйка Некроса. — Но ты все-таки попытайся, а если придет Джилейр, подробно опиши ему свои впечатления и понаблюдай за реакцией. Можешь даже прийти за советом, объяснить свои трудности и послушать, что он скажет.

Юлька поморщилась. Встречаться с этим рыжим типом ей больше не хотелось. Ширин, заметив это, сочувственно улыбнулась.

— Потерпи еще немного. Он непрост, этот Джилейр, за ним однозначно надо приглядывать. Он что-то знает... и больше, чем говорит.

Глава 3. Зависимый

Гостей в этот вечер в Наган-Кархе не было. Только свои: Саша, Румянцев, Юлька, да Кольер, который пробыл с ними из вежливости чуть больше получаса, извинился и ушел к себе, сославшись на усталость. Весь вечер Саша и Румянцев обсуждали политику в Ар Лессене, углубляясь в подробности и сыпя малознакомыми Юльке именами и названиями. В Ар Лессене назревало военное столкновение, и по-прежнему не было Вагабра, чтобы вмешаться в склоки бреннов Корта, да еще и Эрлен исчезла. Саша, получивший просьбы о поддержке от каждой из конфликтующих сторон, на этот раз осторожно выжидал, Румянцев же доказывал ему необходимость выбрать сторону с наибольшим экономическим и военным потенциалом и поторопиться, пока нет Вагабра. Аспид в Саше требовал обратного: в случае выигрыша у сильного противника он приобрел бы гораздо больше, начиная с политического влияния и повышении репутации, и заканчивая бесценным опытом решения гораздо более сложных задач, столь необходимым ему самому.

— Наши действия должны быть стремительными, — уже не в первый раз повторял он. — Один точечный и результативный удар. Я не могу допустить вмешательства других Вечных в мою войну, — говорил он с раздражением, потирая правое запястье, на котором уже давно восстановилась кожа.

— Никто не будет вмешиваться, — отмахивался Румянцев.

— Самостоятельно — нет, но можно будет опять апеллировать к Ворону, заявив, что военные действия угрожают безопасности шеадров. Или еще чему-нибудь.

— Кто апеллировать-то будет? Альсар-Феникс, что ли?

— В Лессене и Лимене второй по значимости — Реваль, — возразил Саша. — Е Брантоме и Вижанне — Даллах, с полноценным доменом, разделяемым с Вагабром. Нет уж торопиться я больше не намерен. Выждем.

Румянцев горячился и бросался доказывать ему по новой необходимость активного и скорейшего вмешательства.

Тронув спрятанное под одеждой ожерелье, Юлька бросила на Румянцева расфокусированный взгляд и вздрогнула. Те же нити, что и у Ильнары, только сияюще-белые, устойчивые и хорошо сформированные. Осторожно прикрыв глаза, словно задремывая, она скользнула в Маар, желая дойти по нитям до их хозяина, но они терялись где-то в глубине пространства Некроса, и она не рискнула идти дальше, опасаясь, что ее ментальное отсутствие станет заметно друзьям. Открыв глаза и пару раз демонстративно зевнув, она извинилась, пожелала им спокойной ночи и отправилась искать Кольера.

Старый наг нашелся в своем рабочем кабинете, за письменным столом, над аккуратной стопкой бумаг. На его малоподвижном лице проступил намек на улыбку, когда она вошла, которая сразу же исчезла за привычной маской каменной сдержанности.

— Слепка нет, — ответила на его немой вопрос Юлька. — Есть нити, уходящие в Маар. Хорошие такие, яркие. Идут далеко, искать источник я не стала, побоялась, что заметят. Надо посмотреть на него ночью, — продолжила она торопливо. — Если им кто-то управляет, нити напрягутся и будут наполнены базовой силой контролера.

Кольер пристально взгляделся в ее лицо.

— Что ты знаешь о технологии подчинения? — спросил он очень тихо.

— Пока немного, — ответила она с вызовом. — Но я узнаю.

— Надо понять, на какой стадии находится процесс, — Кольер встал, прошелся по кабинету и остановился у окна. — Он еще подчиненный или уже зависимый.

— Зависимый? — переспросила Юлька. — Зависимыми же только Двумликие бывают. У которых есть хозяин.

— Всю историю Ар Соль люди пытались найти способы подчинять разум населяющих ее существ, — начал старый наг после длительной паузы. — Двумликие зависимы с очень давних времен, но когда-то, многие тысячелетия назад, они были свободными. Их подчинили, привязали к себе постоянные обликом люди. Где, на каком этапе эволюции был найден способ полностью подавлять и подчинять сознание существ, меняющих облик, я не знаю. Видимо, в силу своей изменчивости, они оказались более податливы, чем постоянные обликом ассары. С тех пор попытки найти способ подчинения постоянных обликом никогда не прекращались. Сильный всегда стремится подавить, навязать свою волю слабому, любым из доступных ему способов.

— Или другому такому же сильному, — добавила Юлька, не отрываясь от его лица, на котором опять проявилась и сразу же исчезла эмоция — то ли горечь, то ли сарказм.

— А это даже ценнее. Подавить волю и навсегда сделать зависимым, а то и полным рабом твоего бывшего противника — чем не победа? Окончательная и бесповоротная. Так вот, — вздохнул он, — во времена моей молодости, а это — последние годы прежнего Нигейра, такая технология была найдена. Существует много слухов, что с ней стало и почему Вечные, жившие в ту эпоху, уничтожили действующее воплощение Аспида. Среди наших Вечных бытует версия, что он был безумен, потому что попал под эксперименты с зависимостью, став жертвой того изобретателя, что додумался до механизма подчинения через Маар.

— Это так? — осторожно спросила Юлька, у которой перехватило дыхание от его неожиданных откровений.

— Не совсем. Он действительно был безумен, но по личным причинам. Эксперимент его не задел. Он шел над другими людьми, в основном — добровольцами, и шел успешно.

— Вы принимали в нем участие, — догадалась Юлька.

— Да. Более того, я и был одним из добровольцев, — печально усмехнулся Кольер.

— Вы хотите сказать, что выстали зависимым?

— Именно. Я — результат удачного эксперимента по искусственному созданию связей «хозяин-зависимый» через пространство Маара. Точно такой же, как обычные Двумликие.

— Кто же ваш хозяин? — шепотом спросила она.

— Нигейр Аспид. Тот, которого развоплотили. Нас всех тогда подчиняли ему.

Юлька потрясенно молчала.

— Посмотри на меня через Маар, — предложил Кольер, отвернувшись от нее и напряженно глядя в окно, словно ему было неловко. — И скажи, что ты там видишь.

Нащупав камень маар-щита под одеждой, служивший ей опорой для выхода, она расфокусировала взгляд и сразу же заметила нити, тянущиеся от него к той самой уродливой твари, что год назад пыталась ее сожрать.

— Нити, — пояснила она. — Заканчиваются на экзотической сущности Некроса, которая выглядит угрожающе неаппетитно. Я ведь и раньше их видела... только не знала, что это такое.

— Она не всегда была такой, — вздохнул он, поворачиваясь к ней. — Сначала это был обычный искусственно созданный с помощью специальной установки слепок моей психики,

помещенный в Маар и связанный нитями с хозяином.

— Фантом, — прошептала Юлька

— Что ты называешь фантомом? — уточнил он.

— Искусственно созданный с помощью союза двух талантливых людей — человека с даром управлять силами и стихиями и человека с художественным даром — слепок личности, помещенный в некую силовую среду, — сформулировала она.

— Хорошо, термин принимается, — согласился Кольер. — После смерти Нигейра мы все остались без хозяина, и нам стало туго... Постепенно большинство участников эксперимента сошли с ума. Некоторых убили из-за крайней, неуправляемой агрессивности. Я же... я подозреваю, что то, что ты называешь фантомом, было захвачено какой-то блуждающей сущностью Маара, скорее всего, принадлежавшей другому миру. Может быть, некое мертвое порождение Анг Мирта... Не знаю. Возможно, Ширин разобралась бы, если бы взялась, — прокомментировал он. — Поэтому я и не умер. Но постепенно захватившая оборванные нити тварь стала требовать пищи, такой же, что требуется Вечному для поддержания своей необычной энергетики. Взамен я получил такую же длинную жизнь.

— А что случилось с установкой, которая создавала эти оттиски психики? — поинтересовалась Юлька. — И кто помещал их в Маар? И как вас завязывали на Нигейра-Хозяина?

— Он переносил их сам, — ответил старый наг. — Брал по одному, выходил в Некрос и там визуализировал — они и всплывали. Точнее мне не описать, я и так со слов нашего координатора пересказываю. Потом оказывалось, что все перенесенные им души-оттиски остаются как бы все время с ним. Не забывай, я подопытный, а не экспериментатор, — печально усмехнулся он.

— А установка?

— Она законсервирована в Либруме. Целенькая.

— О боже, — прошептала она. — Эта дрянь там лежит, и Саша хочет открыть этот ящик Пандоры.

— Для этого ему сначала надо его найти. И тут я ему не помощник.

— И вы думаете, что Румянцев... зависимый? Но тогда получается, что кто-то уже нашел Либрум?

— Для этого мы подождем ночи, и ты еще раз на него посмотришь, — сказал Кольер. — Если там только нити, без оттиска-проекции в Мааре, возможно, это что-то другое.

— Это фактически то же самое, — возразила Юлька. — Меня пытались хитростью заставить сделать фантом Нигейра, аргументируя необходимостью гасить его вспышки агрессии. А для этого рассказали технологию, только не всю и не точную — вернее, часть ее не сработала при попытке закончить создание фантома.

— Кто пытался? — Кольер развернулся к ней с опасной грацией хищника, в темных глазах вспыхнули и погасли короткие искорки гнева.

— Один тип из школы Эгрох.

— Ты кому-нибудь об этом рассказывала?

— Ширин. Она заинтересовалась и технологией, и теми, кто пытается ее опробовать. Мы немного поэкспериментировали с фантомами, что были в нашем распоряжении.

Он неожиданно успокоился.

— Хорошо, — в голосе старого нага звучало облегчение. — Как бы она к Саше не относилась, вреда она не причинит. Скорее наоборот — возьмется защищать, если

почувствует, что ему грозит реальная опасность.

— Как вы думаете, могли они найти Либрум? — спросила Юлька, глядя, как старый наг устало возвращается за стол и садится, уронив голову на руки.

— Даже если нашли, надо его открыть. Две половинки ключа и активатор. Активатор у меня, он такой же, как и для Награ, ключи у таких Вечных, у которых их не выманишь, — ответил он. — Если только украсть. Но для этого надо хотя бы знать, как они выглядят, эти ключи. Технология, о которой ты рассказываешь, имеет некоторое сходство с той, старой, но по сути — иная. Кто-то нашел альтернативный путь. Возможно, путь этот существовал и раньше, но был запрещен. Вечные в свое время многое позапрещали, просмотрев с помощью Филина вероятностные линии будущего. Не факт, что все запрещенное ими полностью исчезло с лица земли.

— У нас говорят «Запретный плод сладок», — кивнула Юлька. — Хорошо бы понять, к кому ведут ниточки и в чьих руках находится фантом Румянцева.

— И зачем он шляется по ночам по замку, — ворчливо добавил Кольер. — Ты подождешь здесь или пойдешь к себе? Если останешься ждать, то давай выпьем кофе.

— Давайте, — согласилась она. — А вы знаете причину безумия Нигейра? Вы сказали, она личная.

— Знаю, — ответил он с мрачной ухмылкой. — И это очень печальная и очень личная история. Нигейр Лессер был очень стар. Почти 900 лет. Мне немногим меньше. Я представляю, что он мог думать и чувствовать... Как ты считаешь, можно ли в этом возрасте влюбиться?

— У нас говорят, что любви все возрасты покорны, — ответила Юлька. — Почему нет?

— Он и влюбился. В молоденькую девушку. Они были вместе лет пятнадцать... Представь себе, с какой силой может привязаться человек, видевший в своей жизни сотни, нет, тысячи женщин, знающий все о плотских утехах и давным-давно к ним охладевший. А потом... Носительница ипостаси Элианны погибла во время бунта на одном из островов в Ар Иллиме. В те времена архипелаг был густо населен разными народами, их было гораздо больше и там обитало несколько низкоразумных и трудно контролируемых рас. Их полностью уничтожили после этого, ни одного не осталось. По какому-то невероятному стечению обстоятельств вечная сила выбрала в носители именно возлюбленную Нигейра. Тебе, наверно, уже говорили, что для того, чтобы воплотиться, Элианне нужно отвергнуть любовь? Любым способом — убить, предать, потерять, пожертвовать ради чего-то другого? Она его предала. Не знаю подробностей, как именно. Но все мы об этом знали — она его предала...

— И что дальше? — спросила Юлька взволнованно, всем сердцем жалея бедного брошенного Змея.

— Воплотилась, — коротко ответил Кольер. — Но он ей не простил. Все время пытался вмешиваться в ее дела, ставить препятствия. Они друг друга возненавидели. Для него это предательство оказалось настолько губительным, что он потерял те остатки человеческого, что еще оставались в нем на тот момент. Его решения и поступки стали напоминать поступки психически больного человека, одержимого собственными фобиями и маниями.

— А она?

— Она долго не просуществовала. Лет двести, если не меньше. И с тех пор больше не воплощалась.

Они еще долго сидели за чашкой кофе в ожидании самого темного часа и обменивались

историями — старый наг — из своего прошлого, Юлька — о жизни на Старой земле. В конце концов, в час ночи Кольер предложил ей спуститься в жилое крыло.

Они натолкнулись на спящего Румянцева уже у лифта.

— А почему он бродит? — шепотом спросила Юлька.

— Так тот, у кого слепок личности, проверяет поводок. В нашем случае это было побочным эффектом — хозяин спит, связанные с ним искусственным поводком люди получают ослабленные невнятные сигналы, поэтому и бродят. Через некоторое время после установления связи оно прошло само. Но тут мне кажется, что он намеренно что-то ищет или исследует, — пояснил Кольер. — Ну, смотри... что ты видишь?

— Нити натянуты, вибрируют, — ответила Юлька. — Мне даже кажется, там в конце какой-то облик в Мааре, но нечеткий. Расплывчатое что-то. Но есть.

— Попробуем его допросить? — предложил Кольер. — Надо бы точно узнать, где он был и что с ним делали.

— Как?

— Я попробую перехватить контроль, — сказал старый наг. — Но только на излете, когда он спать пойдет. Дождемся, пока он вернется к себе и когда натяжение поводка ослабнет, я попробую сам.

— Только аккуратно, — строго сказала Юлька. — Не надо причинять ему вред. Ему и так... не повезло.

— Он считает по-другому, — усмехнулся Кольер. — Днем он полностью доволен жизнью и увлечен своим делом.

В этот раз Румянцев бродил недолго. Вернувшись к себе, он не заметил две тени, скрывшиеся в самом темном углу.

— Нити ослабли, — сказала Юлька. — Его действительно кто-то водил.

Кольер мгновенно оказался перед уже собиравшимся лечь Румянцевым и что-то тихо сказал, глядя прямо в его открытые и пустые глаза.

— Кто твой хозяин? — спросил Кольер прямо.

Молчание. Румянцев растеряно топтался у кровати

— Где находится то место, где ты жил после Анг Мирта?

— На озере, — ответил Румянцев невнятно. — Дом на озере. Принадлежит Эрлен.

— Точно Эрлен?

— Там был Эрлениум, — ответил он немного отчетливее, словно настраиваясь на разговор. — Маленький.

— Что-то я уже не впервые слышу об этом доме, — пробормотал Кольер. — Сколько вас было?

— Больше десяти. Точно не знаю.

— Что вы делали?

— Лечились.

— Почему?

— У всех были проблемы со здоровьем.

— Вас кто-нибудь рисовал? — спросила Юлька, но он не отреагировал на ее вопрос.

— Вас рисовали? Приходил кто-нибудь, чтобы сделать ваш портрет? — повторил ее вопрос Кольер.

— Да, почти всех.

— Ты видел медальон со своим изображением? — спросила Юлька, и Кольер снова

повторил вопрос.

— Да, мне дали его поносить, а потом забрали обратно.

— Совмещение фантома и объекта, — шепотом пояснила Юлька. — Точно так, как мне объясняли.

— Какого цвета были камни в медальоне? — продолжала Юлька. Кольер удивился вопросу, но повторил его Румянцеву.

— Красные, — ответил тот.

— Заряженные наэром, — опять прокомментировала она шепотом. — Там был рыжий высокий крупный мужик, возраст — чуть старше тебя?

— Видел такого, — ответил он. — Но не постоянно. Приходил иногда.

— Кого еще помнишь? — спросил Кольер.

— Одна элзианка и одна иллирийка, — пробормотал Румянцев. — Вторая — красивая, — вздохнул он плотядно. — Айор, камард, нигиец, райзе, три элза. Пятеро Двудликих из обслуги, не знаю какой расы, не опознал.

— А из пациентов? — спросила Юлька. Кольер повторил вопрос.

— Семеро из нас были со старой Земли, — ответил Румянцев. — Трое попаданцев, вроде меня, четверо явно похищенных, которые не поняли, кто их похитил.

— Ты знаешь, кто твой хозяин? — снова настойчиво спросил Кольер. — Ты видишь во сне кого-нибудь... незнакомого и необычного?

— Иногда я вижу существо, — сказал Румянцев после длительной паузы. — Уродливое. Чудовище. Оно приказывает подойти и смотрит мне в глаза.

— Опиши чудовище, — вмешалась Юлька. Кольер повторил.

— Черно-белое, полосатое, — начал он нерешительно. — Три глаза, расположенные треугольником. Большие уши, тоже треугольные, словно у свиньи. Пасть с зубами, много рядов, мелкие. Клыки выпирают. Тело большое, вытянутое, бугрится мышцами. Кажется, есть хвост, но не уверен.

— Мне такая снилась один раз, — прошептала Юлька. — Может, она реально существует где-то в Некросе? Или существовала когда-нибудь раньше? — обратилась она к Кольеру, но тот только пожал плечами.

— Не помню ничего подобного, — ответил он. — Давай заканчивать, — он осторожно взял Румянцева за плечи и принудил его сначала сесть, а затем — лечь. — Он почти проснулся, надо уходить.

Юлька погладила беднягу по плечу и первой выскользнула из комнаты.

— Тебе приходилось держать в руках слепки личности? — спросил Кольер, когда они дошли до ее комнаты.

— И не просто слепки, — ответила она. — Это был слепок Наджара. Настоящий Ширин его проверила... Она считает, что там, в Некросе, и есть сам Наджар. Может быть именно поэтому он и не воплощается на земле.

— Потому что заперт там, — задумчиво продолжил Кольер. — Смерть Наджара была странной... Он разбился на вимме, хотя водил очень хорошо, пусть и любил погонять. Мог и покончить жизнь самоубийством, если понял, что им пытаются управлять. Вы с Ширин не пробовали... с ним поговорить?

— А разве можно? То есть, существо в Мааре разумно и с ним можно пообщаться?

— Не знаю, — задумался Кольер. — Только мне помнится, что предыдущая Ширин что-то на эту тему говорила — что многие сущности Маара разумны и способны на контакт.

— Я спрошу ее, — пообещала Юлька. — Мы попробуем.

Глава 4. У Альсара

Начинать я решил с Альсара. Во-первых, сегодня он — единственный айор-Вечный. Кинэн похож, но он не айор — он элез с некрасивым носом. Во-вторых, единственный, кто пока оказался совершенно непричастен к происходящему. Заговор виделся мне обширным и сложным, и Альсар — покровитель искусства и всего, что связано с творчеством, в него не вписывался. Хотя... цель тех, кто стоял за происходящим, уже обрела ясные очертания. Нами, Вечными, хотели управлять, уменьшив свободу, непредсказуемость, сделать нас ручными и покорными. Возможно, превратить в безмозглых демонов, лишенных человеческого облика, что-то вроде карательного отряда при одном — Едином — правителе. Опасных, непокорных — устранить. Сомневающихся — припугнуть. Не получилось — пробуем другое, удалось — берем на вооружение, вытащим из кладовки старые средства, на ходу придумаем новые. Поистине, за всей этой историей крылась чья-то изобретательная, хитроумная голова, и иногда у меня появлялись сомнения, что это Вечный. Вечные самоуверенны, располагая временем и средствами, которых нет у смертных, полагаются на личную силу и на веру окружающих. Наш противник не боялся провальных экспериментов и ошибок, а значит, привык падать, подниматься и идти дальше. Альсар, один из старейших, никогда откровенно не примыкал ни к одной из сторон, умудряясь оставаться над нашими склоками, и в то же время всегда был в курсе событий. Имея богатое, творческое воображение и обладая огромным опытом и терпением, он вполне мог оказаться среди кукловодов...

Любимый домен Альсара располагался в Ар Иллимской Кейдрии, но большую часть времени ему приходилось проводить в Рузанне и в Ледере, где находилась его прославленная школа искусств. Я долго обзванивал по гвору все места его обитания и все время опаздывал — наш пылкий и пламенный Феникс успевал куда-то исчезнуть, пока секретари пытались отловить его для меня. Уже поздно вечером я дозвонился до него в Кейдрии, явно оторвав от любимого занятия — любви. Он сразу же пришел в восторг: мы пересекались с ним исключительно редко. Он был готов сам навестить меня в Северной башне, но мне хотелось заглянуть в его резиденцию в Ледере. Мы договорились встретиться на следующий день, ровно в полдень.

Утром я успел повидаться с Ширин и обменяться с ней результатами наших изысканий. Рассказав мне про эксперименты с фантомами-слепками, она попросила меня помочь с возвращением Эрлен.

— Я помню, за что ты ее ненавидишь, — опередила она меня, когда я собрался отказаться. — И для меня всегда было загадкой, за что она ненавидит тебя.

— Я подозреваю, что дело не во мне, а в Анте, — проворчал я. — Но для нее это не имеет значения.

— Как бы то ни было, надо вернуть ей человеческий облик, — вздохнула Ширин. — Знаешь, как ее скорее всего выманили?

— Ну, — буркнул я.

— На дочку.

— На кого?

— У нее есть дочь. Не знал? Я тоже, — Ширин печально вздохнула. — Грейг, глава Дзуликих Лессена, рассказал. — Девочка куда-то исчезла с территории Рамьена, Эрлен

пошла ее искать... и не вернулась. Девочка через сутки нашлась сама, рассказав, что слышала голос мамы, которая звала ее из чащи, что лежит севернее замка. Ребенок пошел на зов и заблудился. Хорошо еще, ее на опушке местные кицу подобрали да быстренько отвели домой.

— Кто-то знал, что у нее есть дочь, — проворчал я. — И воспользовался.

— Рес, этот кто-то — такая сволочь... Пора бы уж нам начать забывать старые обиды.

— Чего же ты от меня ждешь? — спросил я с усталой покорностью.

— Попытки. Хоть какой-нибудь. Гевор озадачен, он решил поохотиться за ней в облике леопарда, загнать в Рамьен, но она или пряталась где-то в лесу, или нападала на него, словно больная бешенством кошка. Даллаху с ней не справиться, он не настолько подвижен, чтобы тягаться с рысью. Я бы поговорила с Алексом, будь у него за плечами хотя бы лет пятьдесят в шкуре Вечного. А так...

— Ты ему совсем не доверяешь?

— Там творится что-то очень странное, — Ширин коротко пересказала мне все, что знала от Юльки. — Сам Нигейр пока затаился. Было несколько ожидаемых столкновений между маркграфами на юге Ирнана, но наги, несмотря на призыв обеих сторон, их проигнорировали.

— Да, знаю, — сказал я. — Он занялся школами в Реаре и в Ашре. Тем, что, в общем-то, от него и хотели поначалу.

— Так что насчет Эрлен? — Ширин настойчиво вернула меня к исходной теме. — Поможешь?

— Не знаю, — поморщился я. — Посмотрим.

Ледера, один из округов Ар Лессена, находилась на юго-востоке этой земли и сильно напоминала мне Аскарем — тот же климат, та же природа, та же архитектура городов, те же основные расы — элезы, ирнанцы и Двумкие. Существовало много подтверждений, что до раскола земель Аскарем и Ледера были одним целым, но катаклизм, разделивший все наши территории на множество отдельных пространств, разорвал и эту единую когда-то землю. Столица округа, город Леда, очаровывал небольшими старинными зданиями, узенькими запутанными улочками, зеленью садов и парков. Школа искусств Феникса находилась в центре города, а его личная резиденция — на восточной окраине, сплошь окруженная цветущими садами, которые сами по себе были произведением искусства.

Замок Феникса поразил меня в самое сердце. Изящный белокаменный красавец располагался на реке, отражаясь в ее спокойных прозрачных водах. Круглые башни с островерхими голубыми крышами венчали каждый угол донжона-дворца, очаровывая изяществом пропорций. Множество ажурных винтовых лестниц разрезали внутреннее пространство, не пересекаясь между собой, многочисленные башенки верхней части фасада, легкие и ажурные, были украшены каменными цветами и изображениями мифологических животных. Каменная резьба внутри и снаружи дворца напоминала сплетенное умелой рукодельницей кружево.

Альсар ждал меня в роскошных покоях, стены которых были обиты золотым шелком, а каждый квадрат высокого кессонного потолка изобилдовал фривольными картинами в исполнении знаменитых художников. Окна выходили на реку. У каждого окна стояла огромная ваза с искусно составленным букетом поздних осенних цветов, которые благоухали так, что у меня начинала кружиться голова.

Поначалу мы пили кофе и обсуждали последние новости. Я разглядывал его, мысленно

сравнивая со словесным портретом нашего осведомителя в Анг Мирте и понимал, что сходство, конечно, присутствует, но... Так можно описать любого айора. Высокий, тонкокостный и узкоплечий, с привлекательным белокожим лицом, яркими синими глазами, густыми черными кудрями и бровями, тонким с горбинкой, но тяжеловатым носом. Внешне он выглядел лет на тридцать пять плюс минус пару лет, не более, а по факту ему было 492 года. Один из старейших Вечных, вместе с Даллахом и Ревалем. Глазок визора был встроен у меня в пуговицу на куртке, и я машинально поправил его, убеждаясь, что он на месте.

— Скажи, не приходилось ли тебе рисовать кого-нибудь из нас в последнее время? — спросил я, когда мы наконец закончили традиционный диалог вежливости людей, встретившихся после долгого перерыва. — Точнее, в последние год-два?

— Да почти всех, — признался он не без удивления, задумавшись буквально на несколько секунд. — И как ты верно заметил — именно в последние, хм, года полтора ко мне регулярно обращались с просьбой изобразить кого-нибудь из нас. Тебя вот, например, по памяти пришлось рисовать, заказчик убедил меня, что ты наотрез откажешься позировать.

— Откажусь, — хмыкнул я. — Мне не усидеть столько, сколько вам, художникам, нужно. Скучно очень. А кто, кстати, заказчик?

— Лануэль, — ответил он с улыбкой. — Она, кстати, и второй портрет просила совсем недавно — Нигейра Алекса. Тот тоже неохотно позировал, но мне хватило, чтобы уловить суть.

Я остолбенел. Лани? Лани к этому причастна? Я, конечно, уже знаю, что она шустренько запрыгнула в постель к нашему юному Змею, но портрет предполагал установку Зеркала, а ей при должном умении не потребовалось бы никаких усилий, чтобы вытянуть из него все, что ей нужно, без всяких зеркал. И зачем она позволила организовать слежку за мной? Я всегда считал, что мы друзья. Когда-то очень давно, когда она только-только приняла ипостась, мы были любовниками, и я приложил немало усилий, чтобы облегчить юной Кошке первые, самые трудные шаги на пути к обретению себя. Мы долго были вместе... потом постепенно расстались, когда она перестала остро нуждаться в поддержке, но мы до сих пор симпатизировали друг другу и сохраняли теплые отношения.

— А кто еще? Кто кого заказывал?

— Почему тебя это интересует? — удивился Альсар.

— У меня сложилось впечатление, что кто-то собирает коллекцию наших портретов, преследуя не совсем... прозрачные цели, — выкрутился я.

— Заказчики были разные, — возразил он. — А твой «кто-то» может преследовать вполне благородную цель. Например, воссоздать коллекцию живых фигур, наподобие той, что уже есть.

— Той, где статуэтки светятся, если Вечный жив? — уточнил я, и Альсар кивнул. — Для них тоже нужен портрет? Зачем, если там нет никакого сходства с живым человеком?

— А как ты представляешь создание прочной связи между каменной статуей и живым существом? — усмехнулся Альсар. — Светящиеся фигуры реагируют на нас, Вечных, так, словно это любовные медальоны-образы прошлого — они ярко пытаются, если мы в силе, и чуть тлеют, когда с нами что-то случается. И вовсе гаснут, если мы умираем. А когда божественная сила избирает себе нового носителя, мы узнаем об этом задолго до рождения полноценного Вечного.

— Что за любовные образы? — переспросил я, почуяв нечто важное. — Никогда о них не слышал... Да, и кстати, ответ на свой вопрос сам — как создается связь между неживым предметом и живым существом?

— Чтобы создать связь между живым и неживым, нужно увидеть душу — уловить суть живого, собрать и сконцентрировать резонансную этому живому силу или стихию, чтобы удержать от распада образ, и взять каплю плоти изображаемого, чтобы их накрепко соединить. Делается это в три шага. Создание образа, помещение образа в энергоемкую среду и одновременно добавление в образ частички плоти. Технология старая, как Основа, но опасная своими последствиями, поэтому давно запрещенная и забытая.

— Выходит, что не забытая, — пробормотал я.

— Когда-то еще при моем пра-предшественнике талантливые дети Феникса рисовали картинки влюбленных пар, а не менее талантливые элементалы Эгроха помещали их в ариады и в прочие энергетически высоконасыщенные драгоценные камни — в алмазы, изумруды, сапфиры. Получался артефакт, с помощью которого влюбленные чувствовали состояние друг друга, настроение, а некоторые, носившие изображения при себе, могли даже общаться мысленно. Потом выяснилось, что одиночные образы позволяют одному управлять другим, подчинять и подавлять его волю... Односторонние приворотные образы стоили очень дорого и пользовались бешеной популярностью. Участились самоубийства и сумасшествия... Когда все раскрылось, тот из Альсаров, что принимал участие в расследовании, со своей стороны строжайшим образом запретил Детям Феникса участвовать в создании любовных образов, а Эгрох под страхом отлучения от школы запретил любопытным молодым людям экспериментировать с живыми слепками личности, которые получались в результате попыток создать на основе художественного образа мини-копию живого существа. Постепенно все забылось, но в ту эпоху, когда технология родилась, за подобный образ сажали в тюрьму, а по выходу — лишали права продавать художественные работы или, если дело касалось элементалов, заниматься профильной деятельностью.

Ничто не ново под луной, подумал я с печальной усмешкой.

— А как об этом могли узнать современники?

— А ты уверен, что они узнали?

— Абсолютно. К сожалению, у нас есть доказательства.

— Архивы, — фыркнул Альсар. — У нас огромные архивы. У всех. Мы выстраиваем гигантские подземные хранилища, загоняя наше прошлое под землю, но при должном рвении и любопытстве оттуда можно выкопать любое чудо — или чудовище — прошлого.

— А коллекция?

— Ее сделали в конце прошлого тысячелетия, — улыбнулся Альсар. — Сохранился подробный рассказ мастера. Чтобы собрать плоть, ему пришлось изрядно помучиться. Он рисовал эскизы-наброски с натуры, как человеческий облик, так и облик Вечного. Особенно сложно было с плотью, — на его подвижном лице появилось забавное выражение, — Ширин получилось уговорить на кровь, у Лануэль и Эрлен он попросил прядь волос, а мужчины... их по одному соблазняли специально отобранные им женщины.

— Сколько экземпляров существует?

— Было пять. Сейчас осталось три полных — у Кольера, Реваля и у меня. Остальные две — неполные, разбрелись по рукам.

— Значит — слепок личности, энергоемкая среда и плоть, — повторил я. — Что ты подразумеваешь под плотью?

— Все, что содержит генетический материал и что можно легко взять у объекта. Лучше — жидкое, фантом-слепок его быстро впитывает. Кровь эффективнее всего, достаточно нескольких капель. Слюна чуть слабее — связи хуже, но работает. Сперма почти как кровь, иногда даже лучше, если она совсем свежая, с активным семенем. Волосы — не самый лучший вариант, их надо измельчать в пыль, но при необходимости — сойдут и они.

— Ого, — удивился я. — Смотрю, ты пробовал делать это сам?

— Чего я только не пробовал, когда был молод, — пробормотал Альсар мечтательно.

— Мы используем рисованные портреты для установки наблюдающих Зеркал, — сказал я. — Иногда — распечатки с визоров, но живой портрет дает более точную и устойчивую настройку.

— Не знал, — удивился Альсар. — Любопытно, для чего их еще можно использовать?

— У меня есть информация, что за некоторыми из нас было установлено наблюдение через Зеркало, — я все-таки решил поделиться с ним правдивыми сведениями в обмен на рассказ о медальонах. — Именно те, за кем следили, потом теряли человеческий облик.

Альсар задумался.

— Когда-то очень давно Вагабр просил меня нарисовать Даллаха, Гевора и самого себя. Сделать автопортрет. Я отдал ему один из старых набросков, а Даллаха с Гевором пришлось навестить, чтобы поточнее отразить личность. Кинэн просил нарисовать Вагабра и Ширин, желательно в движении, акварелью. Рейнард просил Реваля, говорил, что хочет сделать ему подарок, задобрить его. Эрлен и Лануэль я рисовал недавно, по просьбе самой Эрлен, но просьба была не личной, а письменной, а забирала портрет райзе. Они все рыжие, ты же знаешь, — Альсар опять мечтательно улыбнулся. — Мне очень понравилась эта идея — воссоздать галерею наших лиц, всех, кого я помню, нынешних и тех, кто придет потом...

Может быть и хорошая, подумал я. Только вот портрет, созданный талантливым мастером, в наших мирах, оказывается, штука неоднозначная.

— Сможешь нарисовать мне быстро, хотя бы карандашом, Ваэля, Кинэна и Гевора? — попросил я. — Мне нужно будет показать их человеку, который попробует определить, кто из них причастен к этой истории. Я тебе их верну, как только они больше не будут нужны.

— Если тебя устроят наброски, то у меня сохранилось кое-что.

Оставив меня на какое-то время в одиночестве разглядывать фрески на потолке, он вскоре вернулся с небольшими карандашными этюдами. Несмотря на простоту, каждый из них был передан удивительно точно и живо. Все-таки наш Феникс — мастер, лучший из лучших, подумал я с восхищением. Жаль, изобразительное искусство не является его любимым делом. Нынешний Феникс, при всех его прочих художественных талантах, всем остальным искусствам предпочитал театр.

Не отдам, подумал я, если обратно не потребует. Себе оставлю.

Поблагодарив Альсара за помощь и еще немного поболтав с ним о посторонних вещах, я отправился домой.

Глава 5. Знакомство с Филином

Приземление на крыше Нуэйна оказалось адски сложным: в этом странном, хмуром мире без солнца обманывало все, даже тени. Ветер сбивал Юльку к краю площадки, не давая ей удержаться на выглаженной ветрами и тысячами ног площадке. К счастью, как только ей удалось выпрямиться и сложить крылья, на площадке появилась высокая приветливая айора.

— Ничему не удивляйся, — предупредила она. — Двери и лестницы здесь появляются, открываются и исчезают сами.

Юлька шла за ней, поражаясь необычности Нуэйна. Вот оно, место обитания еще одного Вечного... Первозданная архаичность башни Ворона, по-королевски нарядный Рамьен Эрлен, строгая функциональность древнего Наган-Карха, и вот теперь — фантазмагорическая крепость Хозяйки Некроса. Пространства, существующие словно сами по себе. Окна есть, вот они, в стенах, с видом на окрестности, но их словно бы нет снаружи. То ли камень, то ли металл, то ли пластик, то гладкий, то богато отделанный. Холода не ощущаешь, но и тепла тоже.

Ширин ждала ее в небольшом кабинете с окном на горный пейзаж, мрачный и тусклый с Юлькиной точки зрения. Она удивлялась, вспоминая, как защищал когда-то эту странную землю Рессер, предлагая ей учиться в Шеннон-Аре. Может быть, тут действительно нужно побыть подольше, побродить по местным долинам, проникнуться нездешней атмосферой и найти, за что ее полюбить.

— Будем пробовать? — улыбнулась хозяйка Некроса после того, как Юлька отказалась от кофе.

По совету Кольера они собирались попробовать разговорить в Мааре Наджара-Филина.

— Давайте, — ответила Юлька, нащупывая под рубашкой ожерелье-щит.

— Сначала войду я и найду его. Потом позову тебя, ты придешь на мой зов. Сможешь?

— Не знаю, — растерялась Юлька.

— Заодно и научишься.

Через пару минут Ширин кивнула ей. Юлька сосредоточилась и, держась за красный камень ожерелья, почти сразу же оказалась под уже привычным черно-алым небом.

«Иди ко мне, — услышала она эхо и растерялась, не обнаружив источник звука. — Иди ко мне, — снова зазвучал призыв, при этом ей казалось, что звук несется откуда-то с неба. Закрыв глаза, она попыталась представить Ширин и мысленно потянулась к ней. — Иди ко мне, — снова прозвучал голос, и тут ее отчетливо потянуло вперед и вправо. Не открывая глаз и старательно следуя ощущению, Юлька двинулась в нужном направлении и через какое-то время натолкнулась на Ширин.

— Так близко? — удивилась она.

— Нет, — рассмеялась Хозяйка Некроса. — В Мааре мы перемещаемся не совсем по земле. Ты скорее преодолеваешь пространство, чем идешь по прямой. Это сложно объяснить, — увидев Юлькино недоумение, пояснила она. — Я бы прочла тебе теорию, да там такая зубодробильная терминология, что ты утонешь. Подожди до старших курсов.

— Если я доучусь, — прошептала девушка, вспомнив слова Рейнарда, на что хозяйка Некроса глянула на нее с тревогой.

— Вот он, — Ширин кивнула на существо, устроившееся на плоском ярко-алом камне. — Надо сказать, я уже пыталась с ним поговорить, но он все время отворачивается.

Попробуй ты. У тебя должно получиться гораздо лучше.

— Почему? — удивилась Юлька.

— Ты же не воплощенная Смерть, — хмыкнула та.

Юлька подошла поближе к этому красивому и пугающему существу — птице с человеческими глазами. Нахохлившееся и неподвижное, оно казалось неживым, словно чучелом самого себя, но в его глазах Юлька уловила некую странную искру — то ли разума, то ли жизни, то ли обычного человеческого любопытства.

Неожиданно для себя она села рядом с ним на камень и протянула руку к крыльям и осторожно погладила пестрое и жесткое оперение.

— Кто вы? — спросила она вместо приветствия.

— Когда-то меня называли Эйбом, — прозвучал мягкий и словно рассеянный голос. — Когда я был человеком.

— Вы выглядите как филин. Как Наджар Филин из наших храмов, — уточнила Юлька.

— Я был им, — согласилось существо, встрепенувшись. — Когда-то.

— Вы знаете, что вас давно нет в мирах Ар Соль? Вы не приходите туда.

— Нет, не знаю, — откликнулась птица. — Хорошо, если это так.

— Почему? — удивилась Юлька. — Я вот, например, чайник во всех этих ваших тонкостях существования Вечных, и то понимаю, что это плохо — когда место Вечного пустует.

— Почему чайник? — удивилась птица, повернув голову к Юльке. — Ты выглядишь как девушка.

— Я невежда, — рассмеялась та. — Чужая, родом с Основы. У нас так говорят.

— Забавно, — филин снова встрепенулся и переместился чуть назад, развернулся к ней и принялся разглядывать ее с истинно человеческим любопытством.

— Почему вы рады, что не приходите? — повторила Юлька свой вопрос.

— Я сделал это сознательно. Убил свое тело и остался здесь.

— Почему? — потрясенно спросила Ширин, первый раз за все время подав голос.

— Разве так можно? — изумилась Юлька

— Можно, — ответил он, покосившись на Ширин. — Я-человек покончил жизнь самоубийством. Разбился на вимме так, чтоб с концами, а незадолго до окончательного падения в пропасть сознательно выскочил в Маар. В момент смерти физической оболочки не дал ей выдернуть себя отсюда, удержался в Некросе, разорвав контакт с телом.

— Допустим, я хорошо представляю, как такое возможно, — пробормотала Ширин. — Но зачем?

Существо внимательно посмотрело на вторую собеседницу.

— Кто она? — спросил Филин, обратившись к Юльке. — Ей можно доверять?

— Она Ширин, — ответила Юлька. — Можно.

— Кто-то взял меня под контроль, — сообщил Филин. — Мою физическую оболочку и психику. Предполагаю, конечно, что Охранители... Никто, кроме них, и не смог бы...

— Кто такие Охранители? — спросила Юлька

— Было такое движение лет 500–600 назад, — ответила вместо него Ширин. — Недолго и просуществовало, само сошло на нет.

— Далеко же вы от меня ушли, — усмехнулась птица с человеческими глазами. — Здесь нет времени, — пояснил он, увидев удивление Юльки. — Для меня прошло совсем немного.

— А что они хотели?

— Вообще? Или от меня лично? — уточнил он.

— Защиты людей от нелюдей, — снова ответила Ширин. — Свободу Двудиким, долой хозяев. Вечные не должны охотиться, если им нужны живые кровь и плоть, пусть разводят стада баранов и горных коз. Хорошая идея, кстати, только не работает, к сожалению, — фыркнула она.

— Энергетический и психический потенциал животного-жертвы ничтожен и не может поддерживать существование божественной сущности, — пояснил Наджар. — Такой корм постепенно превращает могущественное и проницательное божество в обычную хищную тварь с зачатками разума.

— А что они хотели именно от вас? — спросила Юлька

— Покорности, — ответил он. — Пытались управлять поступками. Пытались заставить прорицать будущее, плохо понимая, что такое сила Наджара-Филина.

— Это не говорящая голова, — хмыкнула Ширин. — Это знания. Все знания мира, прошлые и будущие. Надо только уметь их из него достать.

— Потом меня стали сталкивать с моим постоянным оппонентом — Гевором, провоцируя открытый конфликт. Именно на этой стадии я заметил, что все мои мысли и эмоции — не мои собственные. Понаблюдав, я сообразил, что они наведенные. Искусственно вызванные. Стал раскручивать... Увидел нити, которые идут от моего облика в Некросе не только ко мне-человеку, а к кому-то еще. Нашел источник, но его слепок в Мааре оказался нечеловеческим. Подозреваю, что это был не он, а она... Теперь уже не скажешь.

— А почему Гевор был вашим оппонентом? — любопытствовала Юлька.

— Знание, полученное рационалистическим и эмпирическим путями, всегда противостояло знанию, полученному мистическим или эзотерическим путем. Путем озарения, а не познания, — ответил он. — Плюс личное. Гевор того времени был молод, а я — стар. Старший круг Вечных всегда конфликтует с молодыми.

— Кстати, одна из версий, почему не воплощается Филин, как раз и базируется на предположении, что исследование мира давно движется исключительно путем научного познания, а не божественного озарения, поэтому Наджар как Вечный и не востребован, — добавила Ширин. — Мудрость подменяется набором аксиом, никто не стремится понять суть процессов и вещей, никто не ищет ответа на вопрос «зачем», только на вопрос «как». Практики и прагматики захватили лидерство.

— Вам надо вернуться, — твердо заявила Юлька. — А то они тут без вас совсем одичают.

— Ты видишь нити? — грустно спросила птица

— Да, — кивнула Юлька, присмотревшись и вновь увидев уже известные ей тоненькие ниточки, тянущиеся сквозь пространство куда-то в сторону и вниз.

— Там, на другом конце, должен быть медальон-образ с моим изображением.

— Я его даже держала в руках, — сообщила она.

— Вот видишь. Значит, кто-то по-прежнему будет иметь возможность манипулировать тем молодым Филином, что родится и воплотится, если я уйду туда, — он кивнул, указав на прозрачно-ледяную землю. — А это еще опаснее, потому что, будучи молодым и неопытным, он не распознает чужие приказы, приняв их за странности ипостаси, и попадет под внешнее управление.

— Значит надо отобрать медальон-образ и уничтожить его, — заявила Юлька. —

Только как?

— Как отобразить? — переспросил Филин со странным напряжением в голосе, и Ширин приложила палец к губам, велев Юльке подождать. Птица закрыла свои человеческие глаза и замолчала, замерев в полной неподвижности. — Его украдет женщина-рысь, обольстив рыжего элеса. Эрлен, — в бесплотном голосе послышался смех.

— А как уничтожить этот артефакт, не повредив тому, кто заперт внутри образа?

Наджар снова замер, обращаясь к своей бесконечной кладовке знаний.

— Погасив силу концентратора, — ответил он после паузы и странно посмотрел на Юльку. — Я вижу несколько... не один и не два, больше... Ты погасишь один из них, но остальные будут гасить другие.

— Если вынуть камень из специальной оправы, он постепенно разрядится. Перестанет быть концентратором, — объяснила Ширин. — Останется красивая стекляшка с картинкой внутри.

— Образ рассеется, — добавил Филин. — Еще можно поместить камень в среду, антагонистичную наэру. Джив подойдет лучше всего.

— Но там же настоящий ариад, — забеспокоилась Юлька. — Мне объясняли, что он чуть ли не вечный.

— Точно, — вздохнула Ширин. — Это мы с тобой образ Ильнары быстро уничтожим. А этот, настоящий...

— А вы, всезнающий Филин, не скажете нам, как уничтожить натуральный ариад? — Юлька с любопытством уставилась на птицу рядом с ней. Тот опять закрыл свои странные глаза и напрягся.

— Плазмой, — ответил он неожиданно. — Наги закаляют ею нигийские сабли. — Камень надо бросить прямо в печь.

— А что будет тому, с кем камень связан? — с беспокойством спросила Юлька.

— Мертвым — ничего, — ответил Филин. — Живым будет больно. Огонь будет гореть в их жилах до тех пор, пока камень не расплавится окончательно.

— Искусственный ариад или рассеется сам по себе, или сгорит мгновенно, — успокоила ее Ширин. — Медальон Ильнары мы разберем, и я оставлю его здесь, у себя, пока картинка не исчезнет. Если сможешь найти и отобразить у оператора образ твоего друга Румянцева, думаю, его можно будет бросить в печь.

— А вы сами? — обратилась Юлька к Наджару. — Вы бы хотели возродиться? Вернуться в наш мир живым?

Филин долго молчал, закрыв глаза, словно и на этот вопрос он искал ответ в своей бесконечной памяти.

— Нет, — неожиданно ответил он. — Я не вижу в жизни Вечного ничего привлекательного. — Здесь так спокойно... и интересно.

— Некрос на самом деле — очень необычное и густонаселенное пространство, — рассмеялась Ширин. — Но живым тут не место. Тебе, девочка моя, пора, а то ты сейчас упадешь в обморок — там, у меня в кабинете.

Они вышли одновременно и Юлька почувствовала, что Вечная была права — ее тело онемело, затекло, голова кружилась, в ушах стоял неприятный звон, похожий на комариный писк. Ширин нажала одну из кнопок на панели гвора и срочно потребовала кофе со свежей выпечкой. Глотнув живительного напитка, Юлька почувствовала себя немного лучше.

— Значит, образ Филина утащит для нас Эрлен, — задумчиво сказала Вечная. —

Соблазнив Джилейра. Вообще не проблема, если бы не беда с Эрлен.

— Она стала рысью и теперь не может обернуться? — предположила Юлька.

— Ты в курсе, я смотрю, — кивнула Ширин. — Да. И мы пока не знаем, как ей помочь.

— Может, для начала поймать как — нибудь? В капкан, например. И в клетку посадить, в подвале, вместе с остальным зверьем. Это ж какое будет для нее унижение... Со злости она может быть даже человеком обернется, — предположила девушка.

— Может быть, — кивнула Хозяйка Некроса. — Может, стоит и капкан попробовать, и клетку. Лишь бы вернулась.

Они доели булочки и допили кофе, и под конец Юлька решила задать Ширин мучивший ее вопрос.

— Рейнард сказал мне... — начала она со смущением. — Что у меня профиль силы, как у Элианны. И что я — это будущая она. И что люди уже сейчас видят во мне Элианну. Это правда? Это возможно?

Ширин вздохнула.

— Не знаю, — призналась она. — Может быть. А может быть — и нет, тут только догадки можно строить. Важно не то, что именно сказал тебе Рейнард, а зачем он это сделал. Какой реакции он от тебя ждал. Что касается профиля силы, тут все ... хм, неоднозначно. Твой родной профиль — джив/джив, развитая устойчивость к наэру. Почему-то считается, что у Элианны тоже был джив/джив, но это не так. У нее был джив/наэр, она убивать наэром могла. Твоя странность в том, что ты удивительно легко с наэром работаешь, так, словно это твоя вторая — ударная, т. е. активная — стихия. В твоём профиле силы, если смотреть внимательно, ударный джив и пассивный наэр накладываются друг на друга. Возможно, это твоя личная особенность, а может быть, в тебе действительно растёт Элианна.

— Зачем же Рейнард тогда мне это сказал? — жалобно спросила девушка.

— А что ты подумала и почувствовала после того разговора?

— Что люди, ставшие мне друзьями, на самом деле ценят не меня саму, а притягиваются силой ипостаси Элианны, — прошептала Юлька.

— Вот видишь. Он посеял сомнение в твоей собственной ценности и значимости. Ослабил тебя. Обесценил. Зачем ему это нужно? Какую цель он преследует в отношении тебя? Рискну предположить, что ты им зачем-то нужна, но не сильная и свободная, а неуверенная в себе, ищущая поддержки.

— Фантомы делать, — фыркнула она, неожиданно развеселившись. — А совет Рейнарда? Ну, попробовать шеадари?

— А что, отличный совет, — кивнула Ширин. — В Саманданге, в башне Канела есть шеадр, ведущий на Далирию, столичный остров Ар Иллима. Выйдешь в центре, дойдешь до старого парка, там на окраине стоит шеадр старой кладки, ступенчатый такой, низкий. Один из шеадари ведет на Иллирию.

Юлька кивнула. Хватит ли у нее духу? Вряд ли...

— А в чем была ее сила?

— Сейчас уже мало кто помнит об этом, — медленно начала Ширин, а затем надолго замолчала. — Элианна считается покровительницей любви, красоты и хранительницей Райских островов. Но на самом деле... Элианна была хозяйкой людей. Меня называют Хозяйкой Некроса, — пояснила она, глядя на недоуменное Юлькино лицо. — В моих архивах Элианну называют Хозяйкой Людей. Все эти разговоры о создании людей-

зависимых, наши с тобой эксперименты с образами — мелочи, крохи перед ее могуществом. Она могла повелевать людьми, даже Вечными, так же легко, как хозяин повелевает своими зависимыми. Она делала это силой любви. Или ненависти.

На обратном пути ноги сами принесли Юльку к храму Элианны в Саманданге. Небольшое, очень древнее, но аккуратное и ухоженное круглое здание с куполом находилось недалеко от старых садов эмира, и было окружено своим собственным маленьким садом, в котором даже сейчас, в середине осени, ковырялись две старушки. Нырнув внутрь, она удивилась, что храм не пустует. Посетителей, пожалуй, было даже побольше, чем у того же Оленя, например, или Даллаха. Огромные окна делали храм светлым, купол поддерживали колонны, в средней части которых были высечены тела людей и Двуликих. Изображений Элианны оказалось всего несколько, и около каждой статуи стояли в вазах свежие цветы.

Юлька с любопытством наблюдала за посетителями. Вон юная парочка, держась за руки, что-то горячечно просит, глядя на лик богини с отчаянной надеждой. Вот старушка гладит складки ее каменного платья с блаженной улыбкой на лице. Вон усталая женщина, прислонившаяся к колонне, глядит на нее с немым укором. Немолодой мужчина, замерший в углу, шепчет что-то, устремив свой взгляд на самую дальнюю и самую красивую из статуй. Она вдруг подумала, что хотела бы знать, зачем они пришли сюда, какое горе — или радость — привело их в храм, услышать их истории. А вдруг она смогла бы помочь? Иногда даже простые слова утешения могут вернуть человеку надежду и силы. Особенно, если тебе некуда больше идти...

Постояв еще немного, она тихо вышла из храма и направилась домой в полном смятении чувств.

Глава 6. Наган-Карх. Опять побег

— Я их всех ненавижу, понимаешь? Всех. Нет, Кинэна меньше, хотя и его иногда... Вся эту божественную нечисть, — голос Румянцева был глух и полон ярости. — Они развлекаются, пытаюсь развеять свою вековую скуку, фаллометрией занимаются, доказывая, кто круче, а мы... Нам они сломали жизнь. Просто потому, что пара сволочей однажды решила, что им нужен Нигейр, и нашла подходящую кандидатуру на нашей старушке Основе.

— Меня ты тоже ненавидишь? — будничным голосом спросил Саша.

Юлька замерла, не шевелясь. В поисках Саши она оказалась под дверью его рабочего кабинета, и еще не зайдя, услышала, как они с Румянцевым яростно спорят. Побоявшись, что разговор прервется с ее приходом, она притихла у двери, затаив дыхание.

— Тебя — нет. Ты — их жертва. Как и я. Как Юля. Даже не жертва, а объект манипуляций, — голос Румянцева стал злым и жестким. — Ты им нужен. Захочешь сбежать — не отпустят. Никогда. Говорили тебе, что вернуться невозможно? Ворон стережет Грань, никого не выпустит, вы убили его людей, бла-бла-бла... Нельзя контактировать со старой Землей, а то злые дяди с гранатометами придут сюда и разрушат наш маленький благополучный мирок, у-тю-тю...

— Ну, слышал, — ответил Саша с брезгливостью. — От Нэсте когда-то. Потом забыл, если честно. С мыслью об опасности со стороны Основы согласен. Я не вижу здесь надежных механизмов защиты от оружия, созданного у нас дома.

— Да их навалом, если мозги напрячь, — фыркнул Румянцев. — Только самые интересные лежат у тебя в Нагре. Разгребешь — найдешь. Тебя для этого и возродили. Вернее — твоего Змея. Чтобы ты, человек с Основы, нашел, как и чем можно Основу прищучить. Чтобы зайти туда с твоей помощью. Ты подумай... что если они выпустят на наши улицы все эти толпы Двуликих, приказав им убивать? Сначала выпустят низкоразумных тварей, чтобы страху нагнать. Потом придут Двуликие и их хозяева. А потом и сами Вечные. Давай, представь, как по улицам твоего родного города бежит здоровенный леопард, а с ним рядом — стая кицу...или райзе, — он содрогнулся.

— Пара пулеметных очередей — и никто никуда не бежит, — парировал Саша со смешком. — Кроме леопарда, конечно.

— Сверху пикирует ворон-переросток, которого эти пули, скорее всего, вообще не возьмут

— Зато возьмет зенитка. Не насмерть, но эффективно. Полетит перья горелые чистить.

— Леопард поднатужится и легким движением ушей вырубает всю технику в округе. Электричество, например, кончится. Ворон покряхтит и дунет ураганом так, что все твои зенитки снесет еще до выстрела. Затем придет нечесаный бык, стукнет копытом о землю — и все, воронка вместо города.

— Так гранатомет никто не отменял, — неожиданно рассмеялся Саша. — Отобьемся. Но домой, увы, просто так действительно не вернешься. Проблемы будут.

— Да почему? — вспыхнул Румянцев. — Карта внешних путей — вот она, у Кинэна на столе лежит. Горностаи ставят и обслуживают внутренние пути, но не контролируют переходы на Старую Землю. Причина тут одна — традиция. Разделение сфер влияния. Основа граничит только с Элезией, так уж этот мир устроен. Невозможно построить переход из Ар Лессена на Старую Землю, потому что у них нет общей грани. Потому шеадры так

хаотично и раскиданы по землям, а в тех местах, где земли соприкасаются с большим количеством остальных, ставят целые шеадр-порты. Так вот, Горностаев никогда не пускали к внешней границе, потому что Ворон тут полный монополист. Но он не сидит в засаде перед каждым Порогом на Старую Землю. На самом деле никто Пороги не охраняет.

— На самом деле, за всеми Порогами идет наблюдение через Зеркала Стражи, — терпеливо поправил его Саша. — Все передвижения фиксируются, анализируются — кто, чей холоп, куда, с какой целью... А потом общая сжатая сводка ложится на стол Хэйгена, и он, поверь мне, их очень терпеливо и тщательно читает, все до последнего листа.

— Ну и что? — взорвался Румянцев. — Никто тебя ловить не будет, если ты идешь на Старую Землю, а не с нее. Трудность в другом — нам придется добираться по родному миру без документов, без денег, пешком, потому что выходы спрятаны в малолюдных местах, далеких от центров цивилизации. У разведчиков есть схроны-убежища рядом с порталами, главное — найти такой схрон, и мы вернемся.

— Так ты хочешь вернуться? — уточнил Саша устало. — Ты ж говорил, что тебе здесь нравится.

— Хочу, — отрезал Румянцев. — И не хочу.

— Не понимаю.

— Я могу точно сказать, чего я НЕ хочу. Я не хочу играть по их правилам. Возможно, я бы жил на оба мира сразу: не лишаясь моего родного и участвуя в жизни этого. Почему так нельзя? Потому что эта полубессмертная шваль запрещает? Так они мне никто, я не здесь родился.

Юлька услышала, как Саша вздохнул.

— Ну и представь себе эту беготню туда-сюда... В тайне ее не удержишь, а дальше...

— А что дальше? Нормальный такой контакт, уж договорились бы, как сосуществовать к обоюдной выгоде.

— Сомневаюсь, — отрезал Саша. — Слишком уж разный... менталитет.

— А еще я хочу отомстить, — продолжил Румянцев с горечью. — Тем, кто виновен в том, что мы здесь и не можем вернуться. Ты не сидел в Анг Миртской тюрьме, тебя не лупили ногами и шок бичами, добиваясь правдивых ответов. А ты не знаешь, что им сказать, потому что... у них тоже другой менталитет. Они тебе не верят и бубнят свое. А эти потом жалостливо на тебя смотрят и лживо сочувствуют... Бесит меня эта приторная доброжелательность и эти люди-нелюди, обычные и бессмертные.

— Двуликие не нападают на людей, — возразил Саша.

— Нападают. Не в столицах. Подальше от центров цивилизации.

— Забудь ты уже ту тварюку, — с досадой воскликнул Саша. — Тебя, небось, обычная собака напугала. Они, по сути, такие же люди. Здесь, в крепости, у меня половина Двуликих, если присмотришься. Отличные бойцы, кстати. Сильные, ответственные, дисциплинированные. Низкоразумные и дикие расы, да, они плодятся, и быстро. За ними следят, их популяции прореживают. Я сам это делал, и не раз. Это входит в обязанности Нагов.

— Обязанности Нагов, — с презрением произнес Румянцев. — Быстро они тебя приручили, раз ты уже о своих обязанностях перед ними думаешь.

— Меня, знаешь ли, не спросили, хочу я этого или нет, — разозлился Саша. — В один прекрасный день я превратился в змея и взлетел. Большой радости я от этого не испытывал, но мне объяснили, что обратно отыграть нельзя.

— Вот я и говорю — сломали жизнь. Поставили перед фактом, что теперь ты — тварюка. Играть можно только по их правилам. Всех правил ты не знаешь, тыкаешься, как слепой котенок. А они пользуются твоей неопытностью. Кольер лепит из тебя свой идеал Нигейра. Лануэль ищет союз со свежей силой, которая бы ее защитила, потому что она залезла аж на три чужих поля — Реваля, Даллаха и Эрлен, пытаясь откусить от каждого по кусочку. Кинэну нужны новые идеи и доступ к Старой Земле, а без хорошо прикрытой спины на территорию Ворона не сунешься. Эрлен и Вагабру ты нужен по той же самой причине. При этом они всегда будут играть втемную, потому что на самом деле сильный Нигейр им не нужен. Всем нужен ручной Нигейр, золотой дракончик на поводке. На деле они все — твои враги. Нет тут друзей, понимаешь? Ну может быть, временные союзники, и то — с большой оглядкой.

— Что-то я перестал тебя понимать, — буркнул Саша. — Змеем сделали меня, а психуешь — ты. Ты ж еще недавно говорил, что тебе нравится работа у Горностаев, и тебя все устраивает.

— Работа — нравится, окружение — нет. А еще, если помнишь, там были чужие уши, — фыркнул тот.

— Разве?

— Там была Юля, — напомнил Румянцев с раздражением.

— Ты ей не доверяешь?

— Даже не знаю... Посмотри, что они с ней сделали! Ведьма.

— Здесь говорят — дар, — сухо сказал Саша. — Его развивают и ценят. У нее сильный дар, и она очень правильно делает, что учится его применять. К тому же, она Крылатая, летает не хуже наших боевиков.

— Я и говорю — ведьма, — в сердцах бросил Румянцев. — Узнать сложно. Кто ее джмаровцам отдал, прямо к этой черной летучей ведьме в лапы? Почему ты ее не отговорил? Ты уверен, что все это хождение в Некрос безопасно для ее жизни и психики? Что все эти манипуляции с наэром пройдут для нее бесследно?

— Она не делилась подробностями о том, как попала в Саманданг, — парировал Саша. — А я не настаивал, мне было важно, что она нашлась и хоть немного мне доверяет. Но я точно знаю, что ей там нравится.

— Да ее спасать надо, — рявкнул Румянцев. — Ты посмотри, какой она стала! Злая. Расчетливая. Осторожная. Хитрая... Это уже совсем не та девушка, которую мы знали. Я в нее влюблен был когда-то...

Спасибо, Димка, подумала Юлька с горечью. Конечно, я изменилась. У каждого из нас на пути были свои ямы, в которые мы падали и выбирались. Тебя били. Мне достался Кольер с его жертвоприношением и Каррана с Самандангом. Тебе, видимо, встретилось по дороге слишком мало хороших людей. А жаль... Не знала, что ты был в меня влюблен. Прости.

— Не замечал, — сказал Саша сухо. — По-моему, перемены ей только на пользу.

Конечно, я уже не та наивная дурочка, что с завистью смотрела, как ты целуешься с Нэсте, подумала Юлька. Что-что, а защищать себя я научилась.

— Ты слишком занят своими змеиными обязанностями, чтобы смотреть по сторонам и хоть немного задуматься, — резюмировал Румянцев.

— Допустим, — согласился Саша. — Что ты предлагаешь?

— Меняться. Ты понимаешь, что ты сам — действительно сила? И что ты, при должном умении, можешь их всех раздавить?

— Не прокатит, — холодно констатировал Саша. — Стоит им объединиться...

— А зачем тебе бить в лоб? Их надо потихоньку, по одному, устранить. Вывести из игры. Сначала ослабить... Ты ведь знаешь, что Эрлен и Вагабр уже длительное время бегают в шкуре, теряя разум? Так не надо помогать им вернуться обратно. Я тут слышал краем уха, как эта черная ведьма просила тебя помочь поймать одичавшую рысь, пугануть ее страшным злым Аспидом. Так вот — не надо соглашаться. Пусть бегают. Чем дольше бегают, тем больше шансов одичать. Народ, из тех, кто верил, ее возненавидит и прикончит сам, если им немного помочь. А ты сможешь, если дашь им в руки правильное оружие — стрелы Некроса, например. Знаешь, как просто и изящно устранить любую из этих всемогущих тварей надолго, если не навсегда? Первый выстрел — стрелы стазиса, одна-две-три, столько, сколько нужно, чтобы обездвижить или замедлить. Второй — стрела с ядом, блокирующим ипостась, его дом Кошки изобрел, попросишь — Лануэль поделится. Далее — стрелы Некроса большой мощности. У тебя в Нагре их навалом, пустых. Заряжать надо. Вот пусть тебе наша собственная ведьма, которая якобы с нэром хорошо работает, их и зарядит. Засадить в тварь столько, сколько нужно по весу и по живучести. Тварь, конечно, вряд ли откинется окончательно, но будет валяться полудохлая, и уж двигаться точно не сможет. А дальше — как с человеком-носителем ипостаси: отделяешь голову от тела, берешь огнемёт, каким вы нэргов дожигаете, и сжигаешь останки. После этого оно уже не возрождается.

— Не уверен, — тихо сказал Саша. — Что он потом не возродится снова.

— А я уверен. Существуют примеры из истории. Когда-то давно Вечные убивали Вечных на поединках. Если противника убивали в зверином теле с отделением головы, он исчезал навсегда. Я пять примеров нашел, пока у Кинэна в архивной свалке рылся. Там, конечно, не видеосъемка с поля боя, но достаточно подробно описанные события. Хочешь конкретный пример?

— Хочу, — буркнул Саша.

— Еще в прошлом тысячелетии в Ар Иллиме было две хозяйки — Элианна Любовь и Далера Хозяйка Вод. Элианна правила на суше, а Далера — в океане. Они сильно друг друга не любили — две бабы, сам понимаешь, вечно срались, кто главнее — свет мой зеркальце скажи и все такое. Элианна однажды Далеру в гости пригласила, типа обсудить, как власть делить будем, а на берегу Иллирии, когда конкурентка всплыла и еще не успела перекинуться в человека, ее стрелами Некроса и утыкали, как ежа. А потом Вечная Любовь ее добила, отрезав голову и скормила остальные части акулам. А из чеоепка, говорят, сделала светильничек себе в спальню, любовников пугать. На малых островах, что подальше от столицы, говорят, до сих пор есть полуразрушенные храмы Хозяйки Вод.

— Ты серьезно предлагаешь мне заняться уничтожением Вечных? — спросил Саша почти шепотом. — Ты серьезно?

— Да. А ты думаешь, тебе дадут жить нормально и делать то, что хочешь? Даже не мечтай...

— Если они хотя бы заподозрят, упокоят меня-Нигейра так же, как когда-то упокоили предыдущего — объединившись в круг и соединив силы.

— Не упокоят, — расхохотался Румянцев. — Хотя бы потому, что для этого нужны все, а у них нет ни Наджара, ни Элианны. Да и не только поэтому... Никогда у них не было единства, кроме одного раза — вот того самого. И сейчас не будет. Кто-то все равно будет хотеть тебя в союзники. Та же Лануэль, например. А если ты таки найдешь свой Либрум, то тем более.

К тому же, здесь, в землях Ар Соль, есть подходящая сила, которую можно сделать союзником. Новая молодая религия, у которой пока немного сторонников, но они есть, и при правильной пропаганде их число будет расти. Слышал про Единого?

— Кольер что-то рассказывал, — поморщился Саша. — Вроде помню.

— Берешь на щит легенду о Едином, и пускаешь в массы — что это он сражается с демонами и их убивает. А демоны — вот они, по лесам в шкуре бегают, народ жрут. Вспомни, как на нашей родной старушке Основе мастерски научились массовым сознанием управлять. Интернета тут нет, зато есть огромное количество печатной прессы, нечто вроде радио через гворы и активное живое общение. Информационная среда аналогична нашей начала 20 века, или даже более поздней — как перед войной. Медийные технологии будут теми же, плюс нам не нужно ничего изобретать, все уже изобретено на старушке Основе.

— Ну хорошо, — опять согласился Саша. — Постепенно всех убрали, что дальше?

— Всех не нужно, — хмыкнул Румянцев. — Оставишь тех, кто будет тебе полезен и лоялен. У них можно сменить носителя ипостаси и приблизить новичка к себе. Я бы, например, оставил Золотую Саламандру — Реваля. В местных финансах черт ногу сломит, все защищено и закрыто так, что не подступишься. Оставил бы Феникса — он безвреден, все его честолюбие лежит в области искусства, а обновив ипостась, поставил бы его на службу пропаганды. Пусть пишет, рисует и поет про то, что нам нужно. Может быть, Кошку — домашний очаг, дети, учить-лечить... медицина пусть вся от Ширин и Даллаха к ней уйдет. Эти двое точно не нужны. Природа и без зеленых прекрасно обходится, а уж эксперименты с нежитью вообще никогда до добра не доводили.

Юльку затрясло. Что за дикий, сумасшедший план, откровенно пахнущий фашизмом! И ведь реально исполнимый... Более того, его уже начали исполнять, уже полпути пройдено! Она слышала, как Саша ходит по кабинету, начиная фразы и сразу же их обрывая. Его заинтересовало, подумала она с ужасом. Что-то его зацепило... На какую такую кнопку надавил Румянцев, что он не посылает старого друга к черту, объявив его план бредом обиженного гения?

— Допустим, я принял твой план. Кто первый?

— Ворон, конечно же, — удивился Румянцев. — У тебя есть другой, более опасный враг?

Рес ему не враг, подумала Юлька с отчаянием. Они этого не понимают. Они вообще не представляют, насколько он им не враг... Наоборот. Он бы помог. С возвращением бы точно помог, если бы мы твердо решили и попросили по-человечески.

— Меня больше беспокоит Ширин, — признался Саша. — Я не знаю, чего от нее ожидать. Я как-то более или менее понимаю Хэйгена, а вот ее... Она кажется мне гораздо опаснее. Она очень умна, терпелива и могущество у нее... своеобразное и не совсем нам с тобой, жителям другого мира, понятное.

Ширин выжидает, подумала Юлька. Она Саше не сочувствует, как Рес, но и бить не станет, пока не убедится окончательно, что он — зло.

— Она не так независима, — возразил Румянцев. — Хэйген плохо поддается влиянию, отлично контролирует ипостась, его не выведешь из себя. Ее же можно спровоцировать, она все-таки женщина. Ворона надо убирать любым способом, причем срочно. Сначала убрать хотя бы носителя ипостаси, а потом, когда возникнет молодой Ворон — и саму тварь. Молодого будет легче выманить.

— Его уже пытались убрать, — вздохнул Саша. — Предположительно Эрлен. Нс

неудачно.

— В человеческом облике стрелы Некроса берут всех. Потом — отрезать голову. Кстати, предыдущего так и убрали — любовница после секса башку отпилила. Плохо трахал, видимо, — сардонический смешок прозвучал странно, с интонацией, Румянцеву не свойственной.

Он говорит это не сам, неожиданно поняла Юлька. Там, на другом конце нитей — другой. Тот, кто подсказывает ему слова. Надо срочно увидеть, к кому ведут нити, именно сейчас у нее есть шанс...

Она толкнула дверь и вошла, не сообразив, что за дверью не было слышно ее шагов.

Мужчины резко замолчали. От волнения Юлька не сразу настроилась на Маар, создав неестественную паузу. Нити — густые, светящиеся, вибрирующие — она увидела сразу, но там, на другом конце канала, оказался не человек, а что-то темное и странное, какое-то чудище, далекое от человеческого облика.

— Ты подслушивала, — догадался Румянцев. — И давно?

— Не очень, — соврала она. — Вы с ума сошли, да? Дима, твой план — чистое безумие. После первой же попытки кого-нибудь убрать остальные встанут на уши и такую розыскную деятельность разовьют, что никому мало не покажется. Оно тебе надо?

— Осторожнее надо быть, — хмыкнул Румянцев. — И кстати — нашли они, кто по ним стрелами с ядом палит? Не нашли до сих пор. И Вагабра вернуть не могут. Так что... — он перевел взгляд с Юльки на Сашу и она увидела, что его лицо покрыто лихорадочным неровным румянцем.

— Саша, ни Ширин, ни Хэйген тебе не враги, — продолжила она, постепенно обретая уверенность. — Были б врагами — ты бы сейчас здесь не сидел. Какая-нибудь фигуристая айора, — тут она не удержалась и улыбнулась, — уже бы отрезала тебе голову.

— Она нас сдаст, — сказал Румянцев. — Той же Ширин.

— Не сдаст, — возразил Саша. — Зачем ей?

— А ничего что я здесь? — ехидно осведомилась она. — Вам не кажется, что вы невежливы?

— Черная ведьма покопается у нее в мозгах, — продолжил Румянцев настойчиво. — Без ее участия.

— Интересно, как это? — хмыкнула Юлька

— Все Вечные умеют приказывать, — бросил Румянцев. — Разными способами, но все. Сама все вывалишь.

— Вы серьезно считаете нормальными все эти дурацкие мечты о расчлененке? — разозлилась она. — Да вас прикончат на первом же этапе. Дима, хочешь домой — приди к Ворону и скажи прямо. Никто тебя не съест.

— Точно сдаст. Прикажи ей заткнуться, — бросил Румянцев Саше.

Юлька сделала шаг назад и попала под его взгляд — словно на гвоздь напоролась. Попытавшись отвести глаза, она вдруг поняла, что вязнет, словно в болоте. Стало тяжело дышать, движения замедлились...

А потом накатил страх. Тот самый, тошнотворный, муторный и хорошо знакомый страх, неоднократно испытанный ею в Карране. Ах ты гад, подумала она яростно, с трудом выравнивая дыхание и пытаясь вырваться из плена его взгляда. Змей несчастный. Питон Каа. Камня на тебя нет, так и пришибла бы.

— Запри ее в комнате, — сказал Румянцев. — Завтра решим, что делать.

В голове мутилось, и от обиды у Юльки из глаз брызнули слезы. Она хотела развернуться и уйти, но руки-ноги не слушались, а Саша перекинул ее через плечо, словно бесчувственную куклу, и с легкостью атлета понес вниз, к ее собственной комнате. Румянцева рядом не было — он остался в кабинете.

— Пусти меня, слышишь? — яростно крикнула она и поняла, что голос превратился в хрип.

— Отдохни пока, а завтра все обсудим, — спокойно ответил тот. — Дима, конечно, преувеличивает, но боюсь, ты случайно можешь делать какую-нибудь глупость.

— Идите к черту, идиоты, — огрызнулась она, чувствуя, что тело понемногу оживает, но опасаясь свалиться на пол. К счастью, он донес ее до комнаты, открыл дверь и аккуратно уложил на кровать.

— Остынь, — ответил он холодно и снова поймал ее взгляд. Юлька опять захлебнулась страхом, через который понемногу пробивалась знакомая ей злость, толкавшая ее на непредсказуемые поступки. Саша запер дверь снаружи и забрал ключ с собой. Она выкрикнула ему вслед несколько обидных слов, но он не вернулся.

В ярости она металась по комнате, пинала и стучала в дверь, надеясь привлечь чье-нибудь внимание. Можно было бы соврать, что она захлопнулась, что сломался замок... Но как назло, никто не заходил в эту часть замка. Через какое-то время она услышала шаги, и, попытавшись разглядеть в замочную скважину, кто это, узнала Румянцева, возвращавшегося к себе. Робот проклятый, марионетка... Как же ты позволил себя подчинить, неужели ты не чувствуешь, что твоими мозгами управляют, идиот ты пустоголовый. Но Саша-то каков! Только она рот против открыла, сразу же пустил в ход свои змеиные замашки. А сам — я не хочу быть Змеем, сила не моя, оно мне не нужно... Врун несчастный. Лицемер. Тварь. Аспид чертов.

И тут она вспомнила про крылья. Она давно уже не оставляла их на верхней площадке башни, боясь, что наги разглядят, что они профессиональные, с меткой мастера из Элезии, и начнут задавать лишние вопросы. Конечно! Она улетит. Из окна прыгать неудобно и рискованно, крылья не развернешь, придется делать это в полете, но это дело техники. И отваги.

Она кинулась к окну. Темнеет, но к счастью, день был солнечным, на небе — ни облачка, тепло, хоть и ветрено. Отличная летная погода, но надо торопиться. Хорошо, что третий этаж — есть запас высоты. Должно получиться. Может, лечь спать и улететь на рассвете? Нет, до утра она не дотерпит, зная, что тот, кто управляет Румянцевым, возможно, именно сейчас решает ее судьбу. Что если она не доживет до утра? Придут, прикончат, спрячут тело... И никто не спохватится.

Нет, надо лететь. Она заставила себя успокоиться, аккуратно собрала все ценные вещи, сложив их в наспинную сумку. Приободрившись, не спеша оделась, хорошенько утеплившись для дальнего полета. Добравшись до дома, она позовет Ширин через Маар и попросит совета и помощи. Тут ей не сосредоточиться, страх от Сашиной психической волны и близость управляемого каким-то мерзавцем Румянцева мутила ей разум. Сначала надо вернуть себе свободу.

Надев крылья, она уверенно распахнула окно. Хорошо, что окна здесь высокие, с широкими подоконниками, можно встать в полный рост. Крылья она раскрыла заранее, а забравшись на окно, прижала к бокам летные поверхности и, шагнув вперед, сразу же развела их на полный размах, и, радостно взмыв вверх, плавно стала набирать высоту, огибая

замок и разворачиваясь на Карху, к шеадру на Саманданг.

Она не учла только одного — что выбранный ею полукруг ведет мимо башни Аспида. Мельком увидев Сашу в окне его любимого зала, она панически перепугалась и максимально выкрутила регулятор гравидиска, задавая себе предельную скорость. Скорее всего он не обратит внимание на очередного Крылатого, пролетающего мимо замка, а если и обратит, то вряд ли всмотрится... Но лучше ускориться.

Уже снижаясь над Кархой, она поняла, что ошиблась. Там, вдалеке, в пепельном и алом закатном небе, на нее стремительно мчалась золотая молния. Расстояние быстро сокращалось. Юлька поняла, что даже если она успеет проскочить через шеадр, он благополучно нагонит ее в Саманданге.

От волнения она неудачно приземлилась, ударившись коленками о высокие ступеньки. Хромая и сглатывая злые слезы, она ввалилась в пустой шеадр и остановилась перед картинками. Шеадр трех столиц — Рузанна, Саманданг, Элласар.

Элласар. Там, если проскочить весь этот огромный, полный цветов и старинных статуй парк, на самом краю стоит неприметная ступенчатая пирамида старейшей постройки. Так строили еще до раскола земель служебные шеадры Стражи. В одном из них — картинка с маленьким городком на фоне белых скал на ярко-синем небе, с фигурой ворона, реющего над крышами домов.

Альбре. Неудобно, конечно, опять сваливаться Ресу на голову вечером и без приглашения. Но он мудрый. Он поймет.

Глава 7. Джана

Я терпеливо заряжал визоры, сваленные на кипу финансовых бумаг, до которых еще только предстояло добраться, когда Нвер позвонил мне снизу.

— Мастер, к вам Джана. Примете?

Рыжая? Что ей здесь нужно под вечер, мы вроде бы договорились, что в башне охранять меня не надо, здесь есть Нвер, да и сама башня — место силы Ворона — достаточно надежна. Или ей поговорить захотелось?

Я с тоской посмотрел на визоры. Вся эта куча предназначена для Анг Мирта и Основы. Можно отдать их мастерам Стражи, сославшись на занятость, пусть штатные специалисты сил и стихий их заряжают, но они ж тогда в три раза меньше проработают, и их снова придется переустанавливать и сдавать на зарядку. И бумаги, демон их разбери, наши сделки за последний месяц и две очень важные будущие... Ладно, черт с ним, со сном, достаточно пары-тройки часов, чтобы голова прояснилась, а физические силы и так восстановятся, когда утром полетаешь.

— Пусти, — согласился я. — И сделай нам, пожалуйста, кофе. Мне — чашку побольше и покрепче.

Через минуту дверь кабинета открылась и девушка, одетая в плотно облегающие брючки и курточку, уверенно пересекла пустое пространство и остановилась у моего рабочего стола, заваленного папками и визорами.

Чтобы сгладить неловкость, я выбрался из-за стола, чувствуя, как затекла спина от длительного сидения в одной позе, и пересел в кресло у камина, жестом предложив ей занять второе. Она очаровательно улыбнулась и, грациозно опустившись в него, закинула ногу на ногу и кротко взглянула на меня.

— Простите, Верховный, что отрываю вас от работы, — вздохнула она. — Я хотела попросить у вас разрешения отсутствовать завтра и послезавтра. Мне надо появиться дома, у родных.

— Конечно, — согласился я. — Иди, если нужно.

— Я бы хотела знать, кто меня заменит, чтобы дать ему инструкции, — продолжила она.

Я пожал плечами.

— Никто. Сам справлюсь.

— Так нельзя, — заволновалась девушка. — Вы останетесь без охраны.

— Ну жил же я раньше без охраны, — хмыкнул я не без удивления. — До сих пор живой. На завтра подвигов у меня не запланировано, так, обычная рутина. С утра — как обычно, час у Пауков на планерке, завтра — в Восточной Страже. Потом — Кэммон Ар, надо посмотреть на один тамошний шеадр, у которого ни Горностаи, ни наши не могут определить, в чем причина сбоев. Затем встреча с главой элласарского магистрата по финансовым вопросам. Во второй половине дня лекция в университете Рузанны. После, наверно, надо к Ширин заскочить, она уже три дня просит о личной встрече. Вечером вот это, — я кивнул на стол, — доделывать. Ну, где ты видишь опасность? — я улыбнулся со всей возможной беспечностью, всем своим видом подчеркивая, что беспокоиться не о чем.

Джана покачала головой.

— Везде. Вы много времени проведете в окружении посторонних людей, часть из

которых наверняка настроены недружественно.

— Студенты особенно, — рассмеялся я. — Предмет такой. И я совсем не похож на старенького подслеповатого профессора, который спустит им небрежение и прогулы. Особенно в Рузанне, где учится немало детишек местной знати, а там лентяй на лентяе.

— Вечный Реваль, которому я служила раньше, никогда не выходил из дома без одной из нас.

— Реваль — другое дело, — бодрым голосом заявил я. — Он изначально немолод и он не боец. Если кто-нибудь захочет всадить нож ему в спину, вряд ли он успеет обернуться. Ему осторожность только на пользу.

Вошел Нвер, неся кофейник, чашки и немного печенья. Она поблагодарила его и меня, и, поменяв позу, принялась пить кофе мелкими глотками, чисто по-шамальски, отламывая от печенья маленькие кусочки. Взгляд ее то и дело скользил по мне и отдергивался, словно от чего-то опасного.

— Так нельзя, — повторила она твердо. — Возьмите кого-нибудь из Пауков в качестве сопровождения.

— Хорошо, — кивнул я, соглашаясь. — Можешь предложить мне кандидатуру?

Она назвала два имени, и я мысленно пообещал устроить этим парням доскональную проверку. Хотя... кажется, это уже паранойя.

Взгляд ее перескочил с меня на каминную полку с карикатурными фигурками Вечных.

— Можно посмотреть? — попросила она.

— Пожалуйста.

Грациозно поднявшись, она подошла к камину и стала бережно перебирать фигурки, улыбаясь и иногда отпуская забавные и меткие замечания.

— Они что-нибудь значат?

— Нет, — усмехнулся я. — Просто коллекция. Собирал не я — предшественники. За все время в шкуре Ворона я даже ни разу ее не пополнил. Видимо, мне не хватает чувства юмора.

Она мягко улыбнулась, развернулась ко мне, и, поймав мой взгляд, постаралась удержать его, глядя пристально и серьезно. Мне не понравилась ее игра в гляделки, и я схватился за спасительную кружку с кофе.

— Здесь так необычно, — сказала она, переводя взгляд на книжные полки. — Вечный Реваль живет в роскоши. Вы — аскет.

Я пожал плечами.

— Мне удобно. Привык.

— А можно подняться на верхнюю площадку? — попросила она с хитрым выражением лица, напомнившим мне любопытную кошку, сующую нос в кладовку.

— Можно, только ты замерзнешь, — вздохнул я, отметив, что ее тонкие брюки и курточка ничего не скрывают, а скорее, подчеркивают то, что под ними. Отыскав плед, я накинул его ей на плечи и подтолкнул к узкой двери на внутреннюю лестницу. Пока мы поднимались, я вспомнил, как чуть больше месяца назад показывал башню другой гостье, и это воспоминание отозвалось во мне болью и тоской. Сейчас все было бы по-другому, если бы я тогда... решился. Но мне казалось, что я сломаю то хрупкое доверие, что тонкой ниточкой установилось между нами. Утром я позорно сбежал, боясь посмотреть Юльке в глаза и увидеть там равнодушие или разочарование. Ни того, ни другого я бы не пережил.

Там, наверно, как всегда завывал ветер. Джана с любопытством обошла площадку по

кругу, полюбовалась звездами, повосхищалась океаном и, замерзнув, запросилась обратно. Спускаясь за мной по лестнице, она оступилась, и я вынужден был ее подхватить. Повиснув на мне, она не спешила отодвигаться, пока я сам не поставил ее на ступеньку, показав, что у лестницы есть перила.

Спустившись обратно в кабинет, она остановилась у камина, аккуратно сложив плед и бросив его на кресло.

— Скажите, Верховный... вы не чувствуете за собой слезку? — спросила она с очаровательной серьезностью, опять пристально глядя мне в глаза, словно пытаюсь загипнотизировать.

— Нет, — ответил я. — А должен?

Она вздохнула.

— Незадолго до той стрелы, что заперла его в облике Вечного, Реваль жаловался, что все время ощущает нечто, похожее на взгляд в спину. Он сравнивал его со слабым касанием, будто ладонью мазнули.

Я задумался. Среди других портретов Альсар упоминал и Реваля, значит, скорее всего, за ним тоже следили с помощью Зеркала. Некоторые люди действительно способны ощутить наблюдение, но никто обычно не догадывается, в чем дело.

— Возможно, я не обратил внимания. Возможно, ты права, и я беспечен. Но, боюсь, перевоспитывать меня уже поздно. А что именно тебя беспокоит?

— За последнее время вас неоднократно пытались убрать с дороги. Да, неудачно, но неужели вы думаете, что они оставят свои попытки? — она медленно и плавно приблизилась ко мне, и меня вдруг волной накрыла паника — а что, если именно это она и собирается сейчас сделать? Если у нее при себе нож или длинная игла с ядом... Я отшатнулся назад, наткнулся бедром на собственный стол и потерял равновесие, отчего часть наваленных на него визоров с грохотом посыпалась на пол и я едва не упал, споткнувшись об один из них. Джана скользящим движением взяла меня за руку, снова ловя и удерживая мой взгляд.

— Наверно не оставят, — вздохнул я, понимая, что отступить некуда. — Мне не угадать, каков будет их следующий ход. Противник у нас умный и хорошо подготовленный. Но прятаться и сидеть взаперти из-за этого я не буду.

— Всего лишь быть чуточку осторожнее, — мурлыкнула она, положив руки мне на грудь и нежно проводя по ней кончиками пальцев. — Я могла бы быть рядом не только днем.

Ага. Вот мы и добрались до самого интересного.

Это она искренне, или у нее такое задание — совращение великовозрастного Ворона?

Любопытно, что ей на самом деле нужно? Может, поддаться ее чарам и посмотреть, что произойдет дальше? Дать ей себя увлечь, провести с ней ночь и посмотреть, как она поведет себя и о чем попросит... Сколько же их было, этих случайных и бессмысленных ночей, освещенных недолгим удовольствием и не оставивших после себя ничего, кроме пустоты и отвращения к самому себе, к партнерше, к жизни... Как же оно надоело. Голод вечного существа накатывает волнами, приходит и уходит, и на пике его трудно бывает сдерживать. Хорошо, если рядом есть любимая женщина, с которой эту вспышку можно разделить. Но после гибели Марты меня все время терзал страх. Лани появилась десятилетием позже и какое-то время скрашивала мое существование, но ее кошачья сущность не давала ей быть верной, а я не мог делить ее с другими. А позже и интересы разошлись — она пыталась

втянуть меня в интриги Ар Лессена и Вечных, имеющих на этой земле свои домены, увлекшись очередным этапом нашего традиционного соперничества, а я только что получил прививку от интриг на всю жизнь.

В этом смысле я такой же объект для манипуляций, как и бедный неопытный Нигейр Алекс — всем нужен сильный союзник с бесконечным запасом прочности и влияния, и мало кого интересует обычный человек с его страхами и слабостями.

Пока я раздумывал, одна рука рыжеволосой соблазнительницы обняла меня за шею, а вторая скользнула ниже пояса. Ну, тут я всегда быстро реагирую, и от опытных дам этого не скроешь. Отстраняться, кажется, уже поздно... да и неудобно... да и не хочется...

Ну и как я ее теперь за дверь выставлю, когда сам...ох... не в состоянии сопротивляться... под курточкой то у нее ничего и нет... А, будь что будет... Будем считать это боевой операцией по выманиванию противника из окопов. Остаться здесь или спуститься в спальню? Вниз идти уже не хочется, а этот диван все стерпит...

Неожиданно тенькнул гвор — предупреждающий сигнал от Нвера, что ко мне идет еще один посетитель, и я отчетливо услышал, что кто-то быстрым и уверенным шагом поднимается по лестнице. Кто-то свой, раз Нвер пропустил. Не вдаваясь в объяснения, я быстро поднял мою уже почти раздетую соблазнительницу, завернул в плед и выставил за дверь, на лестницу, ведущую на верхнюю площадку, велел ждать беззвучно и вообще дышать через раз. Поспешно застегивая все, что она успела на мне расстегнуть, я опять налетел на угол стола тем, что пониже пояса, погасил вопль боли и рухнул на визоры, и они посыпались со стола, словно горох, раскатившись по всему кабинету. Так меня и застал Шандр — со стиснутыми зубами, одной рукой собирающего на коленях закатившиеся под кресло «паучьи глаза», а другой судорожно запихивающего рубашку в брюки.

Первые несколько мгновений он молча помогал мне собирать визоры, пока я старался незаметно отдышаться и разомкнуть судорожно сжатые челюсти. Обнаружив две чашки на столике у камина и быстро обежав глазами кабинет, он бросил на меня вопросительный взгляд, но я вовремя успел повернуться к нему спиной, чтобы не отвечать, и поспешил занять свое законное место в кресле за рабочим столом.

— Полчаса назад у нашего шеадра я столкнулся с Юлей, — начал он вполголоса. — Она спасалась бегством из Наган-Карха.

Меня аж подбросило на месте.

— Что случилось?

— Говорит, подслушала один очень странный разговор. Рвалась к тебе, предупредить об опасности, но мне показалось, что она уже на ногах не стоит от усталости. Я отвел ее в нашу гостиницу при куполе Стражи и приставил охрану.

— Я сейчас буду, — кивнул я, мысленно благодаря все силы мироздания за то, что они послали мне Шандра, за то, что он так вовремя вышел из штаба Пауков и перехватил ее и даже за то, что я ударился причинным местом и мгновенно отрезвел. И за то, что у меня есть повод быстро и почти прилично завершить дурацкую историю.

— Уже лечу, — сказал я и Шандр, кивнув, вышел из кабинета. Подождав, пока он уйдет, я позвал обратно грустно сидевшую на ступеньке Джану.

— Извини, — старательно изображая разочарование, вздохнул я. — Небольшое ЧП. Не знаю, когда вернусь. Давай отложим обсуждение вопроса моей безопасности до... до лучших времен. Нвер отвезет тебя в город.

— Я на крыльях, — сказала она. — Они внизу, в прихожей.

— Хорошо. Спокойной ночи, — лицемерно пожелал я и побыстрее рванул на верхнюю площадку.

Когда я вломился в гостиницу, обогнав Шандра, бедняга Юля крепко спала, свернувшись калачиком на диване. Рядом на полу валялись крылья и сумка с вещами. Посидев рядом с ней с надеждой, что она проснется, я дождался Шандра.

— Останусь-ка я, пожалуй, здесь, — заявил я, когда мы вышли на крыльцо, решив не будить девушку и дать ей хорошенько отдохнуть, обсудив подробности завтра.

— Раз никто сюда не появился в течение получаса, значит ее перемещения не отследили, — сказал Шандр. — И ты можешь спокойно возвращаться домой, — видя, как я поморщился, он усмехнулся. — Надо было ее сразу выставить, а не ждать, пока она начнет хватать тебя за... — он сделал неприличный жест.

— Ты-то откуда знаешь, — проворчал я.

— Нетрудно догадаться. Она давно к тебе примеривалась, только ты этого старался не замечать.

— Я лучше тут побуду. На всякий случай, — повторил я твердо. — Надеюсь, у них найдется еще одна комната для своего Верховного.

И тут я вспомнил про визоры. И бумаги. И тяжело вздохнул. Придется вернуться для того, чтобы забрать и доделать хотя бы часть...

Когда Юлька закончила свой сбивчивый рассказ, Рес и Шандр многозначительно переглянулись.

— В общем-то, большую часть этих планов мы уже знаем, из других источников, — заговорил Шандр. — Но тут все как на ладони. Одно к одному.

— Анг Мирт только не вписывается, — буркнул Рес, помятый и не выспавшийся. — С его демонами и злобной тварюкой на месте Единого. Кстати, Илар уже отправил портреты нашим разведчикам, или еще нет?

— Вчера во Фрейфен ушел курьер, — кивнул Шандр. — Обратная связь через визор. Кстати, на всякий случай я положил туда портрет Эрлен. Женщину нужно тоже попробовать опознать.

— Надо было еще Лани добавить, — зевнул Рес. — Раз она в Наган-Кархе крутится, тоже может быть причастна.

— А что такого есть в Анг Мирте, чего нет и невозможно взять здесь? — спросила Юлька, переводя взгляд с одного на другого.

— Демоническая часть Вечных, — ответил Рес.

— Размыкатели Грани и резаки пространства, от которых горит и плавится все живое, — почти одновременно с ним сказал Шандр.

— Техника, которой нет в Ар Соль и которая способна вас запугать, потому что вы не умеете с ней справляться, — резюмировала Юлька.

— Умеем, — возразил Рес.

— Ты умеешь, — поправил его Шандр. — Силой Вечного. Поэтому, если тебя убрать, нашествию из Анг Мирта будет нечего противопоставить.

— А это способ всех вас шантажировать, — опять подытожила она.

— Твоя совратительница права, — Шандр толкнул в бок прилегшего на стол Хэйгена. — Тебя опять хотят убить. Пожалуй, стоит запереть тебя в башне и приставить телохранителей. Или лучше телохранительниц?

— Не дождетесь, — буркнул Рес, зевая во всю глотку. — Если она еще раз ко мне сунется, я ее сожру. В прямом смысле.

— А что случилось? — спросила Юлька, с трудом сохраняя серьезность.

— Хотя нет, — проворчал он с отвращением. — Там есть нечего, одни кости.

— Его вчера чуть девственности не лишили. Еле убежал, — съязвил Шандр. — Поэтому я против того, чтобы вы, Юля, жили в его башне, как он хочет. Во-первых, она не предназначена для обитания нормальных людей, там неудобно любому живому существу, кроме, собственно, Ворона. Ему там комфортно, потому что он входной дверью почти не пользуется. Во-вторых, он за последний год превратился в мишень, в которую чего только не попадает. Риск существенный... В-третьих, несмотря на то, что башня в стороне от города, жители все равно поглядывают в ту сторону и охотно сплетничают. Заметят, пойдут слухи, и ваше местонахождение может стать достоянием гласности. Я настаиваю, чтобы вы остались здесь, в гостинице Стражи, под нашей охраной.

Рес досадливо поморщился.

— Да плевать на слухи, — фыркнул он. — В башню ни одна сволочь не сунется, даже вечная. А здесь всегда много разного народа по делам приезжает.

— Народ разный, но свой, — возразил Шандр. — Если что, поднимут тревогу и дадут отпор. Посторонних здесь нет. Только Пауки, Стражи, Следопыты — дети Ворона. Предупредим, чтоб были настороже. Чужих будем проверять особенно тщательно.

— А мне что делать? — спросила Юлька с грустной миной на лице. — Сидеть взаперти? — в голосе ее послышалась тоска.

— Давай вместе слетаем к тебе в университет, — предложил Рес. — Одной рискованно, вдруг тебя там ждут люди Алекса Наверняка же там у тебя какие-нибудь зачеты впереди. Попроси дать тебе индивидуальную программу подготовки. Если я все-таки сегодня доберусь до Шейлы, этот вопрос решится одним ее звонком в школу. Она рассказывала, что вы прекрасно научились контактировать через Маар, поэтому с вопросами можешь обращаться прямо к ней. Ну или ко мне, если тема мне по силам.

— Неудобно вас отвлекать, — вздохнула Юлька.

— Его — удобно, — вмещался Шандр. — Вы, Юля, оказываете на него исключительно положительное влияние.

Рес проигнорировал это замечание.

— Ты говорила, у тебя хорошо получается зарядка концентраторов? — она утвердительно кивнула, и он продолжил. — У нас тут навалом работы, штатных элементалов для этого дела всегда не хватает. Тебя можно даже официально нанять, как студента-практиканта, чтобы доход шел.

— Стрелы Некроса заряжать? — с упреком переспросил Шандр. — Ты не спятил?

— А почему нет? — заинтересовалась Юлька. — Я ж не пробовала. Интересно же!

— Штатные визоры, например.

Шандр уронил голову на руки.

— Юля, эта наглая тварь хочет свалить на вас свою работу.

— Моя работа — визоры и Зеркала дальнего действия, работающие через несколько Граней, на Старой Земле, в аномальных зонах и так далее, — огрызнулся Рес. — Я про обычные глазки для видеозаписи.

— А, так я пробовала уже, — рассмеялась Юлька. — Я на свой «глазок» лекции все время записываю, когда спать хочется, или препод нудный попадется. А у него ресурс какой-

то маленький, неделя — и ондохнет, надо менять. Хотя они дешевые... а так зарядишь заново — и снова пишешь.

— Это не ресурс, это емкость кончается, — пояснил Рес. — Эти, для общего пользования, примитивные, как доска. У нас другие, сложнее. В общем, дело найдется, — заверил он. — Можно еще время от времени отправлять тебя в Нуэйн, чтобы сбить и запутать возможных наблюдателей. Там тоже интересно, например, по мастерским походить, посмотреть, как те же щиты, концентраторы и стрелы Некроса делают.

— Это тебе интересно, — покачал головой Шандр. — Ты себя с девушками не пугай.

— Мне тоже, — заварила его Юлька. — Я согласна на все. А еще ... мне всегда хотелось полетать над океаном, вон над теми островами, что виднеются с берега. Пока я тут, в Альбре, жила, мечтала туда наведаться, но не сложилось. Там все время обретался один страшный черный ворон, — хихикнула она.

— Он и сейчас там обретается, — заверил ее Шандр. — Время от времени. Такой же страшный и черный. Погода, к сожалению, уже холодная для юных любительниц экстрима.

— Со мной — можно, — авторитетно заявил Рес. — Я каждый день летаю по утрам. Если встанешь часиков в шесть — присоединяйся. Позже, к сожалению, никак — дел много. Рискнешь?

— Рискну, — решительно кивнула она. — Когда?

— Да хоть завтра, — ухмыльнулся Рес. — Только оденься теплее, ветра нынче действительно холодные.

— И еще, пожалуйста... — заговорила она после короткой паузы. — Можно как-нибудь спасти Румянцева? Он же сам не свой... Мне показалось, местами у него даже голос другой был, когда он это все Саше излагал.

— Разберемся, кто за этим стоит — попробуем, — пообещал Шандр, но Рес только покачал головой.

— Не знаю, — сказал он тихо. — Я не уверен. Тот демон в Мааре... у него были все шансы стать мной, он каждый раз убивал меня, пока я не собрал сам себя по кусочкам и не раскрошил на части его, — он поежился и Юлька поняла, что ему неприятно об этом вспоминать. — Ширин считает, что у демонической половинки при постоянной подпитке кровью и эмоциями извне есть все шансы вытеснить твое сознание и захватить твое тело. А у тех, на кого сделали управляющий слепок, появляется в Мааре что-то вроде двойника... В общем, я не знаю, что будет с разумом человека, если его постоянно держать на поводке и что-то приказывать, подавляя его истинную личность. Это как Двуликого в шкуре держать. Человеческий разум подавлен, замещен разумом хозяина... прости, Юля, я не могу тебе этого обещать. Боюсь, это может оказаться не в моих силах.

Она печально кивнула.

— Я понимаю.

Глава 8. О жестоких уроках

В Рамьене стоял удивительно теплый, безветренный, солнечный осенний день. Деревья все еще хранили желтые и красные, еще не полностью опавшие листья, но в воздухе уже пахло первым морозцем. Я с удовольствием сделал несколько кругов над замком и над его обширным, ухоженным парком, и неохотно направился в сторону примыкавшего к нему древнего леса, усыпанного по опушкам деревеньками Дзуликих. Спокойная, полноводная в эту пору речка рассекала его на две неравные части.

Я только что вернулся из Рузанны, где мы с Шандром, Амиром и молодым мастером зеркал отыскивали и осмотрели здание, в котором находились Зеркала, следившие за Вечными. Здание пустовало, явив нам следы поспешных сборов, разбитых зеркал и стертых настроек, но Амир по остаточным следам сумел восстановить часть данных. Следили за Даллахом, Ширин, Эрлен и Гевором. Опросив жителей окружающих домов, мы узнали, что здание было покинуто через день после конкурса мастеров.

— Утечка, — мрачно заявил Шандр. — Знаешь, кто меня насторожил? Вейдр, глава мастеров Путей Южного Ферта, у нас он всего несколько лет. В его биографии есть любопытный штрих... До нас он работал на Горностаев. Помнишь, ты говорил, что почерк мастера, ставившего шеадры, не наш? Вейдр перешел к нам из Ледеры, причина проста — здесь лучше условия и график работы. Учился в Рузанне. На конкурсе его не было, зато, расспрашивая меня о заданиях и результатах, он фактически проговорился, что задача с неправильным преломлением — это путь в Анг Мирт. Никто, кроме нас троих, этого не знал. Я добавил его портрет в пакет с изображениями, которые мы отправили в Анг Мирт для опознания.

— Хорошо, что добавил, — кивнул я. — Если он причастен... Пусть не надеется, что предательство сойдет ему с рук. Я из него душу вытрясу.

Отыскав сверху белого леопарда, я спустился пониже и двинулся за ним, следя, как он мелькает в чаще, то и дело замирая и прислушиваясь. Невозможно заметить сверху серо-рыжую рысь, подумал я с раздражением. Только время потеряю. Зря я поддался на уговоры Ширин, которая употребила все свое красноречие, чтобы втянуть меня в попытки вернуть Эрлен человеческий облик. Я не испытывал к Эрлен Энии ни сострадания, ни жалости. Пусть другие принимают участие в ее судьбе.

Мы с Гевором договорились, что для начала попробуем найти ее и выгнать из леса в сторону сетей-ловушек, установленных Грейгом, главой Дзуликих Ар Лессена, в тех местах, где ее заметили. По его словам, она все время бродила вокруг замка по ночам, неоднократно выходила в парк и даже приближалась к стенам, но на все попытки позвать или подойти к ней рысь злобно щерилась и убегала обратно в лес.

Пройдя над верхушками деревьев, я поднялся повыше в небо, издали оглядывая почти прозрачный лес. Кого из нас ещё не тронула эта напасть? Кинэна, но он всегда очень осторожен, пожалуй, даже труслив, недолголюбивая свой облик небольшого и юркого, но далеко не такого сильного Горностаев. Я, пожалуй, даже не помню, когда в последний раз видел его в вечном облике. Давно... Очень давно. Лануэль, которая тоже всегда отличалась осторожностью и аккуратностью, и которую я лично предупредил одной из первых. Альсара, но в него стрелой еще попробуй попади — он непоседлив и подвижен, боюсь, ни у одного стрелка не хватит ни терпения, ни скорости уследить за ним. И, наконец, Нигейра... Если,

не дай бог, его личность окажется запертой в теле только недавно воплотившегося Аспида, мы получим такую головную боль, что никому мало не покажется.

Очнувшись от печальных размышлений, я обнаружил, что потерял Гевора из виду и решил снизиться над речкой, вдоль которой вытянулась очередная деревушка. Красивые, душевные места... Почему я здесь никогда не летаю? Эрлен не поймет, увидев меня в небе, и расценит мой полет как угрозу. Мне даже не хочется думать, что она может предпринять в отместку.

Уменьшившись до размеров крупного ворона, я сел на забор одного из окраинных домов и принялся оглядываться, присматриваясь к местным жителям. Кажется, деревенька смешанная, но локки тут явно больше остальных. Они вообще очень уживчивые, могут сосуществовать с любой из Двумиких рас, хорошо приспособившись и в городах, и на природе.

Прямо передо мной с визгом носились ребяташки, играя в прятки, и я с удовольствием наблюдал за ними, пригревшись и расслабившись на солнышке. Один шустрый тощий мальчишка залег в жухлую траву под скамейкой слева от меня и замаскировался, подтянув на себя обломок доски. Девочка, которая водила, быстро нашла его, но он не хотел вылезать, дразня её, смешно и беззлобно обзываясь и хватая ее за ноги. Когда он наконец-то выбрался из-под скамейки, я стряхнул с себя сонное оцепенение и собрался уже было улетать, отправившись на поиски Гевора и считая нашу миссию проваленной, и тут неожиданно заметил, что от мальчишки сильно фонит фэйром. Дар, и, похоже, сильный, раз виден уже сейчас. Хотя именно в подростковом возрасте он начинает проявляться, и зачастую достаточно ярко. Их, будущих элементалов, так и находят — по первым подростковым вспышкам.

Все ещё настроенный на восприятие стихий, я оторвал взгляд и вдруг заметил прямо напротив меня сияющее желто-зелёное пятно. Эгри и рох. Вот она, Эрлен. Я переключил восприятие и увидел её на опушке леса, под деревом, притаившуюся за усыпанными красными листьями кустами. Она явно собралась охотиться. Мальчик, пылающий фэйром, притягивал ее нечеловеческую сущность, а возможно, и остальные дети — легкая добыча для одичавшей рыси.

Я не на шутку испугался. Она ведь может напасть в любой момент, прямо среди бела дня, и местные никак не успеют среагировать, попытавшись отогнать ее, да и, узнав ее по облику — а она значительно крупнее обычной рыси и глаза у нее особенные — человеческой формы, изумрудно-зеленые и чуть светящиеся, могут испугаться и отступить, дав ей исполнить свое дело. Надеюсь, что она полностью сосредоточена на предмете охоты и не обращает внимания на окрестных птиц, я на всякий случай переместился к ней поближе, прямо на дерево, под которым она сидела. Если она бросится на детей, я быстро вырасту и упаду на нее телом, прижав к земле, а может быть и зацеплю когтями, подыму в воздух и оттащу в Рамьен, в клетку.

Но она сидела, не шевелясь, и смотрела, как они играют. Даже когда один из мальчишек оказался в нескольких шагах от нее, она его не тронула, а лишь осторожно попятилась и легла, укрываясь в траве.

Она просто наблюдала за детьми, вовсе не собираясь ни на кого нападать.

Дочь, вдруг понял я. Она ищет свою дочь.

Снявшись с дерева, я рванул в Рамьен.

Гевор где-то потерялся, а мне стоило огромных усилий уговорить Грейга отпустить со

мною очаровательную зеленоглазую и пепельноволосую девочку. Он мне не доверял — неудивительно, после стольких-то лет рядом с Эрлен, поносившей меня на чем свет стоит. В конце концов я разозлился, поймал его взгляд и приказал ему привести девочку. Не сразу, но он подчинился.

Девочку звали Лери, и мне пришлось взять вимму, чтобы вернуться туда, где я видел Эрлен. Я очень боялся, что она покинула ту опушку, но к счастью, когда я посадил вимму на соседней улице и огляделся, там, на окраине деревни, за деревьями все еще маячило желто-зеленое сияние. Мы с Лери медленно подошли и сели на ту же самую скамейку, под которой недавно прятался пацан. Я всматривался в жухлые заросли по-осеннему сухой травы, ловя малейшее движение. На всякий случай я был готов обернуться в любой момент и закрыть ребенка крыльями, если реакция одичавшей Рыси окажется неадекватной.

Некоторое время мы сидели в одиночестве — ребятишки, игравшие на поляне до этого, разбежались по домам. Лери напряженно смотрела прямо туда, где мне уже виделись очертания крупной рыси. Потом она вдруг спросила:

— А мама нас видит?

Я растерялся. Наверняка и видит, и слышит, и запахи чувствует.

— А ты ее видишь? — спросил я

— Вон она, — девочка махнула рукой. — Давай подойдем?

Я взял ее за руку и медленно, не сводя взгляд с дикой кошки за деревьями, пересек опушку, оказавшись прямо напротив нее. Рысь шевельнулась, высунула морду из травы и уставилась на девочку своими странными получеловеческими глазами. Лери подошла к ней без малейшего страха или смущения, и, раздвинув траву, крепко обняла ее за шею. Рысь замерла и зажмурилась...

— У нее ошейник! — вдруг воскликнула девочка, отстраняясь и возмущенно повернувшись ко мне.

Все еще настороже, я приблизился к Эрлен. Перед моими глазами предстало печальное зрелище — грязная, отощавшая кошка таращилась на меня помутневшими глазами. Пепельная с рыжими оттенками шерсть, ранее густая и красивая, потускнела и уродливо свалась. На шее обнаружился металлический, с множеством мелких красных кристаллов, ошейник.

— Отвлеки ее, — попросил я девочку, и она снова обняла рысь за шею, принявшись гладить ее по спине, а та аж зажмурилась от удовольствия. В этот момент я осторожно протянул руку и пощупал ошейник. Со стороны он выглядел как обычный ошейник для удерживания Двуликих в шкуре, но когда я присмотрелся повнимательнее, то понял, что на деле он представляет собой полноценный концентратор, кристаллы которого заряжены наэром, ее антагонистичной стихией. По-видимому, он не только не давал ей принять человеческий облик, но и высасывал силы.

Отодвинув Лери в сторону, я стал искать на ошейнике замок. Вот он, сложное сочленение, требующее специального ключа. Мне такой не открыть... Тут нужен Гевор, способный за несколько минут вскрыть любой механизм. Где же он шляется?

— Ты не испугаешься, если я ненадолго оставлю тебя с ней? — спросил я Лери.

— Конечно нет, — удивилась она очень по-взрослому. — Это же моя мама.

— Никуда не уходите, — сказал я максимально строгим голосом. — Я приведу того, кто сможет снять ошейник.

Гевор нашелся не сразу — его занесло аж на противоположную окраину леса.

— Хитрая штука, — задумчиво пробормотал он, осматривая ошейник. Рысь, сидевшая до этого неподвижно и покорно, увидев его, зашевелилась и заворчала. — Так просто и не снимешь.

В конце концов он снял его, заметно манипулируя силами. Эрлен вздрагивала и щерилась от его действий, но вырваться не пыталась — то ли понимала, что ей пытаются помочь, то ли настолько обессилела, что сопротивляться уже не могла. Какое-то время она недоуменно вертела головой, словно пробуя свободу, а потом медленно трансформировалась, сразу же повалившись на землю. Лери со всхлипом бросилась к ней, и какое-то время они обе лежали, обнявшись и поливая друг друга слезами, а мы, два циничных поживших мужика, смутились и отошли в сторону.

— Ну все, хватит, вставайте, — проворчал Гевор через какое-то время. — Земля сырая. Пошли домой.

Добравшись до замка, в первую очередь Эрлен бросилась в ванну. Пока мы летели, я заметил, что ей трудно дается человеческая речь и она очень смущается своего нелепого вида. Убедившись, что за ней есть, кому присматривать, я увел жаждущего поговорить Гевора домой. По дороге во Фьерхольм он переключился на ошейник, комментируя, кто и как его мог изготовить.

— Без элементаров не обошлось, — заявил он. — Кроме того, тут приложили руку или наши — техноасы, или Коллегиум. Занятная вещичка... По сути, если сконструировать его индивидуально под каждого из нас, можно до бесконечности успешно удерживать Вечного в шкуре. А концентратор стихии, к которой ты наиболее уязвим, встроенный в подобный ошейник и носимый на теле, постепенно высосет все силы. Демоны Маара, это ж какой надо быть изобретательной сволочью, чтобы до этого додуматься... Некрос-ошейник!

Через несколько дней Эрлен позвонила мне сама.

— Я бы хотела с тобой встретиться, — заявила она сразу же после обмена осторожными приветствиями. — Ты сможешь... навестить меня в Рамьене?

Я молчал, не зная, что ей ответить. Я не доверял ей, даже сейчас опасаясь западни. Слишком уж много гадостей сделали мы друг другу за последние сто лет. Она словно бы прочла мои мысли и сказала дрогнувшим от волнения голосом:

— Я клянусь тебе, что это не ловушка. Я бы предложила тебе прийти вместе с тем же Гевором, но не хочу, чтобы он слышал наш разговор. То, что я хочу рассказать... не для посторонних ушей.

— Хорошо, — согласился я. — Я загляну вечером.

Никогда ранее я не был в Рамьене в качестве гостя. Когда-то, во время войны, мы с Гевором подумывали взять его, но отступились, уже не помню, почему. Наверно, потому что это самый настоящий старинный лессенский замок, замок-дворец, а не замок-крепость, с его вычурной, нарядной архитектурой, огромным классическим парком и множеством удивительных и помпезных залов. Не желая торопиться и все еще не чувствуя себя готовым к встрече с Эрлен, я сделал несколько кругов, любясь нарядными фасадами, элегантными башнями и башенками, помпезными парадными лестницами и искусными статуями в парке.

Эрлен ждала меня в невероятно роскошном старинном зале. Пока я восхищенно оглядывался, она молча налила вино в бокалы, стоящие на маленьком инкрустированном столике. Осмотревшись, я повернулся к ней и не узнал ее. Поклонница откровенных и броских нарядов, сейчас она была одета в простое жемчужно-серое платье, и небольшой кулон на цепочке не был ни щитом, ни концентратором — просто кулон. Обычное

украшение. Обычная женщина, красивая, зрелая, серьезная. Ни малейшей стервозности.

— Выпьешь? — она протянула мне бокал. Я не спешил брать его, а вместо этого пристально посмотрел ей прямо в глаза. Она держалась долго, но потом все-таки отвела взгляд.

— Не веришь... — она поставила обратно свой бокал. — Что ж, я понимаю. Я хотела поблагодарить вас с Гевором за то, что вы для меня сделали.

Я кивнул.

— Думаю, большинство из нас попытались бы помочь, — сказал я нейтрально, а про себя иронично и печально усмехнулся, вспомнив, как уговаривала меня Ширин. — В такой плачевной ситуации. Разве не так?

Она смутилась.

— Не знаю, — ответила она тихо. — Вряд ли я захотела бы помочь... — она скомкала фразу и снова схватилась за бокал, как за прикрытие. — Тем, кого не... не слишком люблю.

Я усмехнулся.

— Что ж, это хотя бы честно. У тебя все?

— Нет, — она покачала головой. — Клянусь, я не имею отношения к той попытке тебя убить.

— Знаю, — бросил я холодно. — След ведет... совсем в другую сторону.

Она подождала, думая, что я поделюсь информацией, но я замолчал. На самом деле, рассказывать мне было нечего. Во время разговора Алекса с Румянцевым Юля услышала, что яд сделали дети Кошки, но мне до сих пор не верилось, что Лануэль могла принимать в этом участие. Модификанта же, по признанию самой Эрлен, вырастили и передали заказчику достаточно давно, и кто стоял за Кэммон Арскими кланами, получившими заказ, я до сих пор не знал.

— Я... была неправа, — с трудом проговорила она. — Насчет тебя. Я попала в ту же ловушку, в которую когда-то попал Ант в отношении меня. Я в общем то... хотела рассказать, за что я так его ненавидела.

— Да я уж понял, — буркнул я и вдруг отчетливо почувствовал, что не хочу ничего знать. Черт с ним, с Антом Хэйгеном, тяжелый был человек, и его непростой характер только ухудшился под влиянием стихийной составляющей Вечного облика. В бытность начальником Юго-восточной Стражи мне приходилось присутствовать на общих совещаниях, и я неоднократно был свидетелем его жутких, неадекватных приступов гнева, когда он терял контроль над ипостасью прямо в зале перед своими людьми и срывался на первого, кто подвернется под руку. Признаться, я боялся его, и в первые годы после принятия ипостаси со страхом ожидал, что нечто подобное будет происходить и со мной. Мне неоднократно говорили, что я внешне чем-то похож на него, но я списывал эти сравнения больше на манеру двигаться, чем на физиологическое сходство, и на вот эту странную, нехарактерную для других Вечных особенность — свечение глаз, когда человеческое сознание соприкасалось с сознанием Ворона. Все-таки второй облик накладывал своеобразный и весьма заметный отпечаток на человеческую сущность.

— Ты ведь знаешь, что они с Эрлен Лаурой были любовниками? — спросила Эрлен Эния.

Я кивнул.

— Слышал. Но без подробностей. Знаю, что он любил ее, и после ее гибели совсем свихнулся.

— Она умела... удерживать его от совсем уж жестоких поступков, — продолжила Эрлен. — От безумия. Она вообще была... мудрой женщиной. Красивой, умной, дальновидной. Доброй и порядочной. У нас о ней до сих пор легенды ходят, — Эрлен вздохнула. — Мне, к сожалению, до нее далеко. Когда я стала Рысью, через какое-то время он появился у меня. Уверенный, что я — та же самая, только моложе. Для него я была Лаурой, он не хотел понимать, что ее больше нет. Я еще толком не умела, да и боялась, сопротивляться, — у нее перехватило горло и она поспешно допила вино.

— Я понял, — кивнул я. — Не продолжай, если тебе неприятно.

Она покачала головой.

— Иногда его можно было терпеть, — она задумчиво смотрела на живой огонь, горевший в камине. — А иногда... он бывал особенно жесток, словно мстил мне за то, что я — не она. В конце концов я ему надоела, и он охладел и оставил меня в покое. Это длилось... года два, наверное. Постепенно я обрела силу, но все еще не представляла, как мне с ним справиться, когда на него... находило. К счастью, все кончилось само, но я долго еще боялась его и вздрагивала, видя в небе большую черную птицу. Когда страх притупился, я решила отомстить.

— И отомстила, — сказал я, шокированный ее откровениями. — Что ж, справедливо.

— Когда появился ты... — продолжала она с болезненным упорством. — Ты был похож. Ты и сейчас чем-то похож на него, особенно вот этим вот проклятым синим взглядом, в котором нет зрачков...

— Все Вороны такие, — примирительно сказал я. — Когда ты чувствуешь касание его сущности, глаза заливают непроизвольно. Это невозможно контролировать.

— Это и пугает, — прошептала она. — До сих пор пугает.

— Буду впредь надевать темные очки, — хмыкнул я. — Поможет?

— Не знаю, — вздохнула она. — В дальнейшем у меня вошло в дурную привычку винить во всех своих бедах Хэйгена. Прости. Я знаю, что ошибалась.

— Что ж, давай попробуем забыть прошлое, — сказал я, подходя к столику и наливая ей вина, которое она жадно, залпом выпила. — Я серьезно. Забудь про Анта. Вот уж кто действительно был демоном.

— Он научил меня многим вещам, — она покачала головой. — Нужным, полезным. Страшным. Один из первых уроков, который я усвоила, это урок жестокости. Его трудно забыть.

Потом я расспрашивал ее о днях, проведенных в шкуре, но она мало что помнила. Ошейник действительно тянул из нее силы, и с каждым днем их оставалось все меньше и меньше. Охотиться — ни на разумных, ни на животных — ей не хотелось. Порою на нее нападало странное, болезненное оцепенение, из которого ее выводило только сильнейшее чувство жажды. Даже голод не был способен расшевелить ее, она ощущала его как досадную помеху и быстро привыкла не обращать на него внимания. Единственное яркое чувство, которое не исчезало все это время, было беспокойство о ребенке. Я слушал ее и ужасался, как вовремя мы успели, а еще сердце мое сжималось от стыда. Я, в общем-то, не заслуживал ее благодарности. Я не собирался ее выручать, я всего лишь сделал одолжение Ширин. Что ж, теперь мы хотя бы не враги. А дальше — будущее покажет.

Домой я вернулся уже поздно ночью. Все еще задетый неожиданной исповедью Эрлен, я думал о своем предшественнике, вспоминая те моменты, которые когда-то видел своими глазами. На самом деле страх стать таким же, как он, преследовал меня и теперь. Да что уж

говорить, он всегда был со мною. Иногда я чувствовал, что хожу по грани, опасно приближаясь к безумию. Иногда это чувство отступало, и я ощущал себя абсолютно нормальным, обычным человеком.

— Нет уж, — решительно заявил я одному из воронов из коллекции на камине. — Я не он. И никогда им не буду.

И вдруг понял, глядя на фигурки, что они переставлены, а пыль с каминной полки тщательно стерли. Присмотревшись повнимательнее, я обнаружил, что не хватает карикатурного змея. Дотошно обследовав полку, я убедился, что змей куда-то исчез.

Джана? Прихватила на память? Тогда почему именно Змея, а не меня самого, как несостоявшийся трофей? Я не видел ее с момента нашей оборвавшейся встречи в башне, хотя она, кажется, уже вернулась из своего короткого отпуска.

Надо бы поговорить... так ведь не скажет, если это действительно ее рук дело, и уж тем более — зачем ей это нужно. Придется, видимо, вызвать ее сюда и под принуждением выудить правду. Пожалуй, хватит уже играть в благородство.

Я вздохнул. Выходило так, что по сути я действительно мало чем отличаюсь от Анта.

Глава 9. Оборванный полет

Сесть на каменный парапет Юлька смогла только с третьего раза — ветер отбрасывал ее от гладких, обточенных ветром камней. Рес все время кружил ниже, готовый принять ее на себя, как на страховочный матрас. Вчера так и произошло — пытаюсь приземлиться на живописный утес, находящийся прямо напротив Альбре, она едва не упала в океан, опрокинутая на спину порывом ветра. К счастью, Рес почти мгновенно вымахал до огромных размеров, поймал ее на крылья, осторожно снизился и по крылу скатил на камень. Все это время Юлька в панике барахталась на широченной вороновой спине и судорожно пыталась уцепиться за скользкие, гладкие перья.

Остров-форт оказался в разы больше, чем казалось издали. В нем угадывалась бывшее крепостное укрепление пятиугольной формы с толстыми стенами и внутренним двором. Серый камень местами был покрыт нежно-зеленым мхом, похожий пятна салатной краски, внутреннее пространство почти полностью занесло камнями, обломками бревен и песком. Остатки стен оказались неожиданно теплыми и ровными, и уставшая Юлька с удовольствием прислонилась к ним, глядя на пепельно-серое, хмурое северное небо.

— Я тут иногда ночую, когда не хочется возвращаться, — сказал Рес, забираясь на самый высокий камень.

— А почему не хочется? — полюбопытствовала она.

— Ворону не хочется, — пояснил он нехотя. — По-всякому бывает.

— Странно все-таки с тобой, — призналась она после паузы. — Вроде бы ты человек, а копнешь глубже — и нет.

Он насупился, как обиженный ребенок.

— Какой уж есть.

— Просто странно, — извиняющимся тоном сказала Юлька. — Сложно предугадать твою реакцию.

Он пожал плечами.

— Тебе не холодно? — она поежилась, глядя на его тонкий черный свитер и брюки. В Альбре уже давно наступила осень с ее холодной, ветреной погодой, и все остальные его обитатели кутались в теплые разноцветные шарфы и куртки.

— Я привычный. А тебе? Говорил же — одевайся теплее.

— Немного.

— Чтобы здесь летать, нужен зимний термокостюм, и маска обязательно, а ты почему-то ее не любишь.

— Я в ней на человека-паука похожа, — пожаловалась она.

— Это кто-то из вашей мифологии?

— Герой комиксов.

— Не бойся, у нас таких нет. Никто не узнает, — рассмеялся он. — Ну что, любопытство удовлетворено, полетели домой?

Она кивнула.

— Смотри, когда прыгаешь с такой высоты, да еще и в ветреную погоду, не торопись маневрировать. Грубо говоря, не дергай крыльями попусту. Прыгнула и планируй, пытайся поймать нужный тебе поток, почувствуй его. И ищи место, где ветер не бьет тебе в лицо, не прыгай против него. Наоборот, оседлай поток, позволь ему тебя поддерживать. Даже если

кажется, что ты начинаешь движение в противоположном направлении, проще развернуться, когда ты уже в воздухе. Не на взлете, — он легко взбежал на стену по полуразрушенным ступеням и подождал, пока она поднимется следом. — И не бойся. Я в любом случае тебя поймаю.

— А до каких размеров ты можешь вырасти?

— Ну... по разному.

— А максимально?

— Это зависит от физического состояния меня-человека. Если я устал, голоден, давно не спал — то расти трудно. А если все нормально — то до очень больших. Фактически, я не знаю пределов, хоть и пробовал неоднократно. Но ты посмотри на фрески в храмах, — он улыбнулся. — Ворон иногда занимает полнеба. Наверно, это возможно, раз нарисовано.

— А что если это — художественное преувеличение?

— Может быть, конечно. Но я думаю, его бы не стали рисовать таким огромным, если б не было случаев.

— А что ты чувствуешь, когда превращаешься в ворона?

Боль.

— Всегда? — ужаснулась Юлька

— Всегда. Но недолго — пару мгновений, не более. И я привык. Мы все привыкли.

На башню она приземлилась неудачно — потеряла равновесие при посадке и больно упала на колени, проехавшись руками по влажным от мороси плитам. Неуклюже скорчившись на четвереньках и не в силах подняться, она чуть не расплакалась от боли и обиды. Вот что она в это раз сделала не так? Вчера и позавчера все отлично получалось, она элегантно и красиво планировала на площадку, пружинисто приземляясь на ноги... Рес помог ей подняться и принялся расстегивать и снимать с нее крылья, пока она боролась с наворачнувшимися на глаза слезами. Почему ей так хочется выглядеть сильной и самостоятельной? Ей никогда не переплюнуть его, человека-птицу, да и не нужно это, но ей ужасно не хотелось, чтобы он обращался с ней как с маленьким ребенком, считая беспомощной неумехой. Она раздраженно оттолкнула его руки со словами «сама справлюсь», но он сделал вид, что не расслышал. Сложив крылья у стены, он взял ее за руку и повел вниз.

— Будем завтракать, — сказал он твердо. — Я люблю завтракать плачущими девочками, а ты?

— Тогда мне пожалуйста паштет, — рассмеялась она. — Из птичьей грудки.

Нвер ждал их обоих, уточнив, что ей больше хочется — чаю или кофе. Юлька покосилась на кружку с горячим вином, уже стоявшую на столе, и смущенно попросила того же. В кабинете было тепло — топились камин, пахло деревом и смолой. Ей почти сразу же стало жарко, и она принялась снимать полетный костюм, но с усталости запуталась в плотных штанинах на молнии и чуть не упала, и опять Рес бросился ей помогать, удержав от очередного падения на уже ушибленные коленки. Да что за день сегодня такой! Выпутавшись из штанин полетного комбинезона, она поспешно поправила лосины и рубашку, смущаясь мятой, сбившейся одежды, и с завистью вспомнила хорошенькую ладненькую Джану.

Кружка горячего вина и целый поднос с булочками и бутербродами быстро стерли воспоминания о неудачном приземлении, и, завернувшись во все тот же рыжий клетчатый плед, она расслабилась и принялась разглядывать хозяина башни, устроившегося в кресле

напротив с такой же кружкой.

— Значит, ты все-таки замерзаешь, — хмыкнула Юлька.

— Бывает, — кивнул Рес. — Зимы здесь не очень холодные — океан греет, но иногда промозглые. А еще мне просто нравится, — он улыбнулся и отхлебнул большой глоток. — У Нвера свой рецепт, у меня хуже выходит. Наверно, потому что он не торопится.

На рабочем столе деликатно тенькнул гвор.

— Мастер, к вам Кольер, — голос Нвера звучал озадаченно. — Сказать, что вас нет?

— Пусть идет, — Рес бросил на нее встревоженный взгляд, но когда Юлька резко поднялась, чтобы спастись бегством, отрицательно покачал головой. — Это не за тобой, — твердо сказал он. — Что-то случилось.

Старый наг влетел в кабинет так, словно за ним гнались, и тут же споткнулся, увидев Юльку. Мгновенное изумление на его лице быстро сменилось облегчением, перетекшим в слабую ухмылку. Коротко поздоровавшись — Рессер лишь сдержанно кивнул и жестом предложил ему садиться — он покосился на Юльку, но Хэйген выжидательно следил за ним взглядом, и ему пришлось приступить к делу.

— Алекс исчез. Вчера днем отправился в Рузанну, по какому-то непонятному поводу, и не вернулся к утру.

— Что в этом странного? — удивился Рес. — У него могли быть дела.

Кольер отрицательно покачал головой.

— Он сказал, что получил срочный вызов из Эксеры и его просят там появиться. Но с тех пор, как Ваэль застрял в вечном облике, мы больше не контактировали с Эксерой, — пояснил старый наг. — Кроме того, он не смог внятно объяснить цель визита. Не мог описать человека, который с ним контактировал, — он перевел взгляд на Юльку. — Он вел себя странно. Неестественно. Заторможено.

— Вы думаете, его... взяли под контроль? — спросила Юлька испуганно. — Но кто и как тогда сделал образ? Мало нарисовать портрет и поместить оживленный образ в Маар или в маар-концентратор. Надо еще и связать образ и человека. Он не жаловался на преследующую его тень?

— Нет, — сказал Кольер. — Точно нет.

— Тень не обязательна, — заявил Рессер. — Те случаи с тенями, пожалуй, были или экспериментами на начальной стадии, или банальными ловушками, чтобы заманить жертву туда, откуда можно было бы дотянуться сдобренной ядом стрелой.

— А как же тогда? — удивилась Юлька.

— Все гораздо проще: нужна кровь или что-нибудь еще от человеческого тела, — пояснил Рессер. — Любая жидкость. Как давно Алекс ушел?

— После полудня.

— Может, отправился в гости к Лани? — без малейшей усмешки спросил он.

Кольер задумался.

— Может, конечно... но после шамальской войны они нечасто виделись, и он ни разу не принял приглашения навестить ее в ее очагах. Хотя и не гнал, когда она являлась сама. Сомневаюсь, что он у нее. Я звонил в Эксеру по стороннему поводу, пытался осторожно уточнить, был ли он там вчера или сегодня утром, но никаких упоминаний о его визите не прозвучало.

— Других поводов зависнуть где-нибудь у него точно не было? — еще раз уточнил Рес, но Кольер отрицательно покачал головой.

— Я не паникер, — сказал он печально. — Но его отсутствие меня пугает. Есть еще один настораживающий момент... Ключи от Награ хранились у меня в ящике письменного стола. Пару дней назад я не нашел активатора. Насторожился, перерыл весь ящик — его не было. Осторожно спросил Алекса, но он только плечами пожал. На следующий день активатор был на месте и я решил, что сам куда-то его сдвинул или не заметил среди бумаг.

— Активаторы для Награ и для Либрума выглядят одинаково?

— Да.

— Думаешь, его кто-то брал?

— Возможно. Не уверен, — тут он достал из кармана тонкую палочку с алмазным наконечником. — Нагр открыт и активатор нам уже не нужен. Либруму лучше оставаться закрытым, пока Алекс не обретет достаточный опыт и мудрость, чтобы подойти к его открытию с должной рассудительностью. Я хочу, чтобы вы, Вечный Хэйген, взяли его на хранение.

Рессер откинулся назад в кресле.

— Один ключ я уже потерял, — голос его звучал сухо и напряженно. — Когда мне его тоже... отдали на хранение. В результате он оказался у тех, кто его искал.

— Это я виновата, — встрепелась Юлька.

— Нет, — отмахнулся он. — С тех пор я не считаю себя надежным хранителем. Лучше отдать его Ширин. За ней, по крайней мере, не охотятся так, как за мной.

— Хорошо, — согласился Кольер. — Вы можете передать его Ширин, я согласен. Но позвольте мне оставить его здесь. Я не уверен, что в Стеклобашне он в безопасности.

Рес взял ключ, повертел в руках и сначала тоже положил его в стол, но через несколько секунд достал обратно, решительно поднялся из-за стола и направился к встроенному между каменных полок шкафу. За тяжелой деревянной дверцей обнаружился бар.

— Юль, смотри, если что — я кладу его на самую верхнюю полку. Вряд ли там кто-то будет шарить. Даже я сам, когда пьян, туда не дотягиваюсь.

Она кивнула, стараясь сохранять серьезное выражение лица.

— Ты хочешь как-то искать Алекса? — спросил он, вернувшись за стол. — Если он не появится завтра утром, можно попробовать объединить усилия троих Вечных и найти его с помощью зеркала.

— Не хочу выглядеть паникером, но я хотел бы сделать это раньше, — твердо заявил Кольер.

— Тогда кому ты еще доверяешь? Ревалю, Ширин, Даллаху? Можно попросить Эрлен, если она уже отошла от долгого пребывания в шкуре.

— Я бы не хотел обращаться к Ревалю, — сказал Кольер с неожиданной печалью в голосе. — В последнее время мне стало казаться, что это его игра.

— Хорошо, я попрошу Даллаха и Ширин, — согласился Рессер. — Только объясни мне, почему не Реваль?

— Он все время стоял в стороне, — ответил Кольер после паузы. — Поддерживал наши планы, давал советы, но постоянно уклонялся от активных действий. Он всегда был в курсе всего, но ни разу не контактировал с Алексом ни до инициации, ни после нее. Кроме того, мне и раньше казалось странным такое эффективное и аккуратное устранение Вагабра. Ваэль всегда был очень осторожен, и то, что его так легко достали стрелой, наводит меня на мысль, что стрела прилетела со стороны своих. Из Вечных чаще всех он контактировал именно с Ревалем, их резиденции рядом. Фактически, Ваэль был там неподалеку, когда на

него напали.

— Какой у Реваля может быть интерес? — Рессер задумчиво взъерошил волосы. — К тому же, в него тоже стреляли.

— Он пробыл в звериной ипостаси недолго и быстро вернул себе человеческий облик, утверждая, что сильно испугался, — с сомнением заявил старый наг. — Что мешало ему просто сыграть роль?

— Ничего, — согласился Рес. — Но я не вижу цели, которую он мог бы преследовать. Он очень влиятелен в землях Ар Соль, я б сказал, иногда даже влиятельнее Вагабра. Деньги всегда правили, правят и будут править миром, — усмехнулся он едко. — Природу разумных не изменишь.

— Чтобы все это устроить, нужна не только фантазия, но и возможности, — продолжил Кольер. — Огромный ресурс. Влияние. Терпение, чтобы в случае проигрыша начинать сначала. И еще. Нужно хорошо знать вас, Вечных. Кинэн, конечно, мог бы, ему не занимать ни хитрости, ни ума. Но... боюсь, влияния и терпения у него бы не хватило. Старая Лануэль могла бы. Эта — нет. Слишком молода и неопытна, чтобы играть самостоятельно против таких противников.

— Что ж, тогда будем осторожнее, — вздохнул Рессер. — Тогда...

Юлька дернулась от неожиданно раскатистого сигнала гвора, оборвавшего его реплику. На лице Реса появилось раздражение, мгновенно сменившееся удивлением.

— Реваль, — прокомментировал он. — Не нравится мне это, — и нажал кнопку. — Слушаю.

— У меня плохие новости, — скрипнули из гвора. — Над Рузанной кружит Нигейр. Подозрительно так кружит... Несколько раз пытался эгри-плетью по окраинам хлестнуть. Сначала не получилось, потом вышло, но слабо, хотя пару стен он обрушил.

— Что такое эгри-плеть? — перебил его Рес.

— Один из приемов тех, у кого эгри или базовый, или ударный, — пояснил Кольер. — Очень мощный удар концентрированным эгри, плоский, сформированный в виде плети. Старый Нигейр хорошо ею владел, виртуозно и аккуратно.

— Ты там? — голос Реваля наполнился изумлением

— Я потерял его еще вчера, — печально отозвался Кольер. — Его, кстати, вызвали из Эксеры.

— Из Эксеры? — переспросил тот недоуменно. — Ты уверен, что...

— Нигейр кружит над Рузанной, — резко оборвал их Рес. — Как давно? Что еще пытается делать?

— Пока только плеть опробовал на окраинных районах, но народ оттуда уже разбежался. В городе зреет паника. Он или с ума сошел, или его кто-то мастерски натравил, внушив нечто невероятное.

— Или он под контролем, — тихо пробормотал Кольер.

— Подождите, — сказал Реваль. — У меня тут новости... Я перезвоню, — и он отключился.

Кольер встал.

— Я полечу туда, — сказал он. — Хотя бы посмотрю. Может быть, смогу хоть как-нибудь на него повлиять.

— Как? — шепотом спросила Юлька. — Руками с земли махать будете?

— Если это поможет, — взгляд старого нага был полон печали и усталости.

— Сядь, — приказал ему Рес. — Дождемся Ревалья. Кстати, если его посадили на поводок, кто бы мог оказаться с той стороны? На мой взгляд, управлять Вечным может только сильный элементал.

— Надо еще, чтобы стихии совпадали или хотя бы не были антагонистичными, — робко вставила Юлька. — У людей с разными профилями силы они могут войти в конфликт. Или погаситься.

— Умница, — кивнул Рес. — Кто из сильных элементалов Ар Соль мог бы?

— Балеяр, глава школы Джмар, — начала Юлька. — У него базовый наэр, а ударный — рох. Да и вообще все наши...

— Рейнард, — сказал Кольер

— Подходит, — кивнула она. — Он сам мне говорил, что у него эрги-фэйр в базе. У Саши ударный эгри, базовый наэр.

— Он учил Алекса и все время около него крутился, — согласился Кольер. — Он, кстати, мог обучить его созданию плети.

— Рейнард у нас и так на подозрении, — сообщил Рес. — И Эгул из департамента безопасности Эксеры, его имя всплыло недавно, после обнаружения брошенного здания с наблюдающими зеркалами рядом с Эксерой. Он сильный элементал школы Эгрох, известная личность в Рузанне...

— А другой Вечный мог бы? — робко спросила Юлька.

— Мог, — согласился Рес. — Реваль, кстати, справился бы — у него те же стихии в профиле, только наоборот.

— Кинэн? — предположила она.

Кольер раздраженно фыркнул.

— Этот мальчишка способен только безумные идеи придумывать да языком болтать, — возразил он.

— Почему вы не принимаете его всерьез? — спросила она с недоумением. — Представьте себе, что ему не нравится такое положение дел. Он немолод, он старше тебя, Рес, аж на сто с хвостиком лет, а к нему относятся, как к избалованному ребенку.

— У него рох-джив, ему Алекса не потянуть, — опять возразил Кольер.

— А вдруг в случае с Вечным, особенно со зрелым Вечным, это не так важно? Вы ж не знаете, на вашей памяти такого не случалось, — настаивала она. — А Лануэль?

Кольер тяжело поднялся на ноги.

— Рейнард — самая вероятная фигура, — сказал он с нажимом, отходя к окну.

— У Лани базовый наэр, — тихо сказал Рес. — Ударный — джив. Она могла бы справиться, например, со мной. Но я не верю в ее вероломство. Хитрость, любовь к интригам и манипуляциям — да, все кошки к этому склонны, но на такую подлость она вряд ли пойдет.

Снова раздался звонок гвора.

— Он ведет себя странно, — продолжил Реваль. — Летает концентрическими кругами над столицей и время от времени бьет плетью по домам.

— Его ранили, — едва слышно прошептала Юлька в ужасе, — той стрелой, что запирает вас, Вечных, в тварном теле.

— Я лечу к вам, — решительно заявил Рессер. — Ты у себя во дворце или в Эксере?

— У себя.

— Вызывай Ширин, посмотрим втроем, где Рейнард и еще парочка кандидатов на роль

кукловода. Очистите там от настроек одно Зеркало, например, у охраны.

— Я вам нужен? — спросил Кольер.

— Да, — гаркнул Реваль. — На сегодня ты знаешь Алекса лучше всех. Надеюсь, что ты хоть как-то сможешь на него повлиять.

— Вряд ли, — печально сказал Кольер. — Мальчик быстро вырос и оказался гораздо сильнее, чем я предполагал. Но я сделаю все, чтобы его удержать.

Когда он ушел, Рес около минуты неподвижно сидел за столом, уронив голову на руки. Юлька молчала, в страхе не отрывая от него глаз. Один раз он уже рискнул подняться против атакующего Змея, и она помнила по той ночи в башне, чего ему это стоило. С тех пор Саша проделал немалый путь — лучше обученный, направляемый более опытной рукой, он представлял теперь более серьезную угрозу.

Глаза Рессера наполнились тяжелой вороновой синевой.

— Ты летишь к Шандру, — велел он коротко. — Все расскажешь, даже догадки. Если появятся новые — их тоже. Пусть сидит на связи у себя в паучатнике и ждет моего звонка. Будьте готовы вылететь группой захвата к оператору медальона, если мы его найдем.

— Хорошо, — кивнула она, глядя, как он берет с подставки сабли, надевает широкий пояс и крепит к нему ножны.

— Мало, наверное, — пробормотал он, с сомнением крутя в руках длинный кинжал. — А так в скорости потеряю... Надо бы еще щитов... — он сунулся все в тот же бар, который, похоже, выполнял у него функцию сейфа, и вытащил оттуда сложную связку небольших бело-красных камней.

— Вот и полетали, — печально сказал он, обернувшись к ней. — Может быть даже в последний раз. Юль, ты прости, если что не так. Я дурак, я знаю... Я все делаю не так в последнее время... Шандр тебя не бросит, если что, можешь полностью на него положиться. Можешь соблазнить его, если он тебе нравится. Он поддастся, он вовсе не такой неприступный, как кажется.

— Дурак, — сказала Юлька, чуть не плача. — Лети уже побыстрее.

Глава 10. Безумный змей

Когда я фактически ворвался к Ревалю в его роскошные рузаннские апартаменты, расположенные в старинном дворцовом ансамбле неподалеку от Эксеры, Ширин уже ждала меня. Сам дворец нервно гудел: сновали взволнованные секретари, какие-то солидные матроны укладывали в коробки кипы бумаг, словно готовясь к экстренной эвакуации, рэммы, охраняющие дворец, навешивали с внешней стороны окон огромные тяжеленные ставни, тоненькие лэйсе в форме горничных аккуратно упаковывали и складывали в коробки различные ценные предметы, стоявшие на открытых поверхностях.

Увидев меня, Реваль тяжело поднялся с кресла. Вид у него был помятый и уставший — мешки под глазами, одутловатость, столь не свойственная Вечным, говорили о том, что забот у него больше, чем свободного времени.

— Пошли, — махнул он и мы с Ширин направились за ним в помещения, занимаемые охраной. Там нас уже ждало Зеркало, темное и безжизненное, готовое к новой настройке.

— Первый, кто на подозрении — Рейнард, — сказала Ширин. — Ищем его местонахождение. Поехали.

И мы устались экран, представляя на нем объект наших поисков. Поначалу Зеркало молчало. Затем на нем проступили контуры лица, а после — и вся фигура Рейнарда. Он сидел за рабочим столом в просторном кабинете, вдоль стен которого высились полки с книгами, и что-то читал, раздраженно теребя лежащую перед ним пачку листов.

— Не он, — сказал Реваль. — Кто следующий?

— Эгул, — сказал я.

— Я не помню его лицо, — вздохнула Ширин. — Пусть кто-нибудь из твоих людей проверит его обычным способом.

— Тогда Балеяр.

— Я в нем уверена, — возмутилась Ширин.

— А мы — нет, — раздраженно проворчал Реваль. Она бросила на него колющий взгляд и что-то недовольно прошептала, но через несколько мгновений мы увидели главу школы Джмар в просторной студенческой аудитории, где он с непередаваемым ехидством прохаживался по работе какого-то студента.

— Убедились? — ядовито фыркнула Ширин. — Кто следующий?

— Кинэн, — сказал я.

— Слабак он, — буркнул Реваль, но мгновенно сосредоточился, глядя на экран. Тотчас же проступило изображение Кинэна, только что вставшего с постели и надевающего халат.

— Мимо, — выдохнула Ширин. — Лануэль?

— Давайте, — кивнул я.

Лани появилась не сразу. Большая белая кошка неторопливо прогуливалась по уютной лессенской деревеньке где-то в южных краях.

— Мимо, — обрадовался я.

Потом Реваль предложил, а мы проверили еще нескольких рузаннских специалистов по силам и стихиям — все оказались вне подозрения. Подошедший Кольер предложил еще нескольких кандидатур, но никого из них мы не знали в лицо, чтобы вызвать изображения в Зеркале.

— Вы уверены, что это не Рейнард? — спросил он, встревожено переводя взгляд с

Реваля на меня. — Хорошо смотрели? — и, видя, что Ширин готова возмутиться, покачал головой. — А если вы увидели не все?

— Ну давай снова, — проворчал Реваль, неохотно разворачиваясь к тусклой поверхности Зеркала. Во второй раз изображение Рейнарда появлялось медленнее. Он сидел в той же позе, уставившись в кипу листов и то сжимая, то разжимая кулак. Выражение его лица показалось мне подозрительно неподвижным, и я скомандовал всем нам сосредоточиться на его рабочем столе и ладонях. Изображение передвинулось, отдалив Рейнарда и явив в деталях поверхность стола. Стопка исписанных листов, книги, несколько пустых концентраторов, красивый кинжал старинной работы на декоративной подставке... На кипе листов лежал яркий синий камень, обрамленный темно-дымчатым металлом, в который помещали камни-концентраторы, а внутри кристалла явственно двигалось какая-то фигурка.

— Приближаем, — скомандовал я.

Изображение концентратора резко увеличилось. Мы узнали природный ариад, в котором отчетливо проступила фигура стройного молодого человека.

— Это он, — упавшим голосом сообщил Кольер. — Саша.

— Отдаляем, — велел я. — Смотрим, где он.

Изображение постепенно стало уплывать вглубь. Сначала на экране появилось характерное для Ар Лессена старинное здание-особняк, затем — парк вокруг него.

— Школа Эгрох, второй филиал в Брезере, — прошептала Ширин.

— Точно? — переспросил Реваль

— На окраине Бертока, — добавил Кольер.

Мы продолжали отдалять изображение, и я убедился в правоте Ширин, узнав очаровательный старинный городок Берток на юго-востоке Ар Лессена, в округе Брезер.

— Все? — спросил Реваль. — Выходим?

Мы одновременно отвели взгляд от Зеркала, и оно постепенно потухло.

— Шандр ждет от меня вестей, — на обратном пути в кабинет Реваля я вдруг понял, что чертовски боюсь того, что мне сейчас придется сказать. — Они его возьмут и отберут медальон. Я же... — я остановился. — Попробую, насколько смогу, отогнать Нигейра от Рузанны, пока Шандр доберется до манипулятора.

Ширин схватила меня за рукав.

— Не лучше ли тебе самому взять Рейнарда? Ты доберешься туда быстрее всех, да и на земле ты действуешь не менее эффективно.

— На земле Шандр лучше, — возразил я. — И не менее быстро. Особенно если Эксера если ее люди не замешаны, подгонит к шеадру Рузанна-Берток несколько хороших скоростных вимм.

— Я подгоню, — буркнул Реваль. — У меня в Брезере очаг, там толковый управляющий. Сколько?

— Сейчас выясним у Шандра.

— Я с тобой, — твердо сказала Ширин, все еще держа меня за руку. — У меня тоже есть парочка фирменных сюрпризов, из тех, о которых мало кто знает.

— Маар-пробой? — хмыкнул я. — Я, кстати, сам немного умею, но он у меня слабый. Полностью выбросить человека в Некрос я не могу, только оглушить.

— Полностью я и не буду, — заявила она, видя, что Кольер забеспокоился. — Именно оглушить. Этого достаточно.

Через 15 минут я уже медленно поднимаюсь над Эксерой. С крыши дворца Реваля обезумевший Змей был прекрасно виден темно-золотой молнией на пасмурном, затянутом облаками осеннем небе. Сколько мне нужно продержаться, пока Шандр возьмет особняк в Бертоке? Он считал, что полчаса, не больше. Я же... всю дорогу меня преследовала мысль, что мы что-то упускаем. Какую-то мелочь.

Некоторое время я удерживал малый размер, оставаясь незаметным и медленно приближаясь и присматриваясь к стремительно теряющей золото фигуре Аспида. Чернеет... Кольер объяснил, что черным Змеем полностью повелевает древнее существо, человеческий разум в этот момент подавлен и, если и может управлять божеством, то лишь в мелочах. Я и сам в облике Ворона могу быть просто черным, а могу светиться синим, особенно глаза — это и выдает присутствие в теле Хэйгена божественной сущности. Людей это пугает, особенно тех, кто видит это впервые. Оказывается, это пугает даже Вечных.

К счастью, Саша еще не был полностью черным, хотя яркое золото его шкуры уже существенно поблекло. Кем управляет сейчас Рейнард — человеком или уже Змеем? И зачем, ради чего его подняли в воздух? Каких целей наши противники хотели добиться, натравливая могущественного Змея на Рузанну...

Змей купался в облаках. Он то взмывал вверх, исчезая в низко висящем облачном слое, то камнем падал вниз, проносясь над крышами домов и гоня волну ужаса. Люди, попавшие под его психический удар, кричали и метались по улицам, сбивая друг друга, падая, кидаясь в дома, дворы и храмы, надеясь найти там укрытие. Иногда из кончика крыла с алмазным когтем вылетала едва видимая бледно-золотая молния, разворачивалась в длинную сияющую плеть и падала на крыши и стены домов. Плеть оставляла вмятины и трещины, но к счастью, пока не доставала до людей. Он разогнал несколько кварталов, постепенно усиливая и оттачивая удары, и, наупражнявшись над отдаленными жилыми районами, двинулся в центр.

Я следовал за ним, стараясь держаться незамеченным и постепенно подрастая до превосходящих его размеров. Вдалеке над Эксерой я различил Ширин, тоже увеличившую свой облик. Зря все-таки она увязалась за мной... Летучая мышь, пусть даже с трехметровым размахом крыльев, вряд ли сможет противостоять существу, которое в несколько раз превосходит ее саму.

Змей решительно пошел вниз, разгоняя толпу на центральной площади, и хлестнул плетью по широкой живописной аллее деревьев. Осень в Рузанне стояла сухая и теплая, и огненно-желтые и красные листья уже почти высохли, хотя и не опали. Листва вспыхнула, зажигая панику. Аспид рванулся в небеса, заходя на второй круг, и тут я стрелой кинулся под него, фактически сбивая его в полете и телом вышвыривая вверх и в сторону. Удар был силен: отлетев назад, он опрокинулся на спину, зацепил самые высокие крыши домов и снес пару старых труб. Перевернувшись на лапы, он стартовал вверх и яростно кинулся на меня, формируя на конце Асгарота очередную огненную плеть. Ага, так я тебе и дался. Я плавно взмыл вверх, уходя от его удара на безопасное расстояние. Плеть рассекла воздух, а я, выждав еще несколько мгновений, снова бросился на него, нырнув в подбрюшье и усилив удар фэйром. Он опять не успел уклониться, кувырнулся через себя, отлетел назад и загремел по крышам.

Надо увести его за город, неожиданно понял я. Выманить на себя за пределы Рузанны, в поля или дальше, к лесу, чтобы он не бросался на людей.

И, убедившись, что он меня видит, я развернулся и демонстративно пустился наутек из города.

Он нагнал меня где-то над Эксерой, нагнал сверху и хлестнул плетью, которая просвистела почти рядом с моим крылом. Я немного сбросил размеры, становясь подвижнее и метнувшись в сторону, молниеносно бросился на него, но он быстро раскусил мой маневр и ловко ушел от атаки. Ширин, возникшая рядом, снизилась над парком Эксеры, стремительно носясь под нами и не позволяя Змею опуститься. Я в очередной раз ударил Нигейра фэйром, воздушная волна докатилась до него и основательно встряхнула, но на этот раз он удержался и даже удачно сманеврировал, поднявшись вверх. И оттуда кинулся на меня с такой скоростью, что я не успел уйти от атаки.

Мы столкнулись грудью и шеей, прямо над крышей Эксеры. Удар сотряс меня, я почувствовал, что заваливаюсь на бок, и коготь Асгарота скользит вдоль перьев. Я лег на крыло и выровнял полет уже почти над самой крышей и снова увидел, как на меня мчится темно-золотое, почти черное тело. Стремительно взмыв вверх, я попытался быстро развернуться для удара, но он нагнал меня сразу же.

И тут Ширин ударила. Волну наэра ощутил даже я — меня зацепило краем, обдав ледяным холодом и парализовав на несколько мгновений. Хорошо, что я устойчив к наэру, хорошо, что на мне много небольших щитов, принявших некрот на себя.

Сашу же фактически распластало по крыше. Он упал на каменный купол плашмя и съехал вниз, оглушенный и неспособный расправить крылья. Я поднялся повыше, приходя в себя и наблюдая, как он, упав почти до ступеней, переворачивается и расправляет крылья, медленно, рывками, но все-таки поднимаясь и выравнивая полет. Увидев меня, он на какое-то время завис почти неподвижно, паря над куполом, а потом стал медленно, наращивая скорость, приближаться, постепенно и плавно поднимаясь вверх. Было заметно, что он все еще не отошел от удара, и что тело его плохо слушается, но глаза его, изумрудно-зеленые и яростные, не сводили с меня взгляд.

Ширин вынырнула с другого бока, готовясь снова ударить, но тут со стороны соседнего здания, прямо с куполообразной крыши, блеснув ярко-алым наконечником, вылетела черная стрела и пробилась ей плечо крыла, сломав кость. Она пронзительно вскрикнула, теряя высоту, а я рванул вниз, ловя ее на себя, как недавно ловил потерявшую ветер Юльку. Нигейр над нами явно не понял, что произошло — он, словно заведенный, продолжал подниматься, а потом, найдя нас, ринулся вниз.

Я был уже на земле и, сбросив с крыла принявшую человеческий облик Ширин, тоже обернулся человеком, выхватив сабли. Нигейр несся на нас, словно обезумевшее животное.

— Уходи в Эксеру, быстро, — рявкнул я на нее, видя, что она, зажимая рану на руке, встает сзади меня. — Быстро убирайся за стену, ну же! Он меня не достанет, не идиот же он, на мечи бросаться.

Она послушалась и стала отступать к ближайшей двери, из которой ей навстречу уже бежал какой-то рэм из охраны.

Нигейр бросился на меня всем телом, а я, выставив сабли, удачно полоснул его по брюху, оставив на темно-золотой коже широкий разрез, который сразу же начал сочиться кровью. Эх, хороша нигийская сталь, даже Вечных берет. Вряд ли порез опасен для его жизни, скорее, он даже не ощущается, но сам факт ранения должен как-то повлиять на сознание обезумевшей твари.

Собравшись с силами, я ударил фэйром, отбрасывая деморализованного на несколько мгновений Змея, и принялся трансформироваться обратно в Ворона. Взмывая вверх, я заметил тускло светящийся красным наконечник тяжеловесной, дымчато-черной стрелы.

Стрела Некроса, очень большая для обычного арла, по максимуму заряженная наэром. Только такой и можно нанести повреждение Вечному в его родном облике. Хорошо, что стрелок почти промахнулся, задев только крыло. Попал бы в тело — последствия были бы гораздо тяжелее.

И прямо из Эксеры выпущена. Да еще и из специальной баллисты, судя по размерам.

Найдя Нигейра и убедившись, что Ширин скрылась в здании Эксеры, я со всей прыти бросился прочь от города. Змей, все еще не избавившийся от остаточного действия маар-пробоя, шел за мной следом, но к счастью, теперь ему не хватало сил, чтобы меня догнать.

Я вел его в сторону обширного лесного массива, лежавшего к северу от столицы, и мы почти достигли его, когда он, почувствовав, что силы возвращаются, снова бросился на меня, обойдя сверху и молниеносно пикируя мне на плечи. Мы опять сшиблись — он сбил меня, но я удержался и проскользнул вниз и в сторону. Он снова нагнал меня и снова ударил, на этот раз не телом, а лапами, но я вывернулся и лапы скользнули по крылу. Набрав высоту, я рвался дальше, дальше от города и пытался понять, прошли ли уже обещанные Шандром полчаса или еще нет. Мне казалось, что прошла вечность.

Надо тянуть время... У опушки леса я снизился, решив обернуться человеком и ненадолго скрыться в чаще, проверить, примет ли Нигейр человеческий облик, станет ли меня преследовать. Кувырнувшись на мягкий мох, я припустил между соснами, цепляясь ножнами за кусты, и прыгнул в густые заросли малины. Змей, потеряв меня, сделал несколько кругов над опушкой и даже приземлился, неловко топчась среди травы, но человеческий облик не принял. Попытавшись создать плеть, он выбросил тоненькую ниточку света, но удар Ширин все-таки изрядно подкосил его, выпив часть силы. Издав пронзительный раздраженный крик, он поднялся в воздух и направился обратно в сторону столицы.

Нет, только не это. Мне пришлось выбраться из кустов, трансформироваться и броситься вслед за ним. К счастью, летел он неспешно и какое-то время меня не замечал. Я ушел повыше, за облака, чтобы незаметно обогнать его, и неожиданно выпал из туч прямо ему на голову, изо всех сил долбанул спину когтями и добавил фэйра. Его бросило почти до земли, но он раскинул крылья и удержался в воздухе, а потом с упорством маньяка опять попер на меня, чернея на глазах. Где же Шандр, что у них там происходит... мы так можем гонять друг друга до бесконечности, пока один из нас не упадет от усталости, что, учитывая наши особенности, произойдет не скоро.

Ну хотя бы не над Рузанной.

Он бросился на меня, но я увернулся и опять взял цель на лес. Выровняв полет, он нагнал меня и спикировал сверху. Я выскользнул из-под его когтей. Он снова выровнялся и снова напал.

И снова.

И снова.

И снова.

Может, все-таки получится поговорить?

Я сел на ту же самую опушку, обернулся человеком и раскинул руки в стороны, показывая, что сабли в ножнах.

— Давай поговорим, — крикнул я, но он только продолжал кружиться надо мной, подходя опасно близко и пытаясь зацепить Асгаротом. Я отпрыгивал, отступал за сосны, пригибаясь, и, дождавшись, когда он уйдет на следующий круг, выходил снова и снова

кричал.

— Успокойся и возьми себя в руки! Мне ничего от тебя не нужно, только оставь Рузанну в покое! Ты человек или тварь безумная?

Он ринулся на меня, снова пытаюсь создать плеть. На этот раз у него получилось в разы лучше, плеть вышла тонкая и короткая, но она почти долетела до меня. Хорошо еще, здесь шел мелкий, нудный осенний дождь, трава и кусты насквозь пропитались влагой и эгри-огонь его плети с шипением погас в мокрой траве.

— Ты ранен? В тебя стреляли ядовитой стрелой? Не можешь обернуться в человека? Сядь на поле, если это так. Поговорим.

Змей описал круг над полем, уменьшился и прицельно бросился на меня, стремясь ухватить человеческое тело когтями. Я кинулся от него наутек, опять в те же кусты малины, понимая, что между соснами ему не пройти. Обернувшись небольшим вороном, я взлетел вверх, над лесом, в уверенности, что Нигейр меня не видит. Приблизившись к краю опушки, я стал еще меньше и незаметно сел на ветку, глядя, как Змей рыщет над опушкой, пытаясь меня разглядеть. Он по-прежнему был безумен и реагировал, как разъяренная безмозглая тварь.

Где же Шандр... Что там происходит?

Глава 11. Над школой Эгрох

— Не вздумай выходить из виммы, — строгим голосом сказал Шандр, утратив обычную витиеватую вежливость.

— Я буду держаться у тебя за спиной и не высовываться, — пообещала Юлька, тоже решив не церемониться и перейдя на "ты". — Никто из вас не узнает медальон и никто не сможет, если что, им управлять. Я хотя бы попробую.

— Сама же говорила, что у тебя профиль не тот, — буркнул шаам.

— У меня джив, — возразила она. — Он не антагонистичен эгри. Сойдет, хоть и не идеально.

Метод Джаны — наглость — оказался более чем действенным: когда отряд Пауков во главе с Шандром по одному заходил в ведущий на Элласар шеадари, Юлька пристроилась к последнему из бойцов и невозмутимо шагнула следом. Так же удачно она проскочила отрезок Элласар-Рузанна и Рузанна — Берток, но при посадке в виммы Шандр ее засек. Последовало краткое разбирательство, но у нее был козырь — только она видела управляющие медальоны и умела с ними обращаться. Скрипнув зубами, Шандр посадил ее к себе и велел слушаться беспрекословно.

Юлька не бывала в Ар Лессене и пока летела, с жадным удовольствием разглядывала земли внизу. Сверху филиал школы Эгрох ошибочно выглядел совсем небольшим, но на самом деле ухоженная территория, на которой располагалось несколько элегантных особнячков постройки двух-трехвековой давности, оказалась очень просторной. Чистые и ухоженные дорожки, вымощенные розовым камнем, выписывали по ней причудливые узоры, здания скрывались среди деревьев, желтых и красных в нынешний сезон, и только центральный особняк, красно-кирпичный с белым, окруженный клумбами белых и розовых хризантем, лежал на виду, в самом центре усадьбы.

Сесть бесшумно и неожиданно не получилось. Их заметили, возможно — ждали: при приземлении на виммы обрушился град арл-стрел, но поднаторевшие в боях с Анг-Миртом Пауки удачно ушли от атаки.

— Не садимся, — рывкнул Шандр в визор, прикрепленный к перевязи и настроенный на визоры остальных членов отряда. — Отходим за усадьбу, по моей команде заход с северной стороны, посадка вертикальная по трое как можно ближе к стенам.

— На клумбы, — хихикнула Юлька. — Они ближе всего к дому и ровные.

— На клумбы, — повторил Шандр, усмехаясь. — Юля, попробуй разглядеть, где баллисты.

— На крыше центрального особняка точно две, — сказала она, опасно высунув голову в окно виммы. — Да, две, больше нет. Обе по сторонам здания. Ты можешь подняться чуть выше?

Виммы шли вне пределов досягаемости стрел, но эффект неожиданности был утерян. При облете парка Юлька заметила еще две баллисты на крыше какого-то явно нежилого дома, и стрелков прямо на земле, в парке.

— Я попробую снять стрелка у баллисты на крыше, — сказал Шандр. — А ты бери штурвал и слушай мои команды. Сначала резко вверх, на три счета, потом строго ровно, скорость не снижай. Поняла?

— Нет, но как-нибудь справлюсь

— Правильный подход, — удовлетворенно хмыкнул он. — Делаешь вот так, — он показал, — считаешь "раз, два, три", делаешь вот так, — он снова показал, как держать руль виммы, похожий на велосипедный. — И крепко держишь ровно, без движения.

— Ясно. Давай быстрее, а то они сейчас нас выцелят, — сказала она.

Он отдал команду остальным двигаться дальше, за пределы парка, а сам заложил резкий вираж над особняком и опустил вниз, в тень деревьев, укрывающих заднюю часть здания. Там, расчехлив бич, он распахнул дверь, высунулся из виммы и, упираясь левой рукой в подножку, скомандовал ей:

— Вверх!

Юлька точно повторила все его указания. Вимма вынырнула прямо над крышей и пронеслась буквально в паре метров над ней, появившись так неожиданно и быстро, что стрелок не успел точно прицелиться и выпустил заряды мимо. Шандр метко и точно хлестнул его бичом, отбросил в сторону от баллисты, потом перехватил управление, развернулся и снова скомандовал Юльке

— Вниз на два счета и ровно!

Она вновь взяла управление; вимма снова пронеслась над крышей, и, пройдя над баллистой, Шандр хлестнул по ней и сорвал бичом прицельное устройство.

— Все, этот неопасен. Пошли на второй.

Вторая баллиста, расположенная на другом краю крыши, проворно вертелась, следуя за их траекторией, и уже несколько раз стрелы опасно чиркали по бортам. Шандр повторил свой маневр, выскочив с невидимой стрелку стороны — снизу из-за широкой части здания, с первого захода сорвав прицел, а во второй, вернувшись на место пилота, рискованным тараном сбив самого стрелка с крыши.

— Заход на окружение, — отдал он команду. — Пятый, шестой — блокировка выходов. Остальные внутрь. Цели знаете, тактику тоже, портрет Рейнарда видели. Работаем тихо. Народ беречь. Вперед.

Шандр ворвался в здание через центральный вход, и Юльке пришлось бежать, чтобы успеть за ним. Он несся по коридорам, распахивая двери кабинетов и заглядывая в каждый. Юлька, как обещала, поначалу не высовывала носа из-за его спины, но первый страх, неожиданно накативший на нее, когда они приземлились на край клумбы, уже прошел. Никто не кричал, не бежал навстречу, размахивая саблями, с потолка не сыпались стрелы, не щелкали шок-бичи, не рушились стены. Пауки заходили в классы и кабинеты, здоровались, спрашивали Рейнарда, быстро осматривали помещения и выходили, прося до окончания операции оставаться на своих местах. Кто-нибудь задерживался в конце коридора или у лестницы, вытащив сабли из ножен, и перегораживал дорогу чересчур смелым желающим прогуляться. На некоторых кабинетах были таблички, кое-где — указатели, но Шандр сказал, что скорее всего Рейнард находится в кабинете декана или в библиотеке.

— Когда Вечные искали его, Зеркало показало помещение с множеством книжных полок и большим рабочим столом в центре, — пояснил он.

— Вряд ли Рейнард все еще там, — предположила Юлька. — Мы сильно на шумели, когда пришли.

— Если он занят управлением Нигейром, ему не до внешних шумов, — возразил Шандр. — Нужна предельная концентрация. Что касается шума, мы пришли быстро и достаточно неожиданно. В невоенной организации реагирование всегда отстает от информирования. Да и информирование медлительное. Это школа университетского типа, а

не крепость.

— Тогда почему баллисты стреляли? — удивилась Юлька. — Виммы-то обычные. У них тут что, всегда по всем палят?

— Кто-то их предупредил. Звончек был. Из Эксеры, например. Или из-под бока у Реваля.

— Вот и получается, что ему разумнее уйти. Вообще уйти отсюда, — упиралась Юлька.

— Тогда он упустит контроль над Нигейром, — возразил Шандр. — Я бы остался, ожидая развития. Но в готовности.

В конце концов Юлька, осмелев, решительно обогнула его и, сунувшись в ближайший кабинет, улыбнулась одной из своих самых очаровательных улыбок.

— Простите, вы не подскажете, как пройти в библиотеку? — спросила она, хихикнув, и получила спокойный и обстоятельный ответ, где та находится. — А в кабинет декана? А там книги есть? А где тут большая и красивая комната с книгами?

Над ее вопросами немножко посмеялись, но ответили подробно и доходчиво. Шандр тихо замер у стены, и брови его с каждой секундой ползли все выше.

Библиотеку они нашли в конце коридора, но там было тихо и пусто, и никого, кроме худенького айора, заснувшего прямо на книжке, не наблюдалось. Кабинет ректора оказался на третьем этаже, и тут Шандр отодвинул ее за спину и велел подниматься максимально бесшумно. Они шли по коридору почти на цыпочках, но мягкая цветастая ковровая дорожка и так глушила шаги.

На несколько секунд Шандр замер перед дверью, прислушиваясь. Потом резко толкнул ее и быстро вошел, мгновенно оказавшись у широкого и массивного письменного стола, на котором лежала стопка бумаг. В кабинете было пусто... Опрокинутое кресло лежало у стены, окно было распахнуто настежь.

— Ты была права, — бросил он с досадой, оглядываясь по сторонам и поднимая кресло. — Хотя может, это не здесь...

Юлька сделала шаг вперед, собираясь войти, но распахнутая вовнутрь дверь неожиданно поехала обратно, и Юлька раздраженно пнула ее ногой. В это же мгновение раздался характерный и хорошо знакомый свист и негромкий хлопок — один, затем другой. Шандр дернулся, успев отреагировать, но поздно — одна стрела, мерцающая тускло-серебристым охвостом, глубоко вонзилась ему в спину, вторая, дымчато-черная с красным, воткнулась в правый бок чуть ниже ребер. Он содрогнулся и замер на мгновение, а потом медленно осел на пол, прямо под распахнутым окном в парк.

Глава 12. Вагабр

Потеряв меня из виду, Нигейр снова развернулся в сторону Рузанны. Я тяжело вздохнул — он возвращался туда, словно заведенный. Как же его из ипостаси-то выбить... Как в прошлый раз — сбив на землю?

Я рванул следом за ним, нагнал и что есть сил ударил вдогонку фэйром. Его швырнуло вперед и вниз, но он, кувырнувшись, удержался и выровнял полет. Я подрос так, чтобы стать больше него и, набрав скорость, снова ударил — грудью, усиленной металлом, и фэйром одновременно, давя его к земле. Падая, он удачно резанул по мне Асгаротом, задев крыло, но пострадали только перья. Затормозить падение ему удалось уже у самой земли, и он, приземлившись, снова взлетел, несясь на меня со всей своей драконье-змеиной яростью. Плеть вырвалась у него из когтя, почти достав мое крыло, я даже ощутил жар почти у самого плеча, и чудом успел упасть ниже, чтобы избежать ожога. Развернувшись, я поднялся выше, накапливая фэйр — сказывалась усталость, быстро концентрировать заряд уже стало трудно — и, дождавшись, пока он нагонит меня, снова разогнался и снова ударил, телом и стихией.

Неожиданно он захлестнул меня шипастым хвостом, увлекая за собой в падении. Я рванул, попытавшись высвободиться, но он удачно зацепил меня через крыло и теперь волок вниз. Срочно сбросить размер... через несколько мгновений я высвободился из захвата и, все еще чувствуя шейю его железную хватку, опять пустился наутек к лесу, чтобы немного передохнуть, отсидеться и подумать, как действовать дальше. Похоже, мы зря рассчитывали, что, отобрав медальон-поводок, тем самым вернем ему разум. Не так оно работает. Или не работает вообще.

Он гнался за мной до самого леса, но я проворно шмыгнул в кусты, едва увернувшись от очередной плети. И уже в чаще почувствовал чье-то властное, давящее присутствие. Змей налетел на верхушки сосен, поломав телом множество веток, затем тоже попытался уменьшиться, но его возможности менять размер не были такими гибкими. Отлетев назад, он яростно хлестнул плетью по кустам, но я уже выпорхнул оттуда повыше, ища источник, от которого волной распространялся тяжелый, давящий приказ — повеление остановиться. Ни разу в жизни не попадал я под его действие, но знал, что это в его власти. Он может остановить и принудить к повиновению даже самого строптивого Вечного. Для того он и существует — Вагабр.

Нигейр все еще метался по поляне, время от времени налетая на верхушки деревьев и срезая их клинком. Я осторожно выбрался из чащи, обойдя его стороной, и, завидев с другого края большого белого оленя, устроился неподалеку, напряженно следя, что сейчас произойдет. Справится ли Вагабр со Змеем, находящимся под чужим контролем, когда сам давно забыл, что значит быть человеком? Не пришлось бы защищать беднягу от очередной эгри-плети...

Змей меж тем яростно метался над опушкой, и я неожиданно догадался, что его нервные броски вызваны не моими поисками, а схлестнувшимися в его сознании приказами, противоречащими друг другу. Олень медленно, но неуклонно приближался. Змей издал сдавленный горловой крик, метнулся вверх, а затем камнем упал вниз, сев и распластавшись по земле, трясая, дергая, мотая головой. Неожиданно приподнявшись, он кинулся на Вагабра, почти достав его длинным алмазным когтем, но олень, отпрыгнув в сторону, подцепил своими величественными белоснежными рогами кончик его крыла...

Мне показалось, что Змей дернулся от боли и... стал уменьшаться, судорожно изгибаясь и трансформируясь в обыкновенного человека. Я с облегчением выдохнул и, слетев с ветки, тоже принял человеческий облик. Поднявшись на ноги, я с изумлением обнаружил, что на месте оленя тоже стоит человек.

Столкновение со Змеем и необходимость применить против него свою вечную силу тоже вернуло Ваэлю человеческий облик.

Подбежав к ним, я обнаружил потрясенного и растерянного Сашу, сидящего на траве в полном удручении. Осознание того, что произошло, настигало его с жестокой неотвратимостью. Похоже, поводок, на котором его удерживал Рейнард последние сутки, все-таки порвался.

— Зачем ты напал на Рузанну? — спросил я, на всякий случай вытащив из ножен одну из сабель, но его настолько ошеломил мой вопрос, что я на всякий случай отодвинул ее подальше.

— Я напал на... Рузанну? — переспросил он.

— Показать последствия? — уточнил я, ничему не удивляясь.

— Мне...я... был уверен, что город в опасности. Нападение Анг Мирта... Грань порвалась прямо в столице... нэрги... на улицах. Разве этого не было?

— Нет.

— На меня кидалась какая-то тварь, — он сжал виски и закрыл глаза, словно его голова раскалывалась от боли. — Большая черная тварь, вырвавшаяся из Маара. Порождение Некроса.

— Ну спасибо, — буркнул я. — Ладно, потом поговорим. Сможешь обернуться и долететь до резиденции Реваля под Эксерой? Кольер ждет тебя.

На его лице появилось отвращение.

— Я не хочу принимать облик, — сказал он с ненавистью и отчаянием. — Лучше сдохнуть человеком, чем так.

— Тогда жди, пока я доберусь до Реваля и пришлю сюда вимму, — сказал я и повернулся к такому же ошалевшему Вагабру. — Ты как?

Ваэль стоял рядом, внимательно слушая наш разговор.

— Сколько... сколько времени я провел в облике? — спросил он хрипло, с трудом ворочая языком, словно бы с трудом возвращая себе навык человеческой речи.

— Порядочно, — вздохнул я. — Около двух месяцев.

Он охнул.

— Я пришлю виммы, — пообещал я. — Никуда отсюда не уходите.

Глава 13. Убийство

— Он умер? — с ужасом спросила Юлька, глядя на Рейнарда, выходящего из-за двери и опускающего арл.

— Нет, к сожалению, — ответил тот раздраженно, бросая арл на пол и протягивая руку к ярко светящемуся у него на груди ариаду. Поднеся его к глазам, он замер в неподвижности, видимо, восстанавливая прерванную связь с объектом в кристалле, а потом перевел взгляд на Юльку. — Ты сбила мне прицел, толкнув дверь. Ты обеспечила ему нелегкую смерть, — с издевкой продолжил он. — Стазис его надолго обездвигил, но не убил. Скорее всего, он сейчас в сознании и слышит нас, только шевельнуться не может. Ну а некрос-стрела вошла не полностью, значит, наэр будет медленно просачиваться в его тело, вызывая судороги. Его ждет медленный некроз. Когда наэр доползет до аорты, кровообращение прервется, сердце остановится.

Юлька метнулась к неподвижно лежащему главе Пауков, чтобы выдернуть вторую стрелу, но Рейnard перехватил ее, отвесил жесткую пощечину и швырнул в противоположную от окна сторону, к полкам.

— Сиди тихо, дура, если хочешь жить, — негромко сказал он и захлопнул дверь, запирая ее на замок. Потом закрыл окно, от которого сквозило холодом, поднял кресло и, положив медальон на стол, сел и уставился на мерцающий камень, который отчетливо пульсировал, то разгораясь ярким голубым огнем, то затухая до темно-синего. — Как тебя сюда занесло, хотел бы я знать, — пробормотал он, морщась и потирая виски.

— Попутным ветром, — огрызнулась она, с трудом поднялась и села на пол около полка. Разбитая губа стремительно опухала, она ушиблась бедром и локтем при падении, а уж колени, разбитые утром, отозвались вспышкой мучительной ноющей боли. Осторожно подвинувшись поближе к письменному столу, она не сводила глаз с Шандра, все еще надеясь, что ей удастся незаметно до него дотянуться. Некрос-стрела действительно вошла не полностью, в теле был только наконечник, но он успел раскрыться, хотя судя по глубине, лишь частично. Юлька судорожно пыталась вспомнить скорость распространения наэра в живых средах, но ничего подобного они на первом курсе еще не изучали.

Надо позвать на помощь, подумала она. Ширин позвать. Через Маар. Или хотя бы предупредить через нее, что у нас все сорвалось. Она привычно сосредоточилась, но ожерелья на ней не было, она еще ни разу не надевала его в Альбре — не было необходимости. Рейnard, заметив, что она закрыла глаза, встал из-за стола и сильно тряхнул ее за плечи.

— А ну смотри на меня, — прошипел он. — Не смей. Да и не поможет это тебе — ее только что такой же стрелкой сбили.

— Врешь, скотина, — огрызнулась Юлька, внутренне испытав приступ ужаса. Вряд ли Ширин сильно пострадает от стрелы Некроса, хотя бы потому, что наэр ее родная среда. Скорее она его впитает... Но сама стрела — тоже оружие, она ранит, а летучая мышь не такая уж и большая...

И там Рес, подумала она. Его тоже могут. Хотя он запасся щитами, но все-таки...

Она внимательно оглядела кабинет. Как бы так перебраться поближе к Шандру и выдернуть стрелу? Хотя если она ее выдернет, этот подонок может его добить, из опасения, что тот оживет.

Меж тем Рейнард раздраженно мотал головой, то вставая, опираясь на ладони, то снова садясь в кресло. Там, над Рузанной, события явно развивались не так, как он хотел.

— Зачем вы все это устроили? — спросила она, не сводя с него глаз.

— Надо было, — отрезал он. — Что, любопытство замучило?

— Да, — ответила она.

— Тогда скажи, зачем ты к Ворону потащилась.

— Нравится он мне, — ответила Юлька. — Единственный приличный человек в вашем гадюшнике.

— Ах вот оно что, — хмыкнул тот. — А Дмитрий вещал, что ты в Алекса влюблена, хвостом за ним бегаешь.

— Скотина болтливая, — ругнулась Юлька. — Бегала когда-то, да вы из него такую тварь сделали, что теперь от него бегать приходится.

— Языкастая, — хмыкнул Рейнард, не отрываясь от медальона.

Из коридора донесся шум шагов, перекрываемый голосами.

— Не вздумай рот открыть, — угрожающе прошептал Рейнард. — Убью.

Ручка двери дернулась раз, другой, потом кто-то постучал. Юлька затаила дыхание, надеясь, что Пауки или сломают дверь, или хотя бы потребуют от местного руководства открыть ее. Стук повторился, ручка еще раз дернулась...

— Надо бы проверить, — донеслось из-за двери.

— Ключи от кабинетов на первом этаже, у сторожа, — пояснил второй голос. — Ты иди дальше, а я, если что, потом вернусь, если не найдем ничего. Командир сюда поднимался, вряд ли он что-то пропустил.

"Идиоты непуганые", — подумалось Юльке с отчаянием.

Слушая, как они уходят, она с тоской закрыла глаза.

— Что вам от Саши нужно? — спросила она после паузы, чтобы хоть как-то заполнить гнетущее молчание.

— Взаимной любви, — хохотнул он. Потом оторвал взгляд от медальона, облегченно откинувшись назад в кресле. — Все. Свалил твой Ворон. Устал с Аспидом в догонялки играть. Драпанул в кусты, на елке прячется, — негромко рассмеявшись, он погладил пальцами пульсировавший медальон. — А нет, совсем сбежал. Все, хвала богам. Угомонился.

— Это я его вызвала, — соврала Юлька, с ненавистью глядя Рейнарду в глаза. — Через Маар. Я теперь умею. Он сейчас сюда прилетит. Он быстро летает, ему шеадры не нужны, он прямо через Грань может. И тогда тебе, сволочь, конец.

Какое-то время он смотрел на нее тяжелым немигающим взглядом. Потом встал, поднял арл с пола, открыл шкаф, находящийся рядом с дверью, и вытащил из него еще одну пару стрел — стазиса и некроса. Ловко и умело зарядив стрелу стазиса, вторую стрелу он положил рядом на край стола. Потом подошел, отпер дверь и вернулся обратно, мельком и с насмешкой глянув на Юльку.

— Что ж, давай подождем Ворона, — сказал он, присев на край стола и положив арл на колени. — Так даже вернее будет.

— Ему ваша стрела — как слону дробина, — фыркнула она.

— Не скажи, — возразил Рейнард. — В таком сочетании — стазис плюс некрос — они мгновенно выведут его из строя, — и он глазами показал на Шандра. — Ну а потом, — он кивнул на кинжал, стоящий на столе на декоративной подставке, — обезглавливание. Он

даже не рыпнется. Пожалуй, я тебя благодарить должен, — хмыкнул он. — За то, что позвала. Он точно знает, куда лететь?

Юлька не ответила. Кинжал. Почти рядом — протяни руку, и вот он. Надо только встать, причем так, чтобы этот мерзавец ничего не заподозрил. И бить... куда бить? В шею. Точно в шею, одним ударом, на второй у нее не будет шансов.

Она закрыла лицо руками, прикинувшись, что расстроена. Потом убедительно всхлипнула. Потом тяжело задышала. Потом изобразила, что ей плохо и ее тошнит, перевернувшись на четвереньки. Рейнард все время отвлекался на нее, тревожно поглядывая, и одновременно настороженно прислушиваясь к шагам в коридоре.

— Можно я встану? — тяжело дыша, спросила она.

— Сядь в мое кресло и не дергайся, — буркнул он. — Что, хороши ночки были в Северной Башне?

— А то, — бросила она, медленно, словно бы с усилием, выпрямляясь и всем телом нависнув над краем стола, как раз в том месте, где находился кинжал. — Есть что вспомнить.

В этот момент в коридоре раздался какой-то подозрительный шорох. На человеческие шаги это не походило, но Рейнард взял арл в руки и прицелился.

— А ну тихо, — угрожающим шепотом рявкнул он, но Юлька уже выдернула кинжал из декоративных ножен и, ударив левой рукой по арлу, правой всадила кинжал ему в шею. Он дернулся и нажал на спуск, стрела соскочила и воткнулась в дверь, пробив ее насквозь. Толкнув его на пол, Юлька кинулась к Шандру, выдернула одну стрелу, затем другую, повернула его лицом и стала искать пульс. Жилка на шее редко, но отчетливо билась.

Схватив медальон со стола, она надела его себе на шею, выскочила в коридор и заорала что есть сил

— На помощь!

Потом оглянулась на все еще дергающегося в конвульсиях и пытающегося встать Рейнарда. Кровь заливала грудь, глаза выпучились, он судорожно пытался дотянуться до кинжала и хрипел. Осознав, что она только что убила человека, Юлька отчаянно закричала. Надсадный крик перешел в рыдание и она сползла по стеночке, закрыв глаза и захлебываясь истерикой. К счастью, почти мгновенно на этаже появились люди в черной с синим форме, и сквозь пелену слез стали проступать знакомые лица. Вцепившись в первого же из своих, она пуганой скороговоркой сказала про Шандра и показала медальон. Не в состоянии самостоятельно и внятно соображать, она дала отнести себя к вимме, и, глотнув свежего и холодного осеннего воздуха, вдруг пришла в себя, потребовала поставить ее на землю и кинулась к уже собирающейся взлететь вимме.

— Куда мы? — спросила она воина за рулем, втискиваясь рядом с бесчувственным Шандром и кладя его голову себе на колени.

— К Повелевающим, — ответил тот. — Тут рядом Брантом, с доменом Даллаха. Никому больше мы не готовы доверять.

Глава 14. Конец пути

Кольер с облегчением вздохнул, когда услышал, что его ученик цел и невредим. Обошлось... Хотя... судя по рассказу Хэйгена, мальчик совершенно не представлял, что происходит. Он думал, что спасает Рузанну от нападения нэргов.

— Я заберу его оттуда, — сказал он хрипло, вопросительно глядя на Хэйгена. — Вы покажете нам дорогу?

Рессер устало кивнул.

— Тут недалеко. Ширин не появлялась?

— Она вышла на связь из Нуэйна, как только добралась домой, — сказал Реваль. — В Эксере ей оказали первую помощь, но настойчиво пытались удержать от попыток ее покинуть. В конце ей пришлось дать жесткий отпор Эгулу, чтобы вырваться оттуда. Говорит, с ней все более или менее в порядке, рука за неделю должна срастись.

— Значит Эгул тоже с ними, — подытожил Ворон. — Кто еще?

— Я знаю не больше тебя, — вздохнул Реваль.

— Шандр не звонил?

— Нет. Из Бертока никакой информации не поступало.

— Я покажу вам дорогу, а сам — туда, — сказал Хэйген. — Там явно что-то пошло не так, — он устало поднялся с кресла, залпом допив кофе.

— Ты хоть не ранен? — обеспокоенно спросил Реваль.

— В этот раз — нет. Но устал невероятно. Шевелиться не хочется, — ответил Ворон.

— Хотел бы я знать, что происходит в Эксере, — пробормотал Реваль. — Не пришлось бы брать ее приступом, — и он вопросительно посмотрел на Кольера. — Тащи своего мальчишку сюда, возможно нам понадобится пара ваших триад, чтобы восстановить над ней контроль.

— Я не думаю, что в этом есть необходимость, — ответил Кольер после паузы, покосившись на Ворона, но тот явно думал о своем и не придавал особого значения реплике Ревалья. — И я бы выждал. Пусть Ваэль придет в себя и сам разберется, что там происходит. Это его вотчина, ему и принимать решение.

— Он два месяца просидел в шкуре, — раздраженно проворчал Реваль. — Ты уверен, что он способен адекватно соображать?

— Ничего ужасного за пару дней не случится, — сказал Кольер как можно тверже.

— Не уверен, — буркнул старый шаам.

Рессер вопросительно оглядел их обоих

— Давайте поторопимся, — сказал он с недовольством в голосе. — Вагабра, я считаю, стоит привезти сюда и быстро ввести в курс дела. Он нормален. Просто в шоке. Алекс... насколько я знаю от Ширин о ее экспериментах с медальонами, люди, которым отдают приказы, принимают их за свои собственные побуждения. Я бы хотел с ним поговорить, когда вернусь, — он вопросительно посмотрел на Кольера и тот кивнул. — Расспросить подробно, что за картину он видел. Она показалась мне достаточно правдоподобной.

Выйдя на крыльцо, перед тем как сесть в вимму, Кольер остановил Ворона.

— Он слишком рвется в Эксеру, — сказал он с досадой. — Пока Ваэль слаб. При чем хочет взять ее нашими руками. Вернее, руками Нигейра.

— Я до сих пор не вижу цели, — возразил Рессер после паузы. — Зачем ему? Сесть

вместо Вагабра он все равно не сможет. Власти, влияния и могущества у него достаточно, чтобы давно перестать играть по-крупному. Он, скорее, по привычке пытается все держать под контролем, — тут он хмыкнул. — Мне, например, шпионку подсунул...

— Он может делать это из лучших побуждений, — предположил Кольер. — Благими намерениями вымощена дорога в ад.

— Это теми, ради которых вы притащили сюда мальчишку с Основы, чтобы сделать из него Нигейра? — ядовито усмехнулся Ворон.

Кольер проигнорировал его шпильку, чтобы не затевать несвоевременный спор.

— Я не дам Алексу остаться у Ревалю, — твердо заявил он. — Мы вернемся в Наган-Карх.

— Я, наверно, вечером к вам заскочу, — пообещал Рессер. — Может, Юлю привезу, если она захочет. И займись Румянцевым. Надо узнать, кто им управляет. Этот парень способен натворить не меньше дел, чем его... старший товарищ.

— Если б я знал, я бы давно решил эту проблему, — буркнул Кольер. — Могу только предположить, что сам Рейнард или кто-то из его окружения.

Ворон не ответил. Трансформировавшись, он поднялся над зданием, ожидая, пока Кольер сядет в вимму.

На пути домой Саша молчал. Кольер вел вимму стремительно, стараясь как можно быстрее покинуть Ар Лессен, чтобы избежать встречи с Ревалем и его людьми и разговоров о силовом захвате Эксеры. Путь до шеадра в Карху короткий, а там уж до замка нагов рукой подать.

— Кто звонил тебе из Эксеры? — спросил Кольер, думая, как еще можно раскрутить эту цепочку событий и выявить круг причастных.

— Я его не знаю, — ответил Саша едва слышно. — Попросил срочно прибыть, от имени Вагабра. Мол, нужна помощь.

— Срочно прибыть ты можешь только по прямому приказу самого Вагабра, — устало пояснил старый наг. — Личного. И то... он не станет приказывать равному, только попросит. Тебя взяли на неопытность.

— Да я уже понял, — вздохнул он. — Я посмотрю на гворе, какие в его памяти остались номера.

— Посмотри, — кивнул Кольер. — Расскажи, что ты помнишь.

— В меня никто не стрелял, — сказал Саша после длительной паузы. — Я вышел из шеадра, обернулся и полетел в Эксеру. Потом... потом провал, вроде бы помню, что почувствовал голод и полетел охотиться, куда-то далеко от города, я тех мест не знаю. Помню, как охотился, две жертвы, кажется. Вернулся... в какую-то красивую старинную усадьбу, трансформировался, потом даже говорил с кем-то. Какие-то люди... лица мелькают, но я никого из них не знаю.

— Не озеро в горах?

— Нет, — твердо сказал он. — Место где-то в Ар Лессене, равнинное. Старый большой дом, нарядный такой, белый с серым и синим, с четырьмя башенками, серебристо-голубой крышей, с садом.

— Похоже на очаг Лануэль в Талесе, — сказал Кольер, против правил опуская вимму на верхней, посадочной площадке, предназначенной только для Крылатых. Ничего, она все равно вернется на стоянку в автоматическом режиме. Мальчик еле стоит на ногах... Они его изрядно потрепали, Хэйген и Ширин, но ничего, все хорошо закончилось. Он быстро

восстановит силы. И надо понять, кто его сделал, этот медальон. Портрет нарисовал Альсар, еще в начале осени. Связующая среда — кровь, слюна, кожа, волосы... что еще? Ах да, семя. Кто-то из его любовниц — а их за это время было немало — заслан Рейнардом. Кто именно? Надо устанавливать... хотя это тоже не проблема. Найдем. И в-третьих, кто из элементаров сделал сам медальон? Может, и сам Рейнард, подумал он. А может, кто-то из его людей, у него там все как на подбор с нужным профилем силы.

— Я, наверно, там ночевал... — продолжал Саша, пока они шли вниз, а потом снова наверх, в личные покои Аспида в его башне. — А рано утром мне сообщили, что в Рузанне разомкнулась Грань и пол-столицы попало под атаку нэргов и боевых болидов. Что все наша гвардия поднята по тревоге — защищать столицу. Я помню, что мчался как сумасшедший.

— Ты действительно видел нэргов и болиды? — спросил Кольер, поражаясь удачной легенде. — Анг Мирт граничит с Ар Лессеном, но зона соприкосновения достаточно далека от Рузанны, она на севере, в лесистой, менее населенной части.

Саша пожал плечами.

— Почему мы так уверены, что разрыв Грани не может случиться в Рузанне?

— Потому что соприкосновение пространств есть не везде, — ответил Кольер. — Спроси Хэйгена, он тебе подробно и доходчиво объяснит. Он умеет. Раз уж студенты понимают...

— Ну, я поверил, — буркнул Саша. — Должен признаться, образы нэргов были нечеткие, но в целом картина соответствовала тому, что я видел во время разрыва Грани раньше. А потом на меня стала нападать большая уродливая тварь. Весьма отвратительного вида. Я понял, что должен ее уничтожить.

— Ворон отгонял тебя от Рузанны за город. Ты использовал эгри-плеть, ударяя ею по зданиям. Ширин тоже там была, но ее сбили стрелой Некроса.

— Да, у меня действительно был шок-бич, — согласился Саша. — Про плеть мне рассказывал Рейнард, я пробовал, будучи в облике, но получалось плохо.

— Сегодня получилось, — сказал Кольер, останавливаясь в приемной перед дверью его кабинета. — Может, тебе лучше отдохнуть?

Саша покачал головой.

— Вечные считают, что мною управлял Рейнард, — сказал он с неожиданной злостью в голосе. — Ты уверен? Это точно?

— Я лично видел, как он держал в руках ариад естественного происхождения с твоим изображением внутри. Управлял он им или нет — проверить невозможно, только спросить у него лично, и то... не уверен, что мы услышим честный ответ.

— Тогда я доверчивый дурак, — сказал он с горечью. — Пойдем? Побудь со мной... Сейчас я не смогу быть один. Боюсь, что оно опять... У меня есть странное чувство, что связь... что она не прервана и за мной кто-то наблюдает.

— Ворон подозревал, что там, в Бертоке, что-то случилось, — Кольер толкнул дверь и первым вошел в кабинет, принадлежащий Нигейру. Хорошо знакомый специфический свист заставил его вздрогнуть, а потом он почувствовал, как одна, а затем вторая стрела воткнулись ему прямо в грудь. Боли не было, лишь знакомое холодное онемение от стазиса сразу же выключило все чувства. Две стрелы, подумал он растеряно. Стазис и... наклонить голову, чтобы посмотреть на себя, он уже не смог, но блик, красный отблеск второй стрелы на полу комнаты сказал ему правду. Он еще успел увидеть прямо перед собой, за Сашиним столом, перекошенное изумлением лицо Румянцева, роняющего арл, и самого Сашу,

который подхватил его, опустил на диван и бросился к Румянцеву. Потом его глаза закрылись и наступила темнота.

Глава 15. Безумие

— И тогда я его убила, — сказала Юлька с дрожью в голосе. — Кинжалом со стола.

— Ты молодец, ты все правильно сделала, — сказал я уверенно, проклиная себя за неверно принятое решение. Говорила же мне Ширин — лети туда сам, ты возьмешь Рейнарда быстрее. Но меня понесло крыльями махать... Мне казалось, что Нигейр обязательно совершит нечто непоправимое, и я во что бы то ни стало должен его удержать, и никто другой больше с ним не справится. Результат моей ошибки едва не стал фатальным для двух близких мне людей.

Шандр еще не пришел в себя, хотя стазис уже немного отпустил его и он мог шевелить пальцами и чуть-чуть двигать головой. Повелевающие заверили меня, что с ним все будет в порядке. Первая стрела, стрела стазиса, вошла под лопатку и обездвижила его, но легкие чудом оказались целы — спасла плотная кожаная куртка. Наконечник второй стрелы по этой же причине и потому, что прицел у арла сбился, когда Юлька толкнула дверь, вошел в тело лишь частично, звездочка, содержащая заряд наэра, раскрылась не полностью, и в кровь попала лишь часть смертельной дозы. Ему сказочно повезло. От расплзающегося по мышцам паралича и последующего некроза под воздействием наэра его спасли Повелевающие, умело обратив процесс вспять. Ему предстояло восстанавливаться, но я уже знал, что очень скоро увижу его у себя в башне. В этом мы с ним были одинаковы.

— Я убила человека, — возразила она. — Даже не в целях самозащиты, а просто... почти бездумно убила.

— Человека, который почти убил одного и собирался убить другого, — сказал я. — Во время войны. Мы с тобой на войне, увы... только враг не на линии фронта, а окопался.

— Может быть... — прошептала она. — Все равно жесть... Я ни о чем другом думать больше не могу. Все время вижу его выпученные глаза и кровищу...

Глядя на ее разбитые губы, я с грустью думал, что даже поцеловать ее не могу — ей будет больно. Тоже мне, защитник... Мы не только не уберегли ее, мы подставили ее еще сильнее, продемонстрировав противнику, что она на нашей стороне. И подвергли еще большей опасности. Рейнард ее бил, Шандр заставил рисковать собой, когда снимал стрелков с баллист, а теперь она, вместо того, чтобы отдохнуть и успокоиться, сидит тут, в госпитале Повелевающих, судорожно сжимая в руках проклятый слепок Нигейра, и ждет меня, чтобы сдать свой тяжкий пост.

— Ты пришла к нам за защитой, но мы тебя не защитили, — сказал я с горечью. — Только сделали еще хуже, втянув в наши разборки. Прости...

— Что ты, я же сама, — сказала она с печальной улыбкой. — Это было мое собственное решение. Шандр не звал меня, я сама увязалась.

— Если бы не ты... — я покачал головой.

— Был бы кто-то другой, кто шел бы следом, — закончила она. — Скажи лучше, что мне делать с этим медальоном? Заберешь его? Или отдать Ширин?

— Пусть он пока останется у тебя, — решил я. — Но лучше всего ему будет у Саши. Отдай ему и пусть он лично, при тебе, расплавит его в печке. Но сначала я встречу с ним и разберусь, что именно он видел. Ему очень грамотно внушали картину нападения на Рузанну со стороны Анг Мирта. Я бы даже не сказал, что он впал в безумие — он искренне верил, что спасает город от каких-то тварей. Рейнард цепко держал его сознание в своих руках, не

позволяя увидеть реальность.

— Говорила тебе Ширин, что она продолжила эксперименты с медальонами? — спросила Юлька. — Они в Нуэйне сделали еще несколько. Разным людям, участвовавшим в эксперименте, внушали одно и то же, но во всех случаях получалось, что зависимый ведомый видел некую собственную картину, в зависимости от личного опыта и характера. И один и тот же приказ они понимали и выполняли по-разному.

— Да, она рассказывала, но кратко, — кивнул я. — Выходит, чтобы толкнуть зависимого на какой-то нужный хозяину поступок, тот, у кого поводок, должен неплохо знать его.

— Рейнард проводил в Наган-Кархе почти все вечера, — сказала она. — А еще они встречались где-то на территории самой школы, для регулярных занятий. Ты сейчас туда? В Наган-Карх?

— Да, — кивнул я. — Хочешь со мной?

Она покачала головой.

— Пока нет. Придется столкнуться с зомби — Румянцевым, а я пока не готова с ним ничего обсуждать. Кинэн мне тоже как-то несимпатичен.

— Тогда давай я отвезу тебя в Альбре? С Шандром все будет в порядке, сама видишь.

Она задумалась.

— Я посижу еще немного, — решила она. — Дождусь, пока он придет в себя. Расскажешь мне потом, как вы поговорили?

— Обязательно, — кивнул я и погладил ее руки. Больше всего на свете мне хотелось увезти ее куда-нибудь подальше отсюда, в красивое тихое место, и остаться там надолго, забыв о существовании всего остального мира с его дурацкими проблемами. Но вместо этого я поднялся со стула, изобразив бодрость и присутствие духа, неестественно весело улыбнулся и натянуто попрощался, досадуя на себя за все подряд.

Поднявшись в воздух, я все еще продолжал думать о ней и Шандре, оставленных в маленьком провинциальном госпитале на попечении людей Даллаха. Мне было страшно. Что если за ними начнется охота? А меня опять несет по каким-то архиважным делам, которые потом, по сути, окажутся неважными и ненужными, и не совершаю ли я опять одну и ту же ошибку...

С каждым взмахом крыльев со дна моей души поднималась мутная ненависть к Саше. Нигейр Алекс... Безмозглый идиот, легкодоступная игрушка, бомба замедленного действия... С тех пор как он пересек Грань, разделяющую наши миры, все пошло наперекосяк. Этого ли хотели наши радетели экстенсивного развития? Что-то не слышно их никого, после длительного отсиживания в шкурах, потери человеческого разума и облика, один Реваль за всех отдувается, и непохоже, чтобы он активно поддерживал юного Змея. Скорее наоборот.

Надо закончить все это, пока не стало еще хуже. Сейчас, пока он слаб, устал и раздавлен предательством, дезориентирован покушением на его сознание и волю. Сабли со мной, никто не ожидает, что я нападу. Войти в Стекланную башню, добраться до его кабинета, и, не произнося ни слова, смахнуть с плеч его дурную голову. Тихо, не привлекая внимания. А потом уйти, плотно закрыв за собой дверь и вежливо попрощавшись с секретарем. Никто и не остановит... Даже если узнают — не посмеют остановить.

Наган-Карх, суровая каменная твердыня на окраине ирнанской столицы, был уже совсем близко. Стекланная башня, острый шпиль-меч, рассекающий небеса, светилась

огнями. Асимметричным лучом выступала темная и безжизненная башня Аспида. Он там или нет? Странно... Я вдруг сообразил, что давно не был в Наган-Кархе и уж совсем никогда не поднимался на башню Аспида, в его отсутствие она оставалась недоступной. Уже почти стемнело, и хотя все посадочные площадки хорошо освещались, я вдруг засомневался, где мне садиться. Ярость нахлынула дурманящей разум волной, и я, описав круг над замком, хотел уже было приземлиться прямо во внутреннем дворе, но, завидев там фигурки людей, резко передумал. Если я убью Алекса, мне придется убить и Кольера, он неминуемо кинется на защиту своего птенца, орден Аспида опять останется без главы, и тогда уж точно захиреет окончательно. Ярость захлестывала меня, но я смог подавить эмоции. Сейчас не время для неразумных стихийных поступков.

Поднявшись над Наган-Кархом, я волевым усилием оторвался от созерцания Стеклобашни — я вдруг понял, что все это время кружил вокруг нее как заведенный. Не хочу рисковать, пока я сам не в лучшей форме. Надо отложить этот визит хотя бы на день.

Набирая высоту, чтобы прыгнуть через Грань домой, я вспомнил о стрелах, вылетевших из одного из зданий Эксеры. Что за нечисть завелась там в отсутствие Вагабра, нечисть, осмелившаяся поднять руку на Вечную? Или... это его работа? Ваэль был одним из участников авантюры с воплощением Нигейра. А если предположить, что все это время именно он инспирировал и нападения на Вечных, и исследования по созданию зависимых связей? Как правильно заметил Кольер, Ваэль, так же как и Реваль, мог только прикидываться застрявшим в шкуре, а сам успешно руководить происходящими событиями, благополучно оставаясь в тени, незамеченный и незапятнанный. Такая сила, как ручной Нигейр, очень бы ему пригодилась — мы, Вечные, строптивы, каждый мнит себя богом, нас очень трудно приводить к повиновению. Ему будет гораздо удобнее, если власть полностью сосредоточится в его руках, а нас станет меньше хотя бы на несколько упрямых голов. Ну или всегда можно заменить непокорного и вырастить лояльного преемника, имея Нигейра под рукой в качестве цепного пса-убийцы.

На несколько мгновений я ослеп и оглох, поддавшись новой волне ярости. Стереть с лица земли Эксеру... Убрать этого зарвавшегося молокососа, одного и второго, пока они, объединившись, не уничтожили нас поодиночке.

Незаметно для себя я оказался прямо над Эксерой. Стемнело окончательно, и в Оленьем парке зажглись фонари и засветились цветными лучами фонтаны. Надо долбануть по древнему зданию хорошим ударом фэйра, так, чтобы они все там перепугались и повыскакивали из своих роскошных апартаментов, а потом найти Вагабра. Он не ждет нападения, он расслаблен и уверен в себе, он думает, что всех перехитрил. Отойдя подальше от куполообразных крыш, я начал накапливать силы для удара и формировать центр воронки, и кроны деревьев сразу же откликнулись на первое прикосновение ветра и заволновались под его дыханием. В конце аллеи я внезапно увидел прогуливающуюся влюбленную парочку. Они шли в обнимку, потом остановились под деревом и принялись жадно, торопливо целоваться. Я вдруг ощутил невероятно острую, болезненную зависть. Я уже и не помню, когда я сам вот так, искренне, страстно и бездумно кого-нибудь целовал... Почему я даже не помню, когда это было в последний раз? Воспоминание о том, как сегодня я так и не решился поцеловать Юльку, мучительно резануло меня и погасило гнев.

Очнувшись, я сообразил, что бездумно вымахал до неприлично больших размеров. Что за глупости я тут вытворяю? При чем тут Эксера и Вагабр? Ваэля нет в Эксере, он остался ночевать у Ревалья, попросив того изложить ему в подробностях все последние новости.

Домой, срочно домой... Спать.

Я выскочил над Элезией и, снижаясь над Альбре, снова почувствовал закипающее раздражение. Голод это, что ли, так мутит мне разум... Я действительно давно не охотился, не чувствуя в этом острой необходимости — мой Ворон был спокоен и жажды крови не испытывал. Возможно, после сегодняшнего бестолкового боя следовало бы восстановить силы, пока я не потерял контроль над ипостасью.

Ворон был рад вырваться на свободу. Я позволил ему поохотиться столько, сколько ему требовалось, и потом долго и с наслаждением летал над ночной Элезией, остывая и успокаиваясь, а ближе к рассвету приземлился на верхней площадке самой теплой из Вороновых башен, Южной, находившейся на острове напротив Элласара, но принимать человеческий облик не стал — так и свернулся на теплых камнях и провалился в сон

Глава 16. О друзьях и недругах

На следующее утро очнувшийся Шандр взбунтовался от чересчур трепетного с ним обращения и сбежал домой, принудив Юльку выступить соучастницей. Целители Повелевающих были в шоке: по их мнению, пациент должен был лежать смиренно и не спеша восстанавливать силы, а не рваться на подвиги. Юлька помогла ему дойти до виммы и усесться в нее, а потом, в пути из шеадра в шеадр — выступала подпоркой, поводырем и утешителем, когда он начинал ругаться и расстраиваться из-за немоци. Добравшись до дома, он долго и витиевато, в шамальском придворном стиле, перед ней извинялся.

— Теперь я твой должник на всю оставшуюся жизнь и верный раб, — завершил он. Юлька на всякий случай проверила — серьезен он или шутит. Нет, серьезен, как никогда. — Любое твое желание, любая прихоть...

— Ты бы лучше поберегся, — сказала она с упреком. — Думаю, отсюда ты можешь и лежа всем руководить

— Я так и хотел сделать, — признался он. — Надо бы узнать, вернулся ли Рессер из Наган-Карха и какие у него новости.

Но Рессера с утра еще никто не видел, и Нвер подтвердил, что в башне он не появлялся ни вечером, ни утром.

Дотошно расспросив Юльку о его планах — а она оказалась последней, с кем он общался, Глава Пауков забеспокоился.

— Выходит, он не возвращался оттуда, а может, и не был вовсе, — резюмировал он. — Позвоню-ка я Кольеру...

При ней он набрал номер Стеклоанной башни и попросил секретаря соединить его со старым нагом. На том конце возникла неловкая продолжительная пауза, после чего секретарь предложил побеседовать или с Тэром, или с самим Алексом.

Шандр выбрал Сашу.

— Хэйген у вас не появлялся? — спросил он сухо, после взаимных лаконичных приветствий.

— Его видели вчера над замком, — ответил Саша, и Юльке очень не понравился его голос — хриплый, потерянный, еле живой. — Но он передумал и улетел. Словно почувствовал... что нам не до гостей.

— Что случилось? — насторожился Шандр

— Кольера... убили.

— Кто и каким образом?

— Мой друг и спутник с Основы. Стрелой Некроса. Он собирался убить меня, но так получилось, что Кольер вошел в кабинет первым, — сухо ответил Саша.

— Причины известны? — в голосе Шандра зазвучала неожиданная горечь. — За что он его?

— Это... долгий разговор, — прохрипел Саша.

— Он... не сам? — осторожно уточнил Шандр.

— Я до сих пор не понял, — признался тот. — Он производит странное впечатление. Он вообще не помнит, что в кого-то стрелял.

— Точно он? Может, кто-то его подставил?

— Это произошло на моих глазах, — печально возразил Саша. — Я шел следом.

— Кто еще был в замке в это время? Кроме своих, конечно — постоянных обитателей?

— Никого. Только свои.

— Помощь нужна? — коротко уточнил глава Пауков.

— Пока нет, но... Если Рессер не передумает насчет визита, я был бы рад поговорить с ним.

— Я ему передам, — заверил Шандр и, попрощавшись, выключил гвор.

Какое-то время они ошеломленно смотрели друг на друга.

— Как же его жаль... — пробормотала Юлька, чувствуя в горле ком. — Каким бы он ни был, он Сашу как сына любил. Он действительно о нем заботился. С самого начала. С первых дней.

— Плохо, — вздохнул Шандр. — Кольер, несмотря ни на что, был исключительно умен и осторожен, и очень умело Алекса направлял, даже с учетом стихийности недавно воплотившегося Змея. Теперь парень один, а советчики рядом, мягко говоря, не самые благонадежные.

— Я бы сказала, вокруг него вообще заговор какой-то, — вздохнула она.

— Допустим, план Румянцева, что он озвучил в день твоего побега, это план Рейнарда, — предположил Шандр. — Уменьшить количество Вечных, убрать строптивых — вполне разумная для человека, особенно для главы школы стихий, цель. Сам ваш друг до этого бы не додумался, он птица не того полета, с таким размахом может мыслить только местный, или кто-то из Вечных. Учитывая, что рядом трутся Лануэль и Кинэн, я бы подозревал, что кто-то из них с ним в связке.

— Вчера Кольер озвучил, что подозревает Реваля, — добавила Юлька. — У остальных, как он считал, не хватит сил и возможностей, чтобы повернуть подобное.

— Я бы не стал их недооценивать, — покачал головой Шандр. — И наш собственный Верховный куда-то делся... Хорошо, если просто охотиться полетел, а если нет? Юля... Рессер меня, конечно, убьет, за то, что подвергаю тебя риску, но ты единственный человек, который может поговорить и с Алексом, и с этим вашим Румянцевым по душам. У тебя есть повод — показать Саше медальон-образ, предложить его уничтожить. Заодно и узнать подробности.

— Что если он заподозрит меня... в шпионаже? В вашу с Ресом пользу? — забеспокоилась она. — И что я скажу, если он спросит, как я оказалась вместе с тобой в кабинете Рейнарда?

— Скажешь, что тебя туда отправила Ширин, как специалиста по стихиям, который уже работал с образами. Не думаю, что он станет проверять, — хмыкнул он.

— Хорошо, — согласилась Юлька. — Только переоденусь и возьму крылья.

— Знаешь, мне приходит в голову одно единственное объяснение, — заключил Саша, пересказав ей, как все случилось. — Тот, кто попытался мною управлять, вдруг решил, что я больше не нужен и более того — опасен. И решил сразу же меня убрать. Но если ты говоришь, что Рейнард мертв...

Юлька кивнула. Наган-Карх, обычно оживленный, вымер, горюя по своему бессменному и бессмертному хранителю. Наги не верили, что его больше нет. Все, кто был здесь, и старое, и молодое поколение, не могли представить орден Аспида без Кольера.

— Мне его не заменить, — с горечью бросил Саша. — Никогда мне не накопить столько знаний и столько терпения.

— Неужели Румянцев ничего не может объяснить? Может, я с ним поговорю?

— Он подтверждает, что ждал меня в кабинете. И настаивает, что арла в его руках не было и он ни в кого не стрелял. Со вчерашнего дня в бешенстве, что его заперли.

— Его хоть охраняют?

— Пришлось нигийцев поставить, — вздохнул Саша. — Просил у магистрата Кархи, а то все наши отказались. Я первое время самосуда боялся, но тут очень дисциплинированный народ. Не знаю, как объяснить им, что произошло... Не поверят. Да и я сам еще пару дней назад бы не поверил. Знаешь, я ведь... летал ночью в Рузанну. Все не мог поверить, что мне привиделись и нэрги, и пожиратели грани, и красная прореха через весь город...

— Убедился? — усмехнулась Юлька.

Он печально кивнул. Юлька протянула ему медальон.

— Уничтожь его как можно скорее.

Он долго держал образ в руках, внимательно его разглядывая, то приближая, то отдаляя, пристально всматриваясь в маленькую фигурку себя самого, запертого в голубом камешке.

— Хочешь сказать, что вот эта маленькая штучка, побрякушка, по сути дела, может свести человека с ума? Она такая... безобидная, — растеряно сказал он, откладывая образ в сторону.

— Не веришь? — хмыкнула она, забирая медальон обратно.

— Не очень.

— Зря. Это весьма могущественная и далеко не безобидная вещь. Не игрушка и не украшение. Это оружие. И опасное.

Саша все еще глядел на образ с определенной долей скепсиса.

— Говоришь, ты уже имела дело с этими штуками? Ты можешь показать мне, как он работает? Прикажи мне что-нибудь, — попросил он. — Например, взять какой-нибудь предмет и принести тебе.

Юлька вышла из оружейного зала в его спальню. Настроиться оказалось чертовски сложно, она долго не чувствовала отклика, но через какое-то время медальон потеплел и ожил, а фигурка светловолосого худощавого человечка задвигалась — принялась ходить туда-сюда. Она мстительно приказала ему зайти и снять штаны, в отместку за неверие и за все его предыдущие прегрешения — за запертую дверь, за погоню, за атаку страхом... Он зашел минуты через три, сосредоточенный и серьезный, сел на кровать, развязал и снял ботинки, затем пошел к шкафу, выбрал другие брюки, расстегнул ремень, и, смущенно покосившись на Юльку, попросил:

— Отвернись.

Она расхохоталась.

— Зачем ты собрался переодеваться?

— Они же грязные. Ты же сама сказала, что на них пятна.

— А ну-ка вспомни, когда я тебе это говорила?

— Да только что, когда мы сидели...

Юлька вздохнула.

— Смотри, — она показала ему живой, пульсирующий синевой медальон и двигающуюся фигурку. — Мы же решили поэкспериментировать. Именно это я тебе и приказала. Мысленно.

— Но я же неточно выполнил твой приказ, — изумился он. — Я вообще не слышал никакого приказа. Я вдруг сообразил, что брюки грязные и что их надо переодеть. А когда

увидел тебя, в голову пришла мысль, что ты заметила на них пятна.

— Вот так оно и работает, — кивнула Юлька. — Ты не чувствуешь, что тебе приказывают. Ты сам интерпретируешь команды и домысливаешь обстоятельства. Отсюда и взялись твои нэрги на улицах Рузанны — мозг сам подобрал достоверное объяснение, зачем нападать, и зачем тебе эгри-плеть.

Он долго молчал, потом забрал медальон у нее из рук.

— Надо уничтожить его поскорее. Но как?

— Вынуть из оправы и бросить в плазменную печь, где вы закаляете клинки, — ответила она. — И ты будешь гореть вместе с ним, пока он не растает.

— Это уже неважно, — прошептал он. — Лишь бы избавиться.

Когда вечером они вернулись в Наган-Карх, Саша чувствовал себя еще более удрученным. Пережив болезненный шок, пока ариад горел и плавился, он провалился в какую-то бездну негативных мыслей, переживаний и предчувствий.

— Как же все это омерзительно, — бормотал он, распластавшись в кресле, словно подбитая в полете птица. — Я даже за свои поступки не отвечаю... Человек, которому я доверял и у которого учился, оказался хуже чем предателем — манипулятором. Человек, который был моей опорой, убит, потому что мой друг хотел убить меня. Мне даже посоветоваться теперь не с кем — я не знаю, кому доверять, кто теперь здесь свой, а кто чужой.

— Ты забрался очень высоко, — печально сказала Юлька. — Туда, где холодно и одиноко. Придется привыкнуть никому не доверять. И вполне может быть, что свой — это не тот, кто тебе поддакивает, подталкивает и подзуживает, а тот, кто бьет морду и кричит — остановись, что ты делаешь? — со смешком закончила она.

— Может быть, — прошептал он.

— Где Румянцев? Я все-таки рискну с ним поговорить.

Он проводил ее на нижний этаж здания, где находилась небольшая тюрьма, но камеры там мало отличались от обычных жилых комнат, разве что окна, укрепленные решетками, располагались высоко вверху. Румянцев валялся на кровати, читая книгу. Увидев Юльку, он вскочил на ноги и, скрестив руки на груди, раздраженно спросил:

— Что, тоже пришла потыкать в меня палкой?

— Идиот, — устало вздохнула она, находя стул и садясь. — Что теперь с тобой делать? Тебя даже вывести отсюда нельзя, наги на тряпочки порвут.

— Я его не убивал, — огрызнулся Румянцев. — Не понимаю, зачем вы это выдумали. Козел отпущения нужен? Нет уж, просто так я вам не дамся. Пусть меня судят по здешним законам.

— Так кроме Саши, тебя видел секретарь. Он даже арл в твоей руке заметил. Только ему в голову не пришло, что ты стрелять в кого-то собираешься, — фыркнула Юлька. — Ты лучше задумайся — откуда в твоей голове взялась мысль взять арл и выстрелить? Ты вообще умеешь обращаться с арлами?

— Немного умею, — буркнул он. — Не совсем уж бездарь.

— Что ты делал до того, как пришел? С кем разговаривал? О чем? Тот план, который ты излагал Саше, и который я подслушала — с кем ты его обсуждал?

— Не твое дело, — огрызнулся Румянцев. — Что, в следователя захотелось поиграть?

— Нет, найти тебе оправдание, — спокойно ответила она.

— А мне оно не нужно. Это вы с Колесовым тут прижились и решили поиграть в

команде сильных мира сего. А я этого делать не собираюсь.

Юлька тяжело вздохнула.

— Мне кажется, единственный выход, чтобы спасти твою шкуру — это тайно вернуть тебя домой. Вывести отсюда по-тихому и переправить на Старую Землю. Если хочешь, могу попробовать договориться.

— А кто сказал, что я туда хочу?

— Ты сам, — удивилась она. — В прошлый раз.

— Не на ваших условиях, — отрезал он. — У меня другие планы.

— Тебя ж казнят, — сказала она. — За убийство.

— Не успеют, — бросил он. — А еще у Колесова духу не хватит. Это он с местными Змей-Аспид, потому что они в него верят, как в божество. А я — не верю.

Юлька встала, понимая, что разговор не получился, и что его злость вызывает у нее не менее сильное ответное раздражение.

— Ты подумай над тем, что я сказала, — миролюбиво закончила она, собираясь уходить. — Может быть, другого пути не будет.

— А ты спроси нашего дорогого Змея — он готов казнить друга? — бросил он вдогонку. — И сделай выводы.

— Нет, — ответил Саша, все еще распластанный в кресле. Теперь перед ним появилась еще и бутылка. Юлька понюхала содержимое — явно не вино, больше похоже на что-то крепкое, водку или самогон. — Не готов я его казнить, — заявил он. — Скорее уж действительно лучше отправить его отсюда домой. Попробую поговорить с Хэйгеном... надеюсь, что он поймет.

— Мне показалось, что он словно бы ждет откуда-то помощи, — сказала Юлька.

— Я жду, когда Кинэн за него вступится, — Саша плеснул себе еще полстакана и залпом проглотил. Юлька осторожно попробовала, что это. Похоже на бренди, только слаще. — Он пока не появлялся. Звонил, расспрашивал, соболезнавал, удивлялся. Завтра, наверно, явится.

— А ты?

— Пока тут посидит, — отрезал Саша. — Глядишь, ничего больше не... отчебучит.

Юлька пристально взгляделась в его лицо. Нет, не пьян вроде бы. Она встала, собираясь уйти, но он печально и жалобно посмотрел ей в глаза.

— Не уходи, а? Я теперь боюсь здесь оставаться... один.

— У тебя тут целый замок народу, — удивилась она. — Ты не один.

Он покачал головой.

— Ни одной родственной души, — прошептал он. — Некому, — тут он усмехнулся, — дать мне в морду и крикнуть — остановись, что ты делаешь!

— А, ну это всегда пожалуйста, — рассмеялась она.

— Там есть еще одна комната, — он поднялся, уводя ее из оружейного зала в противоположную сторону, на площадку, с которой начиналась лестница наверх. Под витком лестницы обнаружилась ниша, которая при нажатии на один из камней с неотчетливой, стертой фигуркой змея, превращалась в дверь. Там, за дверью, была еще одна просторная комната, с широкими полукруглыми окнами во всю стену, светлая и уютная, с собственной ванной комнатой, с огромной роскошной кроватью.

— Для любовницы, — хмыкнула Юлька. — А что, миленько. Ну... только ради кровати, — заявила она. — И вида из окна. И то — ненадолго.

Глава 17. Нити

Мне снился убитый мною Ворон — существо с моим лицом. Я снова и снова отрубал голову самому себе, кромсал ее на части, и она погружалась в прозрачную землю Маара. Потом приходила тварь — та самая, жуткая уродливая тварь, пившая кровь жертв и жиревшая на них. Тварь хотела меня сожрать, я отбивался, удирал от нее, прятался, но она приходила с беспощадной неотвратимостью. Ты никчемное создание, говорила мне тварь. Ты лишний. Тебе нет места среди нас. И нападала, целя в меня длинным ядовитым хвостом. Я выхватывал сабли, пытаюсь отрубить ядовитое жало, но все время промахивался и получал укол — один, другой, пока не падал, парализованный ядом.

Я проснулся к середине дня, совершенно не чувствуя себя отдохнувшим. Словно я вообще не спал. Я же охотился, я должен чувствовать себя полным сил и энергии, бодрым, сытым, довольным жизнью, кипящим жаждой деятельности, а ощущалось оно с точностью до наоборот.

Взлетал я тяжело и медленно, словно перегруженный транспортник, с раздражением вспоминая вчерашний день, изматывающий бой с Нигейром, безумную ярость, терзавшую меня весь вечер и чуть не толкнувшую на безрассудные поступки. Как там Шандр, пришел в себя? Что происходит в Эксере? Что Кольер с Алексом, я ведь так и не повидал их?

Я четко осознал, что ничего этого я делать не хочу. Надоело. Сил нет, как надоело. Все бесполезно. Все зря. Ничего нельзя изменить. Допустим, найду я того, кто создал медальон и управлял Сашей. Разоблачу заговор, следом за которым тут же возникнет новый. Эта бесконечная борьба за место под солнцем, пустая и бессмысленная, из года в год, из века в век... Все мои попытки устраниться все равно идут прахом — я часть этого мира и не могу не играть по его правилам. А жить, как обычные люди, я не сумею, хотя бы потому, что мне нужно охотиться. Вот как эта самая тварь — пить кровь людей, питаться их эмоциями и длить, продлевать самое себя. Я такая же тварь, как и они, хотя и считаю себя лучше многих и горжусь этим. А Ворон меж тем радостно и бездумно жрет людей, вон вчера двоих сожрал, а я не препятствовал, я радовался, деля с ним экстаз и даже не пытаюсь его остановить.

Какой смысл в моем существовании? Да никакого. Все то, что умею и могу я, люди могут и без меня. Сами справятся. Мир не умирает и грань не рушится, когда в нем нет Ворона.

Что меня ждет в будущем? То же самое. Все будут искать моего покровительства, льстить в глаза, лгать... ни одна женщина просто так не захочет связываться со мной, потому что я не человек, а существо, дикарь, стихия. Я не способен любить и привязываться, я перекасти-поле, я давно эгоист и люблю только свое одиночество. Меня можно соблазнить и использовать ради ряда выгод — престижа, обеспеченности, повышения самооценки. Я считаю себя хорошим любовником, ведь я так много видел и вообще прожил, но это не так — мне льстили, заигрывая, пытаюсь привязать, очаровать, одурманить...

Я поднялся и отправился в полет вдоль побережья, чтобы как-то избавиться от идиотских и никчемных мыслишек, терзавших все мое существо, омерзительно мелких и больно жалящих. Вдоль самого живописного, самого теплого и оживленного побережья Элезии...

Но солнечные живописные бухты и полные жизни городки только усугубляли дело. Все это не для меня. Мне давно чужды простые человеческие радости. Летать и жрать — вот все,

что мне осталось, да еще иногда нападать на себе подобных, теща самолюбие и спускающая ярость. Снижаясь и подымаясь над побережьем, я не замечал, как мое все ухудшающееся состояние души поднимает на море ветер, как завязываются далеко в океане крохотные узелки смерчей. Продолжая падать в мутный, вязкий и тошнотворный туман, я яростно хотел прекратить свое никчемное, пустое, бесполезное существование.

Уйдя далеко на восток, а потом еще дальше, на север, я достиг безжизненных, суровых и безлюдных скал. Остервенело разогнавшись, я рухнул в воду, нырнув как можно глубже. Ворон может находиться под водой пару-тройку минут, но потом ему все равно нужен воздух; мне же не хотелось возвращаться. Темная, бездонная глубина манила меня покоем и безмолвием. Как хорошо было бы остаться здесь, подальше от суеты и бесконечных проблем реального мира... Я шел ко дну, выжигая остатки воздуха из мощных вороновых легких, и холодные воды уже почти зимнего океана пытались сжать меня в своих стылых объятиях.

Но что-то — а вернее, инстинкт самосохранения животного, пусть и наделенного сверхъестественными силами — властно выдернул меня из засасывающей ледяной бездны, тело само рванулось из толщи вод к свету и теплу. Покружив над волнами, я заворожено уставился на высокие серые скалы, испещренные острыми выступами. Волны бились о них, рассыпаясь блестящими солеными брызгами, долетая до середины, откатывая и набегая снова. Разогнавшись, я бросился на утесы грудью, но сила удара была слишком мала — он сотряс мое тело, не причинив особого вреда, толстые перья, усиленные металлом сабель, приняли удар на себя. Инерция отбросила меня назад, в океан, но я перевернулся уже у самой поверхности, отлетел подальше, разогнался и снова рухнул на скалы, на этот раз выше, на обрывистый каменистый берег. Удар болью отозвался во всем теле, так, что занули кости, но я с какой-то противоестественной мазохистской радостью сполз со скалы в море, опять отлетел подальше и опять со всей дури рухнул на камни, обездвижив и оглушив крепкое, жизнеспособное тело.

Распластав крылья, я обмяк на скалах, не пытаюсь ни обернуться, ни шевельнуться. Бессмертное и могущественное создание было обессилено. Нет, не мертво — жизнь еще крепко держалась в мощном теле, отравленный разум которого делал все, чтобы прекратить его существование. Отравленный разум...

Лежа на камнях и бездумно глядя, как на берег обрушиваются поднятые мною гигантские волны, я постепенно осознавал, что мой разум отравлен.

Что душевная муть, поднятая со дна и захлестнувшая меня с невероятной силой, чужеродна и противоестественна, а мысли пусты и мелочны.

Да, мне свойственны приступы угрызения совести, но они не длятся долго. Я способен признать свои ошибки, но я не люблю ими упиваться. Скорее уж, я закрою на них глаза и прикинусь, что ничего не было.

И даже в худшие моменты отчаяния мне никогда не хотелось угробить и себя, и Ворона. Мне не приходило в голову бросаться на камни, пытаюсь разmozжить грудную клетку. Меня не затягивали бездонные глубины океана. Меня не манили острые, словно зубы, скалы...

Я вспомнил черно-красные пространства Маара, потянулся и скользнул туда, оставив Ворона греться и отдыхать на прохладном осеннем солнце. Немного привыкнув к легкости и замедленности движений, я отдалился от места входа и внимательно огляделся.

Вот они, нити... Опутывают мои ноги, петлями подымаясь вверх по телу, обматывают грудь, цепляются за руки, тянутся по льдистой поверхности мира-изнанки куда-то вдаль.

Я попытался идти вдоль них, надеясь, что они приведут меня к хозяину моего слепка-

образа, но они путались и обвисали, скапливаясь на поверхности и бледнея. Как давно они здесь? Что еще я мог сделать под влиянием чужого разума? Кажется, больше ничего. Безумие навалилось на меня после возвращения из Рузанны, и то не сразу, только когда я собрался в Наган-Карх. Тот, кто находился на другом конце нитей, очень не хотел, чтобы мы с Сашей наконец-то встретились и поговорили по душам. Почему? Неужели этот кто-то так сильно боялся, что мы наконец-то найдем общий язык?

Сашей управлял Рейнард. Кто же сейчас управляет мной?

Я снова сделал попытку пойти по нитям, и даже какое-то время успешно двигался вдоль них, но дальше они обвисали и сливались с прозрачной поверхностью. Что ж, попробуем иначе. Неважно, кто там, на другом конце связки, сидит и дергает за поводок. Надо этот поводок уничтожить.

Эгри — не моя стихия, но я умею с ней обращаться. Сейчас я бездумно и безрассудно сжег свои силы, следовательно, придется подождать и подкопить их, а еще — придется на какое-то время прикинуться, что я послушен чужой воле.

Я долго лежал без движения на камнях, прислушиваясь к себе, как к постороннему, но ничто больше не проникало в мой разум. Я даже задремал в блаженной прострации... А на закате, когда волнение растревоженного мною океана стало утихать, меня снова что-то толкнуло и подбросило вверх.

Я покорно взлетел, прислушиваясь к внутреннему голосу. Тоска и ощущение собственной никчемности снова накатили на меня, но на этот раз среди мрачных картин возможных жизненных неурядиц я вычленил навязчиво повторяющийся приказ принять человеческий облик и броситься на сабли. Образ этот — вот мои клинки, зажатые в скалах так, чтобы я мог налететь на них телом, вот я отхожу назад и падаю на их острие, испытывая при этом невероятное облегчение — повторился в череде других несколько раз. Отлично... Приземлившись на скалы, чтобы обмануть контролера, я сложил крылья и потоптался по камням, медленно уменьшаясь и делая вид, что выбираю место. Сконцентрировав столько эгри, сколько могу удержать, я стремительно выскочил в Маар, увидел свои натянутые нити и пустил по ним, словно по проводам, весь собранный мною огонь. Они вспыхнули и осыпались пеплом у меня на теле, а потом и дальше пошли рассыпаться под воздействием этой мощной стихии, оставляя за собой темные дорожки. Я толкнул свой заряд эгри так далеко, как только мог, и продолжал толкать, максимально обозначив конечную точку получателя заряда — обладателя моего слепка. Какое-то время мне казалось, что силы уходят в никуда, но я продолжал жечь уже совсем распавшиеся, превратившиеся в пепел серые полоски, и скоро отчетливо услышал, как где-то далеко, за ядовито-алыми скалами раздался пронзительный вскрик, донесшийся до меня порывом невидимого ветра, взметнувшего по прозрачному дну Маара пепел нитей.

Вернувшись обратно в живой мир, я ощутил облегчение. Было ли оно ложным, просто от осознания собственной победы, или связь действительно сторела — вряд ли я могу установить это с точностью. Но я был свободен. По крайней мере, от собственного безумия.

С трудом я поднялся в воздух. Все-таки Ворон не так неуязвим, как кажется. Кости ломило, крылья двигались с нагугой. Я с трудом добрался до Восточной башни, медленно уменьшился и влетел прямо внутрь. Я люблю это место, хоть и не часто его навещаю. Башня стоит на одинокой скале, расположенной далеко от побережья. Она полупустая, но и здесь есть пол, застеленный прочными теплыми коврами, камин и рабочий стол с гвором, запас воды и еды.

Но я не собирался принимать человеческий облик. Свернувшись прямо там, в большой круглой комнате, чем-то отдаленно похожей на мой рабочий кабинет, я расслабился и закрыл глаза. Никуда я больше не полечу, пока не верну себе силы и не буду уверен, что моим разумом никто не управляет.

Глава 18. Иллирия

Ее разбудило яркое утреннее солнце, ворвавшееся в комнату и залившее бледным золотом все окружающее пространство. Юлька попыталась уснуть, повернувшись на другой бок, но спать больше не хотелось, несмотря ни на что. Она вспомнила свои утренние полеты с Рессером и пожалела, что нельзя взлететь здесь и сейчас: в крепости нагов никто не резвится в воздухе в такую рань. Повалявшись еще немного и посокрушавшись, что нельзя потребовать завтрак в постель, она задумалась о том, что делать дальше. Опасности из Наган-Карха больше не исходило, пора было возвращаться домой, в Саманданг, и срочно наверстывать пропущенные занятия. И хорошо бы заглянуть в Альбре, попрощаться и поблагодарить за гостеприимство, а заодно и поделиться скудной информацией.

Выбравшись из башни Аспида, она нашла хмурого и невыспавшегося Сашу в его собственном кабинете. Секретарь в приемной окинул ее пристальным взглядом и, прежде чем впустить, связался с ним через гвор. Юлька мрачно усмехнулась — раньше надо было думать...

Он сидел, сгорбившись над разрозненной кипой бумаг.

— Раньше почти всем этим занимался Кольер, — вздохнул он. — Объяснял, показывал, учил, но в основном вся рутина ложилась на его плечи. Жаль, что я так мало этим интересовался.

Юлька вдруг вспомнила стопки бумаг на столе у Рессера, аккуратные и не очень, и его шутки, что просматривание отчетов занимает у него добрую половину жизни. И что у Шандра бумаг вполтину меньше.

— Разберешься, — решив его подбодрить, Юлька хитро улыбнулась. — Ты ж бывший руководитель, сам знаешь принцип: что не умеешь сам — свали на подчиненного. Кстати, всегда хотела спросить — а есть ли у Вечного какие-нибудь личные финансы? Или только средства домена? Ну, если ты вдруг захочешь купить домик на побережье, откуда ты возьмешь деньги?

— Ты даже не представляешь... — ухмыльнулся Саша. — Есть, и огромные. Они наследственные, но наследование идет от одного носителя ипостаси к другому. Прикинь, этим накоплениям тысячи лет... Правда, вступление во владение — достаточно сложная и долгая процедура, всем ведает Реваль, и там многоступенчатая защита от махинаций. Есть вещи, у которых странный статус. Например, Наган-Карх — теперь моя личная, Нигейра Алекса, собственность, а вот Нагр — собственность домена Наган-Карх, и моей личной собственностью не является. Хотя эти моменты мне гораздо понятнее и ближе, чем те же коэффициенты концентрации эгри в первом слое витасферы или преломления назра при наложении ментасферы на некрос, — усмехнулся он. — Хотя Рейнард умел сделать сложное понятным. Жаль, конечно, что так вышло...

Юлька вдруг вспомнила свой неоднозначный разговор с Рейнардом на верхней площадке башни Аспида.

— Саш, покажи мне коллекцию светящихся фигур, — попросила она неожиданно.

Он повел ее в соседний кабинет — бывший кабинет Кольера, просторный и светлый, с окнами, выходящими на столицу Ирнана, расположившуюся у подножия и на склонах горного хребта. За скрытой в нише декоративной панелью-дверью обнаружилась еще одна комната, мгновенно напомнившая Юльке Северную башню с ее архаичной тяжеловесной

мебелью, причудливыми старинными вещами и странным внутренним устройством. Там, на полу, стояли 13 фигур высотой в пол-человеческих роста, каждая из которых казалась живой благодаря исходящему от них свечению. Юлька с жадностью разглядывала их по очереди, удивляясь, насколько тонко, виртуозно и естественно они сделаны. Дойдя до Элианны, она с внутренним страхом протянула к ней руку.

Фигурка была теплой на ощупь, а тело ее, выполненное из нежно-розового камня, слегка мерцало.

— Кольер тебе о ней ничего не говорил?

— Говорил, — кивнул Саша. — Что она неоднократно оживала за время отсутствия Элианны, но потом потухала. Это значит, что потенциальный кандидат появлялся, но не доходил до воплощения.

— А Рейнард?

Саша пожал плечами.

— Вроде нет. А должен был?

— Не знаю, — прошептала Юлька.

Уходя, она сообщила Саше, что возвращается в Саманданг.

— Может, ты все-таки останешься? — спросил он хмуро.

— Я буду навещать тебя, — заверила она его. — До тех пор, пока ты опять не попытаешься посадить меня под замок.

— Тебя посадишь, как же, — буркнул он. —хлопот потом не оберешься.

Стремительно сиганув с верхней площадки — теперь, после короткой, но эффективной школы полетов на севере, никакие ветра ей были не страшны, — Юлька твердо решила, что проверит заявление Рейнарда прямо сегодня. Прежде, чем отправиться в Ар Иллим, она заскочила в Альбре, поделиться новостями.

Шандр выглядел бодрее, чем накануне, но было заметно, что ему все еще тяжело. Рессер так и не вернулся. Выслушав ее рассказ, он откинулся назад в кресле и закрыл глаза, обдумывая услышанное.

— Вернуть Румянцева на Старую Землю в общем-то не проблема, — сказал он после паузы. — Надо будет поработать над легендой, конечно, а если без нее, так это и вовсе дело одного-двух дней. Другой вопрос в том, что следует разобраться, кто действовал его руками. И Алексу будет трудно объяснить его исчезновение. Наги не поймут такого поступка. Рано или поздно ему все равно придется выбирать — или уважение последователей и подданных, или спасение шкуры бывшего друга. Предъявить истинного виновника тут выглядит наилучшим решением.

— Он пока даже не знает, с какой стороны к этому вопросу подступиться, — вздохнула Юлька. — И он полностью подавлен.

— На мой взгляд, надо набраться терпения и подождать. Тот, кто за этим стоит, сам подаст голос.

Сменив шеадр в Элласаре, Юлька направилась напрямиком на Далирию.

Остров встретил ее душным, влажным теплом, оглушил шумом, одурил запахами и необычной зеленью, поразил множеством Двуликих на улицах, огромным потоком Крылатых в воздухе, необычными высотными домами, оплетенными кудрявыми лианами в мелких сиреневых цветочках. Теплый северный костюм для полетов пришлось снять и засунуть в наспинную сумку — она чуть не сварилась от жары. Быстро ошалев от суеты, пестроты, гама, духоты, она села на скамейку в тенистом городском парке, и, напившись

воды из фонтанчика, достала карту, которую любезно предложил ей Шандр. Эх, жаль нет Реса, она попросила бы его показать ей остров, тем более, что он сам как-то раз предложил ей полетать над Иллимским архипелагом, заманивая его удивительными красотами. Определив, где находится шеадр, ведущий на Иллирию, она, вздохнув, поднялась и медленно побрела через парк, к странному лабиринту из пальм, стриженных кустов и цветочных клумб, между которыми располагались невысокие пирамидки старого типа — ступенчатые, заросшие мхом — древние, построенные еще до времен Раскола, шеадры. Почему-то желание экспериментировать пропало, более того, что-то внутри нее все больше сопротивлялось идее посмотреть на личный остров Хозяйки людей.

Но упрямство сделало свое дело, хотя ей было уже жаль потраченного времени, и все еще терзали слова, брошенные Рейнардом. Кого видят в ней люди — ее саму, обычную, пусть и одаренную, девушку с Основы, или все-таки тень божественной сущности, постепенно вырастающей из ее тела и души? Когда она нашла нужную ей пирамидку, пот катился с нее градом, желание сбежать стало настолько мучительным, что Юлька едва не повернула обратно, не дойдя до входа каких-то десять шагов.

Сумрачная прохлада шеадра привела ее в чувство. Глядя на шеадари с подписью "Иллирия", она с удивлением узнала картинку — почти такую же она видела, когда они под предводительством Нэсте больше года назад удирали от Пауков. Она вспомнила, как манил ее тот шеадари с изображением заросшей цветущими кустами дороги, ведущей к храму. Она помнила свое искушение сделать шаг и очутиться по ту сторону, так же, как и удивление, что прислонившийся к картине Румянцев никуда не переместился.

Решительно выдохнув, она, закрыв глаза, сделала шаг, словно прыгнула в омут.

Сыроватый затхлый запах старого шеадра сменился теплым, сухим и сладким ароматом. Да, шеадари сработал — переход состоялся. Осторожно выглянув наружу и покинув обветренную, выгоревшую на солнце ступенчатую пирамиду, Юлька обнаружила, что находится в густо заросшем подлеском одичавшем саду. Мощеная дорожка едва проглядывала из-под густых травяных зарослей, кое-где между деревьями виднелись очертания полуразрушенных беседок. Поминутно оглядываясь назад, чтобы запомнить дорогу, она шла, высматривая под ногами плиты и чувствуя необычайную, граничащую с эйфорией легкость. Все страхи рассеялись вместе с душной и влажной далирианской жарой, сочный, вкусный воздух наполнял легкие, и ей казалось, что она и без крыльев готова взлететь. Выйдя из зарослей, она увидела вдалеке старый храм из пепельно-серого камня, на солнце казавшегося серебристым. За ним выступал небольшой нарядный замок, окруженный парком и домиками — флигелями. Картина до боли напоминала сны, преследующие ее до сих пор, те сны, в которых она, приходя сюда, проваливалась в Маар и безуспешно пыталась догнать ускользающего от нее человека, который так и остался неизвестным. В двух последних снах он казался ей Сашей, следом за которым гналась стая уродливых черно-белых тварей, и которых она безуспешно пыталась отогнать. С бьющимся сердцем она побежала к храму, но, пройдя полдороги, налетела на невидимую стену. Задыхнувшись, она отступила назад, собираясь обойти храм с другой стороны, но через какое-то время обнаружила, что все еще топчется там же, на заросшей травой тропинке, а храм так и остается на том же близком, манящем, но недоступном расстоянии.

Храм Элианны не пускал ее, не позволяя даже приблизиться. Свернув с дорожки, Юлька взяла направление на миниатюрный замок-дворец. Обойдя храм на значительном удалении, она прошла часть дороги, но, достигнув первых статуй, украшавших дворцовый

парк, снова уперлась в невидимую стену. Свернув на соседнюю аллею, она неожиданно оказалась в том же самом месте, с которого начинала свой путь. Немного передохнув, она вновь попыталась добраться до манящих своей загадочностью зданий, и снова вернулась в ту же точку. Постояв немного в неподвижности и любуясь всей этой зачарованной и недоступной красотой, она со странным чувством облегчения и сожаления двинулась обратно.

На полпути к шеадру она неожиданно повернула в противоположную сторону, туда, откуда доносился терпкий и солоноватый запах моря. Это же остров, так? Где-то здесь должно быть море... А ей так хотелось искупаться.

Пологий песчаный берег обнаружился в десяти минутах пути от шеадра. Вне себя от радости, Юлька скинула одежду и бросилась в теплые, ласковые волны. Какая теперь разница, пускает ее храм или нет! Сюда можно приходить, чтобы купаться, в любое время сбегать от столь беспокойной и небезопасной жизни большого мира. Здесь так тихо и так благостно. И никто, никто больше не знает, что сюда можно беспрепятственно попасть, ведь все уверены, что Иллирия с исчезновением Элианны закрылась навсегда. Теперь у нее есть свой собственный, маленький кусочек рая.

Глава 19. Жертвоприношение

— Несомненно, Рейнард был предупрежден о наших действиях, — заключил Шандр, — но совсем незадолго до нашего прихода, потому что серьезных мер он принять не успел. Но эффект неожиданности не сработал.

Шандр выглядел измученным. Как я понял, он не позволил себе ни дня отдыха, перенося последствия и ранений, и стазиса-некроста на ногах. Мне стало стыдно за те два лишних дня, что я провалялся в Восточной башне и на Южных островах, опасаясь, что в мое сознание опять кто-то вторгнется. Я вернулся только сегодня утром, бодрый, полный сил и решимости гнать чужие мороки со всей яростью выздоровевшего человека. И тут же сломался, увидев его осунувшееся лицо и узнав о смерти Кольера. Сложно было представить этот мир без него. Он, не будучи настоящим Вечным, фактически им являлся, и все мы считали его равным себе.

— Образ Нигейра уничтожен, — продолжил свой доклад Шандр. — Вагабр вернулся в Эксеру, хотя, по моей информации, он все еще не полностью восстановил контроль ни над телом, ни над доменом. Реваль большую часть времени проводит в Рузанне, но в своем собственном домене. В Эксере его видели всего лишь раз. Активного вмешательства в дела Вагабра пока не замечено. Эрлен была у Алекса, очень убивалась по Кольеру. Спрашивала о тебе, но я ответил, что ты в облике на облете земель.

Видя, что он зябко ежится, я занялся розжигом камина. Несмотря на промозглую зимнюю погоду, в башне было тепло, но ему явно нездоровилось. Надо бы настоять, чтобы он отлежался, выгнать его в его любимый Элласар, или в Ар Иллим, к теплому морю, хотя бы на пару дней. Но он с упрямством, достойным меня самого, игнорировал призывы дать себе отдых.

Выпрямляясь, я бросил взгляд на каминную полку с фигурками и обнаружил, что карикатурный змей-уродец стоит в точности на своем месте. Я проморгался, решив, что оно мне привиделось. Я точно помню, что фигурки не было, а остальные статуэтки были сдвинуты так, чтобы замаскировать его отсутствие. Теперь же они снова стояли почти в точности как раньше, но вот фигурка "ворон-концентратор" была повернута клювом в комнату, хотя я, насмехаясь над пафосным изображением, всегда отворачивал его к стене. История с фигурками напомнила мне другую похожую историю, совсем недавно рассказанную Кольером. На всякий случай я проверил, на месте ли отданный мне на хранение артефакт. К счастью, он лежал там же — в баре на верхней полке.

— Юля вернулась в Саманданг, — продолжал Шандр. — Все спрашивала, не появился ли ты, хотела попрощаться.

Я отрицательно покачал головой.

— Извинись перед ней от моего имени. Пока я не найду свой собственный образ и не уничтожу его, мне лучше ограничить личные контакты, — сказал я, не сдержав горечи.

— Ты же уверен, что сжег свои нити, — в голосе Шандра прозвучали тревожные ноты.

— Кто знает, может их можно восстановить, — я остановился посреди комнаты, глядя на оружейную подставку, где хранились сабли и два иллирийских кинжала. — Знаешь что... — я перевел на него взгляд, и Шандр напрягся в дурном предчувствии. — Пообещай мне. Если я стану представлять угрозу для окружающих, или произойдет нечто такое, что поставит под сомнение смысл моего существования... в общем, если наилучшим выходом из

положения будет меня прикончить — для блага остальных, для их защиты, я тебя прошу... — я смотрел ему в глаза, не желая использовать силу Вечного, — пообещай мне, что ты это сделаешь. Сам. Не сомневаясь и отринув дружеские чувства. Это будет поступок настоящего друга — не длить мой позор. Неважно, человек это будет или Ворон. Ты знаешь как это сделать. Стрела Некроса — хорошая вещь, оказывается. Или нигийская сталь. Пообещай мне.

Шандр долго молчал, выдержав мой тяжелый, требовательный взгляд, и неохотно кивнул.

— Ты не думал, кто и как сделал твой образ?

— Кто... Тот же мастер, что сделал образ Алекса. Я, кстати подозревал Рейнарда. Мы его мало знали, больше имея дело со школой Джмар и с Балейром, а он реально был сильным мастером стихий, вхожим и в Эксеру, и, кстати, в светский круг в Элласаре. Меня другое интересует, — я раздраженно взлохматил, а потом пригладил волосы, — генетический материал. Я вроде бы нигде не оставил следов, а если и валялся бесчувственным, то только у своих.

— Больница в Анг Мирте? Или какая-нибудь очаровательная темноволосая иллирийка с формами подвернулась тебе в момент острого чувственного голода? — ни малейшего сарказма — Шандр был деловит и серьезен.

Я покачал головой. В той больнице кровь у меня не брали, да и попал я туда случайно, а потом быстро сбежал. Тут же, кроме Джаны, никто на меня не покушался.

— Ума не приложу, — вздохнул я. — Есть новости из Анг Мирта?

Шандр глазами указал на папку у меня на столе.

— Отчеты. Что касается опознаний... Ждем.

Когда он ушел, я быстро просмотрел все, что пришло из Анг Мирта, задержавшись на пометках Илара, касающихся местной политики и информации о крепостях. За последнее время нападения стали редкими, но хорошо скоординированными с короткими и точными вылазками эскадрилий боевых болидов. В каждом втором случае работал огненный резак, оставляя на теле Ар Элес черные обугленные полосы. Ширин прислала нам несколько опытных специалистов Джмар, которых теперь брали с собой в каждом случае для купирования огненных стен, если я сам по какой-то причине не появлялся на месте расхождения грани или прилетал позже Пауков. Надо бы поговорить с Алексом об этой проблеме и вернуть нагов в наши общие ряды.

Уточнив, на месте ли Нигейр, я решил не откладывать дело в долгий ящик.

Давненько я не был в Наган Кархе...И никогда — в башне Аспида. Впервые мы встретились с Алексом в спокойной, дружелюбной обстановке, а не в небе друг против друга, и не клинок против клинка. Саша был скованно вежлив, попытавшись начать разговор на "вы", но я быстро пресек это дело — мне так некомфортно. Чтобы сгладить возникшую поначалу неловкость, я попросил его показать мне башню Аспида, и он со сдержанной гордостью удовлетворил мое любопытство, проведя меня по башне, оружейке, библиотеке, а потом отвел меня вниз, во внутренний двор, где за дальней галереей обнаружился небольшой клутар, под арочными пролетами которого я разглядел поминальные плиты. Около одной из них, совсем свежей, лежали скромные осенние цветы.

Постояв над ней в печальном оцепенении, я спросил Сашу:

— Что ты собираешься делать с его убийцей?

— Постараюсь избежать смертной казни, — вздохнул тот. — Орден мягко, но настойчиво дал мне понять, что они ждут от меня решения. Лануэль предложила

переправить его в один из ее доменов, в тот же Рувабе, инсценировав побег. Юля считает, что безопаснее всего ему будет на Старой Земле.

— Может быть и так, — согласился я. — Но это — крайний вариант. Надо понять, кто стоит за всеми этими манипуляциями. Когда стреляли в Кольера, Рейнард был уже мертв. Кто-то из его школы? Или кто-то из того самого домика на озере, где мы с Гевором обнаружили шедр, ведущий в Анг Мирт, и где, судя по всему, держали Румянцева, пока он восстанавливался после плена.

— Я об этом ничего не знаю, — напряженно сказал он.

Мы вернулись в оружейный зал, и пока я вкратце излагал ему некоторые известные нам факты, Саша принес из кабинета бутылку вина и пару бокалов

— Я плохо разбираюсь в местных винах, — извинился он. — Но это мне нравится.

Да, неплохое вино, с наших, аскаремских виноградников на юго-восточных склонах Фераннона, там, где горные отроги спускаются к морю. Терпкое и ароматное, с нежнейшей сладостью...

— С кем еще, кроме Рейнарда, ты контактировал в школе Эгрох?

— С немногими, — ответил он. — Могу перечислить по именам.

Имена мне ничего не говорили, но я честно их запомнил — для Шандра.

— А в Эксере?

— В основном с Эгулом и со вторым помощником Вагабра, Бернаром, — продолжил Саша. — Но не часто.

— Никто в последнее время не предлагал тебе никаких далеко идущих авантур? Союзов, планов, рассчитанных на очень далекие временные рамки?

— Предлагали, и не раз, — хмыкнул Саша. — Тот же Румянцев и предлагал. Только это больше на бред больного воображения походило. Я до сих пор не могу понять... его все время кидало в крайности, словно он не мог разобраться, чего он хочет. То говорил, что ему здесь нравится, а то — что хочет вернуться. Вроде бы полон энтузиазма и идей, а потом вдруг — ненавижу всех, нас подставили... Что из этого — его собственные мысли, а что — внушение? Не знаю, — он вздохнул, допив вино, и вопросительно посмотрел на меня.

— Очень естественно для человека, попавшего в неоднозначную ситуацию, — сказал я. — Ничего удивительного в том, что он потерял старого себя и не может найти нового.

Саша печально покачал головой.

— То же самое можно сказать и обо мне, — признался он. — Я до сих пор не различаю, где прихоть древнего божества, где традиция, а где — необходимость. Я привык к Нигейру в себе, но иногда все, что со мной происходит, кажется мне настолько диким и неестественным, что... — он покачал головой, — я не знаю, что с этим делать.

— Когда произошла инициация, — начал я после долгой паузы, задумчиво глядя на рубиново-красную жидкость в бокале, отбрасывающую на мои руки блики, похожие на пятна крови, — ты получил силу, долг и оружие. Быть Нигейром — значит активно пробивать новые пути и новые методы, расширять наши горизонты, оттачивать новое оружие. Нигейра называют Завоевателем... Это его долг. Владение стихиями и Асгаротом — это всего лишь инструмент для выполнения долга. Пока ты молод и неопытен, оружие кажется неподъемным. Громоздким. Неудобным. Станным... Ты берешь его, чтобы выстрелить по врагам, но оно выворачивает тебе руки и стреляет по друзьям.

Саша напряженно глядел в огонь.

— Надо накачивать мышцы, — продолжил я. — Чтобы удержать то оружие, что тебе

дали. Чтобы справиться с долгом. Не слушай никого... Именно человек определяет, кем станет божественная сила для мира — злом или благом. Ужасом или благословением. Демон есть в каждом из нас, неважно, кто ты — человек, Двуликий или Вечный, но именно ты властвуешь над своими демонами, а не они над тобой. Вечный, по сути, это тот же Двуликий, но его хозяева — все разумные существа этого мира — ждут от него, что он оправдает то доверие, которое они ему дарят. Выполнит свой долг. Странно звучит, но у бога тоже есть долг... Поэтому ответственность лежит на человеческой личности, в которую эта сила вселяется, а древнее существо без разума — это всего лишь сила. Инструмент. Ты им распоряжаешься, а не он — тобой. Тебя напичкали убеждениями, что ты раб своего божества. Ты не раб. Ты сильнее.

Он посмотрел на меня с какой-то отчаянной надеждой.

— Конечно, если ты изначально тварь-человек, ты таким и останешься, — усмехнулся я. — Примеров в нашей истории достаточно. Хэйген Ант, например. Или предыдущая кошка-Лануэль. До чего ж зверюга была, мстительная, жестокая, жадная... Когда черная ипостась выходила погулять, люди прятались. Ее люди и убрали, здесь, в Элезии, в Южном Ферте, после того, как она отдала приказ убить резко поговорившего с ней главу маленькой общины лэйсе. Восстание вспыхнуло. И знаешь, я не стал приходить ей на помощь, хотя мог бы... Не слушай никого. Слушай человека в себе. В тебе его больше, чем в нас, выросших в мире, где божества ходят рядом с обычными людьми, а второй облик является нормой. У тебя гораздо больше шансов сохранить человечность.

— Пока это плохо получается, — буркнул он, отворачиваясь

— Но это не повод, чтобы опускать руки.

Мы закончили обсуждать проблемы защиты от Анг Мирта, когда в его маленьком рабочем кабинете по соседству со спальней резко и настойчиво зазвонил гвор. Саша неохотно поднялся, чтобы ответить, с неловкостью оглядываясь на меня — возможно, ждал личного звонка и не хотел, чтобы я его слышал. Но через несколько мгновений до меня донесся далеко не нежный женский голос.

— Шандр сказал мне, что Рессер здесь, — мягкий, шелестящий и чуть хриловатый голос Реваля вызвал у меня приступ раздражения.

— Да, — согласился Саша, и я с еще большей неохотой поднялся с кресла.

— Слушаю. Что опять случилось?

— В Саманданге вырезали общину, поклонявшуюся Единому. Целиком. Выглядит как ритуальное жертвоприношение. Ты можешь туда наведаться?

— Могу. Где это?

— Записывай адрес. Потом загляни ко мне, поделись впечатлениями.

Это оказалось то маленькое святилище, куда Юлька водила нас посмотреть на службу Единого. Тридцать три разумных — одиннадцать Двуликих и двадцать два человека — были мертвы. У каждого из них было перерезано горло, причем никаких следов сопротивления ни охрана порядка Саманданга, ни мы с Алексом не обнаружили. Лица жертв были расслабленно спокойны, и ни боли, ни страдания на них не запечатлелось, словно они легли и уснули. Саша разговаривал с начальником городского патруля, обнаружившего трагедию, а я бродил по крохотному святилищу, пытаюсь считать остаточный фон и понять, что здесь происходило.

Там, за аркой, ведущей к отделенному от основного помещения алтарю, стояло несколько больших хрустальных чаш. Я принялся. Чаши ополоснули водой, но запах, едва

заметный запах крови, все еще держался на едва теплом стекле из-за нескольких не смытых капель, попавших в хрустальные узоры. Взяв в руки одну из них, я сосредоточился и поймал остаточный экстатический эмоциональный след, такой же, какой шел от больших храмов во время служб. Меня сразу же выбросило в Маар, но там было пустынно и холодно — все давно развеялось, и только несколько ярких душ, имевших отражение в пространстве Некроса, медленно погружались в Некрос истинный — в прозрачно-ледяную землю, обиталище ушедших. Если что-то и приходило кормиться, следа оно не оставило.

Зато в реальности след все еще держался. Любопытный такой отпечаток энергетической ауры, который остается от нас, Вечных, или от сильных элементалов, если мы применяем свои способности. Чувствовать его могут такие же, как мы. Здесь был кто-то с сильным дживом в основе, причем скорее всего дживом ударным, а не базовым. Сразу же оживились подозрения: а что, если мы зря списываем школу Джмар со счетов, только потому, что она находится под боком у Ширин и она лично контролирует оба главных филиала? Возможности джмаровцев больше и шире... Так кому здесь принесли жертву? Единому или кому-то под маской Единого?

Я попытался объяснить Саше, как считать энергетический фон места, но у него получилось только почувствовать след, и то немного. Ничего, это дело требует практики и терпения... Научится. Пока что фрески на стенах занимали его гораздо больше, чем тонкие материи.

Следователь магистрата был настолько потрясен случившимся, что его пришлось успокаивать. Ритуальное массовое убийство в центре столицы случилось в его жизни впервые, если вообще не впервые в истории Саманданга. Город только недавно оправился от последствий войны. Следователь, похоже, только что узнал о существовании культа Единого и впервые увидел демонические изображения, украшающие стены святилища. Потрясенный кошунством, он решительно выставил вон двух женщин-локки из лечебницы Повелевающих, утверждая, что подобные мерзости не должен видеть ни один приличный обитатель Ар Соль. Я порадовался, что мы с Сашей не стали раскрывать себя, представившись службой безопасности домена Реваля — реакция законопослушного бедняги была бы еще сильнее.

— Единый действительно существует? — озадаченно спросил Саша на обратном пути, пока мы неспешно шли в сторону дворца Реваля, и он то и дело отвлекался на местные красоты. Да уж, с высоты, да в боевом облике Змея, мало что разглядишь.

— Пока нет, но Ширин считает, что при наличии верующих он сумеет воплотиться через пару сотен лет, — хмыкнул я. — Но если начнутся массовые жертвоприношения, процесс может ускориться.

— Дело в крови?

— Да. Это очень энергоемкая субстанция, оставляющая след не только в витасфере, но и в Некросе. Фактически, это идеальный носитель силы любого типа. Не зря же Вечные охотятся.

Он ошарашено кивнул.

— Об этом ты нигде не прочтешь, за исключением закрытых исследований школы Джмар. Ритуал, который здесь использовали, очень любопытен... и опасен для нас, Вечных.

— Почему?

— Душа Вечного — это концентратор огромной емкости, а кровь — среда-носитель. Кровь впитывает эмоции людей, все без разбору — и любовь к Единому, и ненависть к демонам, и когда ты с ней соприкасаешься, кровь верующих выбрасывает тебя в Маар. Будь

осторожен, если окажешься вовлечен в подобный ритуал. А лучше — уходи.

— Думаешь, могут предложить?

— Думаю, нам всем подсунут что-нибудь в этом роде. Я вляпался случайно, в Анг Мирте, однако тот, кто притащил оттуда веру в Единого, должен хорошо представлять, как оно работает.

— Почему ты считаешь, что вера в Единого привнесена искусственно?

— Потому что она идентична той, что в Анг Мирте, за исключением мелочей. Она не могла развиваться естественным путем. Анг Мирт уничтожили полторы тысячи лет назад, а первому канону Единого всего лишь около двухсот лет. Двести лет назад кто-то сознательно посеял здесь семена, чтобы они постепенно взошли и начали давать плоды.

— Тогда сегодняшнее жертвоприношение — это чья-то кормушка, — сказал Саша. — Если кровь и вызванные ею эмоции — это корм, то кто-то сегодня сытно пообедал, и этот кто-то должен быть Вечным.

— Вспомни Кольера, — возразил я. — Он был человеком, но прекрасно кормился тем же самым способом, бесконечно продлевая себе жизнь. Энергия жертвоприношения шла существу в Мааре, с которым он был связан, и которое и делало его условно-бессмертным.

— Ты же сам сказал про концентратор большой емкости, — продолжил Саша. — А Кольеру достаточно было одной жертвы. Рискну предположить, что он не мог бы удержать и впитать больше, чем одну душу.

— Я до сих пор не могу понять, какую выгоду от всего этого может получить Вечный, — признался я. — Охотиться проще и быстрее. И привычнее.

— Власть Вечных не одинакова. У вас у всех... у нас, — поправился он, — неравноценные возможности. Что, если кто-то хочет это изменить?

— Ширин выдвигала эту гипотезу еще в самом начале, — вздохнул я. — Но тогда мы не знали, каким образом это возможно осуществить, поэтому отбросили ее. Что ж, попробуем заново. Кстати, Кольер начал подозревать Ревалья, так что сейчас, при встрече с ним, будь осторожен. Хотя я по-прежнему считаю, что он ни при делах. Но осторожность не помешает.

Я представил их друг другу, внимательно следя за реакцией Ревалья. Эта хитрая ящерица излучала радушие и приветливость, поглядывая на своего гостя с дружелюбным любопытством. Выслушав мой рассказ и некоторые выводы, он выразил нешуточное беспокойство о судьбе других общин, верующих в Единого.

— Я ничего не имею против их религии, — заявил он, провожая нас в одну из своих роскошных внутренних гостиных. — Меня не обижает их вера. Но что, если это только начало? Что будет с ними дальше?

Когда мы насладились его традиционным восточным гостеприимством, я поймал момент, когда Саша выйдет из помещения, и спросил Ревалья, как мог бы выглядеть ключ от Либрума.

— Может он быть... замаскирован под что-нибудь смешное и незначительное? Или нелепое?

Реваль хохотнул.

— Знаешь, в каком чехле хранился мой ключ от Награ? Я отдал сам ключ Кольеру, но чехол оставил себе. Показать?

Я кивнул. Реваль ушел и вернулся, неся в руке стеклянный, покрытый тонкой искусной резьбой, небольших размеров... фаллос.

— Чтобы его открыть, сдвинуть его нужно... вполне определенным образом, — он хохотнул. — Мой предшественник, получивший этот ключ на хранение, был тем еще озабоченным шутником. Если б этот предмет не был тщательно зарисован в передаточную книгу с объяснением, что это такое и зачем он нужен, я бы считал его глупой шуткой.

— Кольер в день гибели отдал мне активатор от Либрума, — признался я. — У него были подозрения, что кто-то брал ключ из его стола. К сожалению, насчет собственного ключа у меня имеются такие же опасения.

Вернувшийся Саша, расслышавший разговор о Либруме, вопросительно переводил взгляд с меня на Ревалья.

— Кольер считал, что Либрум надо уничтожить, — бросил я небрежно и потянулся за бокалом вина, следя за реакцией нашего юного Змея. Он молчал, словно борясь с собой, но потом неожиданно признался, быстро и сбивчиво выталкивая наружу слова.

— Я слышал его мнение. Мне было бы очень жаль это делать. Но я понимаю, что наверно, это лучшее решение. У нас на Старой Земле есть легенда о ящике Пандоры... который лучше не открывать. Нам и с Нагром-то непросто, — усмехнулся он печально. — Там столько всего... неожиданного. Лучше уж мы... начнем все с начала, — выдавил он, и я понял, насколько непросто далось ему это решение.

— Для начала его надо найти, — вздохнул я.

— Ничего сложного, — заявил Реваль. — Мы неоднократно обсуждали с Эрлен и Кольером, где Нагр и Либрум, но еще тогда я решил, что в случае острой необходимости мы найдем его с помощью Зеркала, усилиями трех Вечных. Я, Эрлен, Ваэль.

— Ты, Ширин, Алекс, — предложил я. — Заодно покажешь Алексу, как это делается.

— Лучше Эрлен. Она что-то сильно загрустила после сидения в шкуре, никак не может до конца прийти в себя, — признался Реваль. — А смерть Кольера и вовсе ее пришибла. Она ведь не дразнила его... она действительно была к нему равнодушна.

— А я зайду в гости к Даллаху, — пообещал я. — За его ключом.

Я сделал это на следующий день, но Даллах, отдавая мне ключ в чехле, который имел форму кинжала в ножнах, не на шутку встревожил меня, заявив, что его ключ тоже кто-то брал.

— Он висел у меня в одной из спален, на стене, вместе с другим оружием, — признался он. — Я давно не обращал на него внимания. Он там уже лет сто висит, если не больше. А совсем недавно я обнаружил, что предметы поменяны местами, и кинжала нет. Я испугался, стал опрашивать всех, кто имеет доступ в мои личные покои, и буквально на следующий день нашел его висящим в другой части коллекции. Мне пришло в голову, что я мог перевесить его сам и забыть об этом... Но раз ты говоришь, что ваши с Кольером части кто-то брал, с моей памятью все в порядке.

Забрав у него ключ, я вернулся к себе. Карикатурный Змей при нажатии на завитушку пупка на брюхе распался на две половинки, выстланные изнутри золотистым бархатом, на котором и лежала тонкая и сложная пластина с бороздками и выпуклостями. Подумать только, он был у меня на виду столько лет!

Я запрятал все три части в самый надежный из сейфов, имевшихся в Северной башне, и позвонил Ревалью, попросив его поторопиться с поисками Либрума. Я серьезно опасался, что мы опоздали.

Глава 20. Еще одна встреча с Филином

— Смотри, — Ширин протянула Юльке хорошо знакомый медальон с изображением Филина внутри. — Вот и он.

С удивлением Юлька обнаружила, что второй самостоятельный визит в Шеннон Ар оказался легче и приятнее, чем первый. На Элезии и в Ирнани началась зима, а здесь все еще стояла теплая и мягкая осень. И никакого ветра над гигантской крепостью — лишь легкие порывы, пахнувшие чем-то непривычно горьким с выразительными сладкими нотами. Этак ей действительно понравится этот причудливый подлунный мир. Пожалуй, надо по совету Реса купить специальные линзы, изменяющие цвета так, как видят их исконные обитатели Шеннон Ара. Говорят, мир в них неотразимо меняется...

Она взяла образ Филина в руки. Да, тот самый.

— Эрлен, кстати, передавала, что с хозяином медальона что-то не так, — усмехнулась Ширин. — Он показался ей подозрительным, но объяснить, что именно ее обеспокоило, она не смогла.

Юлька пожалала плечами. Обаятельный рыжий Джилейр не оставил о себе никаких особенных впечатлений, кроме слабой симпатии и легкой иронии. Уверенный в себе столичный франт, в меру хитрый, в меру расчетливый. Ничего особенного.

— Она, как ты понимаешь, познакомилась с ним, не выдавая своей сущности, соблазнила, обыскав его дом, и, пока он спал, стащила медальон. Она, как и все мы, достаточно вынослива в интимных вопросах, ее сложно утомить, это обратная сторона общей более высокой, чем у простых смертных, выносливости. Так вот, она жаловалась на усталость, фактически истощение после проведенной ночи. Словно он из нее силы выпил. Говорит, обернулась с трудом, даже смена облика мало помогла восстановиться. А еще он ей заявил, что она не та, за кого себя выдает, и это ее насторожило. Если мы, Вечные, не хотим, чтобы нас узнали, ты никогда не отличишь нас от обычных людей. Но он что-то почуял.

Юлька задумалась. Действительно, когда-то в Белом Овраге ей даже в голову не приходило, что Рес не человек, пока она своими глазами не увидела трансформацию. Она попыталась вспомнить, была ли у Джилейра копия в Мааре. Нет, тогда она не обратила на это внимания. В те самые первые самостоятельные выходы в Маар она еще очень мало знала и умела.

— Я хочу задать Наджару несколько вопросов, — сказала Ширин, с улыбкой протягивая Юльке медальон. — С твоей помощью, конечно же.

Юлька уже привычно скользнула в Маар, лишь слегка оттолкнувшись от носимых на шее камней и по нитям, тянущимся от медальона-образа, пришла к пестрой птице с человеческими глазами. Ширин оказалась рядом с ней, но намеренно отступила назад, предоставив Юльке право первой завести разговор.

Филин откликнулся сразу же, ей даже почудилось некое подобие улыбки.

— Рад тебя видеть, красавица. У тебя появились вопросы, или ты просто решила меня навестить?

Ей почему-то стало стыдно, что она действительно беспокоит его по делу, и что ей никогда не приходило в голову поболтать с ним просто так.

— Вопросы, — кивнула она.

— У тебя или у твоей подруги? — усмехнулся он.

— У нас.

— Спрашивай.

— Что будет, если Вечному приносят жертвы? Не он сам охотится, а проводится полноценное ритуальное жертвоприношение? — озвучила Ширин свой вопрос.

— Кровь усилит того, кому она идет в Мааре, — после паузы ответил Филин.

— Как именно?

— Человеческая часть станет крепче, выносливей, менее уязвимой. Божественная часть станет больше и сильнее, могут появиться новые возможности.

— Как это отразится на характере и поведении носителя ипостаси? — спросила Юлька.

— Не лучшим образом. Кровь кормит не человека. Кровь кормит тварь.

— А если жертвы приносят обычному человеку?

Филин задумался.

— Это зависит от облика в Мааре. Если он есть, он укрепится и будет расти, давая силы человеческой части — выносливость, долгую жизнь, особые способности. Есть и другой вариант. Здесь, в Мааре, много существ... Жертвоприношение притянет к слабо выраженному облику какого-нибудь здешнего обитателя. Он сожрет маар-часть того, кому идет кровь, и присосется к человеку, став частью его личности. Получится симбиоз, с тем же результатом, только более непредсказуемым.

— Часть способностей твари передастся живому разумному в витасфере, — закончила Ширин. — Да. Собственно, этим и был Кольер.

— Я знал его, — кивнул Филин. — Только я считал, что он — спасенный.

— Кто? — переспросила Юлька.

— Была когда-то такая технология у джмаровцев — лекарей, — пояснила Ширин. — Нынче запрещенная из-за низкой эффективности и побочных эффектов. Лекарь школы Джмар создавал слепок человека, помещая его в Маар, так же, как ты — фантом-образ, а потом кто-то из родных жертвовал ему свою кровь. Требовалось прямое переливание и несколько капель в рот умирающему. Какое-то время этот метод пытались применять, но выживаемость все равно была низкой. Но кому-то помочь действительно удавалось.

— А есть шанс, что эта выросшая тварь появится в витасфере? — спросила Юлька.

— Нет, если он не Вечный.

— Я считаю, что да, — возразила Ширин. — Длительное обожествление и подпитка кровью в итоге может дать твари силы преобразовать человеческое тело и в нашем мире.

Филин задумался.

— Тогда это существо становится тем, что мы называем Вечным. Оно превращается в бога.

— В демона, — поправила Юлька. — Это не бог. Вечные — это демоны, воплощенные на земле. Они не добро и не зло, они просто сила.

Филин пристально посмотрел на нее своими выразительными, немигающими глазами.

— Пусть будут демоны, — рассмеялась Ширин. — Скажи, Наджар, не попадалась ли тебе здесь такая вот уродливая тварюка... — и она описала существо, виденное Ресом во время жертвоприношения в Анг Мирте.

— Да, я видел ее. Здесь, в этой части. Не там, — он глазами указал на ледяную прозрачную землю, — и не там, — он кивнул на красное с черным небо.

— А что там? — спросила Юлька

— Там сущности, у которых нет связи с тварным миром. Свои обитатели, мертвые боги,

мощные посмертные сущности, иногда даже выдуманные людьми существа, в которых люди сильно верили, — ответила за него Ширин.

— Я бываю везде, — продолжил Наджар, — потому что я вмещаю все три мира в себе. Но она обитает только здесь. А это значит, что на земле у нее есть человеческое тело.

— Можешь определить, кто он? С кем в витасфере связана эта тварь?

Филин задумался.

— С человеком, который слаб и подвержен страстям. Который неудовлетворен тем, кто он есть и какое место занимает. У него обычная, хоть и приятная, внешность. Я вижу его... но как передать? Я его не знаю, он ничем не примечателен.

Ширин кивнула.

— Спасибо тебе, Наджар, ты нам очень помог. Мы бы все хотели, чтобы ты вернулся. Мы нашли твой слепок-образ и уничтожим его в ближайшее время. Надеюсь, ты почувствуешь, что свободен.

Величественная птица медленно закрыла глаза.

— Не знаю, — прошептала она. — Может быть.

Очнувшись после выхода из Маара, Юлька опять почувствовала себя дурно. К счастью, кофе и булочки уже были наготове. С благодарностью приняв чашку с ароматным напитком, она все-таки не удержалась и рассказала хозяйке Некроса о своем путешествии на Иллирию.

— Так что я скорее всего не Элианна, — заявила она с улыбкой.

— Это ничего не значит, — возразила Ширин. — Но кое о чем говорит. Столетиями на остров невозможно было попасть. Похоже, Элианна действительно пришла в наш мир. Может быть, это действительно ты. А может и нет. Никто не знает. И я не советую тебе об этом думать — измучаешься. Просто живи. Оно само сложится, если судьба. Или не сложится. А пока я с удовольствием воспользуюсь твоим рассказом в корыстных целях.

— Это как? — испугалась Юлька

— Прогуляюсь на Иллирию, — шепнула Ширин. — Я ж там никогда не была. Никто из нас не был.

Весь следующий день она размышляла и над словами Наджара, и над странным впечатлением Эрлен о Джилейре. Он, конечно, совсем непросто, но... Встретиться с ним, что ли? Посмотреть повнимательнее, есть ли там что-нибудь в Некросе, связанное с его личностью.

Утром следующего дня, когда Юлька добросовестно собралась на занятия, в ее комнату кто-то требовательно постучался. Открыв дверь, она опешила: перед ней стояла уже знакомая очаровательная невысокая блондинка с пронзительно-зелеными глазами.

Лануэль собственной персоной.

— Собирайся скорее, — потребовала она настойчиво и властно. — Алекс тяжело ранен в стычке около Либрума. Срочно нужна твоя помощь.

От страха у Юльки затряслись руки. Сердце ухнуло куда-то вниз и сорвалось так, что дышать стало больно. Он же теперь Вечный, он выкарабкается, подумала она с надеждой. А что если нет? Существует столько способов прикончить человека, пусть даже более крепкого и живучего, чем обычный.

— Нет, крылья не нужны, — остановила ее Лануэль, видя, как она хватается за полетный костюм. — Виммой будет быстрее. И побрякушку свою сними, мешать будет.

Юлька покорно и бездумно сняла уже давно привычное ей ожерелье.

— Идем быстрее, у нас мало времени, — отрезала Вечная, подталкивая ее к выходу.

Глава 21. Либрум

— Фактически, он почти такой же, как Нагр, — сказал Саша, задумчиво глядя на каменистое плато на юго-восточной оконечности Лунного кряжа, скользящее под нашей виммой, которая на скорости планировала к остроконечному скальному выступу. Высоченные пепельно-серые скалы, покрытые тускло мерцающими в темноте лишайниками, выделялись на предрассветном, но очень темном шеннон-арском небе причудливыми фигурами. Их незаконченные, словно недорисованные творцом-недоучкой очертания навевали пугающее сходство с живыми существами. Одна из шеннон-арских лун уже взошла, другая повисла под ней полумесяцем, отчего долина у подножья почти отвесных, вертикальных утесов казалась водной гладью, бликующей нежно-зелеными пятнами. Скальный выступ, в котором должен был располагаться Либрум, действительно казался рукотворным, если пристально его рассматривать, слишком уж аккуратными, пропорциональными были его очертания.

Когда Саша показал мне карту, на которой было отмечено местонахождение Либрума, я пережил короткий неприятный шок. Да, частые смены облика явно отрицательно влияют на мои умственные способности, вызывая хронический идиотизм и слепоту. Когда-то я уже видел это место на картах Шеннон Ара... на тех самых картах, которыми кто-то интересовался чуть больше года назад, почти одновременно со срывом Грани, с помощью которого Алекс попал сюда, в наш мир. Фактически, они до сих пор лежат где-то у меня в столе. Кто-то еще тогда вычислил и Нагр в Ар Хойте, и Либрум в Шеннон Аре, и мы, двигаясь по их следам, тоже почти точно определили их местоположение, да вот только не знали, на что наткнулись.

— Вот та длинная плоская часть, — продолжил Саша. — Где-то там должен быть основной вход.

— Только один? — мурлыкнул Гевор, первым выбираясь из виммы.

— Точно не знаю, — вздохнул Саша. — Но если судить по устройству Награ, их должно быть несколько. И тоннель для вимм, замаскированный под естественные выступы или пустоты скал. Посмотрим?

— Пошли, — Гевор быстро трансформировался в большого белого леопарда и первым ринулся к скалам. Саша, постояв, тоже сменил облик, плавно поднялся вверх и поспешил обогнать его.

Я молчал, с восторгом глядя на причудливое мерцание острых, словно зубы дракона, скал. Если я взлечу, то почти сольюсь с этим сумрачным бархатно-фиолетовым небом. Золотистое, слабо светящееся тело Нигейра выглядело на этом темном фоне экзотически ярким, словно праздничный фейерверк. Фееричное зрелище... Я проводил его глазами и нехотя обернулся — хотелось стоять и любоваться сказочной картиной.

Неожиданно Гевор остановился, резко перекинувшись в человека. Саша снизился, а я сел на землю, и мы оба уставились на него с неммым вопросом.

— Видите вот то светлое пятно неестественной формы? — он махнул рукой, указывая на западную часть плато. — Оно мне не нравится.

Я присмотрелся. Для этого сумрачного мира такой теплый, желтоватый оттенок действительно не является естественным.

— Давайте-ка поосторжнее, — проворчал он и трансформировался обратно.

Когда мы оказались совсем рядом, Гевор с Сашей приняли человеческий облик, а я, взяв на себя роль сторожа, поднялся чуть выше, зорко следя за окрестностями.

Высокая дверь, поверхность которой ничем не отличалась от окружающих скал, была на треть приоткрыта, а из образовавшегося прохода падал тепло-золотистый свет аэра, установленного в боковой нише.

Кто-то нашел Либрум раньше нас.

Я поднялся повыше, чтобы еще раз осмотреться и убедиться, что рядом точно никого нет, затем вернулся к своим спутникам. Гевор осторожно заглянул в широкий коридор, уводивший вглубь скалы, и попятился обратно.

— Лучше не надо, — хмуро сказал Саша. — Мы не знаем, чем они вооружены.

— Почему дверь открыта? — спросил Гевор.

— Скорее всего, там нечем дышать, — Алекс поднял на меня глаза и нервно потер левую перчатку, которая привычно реагировала на его волнение, покрываясь мелкими золотистыми чешуйками. — И потому что нас не ждут.

— Тот, кто пришел сюда, должен был прилететь на вимме, — продолжил Гевор. — Где она?

— Возможно, с другой стороны, — предположил Саша. — Нужно облететь выступающую часть скалы, поискать другие двери или входы, — он посмотрел на меня, и я кивнул головой, показывая, что согласен. — Давайте поделимся. Если я найду что-то подозрительное, я поднимусь повыше. Меня будет видно, — усмехнулся он.

— Я лучше тут посторожу, — буркнул Гевор, снова оборачиваясь, отходя в сторону и в тень и разваливаясь неподалеку от входа, словно большой сытый кот.

Я летел низко над скалами, тщательно вглядываясь в любые неровности горной породы и мрачно раздумывая о том, что не зря Кольера так встревожили манипуляции с его ключами. Только, к сожалению, оказалось поздно. Как давно наши враги проникли сюда? Визит Джаны в мою башню состоялся чуть больше двух недель назад и по времени почти совпадал с исчезновением ключа у Даллаха. Значит, как минимум дней десять они уже здесь. Скорее всего, часть хранилища уже исследована, и может быть, что-то ценное уже исчезло из его лабораторий.

Не разглядев ничего подозрительного, я собирался возвращаться, когда увидел стрелой взмывшего в небо Змея. Для скорости я немного подрос и перемахнул через скалу поверху, отметив среди зубастых верхушек несколько ровных и удобных площадок.

Саша стоял около входа в небольшую пещерку, который был прикрыт от посторонних глаз выступом горной породы, образуя что-то вроде ниши. Я уменьшился и осторожно заглянул внутрь. Там, одна за другой у стеночки, аккуратно стояли три небольшие пассажирские виммы стандартных гражданских моделей.

— Там дальше — тоннель, — пояснил Саша. — Расчищенный, судя по запаху — рабочий.

Я вынырнул наружу и, описав круг над его головой, направился туда, где остался Гевор, призывая Алекса с собой. Он чуть задержался, пытаясь определить принадлежность вимм, но при скудном свете лун и лишайников это оказалось непросто.

Заметив нас, Гевор принял человеческий облик.

— Что-то нашли?

— Тоннель с площадкой для вимм. Человек десять там точно есть, — сказал Саша. — И они там не первый день...

— Будем заходить?

— Не нравится мне эта идея, — возразил я. — Плана помещений у нас нет, ни щитов, ни оружия, ни понимания, кто там засел. И очень может быть, что за окрестностями как-то ведется наблюдение и нас уже заметили.

— Может быть, — кивнул Саша. — В Нагре в скалах мы обнаружили много незаметных наблюдательных пунктов — щелей-бойниц, крытых площадок, почти незаметных со стороны. Здесь, в темноте, нам их точно не вычислить

— Но и выпускать их тоже нельзя, — продолжил я. — Крейг, тебе придется отправиться за помощью.

— Почему мне? — проворчал он больше для проформы, чтоб не выглядеть слишком покладистым.

— Потому что в нас с Алексом сложнее попасть. Шандр в курсе, куда мы направились, мы обговаривали с ним возможные осложнения. Он свяжется с нагами, Алекс передаст через тебя нужные приказы.

— Ладно, — проворчал он. — Вы тут... поосторожнее, пока я мотаюсь.

Дождавшись, пока его вимма взлетит, мы с Сашей одновременно посмотрели на приоткрытую дверь.

— Надо попытаться их выкурить, — предложил он. — Нашуметь здесь, у входа, и захлопнуть дверь, закрыв ее ключами с внешней стороны. Они ползут через тоннель, а там можно будет кого-нибудь прихватить.

— Оружия у нас с тобой... вообще никакого, — вздохнул я. — Давай хоть камней наберем, покидаем в проход, посмотрим, кто поведется на приманку.

Первые несколько попыток не вызвали со стороны тех, кто там засел, никакой реакции. Мы осторожно продвинулись вперед, дойдя до места, где коридор расширился и поворачивал направо, и кинули еще пару булыжников. В ответ на нашу провокацию в стену рядом врезались арл-стрелы. Я собрал их, аккуратно рассовав по внешним карманам куртки, чтобы усилить защиту, когда обернусь. Подождав еще немного, мы вернулись обратно, стараясь ступать как можно бесшумнее, и захлопнули дверь, заперев ее с помощью ключей и активатора.

У стоянки вимм мы договорились разделиться — Саша остался сторожить в пещерке, спрятавшись в тень, а я в облике Ворона занял наблюдательную позицию над выходом, чуть в стороне от него, так, чтобы иметь более широкий обзор.

Какое-то время ничего не происходило, и на меня стала наваливаться дремота. Чтобы развеяться, я время от времени расправлял крылья, делая небольшой круг над плато и изредка проведывая Сашу. Я как раз завершал такой облет, когда из тоннеля на низком старте неожиданно выскочила вимма, а следом за ней — растерянный Саша. Я кинулся к ней, стремительно вырастая до максимальных размеров, сразу же догнал и изо всех сил атаковал сверху, телом и когтями, так, как я разбивал анг-миртовские болиды, а затем изо всех сил толкнул фэйром, отчего вимма резко завалилась на бок и, прочертив кривую дугу, грохнулась на землю. Уже непосредственно перед столкновением пилот чудом сумел сманеврировать, немного выровняв крутизну пике. Выскочивший с пилотского места рыжий элез кинулся обратно к пещере, но ему наперерез уже мчался Саша, у которого, несмотря на человеческий облик, обе руки трансформировались в мечи-когти. Рыжий, увидев, кто на него движется, резко затормозил и оглянулся назад. В этот момент из виммы выскочила неузнаваемая черно-белая тварюка, не похожая ни на одно известное животное, и на наших

глазах стала расти с бешеной скоростью. Чем больше она становилась, тем больше мне виделось знакомых черт... Еще немного, и я узнал ту самую нелепую тварь, с которой летал наперегонки, когда интересовался корпорацией "Блик", и которая даже умудрилась достать меня. А еще при взгляде на нее мне вспомнился демон Некроса, что приходил в Анг Мирте к кровавому озерцу покормиться на жертвоприношении.

Опешив, я сделал над ней круг, убеждаясь, что не ошибся. Та самая, белая с черными полосами тварь с удивительно отталкивающей плоской трехглазой мордой, с зубастой и клыкастой пастью, только теперь она каким-то образом стремительно увеличивалась в размерах. Мощная спина бугрилась мышцами, переходя в гигантский то ли драконий, то ли змеиный хвост, унизанный шипами и заканчивающийся длинным опасным жалом. Глядя на нее, мне пришла мысль, что существо — демон Некроса — когда-то очень хотело стать драконом, но что-то пошло не так и драконьих крыльев ему не досталось. Хвала богам... Иначе нам всем пришлось бы очень туго.

Разросшись до размеров сказочного чудовища, демон в три прыжка добрался до Саши и когтистой лапой отшвырнул его со своего пути. Я видел, как тот упал, зажимая левый бок. Я мгновенно спикировал на спину твари, вцепился в нее клювом и когтями и вырвал из спины здоровый кусок плоти. Демон тоже не остался в долгу и хлестнул меня шипастым хвостом, сбивая на землю. Я чувствительно хлопнулся оземь, но сразу же взлетел обратно. Тварь рванулась к Саше, но я налетел на нее и саданул клювом по морде, на что демон опять отмахнулся хвостом. Я увернулся, сделал круг и снова атаковал. Чудовище ощерилось и попыталась достать меня в прыжке, от которого мне в большом обличье оказалось трудно увернуться из-за инертности, а затем опять хлестнуло длинным хвостом-жалом, попав в подбрюшье. Я задохнулся и дернулся вверх, переживая болезненный спазм...

В это время рыжий элез добрался до вимм у входа в тоннель. Мы с демоном продолжали свой странный танец, состоящий из прыжков, бросков и уверток, изредка задевая друг друга, но не имея возможности серьезно навредить. Саша поднялся с земли, зажимая бок рукой, и явно попытался сменить облик. Не сможет, понял я. Крови много, одежда уже пропиталась, боль и шок, а знаний и опыта, что делать в таких ситуациях, нет. А надо волевым усилием перестать думать о ране и вызвать трансформацию, фокусируясь на каком-нибудь участке тела. Я, например, в таком случае начинаю с пальцев. Но ни времени, ни возможности объяснить Саше технику самоспасения у меня сейчас не было.

Меж тем рыжий элез вывел еще одну вимму из пещерки и рванул прочь от скалы, а тварь с остервенением кинулась на Сашу. Его спасло расстояние — он был недалеко от стоянки с тоннелем и успел заскочить в него. Там, прыгнув во вторую вимму, он тоже на низком старте вылетел наружу и бросился в погоню за элезом. Потеряв противника, тварь рванула следом за своим спутником, а я кинулся их преследовать, понимая, что демон сейчас уменьшится и у меня есть шанс схватить его когтями и поднять в воздух. Вимма Саши шла следом, но сократить разрыв не удалось. Демон мчался со всей скоростью, стремительно уменьшаясь, а вимма с рыжим развернулась ему навстречу. Поравнявшись с тварью, я бросился на него и почти поймал в захват, но она применила тот же самый прием, что любил я сами — резко уменьшилась до размеров обычной кошки и ловко проскользнула между лапами, а я был вынужден дернуться вверх, чтобы не налететь грудью на камни. Вимма снизилась почти до земли, дверь распахнулась, тварь прыгнула в кабину и они резко набрали высоту.

Я уже видел цепочки вимм с той стороны плато, где располагался грузовой шеадр, но

рыжий пилот повернул в противоположную сторону. Что ж, умно — иначе их быстро перехватят, взяв в кольцо. Вимма шла на предельной скорости, шеадр находился далеко, и гонка наша длилась достаточно долго.

Я нагнал их, когда им пришлось сбросить скорость перед посадкой. Выскочив из виммы, рыжий элез попытался отогнать меня эгри-плетью, без остановки хлеща по камням шеадра и не давая мне сесть. Тварюка, став еще меньше, легко запрыгнула ему на плечо и оба они быстро вошли в пирамиду шеадра. Я потерял несколько ценных мгновений, садясь и принимая человеческий облик — двери шеадра клювом не откроешь. Когда я оказался внутри, их уже не было. Отсюда вело три пути — в Ар Лессен, Ар Шамаль и Ар Элес. По остаточным эманациям шеадари я понял, что они направились в Ар Шамаль.

Я сделал шаг к картине с хорошо знакомыми белыми стенами города на фоне скудного пейзажа, когда огромное каменное здание содрогнулось, а из картины дохнуло пламенем. Жуткое ощущение раздираемой в клочья Грани возникло прямо внутри меня и я дико закричал, чувствуя, как меня самого рвет на части перекореженным пространством...

Этот мерзавец сделал то, что никогда не пришло бы в голову нормальному обитателю Ар Соль — бросил в шеадр взрывчатку.

Глава 22. Плен

Юлька подтащила стул к окну и с трудом вскарабкалась на подоконник, чтобы выглянуть наружу. Внутренняя отделка комнаты, где ее держали — куполообразный потолок, мозаичный пол, низкая мебель, покрытая пестрыми коврами, ванна, углубленная в пол и выложенная мелкими яркими плиточками, изогнутые ручки дверей — напоминала ей Ар Шамаль, но чтобы окончательно увериться, ей требовалось увидеть больше. Ряд узких арочных окон под потолком, разделенных спиралевидными колоннами, давал достаточно солнечного света и позволял увидеть белесое голубоватое небо, но не давал разглядеть землю или город снаружи. Возможно, строители этого и хотели — только небо и ничего больше.

Присмотревшись, она поняла, что окна можно открыть, и что она вполне смогла бы пролезть в высокий и узкий проем. Потянув на себя раму, она чуть не свалилась обратно с широкого покатого подоконника, и, кое-как уцепившись за нижнюю часть рамы, подтянулась и высунула в окно голову.

И опять чуть не скатилась обратно. Там, далеко внизу, были только ровные голые стены и пустыня. Вот почему на окнах нет решеток — отсюда и так не сбежишь. Да и не предназначалась эта комната для содержания преступников.

Спрыгнув обратно, она с усталой злостью рухнула на мягкую широкую кровать, покрытую большими и маленькими подушками.

Ловушка... Она попала в нее, как наивный ребенок. Уже в вимме ей сделалось нехорошо от навязчивого неприятного запаха. В пути она провалилась в глубокий обморочный сон, из которого вынырнула уже здесь, в этих почти королевских покоях. Пожалуй, ее плен был более комфортным, чем жилье в университете, гостевые комнаты у Саши и жилье в Альбре — там не имелось такой роскошной, просторной ванной комнаты, напичканной ароматными маслами, удобной спальни, снабженной множеством подушек разных форм и размеров и отдельной уютной гостиной. Дверь, естественно, была заперта. Цепочка окон под потолком явила ей тусклое зимнее небо, а в гостиной тихо отсчитывали время старинные напольные часы, показывающие раннее утро.

Когда она очнулась, Лануэль сама принесла ей обед и с непередаваемым высокомерием сообщила, что с Сашей все в порядке, но некоторое время ей придется провести здесь. На гневный вопрос, какого черта ее сюда притащили и пылкое требование выпустить, та лишь усмехнулась и равнодушно пожала плечами.

— Посидишь, — бросила она, уходя, и Юлька с ненавистью мысленно послала ей вслед нецензурные проклятия своей родины.

Меня никто не хватится, подумала она с тоской. У Саши проблемы и ему, скорее всего, сейчас не до нее. Да и откуда ему знать, что с ней что-то случилось? Она слишком ценила свою независимость... Ильнара начнет тревожиться только в том случае, если от Юльки очень долго не будет вестей. С Ширин у них не было никаких уговоров о следующей встрече, хозяйка Некроса сама находила ее, если хотела что-то обсудить. Рес... Рес тоже не будет ее искать. Что их на самом деле связывает? Она нашла его на озере — он вытащил ее из объятаго войной Саманданга. Они квиты и ничего не должны друг другу. Он подарил ей крылья... и ожерелье-щит, чтобы защищать себя... И мысль о том, что она может быть свободна и не бояться никого, кто протянет к ней руки. Или лапы. Что она что-то значит в

этом мире.

Но он далеко.

Никто не будет ее искать, полагая, что она занята своими делами.

Когда в тишине раздался скрежещущий звук открываемого замка, она резко вскочила с кровати и так же решительно упала обратно. Кто бы это ни был, нечего показывать, что она злится и нервничает. Устроившись на подушках поудобнее, она приняла задумчиво-скусающий вид и бросила на дверь прикрытый ресницами взгляд.

Это оказался Румянцев, который принес ей на подносе очередную порцию еды. Юлька сделала вид, что только что проснулась, и уставилась на него с укором, переходящим в презрение.

— Что, счастлив, что мы местами поменялись? — ехидно спросила она. — Кстати, кто помог тебе сбежать? Неужели Лануэль?

Она ожидала грубого ответа, но он почему-то смутился.

— Нет, не она. Но тебя это не касается.

— Еще как касается, — огрызнулась она. — Саша должен знать, какая шваль орудует в его собственном доме.

— Ему это не поможет, — хмыкнул тот.

— Я-то вам зачем? Думаете его мною шантажировать?

— Нам надо поговорить, — пояснил он. — А ты обеспечишь безопасность этих переговоров. Все что нам нужно — объясниться с ним.

— А что, поговорить, без заложников вам никак?

— Он многого не понимает, — отрезал Румянцев. — Сейчас он совершает одну из самых фатальных ошибок в своей жизни, неправильно выбирая друзей. Он думает заслужить лояльность старшего поколения Вечных, не осознавая, что эту лояльность невозможно заслужить в принципе. А твое присутствие поможет нам удержать в стороне Хэйгена. Очень уж шустро он взял Сашку в оборот, а тот, как щенок наивный, рад, что его по шерстке погладили...

— Ну и как вы его удержите? — хмыкнула Юлька. — Мною, что ли? — она обидно рассмеялась. — Ну так я рада вам сказать, что тут вы крупно промахнулись. Я не имею на Хэйгена ни малейшего влияния, так, слегка знакомы, не более. К тому же, он очень упрямый и вас уж точно слушать не будет.

— Послушает как миленький, — Румянцев вернул ей презрительно-насмешливый взгляд. — Для начала, есть слушок, что он к тебе неровно дышит... Вот мы ему тебя и покажем. Посмотрим, как он уроки выучил.

— Какие уроки? — его многозначительная улыбка подняла в Юльке волну отвращения.

— Когда-то его беременную жену взяли заложницей, — пояснил Румянцев с прежней неприятной усмешкой. — А он слишком долго собирался. Или не поверил. Или думал, что он умнее всех. Или еще что. Ну и нашел ее потом у себя в старой башне, с перерезанным горлом и вспоротым животом.

Юльке захотелось послать его самым виртуозным земным матом, но горло перехватило горечью. Я не знала, подумала она. Да и откуда мне знать. Теперь понятно, почему он все время так за меня боится. Будто я хрустальная... Закрыв глаза, она выровняла дыхание, стараясь сохранить неподвижное выражение лица. Никто из них не должен знать, что ей больно. Они вообще ничего не должны о ней знать.

Я не дам вам повода поглумиться, подумала она с ненавистью. Не дождетесь.

Меж тем Румянцев сел на краешек кровати, разглядывая ее со странной заинтересованностью, словно она была подопытным животным, от которого ждали определенной реакции на раздражитель, а получили нечто совершенно иное.

— Интересно, почему ты стал таким жестоким, — пробормотала она, с опасением отодвигаясь от него подальше.

— Я? — спросил он с сарказмом. — Разве? А мне говорили, что это ты убила Рейнарда, а не Шандр. Ножом. Ручками своими нежными.

— Я б этого подонка еще раз убила, — сказала она с яростной убежденностью.

— У нас с тобой разные взгляды на то, кто тут подонок, — глянув на нее искоса и с какой-то глубоко спрятанной тоской, он встал. — Ешь, пока горячее. И сиди тихо, если хочешь жить.

Все оставшееся время она нервно слонялась из угла в угол, а ближе к вечеру снова вскарабкалась на окно, просто так, чтобы еще раз вдохнуть прохладный, уже чуть морозный к ночи воздух. Глядя, как стремительно садится солнце, она с отчаянием подумала, что в крайнем случае можно и сигануть. Зато сразу — насмерть... Мысль показалась настолько отталкивающей, что она решительно спустилась вниз и, чтобы перебить омерзительное чувство тоски и страха, залезла в ванну — надо же пользоваться здешней роскошью, пока дают... Размокнув до сонливости, она выбралась из воды, намазалась всем, что нашла на ажурных полочках, и, свернувшись калачиком на мягкой кровати, попыталась заснуть.

Рес, подумала она с тоской. Пожалуйста, не слушай их. Не ведись на то, что они тебе скажут. Со мной все в порядке. Я сильная. Я теперь точно знаю, что я сильная. Я выберусь. Я не дам этим тварям торжествовать.

Глава 23. Допрос

Я инстинктивно отпрыгнул назад и не задумываясь, движением, натренированным за последние пару месяцев в боях с Анг Миртом, швырнул в картину наспех собранный сгусток наэра. Именно это меня и спасло — некрос поглотил энергию взрыва, и разрушительная волна не докатилась ни до меня, ни до соседних шеадари. Из образовавшейся дыры хлестнуло ослабленной, но все еще чувствительной ударной волной, отшвырнувшей меня к противоположной стене. Я сполз на пол, оглушенный и ошарашенный, с изумлением наблюдая, как на моих глазах напротив меня разверзается огромная, во всю стену шеадра, дыра, из которой щедрыми потоками льются солнечные лучи. Грань расползлась вместе со стеной шеадра, являя взгляду пески Шамалея, неяркое зимнее, но солнечное небо и очертания белостенного города в половине хаара пути. Старая пирамида шеадра мелко вибрировала, и я уже шкурой чувствовал, как искажается пространство вокруг меня, расслаиваясь и закручиваясь противоестественными потоками сил. В сознании уже давно звучал испуганный крик Эйлы, умолявшей о помощи...

Я осторожно поднялся на ноги. Цел, к счастью. Теперь в первую очередь — снять ариады с соседних порогов, чтобы в искажение не затянуло еще и Лессен с Элезией. Арл-стрелой я безжалостно содрал со стены картину, закрывающую проход. Там дальше — сложная конструкция решетки шеадра со встроенными в нее двенадцатью ариадами. Пока я возился, выдирая кристаллы из гнезд, заметил, что часть из них пошла тонкими, как волосинки, трещинами, и сделал зарубку себе на память приказать Следопытам проверить все кристаллы смежных шеадров. Кто знает, какой эффект мог оказать взрыв на остальные...

На месте третьего шеадари зияла огромная дыра — решетку полностью съел Некрос, вместо нее теперь виднелись пески Шамалея где-то на окраине Рувива. По сути, разрыв Грани походил на тот, что мы регулярно наблюдали при нападении Анг Мирта, только вместо гранеедов был мой собственный удар наэром, а вместо размыкателя — взрыв в шеадре...

Значит и действовать надо так же, как и во время атаки нэргов.

На нетвердых ногах я вышел из шеадра и уставился на гигантскую дыру в пространстве. На фоне темного шеннон-арского неба солнечное сияние шамальских песков выглядело сущим сюрреализмом. Обернувшись, я поднялся в небо и уже привычно, почти бездумно, принялся затягивать дыру. Уменьшалась она медленно, с неприятным, болезненным сопротивлением, а когда незаросшего пространства Грани осталось совсем мало и я убедился, что по остальным направлениям Грань стабилизировалась, то спустился обратно и принял человеческий облик. К шеадру уже подтянулось несколько наших вимм. Я коротко объяснил, что случилось, отправил вимму за специалистами-Следопытами, а сам сел на ступени шеадра, прислонился к уцелевшей стене и попытался сообразить, что делать дальше — отвоевывать Либрум, вычислить рыжего элеза с его тварюкой, или забить на все и посидеть в тишине и покое, глядя на медленно тускнеющую прореху в небе...

Так меня и нашел потрясенный новостями Шандр. Выслушав мой неторопливый и не очень связанный рассказ, он с тревогой сжал мое плечо.

— По грани ходишь, — выдавил он. — Из одной проблемы в другую.

— Время такое, — проворчал я. — Самому надоело.

— Значит, тварюка вышла из Маара в реальность? — уточнил он после паузы. — Точно

уверен, что она?

— Один в один она, — кивнул я.

— У меня тут новости... Неожиданные, я б сказал. Из Анг Мирта. Опознали наших.

— И кого?

— Вагабр. Рейнард. Кинэн. Вейдр. Женщин — нет.

Я молчал. Вагабр? Ему-то это зачем?

Тот, кто наводил обезумевшего меня на Рузанну, знал о его участии и хотел избавиться от Ваэля моими руками. Почему?

— Зачем Ваэлю постоянная угроза со стороны Анг Мирта? Вернее, союз с Анг Миртом? Зачем натравливать чужой агрессивный мир на свой собственный?

— Держать тебя подальше от того, что творится в Рузанне, — предположил Шандр.

— Я и так туда не лез. Зачем ему контроль над Вечными, если он и так имеет над нами власть?

— А ты уверен, что имеет? — любопытствовал Шандр.

— Сашу из облика выбил он, — напомнил я.

— В его власти — принудить Вечного к повиновению. Как далеко он при этом должен находиться? Как долго длится воздействие? И зависит ли это от возраста и опыта?

Я пожал плечами.

— Это лучше у Даллаха спросить. Или у Ревалья с Ширин, они помнят старого Вагабра Да и вообще...

Шандр неожиданно рассмеялся.

— Даллах, Реваль и Ширин — вот они, реальные правители мира, а не Вагабр. И ты. Да-да, не кривись. Что, если у Ваэля по какой-то причине не получается удерживать под контролем всю вашу слегка безумную семейку?

Я задумался. Вагабр, Кинэн и Лануэль — молодое поколение Вечных, которых, возможно, не устраивает существующий порядок вещей. Бунт молодых? Почему нет... Молодым свойственно бунтовать, пробуя на зуб крепость законов и разрушая прежний порядок вещей.

— Давай допросим Вейдра, — решил я. — Он должен очень много знать. Тут все стабильно, без меня справятся. Где Алекс?

— Там, — Шандр кивнул на Либрум. — Держится пока, но его, похоже, сильно зацепило.

— Оклемается, — сказал я. — Хоть и не сразу. Научится постепенно... раны зализывать. Что с Либрумом?

— Оцеплен. Наги сунулись, но сразу налетели на ловушки. Двоих контузило. Там точно кто-то засел и будут еще сюрпризы.

— Где Гевор?

— Там же, — хмыкнул Шандр. — Опекает.

— Лети в Южный Ферт, бери Вейдра, — велел я. — Я чуть позже появлюсь. Пообщаемся.

Саша был мучительно бледен и пошатывался, но держался прямо и вообще старался делать вид, что ему не больно и ничего страшного не случилось. Гевор в облике бродил поверху, исследуя замеченные мною ранее площадки на скале.

— Нет смысла тратить время на попытки туда прорваться, — сказал он отрывисто. — Это ловушка. Чтобы мы тут увязли. Чтобы отвлечь. Я против того, чтобы туда лезть.

— Попроси Гевора рассчитать тебе подрыв, — сказал я, глядя, как белый леопард ловко спускается по скальным выступам. — И прислал сюда специалистов. Это по его части.

— Мои старые кадры с ума сойдут, — вздохнул Саша с облегчением. — Это же такое богатство... Тэр молчит, но я знаю, что он в ужасе от моего решения, — он неловко повернулся и схватился за бок, сдавленно втянув сквозь зубы воздух. — Я не хочу иметь бомбу замедленного действия у себя под боком, — продолжил он, отдышавшись. — Это искушение... не дай бог. Я читал кое-что... волосы дыбом вставали.

Я с уважением посмотрел на него.

— У нас есть оружейка, — продолжил он взволнованно. — Нам ее надолго хватит.

— Рядовым можно сказать, что его опасно оставлять в руках врага, — предложил я. — Да и старшим, наверно, тоже... поймут, — оглянувшись на нагов и Пауков, окруживших Либрум, я аккуратно взял Сашу под руку. — Двигай домой, а то сейчас отрубись. Не надо, чтобы они, — я кивнул на людей, — это видели. Завтра будет уже легче. Здесь все под контролем, особенно, пока Крейг тут ползает. Он не воин, но очень наблюдательный. Мы с Шандром пока к себе, у нас тут новости... неожиданные. Подтвердились кое-какие очень нехорошие подозрения.

Саша кивнул.

— Я только распоряжения отдам...

Я сам отвез его домой и проследил, чтобы им занялись целители ордена Аспида. У них была своя собственная целительская школа, отличающаяся и от школы Повелевающих, и от целителей школы Джмар, маленькая, но очень эффективная. Потом, пообещав Саше появиться завтра, я отправился в Западную Стражу.

Когда я вошел в старинное, просторное здание старейшей Стражи Ар Элес, все уже знали, что задержан предатель. Знали и не хотели верить, хотя... в глазах моих людей читалось смутение. Анг Мирт для нас — абсолютный враг, они не понимали мотивов. Я не понимал их сам, но надеялся получить ответы в ближайшее время. Я не часто пользуюсь умением Вечных подчинять взглядом, но иногда без этого не обойтись.

Вейдр — высокий, крупный, красивый мужчина южного типа, сидел, прикованный наручниками к креслу. Я перехватил его взгляд, и, удерживая контакт глаза в глаза, надавил, вклиниваясь в сознание, но за те несколько секунд, требующихся, чтобы подавить психику разумного, не почувствовал никакого отклика. Непривычно, но неудивительно. Люди вполне способны сопротивляться приказам Вечных, и на самом деле — достаточно долго и успешно. Для этого надо иметь развитую волю и хорошую выдержку плюс такую черту характера, как упрямство. Поэтому я стараюсь использовать это умение Вечных как можно меньше: сильных пришлось бы ломать, а зачем мне потом марионетка со сломанной волей?

Вейдр, видимо, был из таких. Я сталкивался с ним время от времени по служебным вопросам Западной Стражи, он руководил здесь отрядом Следопытов, отвечающих за состояние внутренних шеадров и внешних путей на Старую Землю. Свои обязанности он исполнял грамотно, но сильным специалистом-пространственником не считался.

— Зачем тебе Анг Мирт? Тут плохо платили? — начал я, не отрывая взгляда и вклинивая в его сознание ментальный нож. Странно — мой мысленный клин вошел в него легко, не встретив сопротивления и не вызвав никакой реакции.

— Здесь мне выше не подняться, — со смешком ответил он, вернув мне полный неприязни взгляд.

— Куда уж выше, — хмыкнул Шандр. — Западная стража — центр Элезии, самое

теплое место. — На место Амира метил?

— Я б его не утвердил, — бросил я. — Способности не те. Регион для него потолок, да и опыта маловато. Так зачем вам нужен был союз с Анг Миртом? — я снова вонзил в него ментальный нож и снова не почувствовал отдачи — вот того самого чувства вялой покорности, которое возникает в сознании подчиняемого, когда ты перехватываешь над ним контроль.

— Интересное место, правда? — отреагировал Вейдр. — Не такое живописное, как Элезия, но с большими возможностями. Почему бы нам с ними не сотрудничать? По крайней мере, у них есть свежие и оригинальные идеи, а у нас с ними как-то туго.

— Тебе-то что пообещали? — я продолжал давить, не понимая, почему не срабатывают такие привычные, хорошо отработанные способы.

— Меня научили, — неожиданно ответил он вслух — видимо, мысль моя была сформулирована настолько четко, что он прочел ее. — Как справляться с такими, как ты. Ничего сложного, на самом деле.

— Да уж понял, — с досадой бросил я, отступая. — И что пообещали?

— Больше, чем ты можешь себе представить, — равнодушно ответил он.

— Имена, — рявкнул я, накаляясь. — Кто еще?

— Немногие, но тебе о них знать не надо.

— Роль Вагабра?

— Ну, он же Вагабр, — усмехнулся Вейдр. — Высшая власть. Ему виднее, что и как делать на своих собственных землях.

— Ошибаешься, — отчеканил я. — Тут не его земли. Тут МОИ земли. Кто еще, кроме Кинэна и Рейнарда, имел контакты с Анг Миртом? Есть ли здесь, на землях Ар Соль, шпионская сеть?

— Не знаю, — усмехнулся Вейдр. — Мне не докладывали. Еще вопросы будут? Кстати, а за что меня арестовали? За какие преступления? — он повернулся к Шандру. — У Пауков есть, что мне предъявить? Ваши домыслы про Анг Мирт будут звучать фантастично, вы не находите? Бездоказательно для судебной комиссии. Или для тебя, Хэйген, закон что дышло? Вороны этот закон создавали, ты сам поддерживал и охранял. Что изменилось теперь? Только то, что ты встретил кого-то, кто мыслит иначе?

Я долго смотрел на него. Да, уголовное законодательство, весьма сложное и подчас запутанное — одинаково на всех землях, за исключением некоторых частных, и мы стараемся его строго соблюдать, раз уж требуем этого от подданных. Отличаются только исполнительные структуры. У нас это часть ведомства Пауков, в Лессене этим занимается служба безопасности, в Ирнани у маркграфов есть гвардия порядка, у эмиров Шамалия — так называемые хранители эмирата.

Но мне, Вечному, закон не писан. Я сам — закон.

— Ты меня не с кем не путаешь? — высокомерно бросил я, чувствуя холодное бешенство, поднимающееся волной со дна души.

— Что ты мне сделаешь, Ворон-защитник? — спросил он с издевкой. — Убьешь, как угрозу разумным? Без суда и следствия? Допустим. Ты имеешь на это право, я вижу по глазам, как ты свирепеешь. Ты — человек-божество, ты над законом. Так я к этому готов. Я знал, что могу попасться. Можешь убить меня, если хочешь. Сам понимаешь, я действовал не в одиночку. До тебя все равно дотянутся, рано или поздно.

— Ты не все обо мне знаешь, — ответил я уже с трудно сдерживаемой яростью и вышел,

сделав знак Шандру.

— Забери его отсюда к Паукам в казармы, — процедил я сквозь зубы. — Мне нужно помещение подальше от остальных, с крюком или перекладиной на потолке и с живым камином. Ну или найди жаровню. Пару ножей с тонким и широким лезвием, и отвертку. Заряженный шок бич. Веревку. Соль. Пару парней с крепкими нервами или просто флегматиков, мне одному будет трудновато с ним управиться — тяжелый, сволочь. А, еще на пару визоров, для фиксации допроса.

Шандр смотрел на меня с нарастающим пониманием.

— Тебе... помочь?

— Нечего тебе мараться, — огрызнулся я. — Это я над законом, а не ты. Сам как-нибудь справлюсь.

Он раскололся достаточно быстро — мне потребовалось чуть больше часа, чтобы выжать из него все, что он знал. Поначалу он пытался сопротивляться, но я был очень неумелым палачом, плохо представляя, как болью принудить человека говорить, не калеча его при этом. Крики его были слышны во всем штабе, а от вони паленого мяса одного из Пауков стошнило. Все-таки мы давным-давно отошли от подобного варварства...

Когда я ввалился в кабинет к Роберу, начальнику западного отряда Гвардии, где сидел Шандр, меня тоже слегка пошатывало, но по совсем другим причинам. Швырнув им на стол один из визоров с записью, я потребовал срочно сделать мне письменную расшифровку допроса, переведя звук в текстовый формат. Когда начальник ушел, Шандр долго молчал, пристально вглядываясь в мое лицо.

— Я всегда считал тебя... слишком мягким для такого. Чересчур благородным для Вечного вообще, и для Ворона — в частности.

— Теперь перестанешь? — спросил я, чувствуя, как тошнота от переполняющего меня коктейля из чужой боли и злости подкатывает к горлу.

— Нет. Зато теперь я знаю, что и тебя можно загнать в угол. И что лучше этого не делать. Никому, даже своим.

Пытаясь подавить то, что безумным потоком грозило вылиться из меня наружу, я начал нервно ходить из угла в угол.

— Теперь понятно, каким образом эта тварь разожралась так, что смогла обрести тело, — я мельком увидел свое отражение в окне и понял, что глаза полностью залиты синевой, даже зрачков не видно. — Кровь для Вечного — это еда, — я волевым усилием остановился, открыл окно, чтобы вдохнуть прохладный и влажный ночной воздух. — Кровь и эмоции жертвы. А это... экстаз. Круче, чем когда ты охотишься... Этот тип... как батарейка... а ты — как большой пустой концентратор, впитываешь все, что в тебя льется. Болью тоже можно... питаться. Это... сила... Я этого... не знал.

Шандр налил мне воды, сунул стакан в руки и силой заставил выпить.

— Не поможет, — криво усмехнулся я, трясаясь от нервного и физического возбуждения. — Я в процессе дважды терял человеческий облик. Стихийно трансформировался. Обратно — с трудом, словно Ворон уходить не хотел. Его-меня тянуло... еще. И еще. Вейдр от этого и сломался — на меня глядя. Вернее, на то чудовище, что над ним глумилось. Боюсь, эти парни тоже... не совсем в себе. Знаешь, сейчас я полон под завязку, вперехлест, как после хорошей, долгой охоты. Нажрался. Я пьян, Шандр, это сродни опьянению... Нет, не я... Ворон во мне — пьян от крови.

— Полетай, — предложил он. — Успокойся. Полет всегда помогал тебе обрести

равновесие.

— Я не хочу оборачиваться, — прошептал я. — Оно там... клокочет. Я хочу... еще. И боюсь...самого себя. Вот так и теряют человеческий облик и превращаются... в тварь. Знаешь что? Убей меня, если я еще раз захочу это сделать.

— Убью, — пообещал он, с силой встряхивая меня один, потом другой раз. — А теперь давай... прекрати истерику и расскажи последовательно, что ты узнал.

Я сжал голову руками, чтобы собраться с мыслями.

— Он выдал тех заговорщиков, кого знал, здесь и в Эксере. Все имена. Кое-что из мотивов, но немного. Кое-какие свои соображения и наблюдения. Несколько имен из шпионской сети анг-миртовцев, раскинутой здесь, но их действительно мало

— Список, как я понимаю, сейчас будет, — спокойно сказал Шандр, цепко держа меня за плечо, словно боясь, что я совершу что-нибудь безумное. — А мотивы?

— У него — чисто меркантильные. Деньги, власть. Ему обещали твое место, — усмехнулся я. — Не Амира. У Вагабра с Кинэном, по его словам, был проект нового миропорядка и новой структуры объединенных земель, в которую вошел бы и Анг Мирт. Они заключили союз с тамошней партией войны, на самом деле планируя массивную атаку на Ар Соль. Цель — слить Анг Мирт с одной из земель. Для этой цели поначалу рассматривали Ар Элес, хлестали по ней размыкателями, чтобы истончить разделяющую земли Грань и выработать тактику борьбы с нашими защитными отрядами. Но потом пространственники Кинэна, а за научную часть отвечал именно он, стали подозревать, что при такой большой площади соприкосновения Граней, как у Элезии с Анг Миртом, слияния земель может не получиться — мощностей не хватит на полноценный разрыв. И они переключились на Ирнан, где протяженность общего участка Грани самая маленькая.

— Да, почти все последние атаки — по Ирнану, — кивнул Шандр. — И все — с резаками. Хорошо еще, джмаровцы научились с ними справляться.

— Нападение на Элезию планируется для отвода глаз и оттяжки сил. Битву за Ар Соль мы должны будем проиграть, — продолжил я, — а Анг Мирт под угрозой повторной атаки на наши тихие мирные земли, давно разучившиеся воевать, потребовал бы включения их в состав Ар Соль на равных правах. При стирании Грани эти две земли слились бы в одну... Если бы им удалось охватить размыкателями и гранеедами всю площадь соприкосновения Ирнана с Анг Миртом, возможно, даже силы Ворона не хватит, чтобы быстро запустить обратный процесс. Но меня к началу атаки планируется убрать — подчинить, держать в шкуре или, если ни то, ни другое не удастся — уничтожить носителя.

— Роль Нигейра? Его хотят поставить управлять новым объединенным Ирнаном?

— Да. И не только. После расширения территории бывших союзничков из партии войны хотят убрать, а новые земли — подчинить Эксере. У Анг Мирта немало технологий, ворованных с Основы, на реализацию которых не хватает ресурсов, а с нашей стороны — понимания реалий образа жизни анг-миртовцев, близкого к образу жизни Старой Земли. Для этого им был нужен полноценный, вошедший в силу Нигейр, желательный — с Основы. Но — управляемый. Их устраивала и полная сознательная поддержка, и бездумное подчинение. Но что-то у них с Алексом пошло не так, в нем начали сомневаться. Почему — Вейдр не знает, так глубоко его не посвящали.

— В чем состояла его собственная роль?

— Он пространственник, и неплохой, хоть и не лучший. Он частично участвовал в разработках по уничтожению Грани. Его надо трясти дальше, чтобы выколотить все научные

подробности, но мне точно нельзя — свихнусь.

— Дождем, — пообещал Шандр кровожадно. — Тобой теперь можно всех недовольных пугать. Слухи полетят быстрее арл-стрел...

— В его обязанности входили сбор информации, слежка за мной и за всеми нашими делами — за успехами в борьбе с Анг Миртом во время прорывов, за научными разработками в этой области. От него требовалось обеспечивать Зеркалами с наших мастерских, оказывать помощь с шеадрами, ведущими в Анг Мирт. Прикинь, у них уже семь шеадари, хотя мы нашли только два! Он дал все координаты, которые помнил. Но сам он ставил далеко не все. Первые два — не те, что мы нашли, а более старые — появились еще до того, как он пришел, и он не знает, чья это работа. У него есть интересная догадка, что работа по установлению контактов с Анг Миртом началась не в этом столетии, а гораздо раньше... Мне уже приходила в голову эта мысль, когда я стал анализировать возникновение в наших мирах веры в Единого. Кстати, про то покушение на меня, — я опять затрясся, вспоминая брошенное мне в лицо вместе с кровавым плевком "жаль, что некому было отрезать тебе голову", — именно он и следил за мной через Зеркало в тот день. Он знал о проблеме в Северном Аскареме и уточнял у тамошнего мастера, когда у нас с ним назначена встреча. Тот, естественно, ничего не заподозрил. Он очень много обо мне знал... О моих привычках, характере, о людях, с кем я чаще всего общаюсь... Он знал, какими путями я буду возвращаться...

Видя, что я опять загораюсь неконтролируемым яростным пламенем, Шандр снова жестко встряхнул меня за плечи.

— Имен в списке много?

— Немало, — поморщился я. — Есть и наши. Будем брать и допрашивать. А запись эту... показывать арестованным, чтоб раскалывались быстрее.

Шандр согласно кивнул.

— Какой интерес у Рейнарда и что это за возня с образами и управлением человеческим сознанием? Только ради контроля над Вечными или это нечто большее?

— Тут он не в курсе. Предположительно, школа Эгрох занималась этим не первый год. Цель — выработать быстрый и легкий способ подчинения будущих подданных, которые полностью люди, а не Двуликие. Это они на Анг Мирт замахивались... А заодно и дополнительный механизм контроля за своими. Но лучше будет спросить у Ваэля.

— Думаешь, он ответит?

Я достал из кармана второй визор с записью.

— Прижмем. В присутствии того же Ревалья, Ширин, Даллаха. И Алекса. Кроме того.. Тот, кто пытался управлять мной, хотел, чтобы я Ваэля убил, помнишь? Реваль уверен, что Ваэль не притворялся, когда вернулся в человеческий облик. Даллах осмотрел Вагабра на следующий день после возвращения из шкуры, и подтвердил наличие изменений в физическом облике и в психике, типичных для двух месяцев в шкуре. Я ему верю, — я вспомнил тот день, когда мы с Алексом гонялись друг за другом над Рузанной, — на актерскую игру не похоже. Видимо, союз у них распался и кто-то из участников этого альянса — Кинэн, Рейнард, еще кто-то, о ком мы, возможно, до сих пор не знаем — Лани, к примеру, — попытался Ваэля убрать.

— Так же, как и Алекса. Почему?

— Это мы у Ваэля спросим. Я думаю, нам удастся припереть его к стенке, если мы сделаем это вместе.

В кабинет вошел Робер с листами бумаги — автоматическими расшифровками текста с визора. Лицо у него было серым: он, к сожалению, почти ничего не знал об истинной подоплеке событий, пребывая в счастливой убежденности, что в Анг Мирте водятся только безмозглые нэрги.

Я снова посмотрел на свое отражение в окне. Глаза по-прежнему светились.

Бегло проглядев распечатки, я нашел на рабочем столе гвор и набрал рузаннский номер Ревалья. Мне ответили, что он Саманданге. Перезвонив в Саманданг, я долго ждал, пока он подойдет к гвору, и только под конец сообразил, что на дворе — поздний вечер, и я отвлекаю семейного Ревалья от самого ценного, что у него есть.

— У тебя не запланирована на завтра встреча с Вагабром? — спросил я после традиционного обмена приветствиями.

— Во второй половине дня, — подтвердил Реваль. — Отменить?

— Ни в коем случае. Только до нее надо бы собраться малым кругом. Мне есть, чем тебя удивить, — сообщил я. — И мы присоединимся к твоему визиту.

— Тогда лучше с утра, — попросил он с тревогой в голосе. — Кого ты еще хочешь видеть?

— Ширин, Гевора, Даллаха — завтра с утра, и Алекса — когда пойдем с Ваэлем общаться. В качестве силовой поддержки.

— Ого, — хмыкнул он. — Новости у тебя, видимо... не из веселых.

— Если вкратце — мы вычислили шпиона среди своих, и он слил нам значительный кусок заговора. Подробности завтра.

— Ваэль замешан? — с печалью спросил Реваль. — У меня были подозрения, но я отмахнулся.

— А зря, — вздохнул я. — Ты пригласишь остальных?

— Да, — подтвердил он.

Выключив связь, я внимательно посмотрел на Робера.

— Информация не должна выйти за пределы этого кабинета, — приказывая, я мягко надавил на него. На всякий случай.

Когда я выбрался на крыльцо, сила продолжала клокотать во мне с таким неистовством, что реальный мир и Маар просвечивали друг сквозь друга. Надо и вправду полетать... Я обернулся и взмыл в воздух, заметив, что Шандр и остальные высypали на крыльцо и, задрав головы, следят за моим полетом. Что со мной не так? Повернув голову, я заметил, что концы крыльев светятся синим больше и ярче, чем обычно. Что ж, пусть будет потеха обитателям Элезии...

Когда я вернулся, Шандр все еще был там, с Амиром и Робером. На столе у Робера стояла бутылка с бренди, остатки нехитрой закуски были раскиданы по тарелкам.

— Будешь? — спросил слегка нетрезвый Шандр, в то время как его собутельники сильно смутились, увидев меня на пороге. Да уж, подобные новости не переваришь без изрядной дозы, тут я их хорошо понимаю. Но если я сейчас еще и алкоголя добавлю, последствия будут... не знаю, какие именно, но точно будут.

Я покачал головой.

— Мы дожали из него детали, — продолжил он, кивнув на Амира. — Я мало что понял, но мне достаточно уже того, что для разрушения Грани по площади соприкосновения Ирнана с Анг Миртом хватит всего двух размыкателей, работающих на полную мощность и нацеленных на разные точки пространства. Остальное доделают гранееды. По данным

разведки, у них три размыкателя и один резак, который нужен не для Грани, а для усиления натиска. Непонятно только, что у них с энергообеспечением. Вейдр говорит, что обсуждались способы поставки им нашего мини-реактора, и для этого хотели ставить грузовой шедр в Ар Хойте, где-то в районе Награ, чтоб его Наги охраняли.

— Ох ничего себе размах, — ужаснулся я. — Одно утешает, им его никогда не воспроизвести самим, знаний не хватит.

— Зато мощностей надолго хватит, — добавил Амир, тоже не совсем трезвый.

— Пока я вижу единственный выход из положения, — вздохнул я, — уничтожить размыкатели.

— Как ты это себе представляешь?

— Мы же следим за крепостью Кан?

Шандр кивнул.

— Нужны чертежи крепости и хотя бы приблизительное понимание, где у этих установок расположены узловые элементы.

— Нет агентуры, — напомнил он. — Только Зеркала.

— Поставьте как можно больше Зеркал, на всех, кто постоянно попадает в поле зрения, и подключите инженеров — техноасов, нагов — всех, кто сможет по изображениям с Зеркал воссоздать максимум внутренней структуры.

Шандр покачал головой.

— Допустим, мы ее срисовали, вплоть до деталей. Что дальше? Чужаку со стороны туда не попасть.

— Напомни мне, как они называют тех черных птиц, что летают над пустошами и питаются падалью?

— Крэны, кажется... Ты что, собрался лезть туда... сам?

— У тебя есть другая кандидатура?

Он долго молчал, недовольно покачивая головой. Я решил не дожидаться, когда он озвучит тот длинный список возражений, что в эти минуты роились у него в голове.

— Я переночую в Западной башне, — сказал я. — На всякий случай, — я повернулся к Роберу. — Если, не дай бог, Ведйра полезут спасать, поднимайте шум, звоните мне туда.

— Я отправил людей за теми из нашей службы, кого он назвал, — Шандр вышел из ступора, — Их уже задержали.

— Слухи распространяются быстро, — печально усмехнулся Амир. — Я не удивлюсь, если все дети Ворона уже знают, что тут произошло.

Глава 24. Западная Башня

Я покинул Западную башню семьдесят лет назад. Жить я там больше не мог, но использовать ее продолжал, очень часто в политических целях: важные встречи с бреннами Элезии и значительными персонами других земель, совещания с главами наших собственных служб, когда мне нужно было навязать им свое решение так, чтобы они этого не поняли, опасные гости, за которыми требовалось приглядывать. Западная башня — самая старая и роскошная из башен Ворона, была еще и самой большой. По сути, она представляла собой не башню, а краснокирпичный донжон правильной четырехугольной формы, с плоской крышей и зубчатыми венцами стен. В башне пять этажей, не считая подвального, множество широких полукруглых окон делают ее легкой и светлой, несмотря на терракотовый цвет. Много лет я старательно поддерживал в ней дух старины, тщательно сохраняя все, что досталось мне от предшественников, и идеальный порядок, строго следя, чтобы она всегда была готова к приему гостей. В мое отсутствие за башней присматривал специально нанятый для этого персонал, и время от времени сюда навещался Нвер, инспектируя ее своим пристальным, дотошным взглядом.

По традиции личный кабинет Ворона и его спальня находились под самой крышей, с прямым выходом на верхнюю площадку башни. Дверь открывалась нажатием спрятанного в зубах рычага, известного только хозяину. Я сел, ненадолго задержавшись, чтобы полюбоваться лежащим чуть ниже городком, отделенным от башни узкой лесной полосой, и спустился на жилой этаж, думая только о том, как бы поскорее вымыться и переодеться. На одежде остались следы крови, и ее запах продолжал меня нервировать. Найдя чистую рубашку и брюки, я бросил их на кровать, вытащил халат и направился в душ отмываться.

Я долго стоял, наслаждаясь горячим потоком воды, льющейся на голову... Она уносила остаточное возбуждение, я чувствовал, как улетучивается этот дикий, неестественный экстаз, слегка осевший после полета. Постепенно мысли упорядочились, и я стал выстраивать варианты завтрашней встречи с Ваэлем, которая явно обещала быть нелегкой. Многое зависело от понимания, кто управлял мною в тот вечер, когда я кидался на Эксеру с желанием снести ее с лица земли. Кинэн? Вероятнее всего, учитывая некоторое сходство наших с ним профилей силы. Кто-то из его команды? Вряд ли, я не самый простой объект для манипуляций. Лани? Ей тоже это вполне по силам, но в этом случае причины становятся еще более неясными. Если в рядах заговорщиков произошел раскол, да еще такой радикальный, наши шансы получить признание Ваэля и сделать союзника из противника многократно повышаются.

Выйдя из душа, я неожиданно ощутил, что в башне есть кто-то посторонний. Я всегда чувствую чужое присутствие в своих местах силы — я словно бы слышу чужие передвижения и кожей чувствую наличие живых существ неподалеку от меня. Кто и каким образом смог сюда пробраться? Нижняя дверь заперта, пройти можно только через верхнюю площадку и то — зная, как открыть дверь. Завернувшись в халат, я осторожно выглянул из спальни в кабинет, мысленно прикидывая, где у меня тут оружие и как быстро я смогу до него дотянуться. Или может сразу трансформироваться? Потолок тут высокий, помещение широкое и незагроможденное мебелью, специально для таких, как я.

Обернувшись на звук открываемой двери, Джана лукаво улыбнулась.

— Камин разжечь? — спросила она, умело складывая щепки и дрова в топку. — Хотя

тут тепло, можно и без него. Но с ним уютнее, правда?

Я смотрел на нее, потрясенный. Как она узнала, где я, как она сюда зашла? Видимо, все мои вопросы отпечатались у меня на лице, потому что она поспешила пояснить

— Я случайно услышала, как Шандр звонил Илару в Альбре, и решила, что тебе не стоит сегодня оставаться одному. Если что, помощь точно не помешает.

Растопив камин, она медленно обошла кабинет, трогая кончиками пальцев черные, блестящие старым лаком шкафы, огромные напольные часы с затейливым циферблатом и светящимися в темноте стрелками, тяжеловесные кресла на гнутых ножках, обтянутые зеленым бархатом, стулья с причудливой формы спинками, обитые той же плотной травянисто-зеленой тканью.

— Здесь ничего не изменилось, — прошептала она с ностальгической улыбкой. Кроме человека, конечно, — подойдя ко мне вплотную, она бесцеремонно дернула пояс халата.

Злость захлестнула меня с той же силой, что и желание.

— Надеюсь, сегодня нам никто не помешает, — мурлыкнула она, прижимаясь ко мне и словно обволакивая собой.

Что-то черное, жестокое и жадное хлынуло в мое сознание и душу, когда я с силой сжал ее бедра. Что ж, она сама этого хотела.

...Я с трудом вырвался из объятий мутного тяжелого сна, изобиловавшего погонями по выжженным пустошам, населенным невероятно уродливыми и агрессивными тварями, так и норовившими откусить мне голову. Я то убегал от них, то преследовал, то, задыхаясь, мчался в человеческом облике по острым, словно зубы, камням, то летел, пытаюсь трансформироваться в человека, но каждая попытка заканчивалась какими-то странными деформациями — у меня то вырастал гигантский скорпионий хвост, то когти переплавлялись в железные крюки, а то и вовсе превращались в львиные лапы. Во сне я грохнулся о землю и выпал в реальность, подпрыгнув на кровати и заходясь кашлем.

Сознание пришлось собирать из осколков, словно накануне я выпил невероятное количество крепкого алкоголя. Воспоминания возвращались медленно. Либрум, захваченный нашим противником. Тварь и рыжий элез, уходящие от погони. Взорванный шедр. Допрос Вейдра. Западная Башня. Джана...

О боже.

Я огляделся, ища ее. Никого. Выскочив из спальни в кабинет, я мысленно прислушался к башне — есть ли тут кто посторонний?

Никого. Башня была пуста.

Может, мне приснилось?

Я подобрал халат с пола... Да, тут он и остался вчера вечером.

Шатаясь, я вернулся обратно в постель. Сил не было совсем, словно я не спал и не ел несколько суток. Тело ломило, словно меня избивали.

Я лежал и вспоминал.

Я был зол и жаден. Я был груб с ней, не испытывая ни нежности, ни благодарности за даримое удовольствие. Похоже, ей нравилось такое обращение — или она воспринимала его, как должное. Я пытался вспомнить, как долго все это длилось, и запутался: все слилось в моем сознании в одно непрерывное безумное действие.

Дьявол, у меня же утром встреча у Ревалья...

Неохотно одевшись, я с усилием обернулся и полетел в Альбре. Была одна деталь, которая не просто шокировала — терзала меня своей невозможностью. Но закрыть на нее

глаза и сказать себе, что показалось, я не мог.

— Может, ей нужен был визор с записью? — предположил Шандр, выслушав мою полную паники исповедь. — Кстати, не забудь его, — он вернул мне второй визор, который я оставил у него, отправляясь в полет. Если я возьму визор с собой, при трансформации он разрядится, так же, как и большинство обычных электронных устройств. Гевор иногда персонально делает всякие штучки для таких, как мы — наша необычная энергетика способна разрушить многие сложные приборы.

— Может быть, — вздохнул я. — Я не следил за ее передвижениями. Меня другое беспокоит: чтобы попасть в башню через верхнюю площадку, надо знать, как открывается дверь. Она знала. И еще... она знала не только это. Она вообще ее помнила, эту башню, словно она бывала там раньше. И не раз. "Здесь ничего не изменилось, кроме человека", — повторил я ее слова.

— При тебе она не могла там бывать, — отрезал Шандр. — Или?

— Нет, — я удрученно покачал головой, приглаживая торчащие с утра волосы. — Я помню всех своих женщин.

— Все бордели Ар Иллима ты тоже помнишь? — язвительно поинтересовался Шандр.

— Кто бы говорил, — буркнул я. — Нет, исключено.

— Тогда она старше, чем кажется, — подытожил он. — Сильно старше. И бывала там... при Анте.

— Мне 226, — напомнил я. — Ей тогда должно быть не меньше. Хотя... ночью у меня действительно было ощущение, что она старше. Психологически старше... Еще меня удивляет, почему я так плохо себя чувствую.

— Ты хорошо помнишь, что ты вытворял вчера, кроме ночных приключений? — опять съехидничал Шандр.

Я раздраженно мотнул головой.

— Это совсем не то.

— Поинтересуйся у Реваля, только осторожно, почему он выбрал именно ее, — предложил Шандр. — А я попытаюсь отследить ее передвижения. Сегодня утром она еще не появлялась.

— У нас еще одно жертвоприношение, — сообщила Ширин печально, когда мы собрались у Реваля. — И тоже община Единого. На этот раз в Лессене, в Талесе, вчера вечером. Я была там, смотрела остаточные следы ритуала... У меня осталось ощущение, что кормили не Единого — расстановка чаш отличалась от того, что описано в отчетах следователей Саманданга. И есть один выживший — мужчина средних лет, он ушел в середине, потому что живот прихватило. Он утверждает, что служба действительно шла иначе. Еще ему показалось, что он видел посторонних за алтарем, но не уверен, что ему не показалось.

Даллах, неохотно согласившийся на встречу, был потрясен моим рассказом, и, бегло пробежав глазами расшифровку допроса Вейдра, передал бумаги Ревалю. Гевор и Ширин успели просмотреть их еще до начала совещания.

— То, что маневр с Нигейром не обошелся без Ваэля, я и так догадывался, — фыркнул Гевор, — по косвенным признакам. Что Кинэн в теме — так мы давно подозревали, что выходы на Анг Мирт — дело рук Коллегиума. Школа Эгрок и раньше интересовалась запрещенными техниками, тут я тоже как-то не удивлен. Поначалу все эксперименты с

зависимостью вела Эрлен, и активно, я сам видел у нее в Рамьене несколько любопытных установок. Потом часть из них сгорела — то ли случайность, то ли следы заметали. Ее почему-то не допустили до конечной реализации, возможно, как только нашли способ, как устанавливая связи между зависимым и хозяином. Любопытно, почему?

— Она бы никогда не позволила ставить эксперименты на Вечных, даже на тех, кого сильно не любит, — вступился за нее Реваль. — Поэтому ей и отдали самый простой участок. А потом попытались вывести из игры.

— Вера в Единого — кормушка для этих тварей, — с ненавистью подытожила Ширин. — Ее культивировали и изучали, и удобнее всего это было делать именно школе Эгрох, хотя бы потому, что ее центр всегда был рядом с Вагабром. Все их околзаконные и незаконные изыскания легко прикрывались его властью.

— Тогда получается, что вот та тварюка, вышедшая из Маара, — должна быть по сути такой же, что и мы сами, — проворчал Даллах. — Вечной.

И вдруг меня словно током ударило.

— Я знаю, кто это, — прошептал я. — Я вспомнил. Знаете, кого нет на том жертвеннике Единому, что я видел в Анг Мирте? Там нет Горностая... Если путаю, можно попросить разведчиков это проверить.

— Ты хочешь сказать, что вот та мразь, что мы видели в Шеннон Аре и за которой ты гнался — это Кинэн? — изумился Гевор.

— Ну, отдаленное сходство есть, — хмыкнул я.

— Очень отдаленное. Особенно в размерах.

— Этот наглый мальчишка может подбросить любую подлость, — Реваль посмотрел на нас с выражением "я же говорил, а вы..."

— Лануэль, получается, тоже при деле, — добавила Ширин. — Яд. Все мы гршили на Эрлен, а оказалось — это ее работа.

— Кстати, я знаю, каким образом на тебя сделали образ, — хмыкнул Гевор. — Помнишь летний карнавал?

Я удержал каменное выражение лица, чтобы не выдать досаду. Я уж и сам успел догадаться. Эх, Лани... как жаль.

— Допустим, Ваэль сознался, — заговорил Даллах. — Что дальше?

— Сменить носителя ипостаси, — отрезала Ширин. — Уже за то, что верховный Вечный провоцирует атаки на собственных подданных и рискует безопасностью вверенных ему территорий. И за то, что покусился на свободу и разум равных себе. За то, что знал и позволил эксперименты над разумными, которые были запрещены общим советом Вечных еще тысячелетия назад.

— Сменить носителя, — подал голос Реваль. — Никто из нас не сможет больше ему доверять. Мы все время будем помнить о его предательстве. Никто ему не подчинится, а значит, конец нашему и без того хрупкому равновесию.

— Не знаю, — помолчав, сказал Гевор. — Мне его жаль. Заигрался, дурак. Может, выслушаем его сначала?

Все посмотрели на меня.

— Выслушаем, — сказал я без энтузиазма. — Решение принять всегда успеем.

Даллах кивнул.

— Любопытно послушать, что он скажет, — согласился он.

Мы договорились появиться в Эксере одновременно, ровно в три часа дня. Я собирался

заскочить к Алексу, ввести его в курс дела и обсудить возможные осложнения, если вдруг Ваэль решит натравить на нас охрану или, приняв вечный облик, подавить нас своей волей. Уже уходя, я вспомнил о Джане.

— Кстати, кто из вас выбрал мне эту рыжую телохранительницу? — спросил я, всем видом демонстрируя им свое недовольство.

— Я, — отозвался Реваль. — А в чем дело? Ты ее в чем-то подозреваешь?

— В похищении ключа. Да-да, ее, — повторил я, видя, как изумленно поднялись его брови. — Почему именно она и откуда она взялась?

— В моей охране она лет пять, не меньше. Я их всех напрямую спросил, кто бы согласился, рассказав о тебе чуть подробнее. Она вызвалась сама.

Я благодарно кивнул. Понятнее, увы, не стало.

Глава 25. Заложница

Утром в дверном проеме вновь появился Румянцев.

— Ну как успехи? — осведомилась Юлька, глядя, как он забирает вчерашнюю грязную посуду и оставляет ей новые блюда. Она спрятала вилку, а он этого не заметил. Отлично.

— Ждешь, что кто-нибудь придет тебя спасти? — усмехнулся он, задержав взгляд на ее распущенных после сна волосах. — Зря. Им пока не до тебя. Змей наш занят отвоевыванием Либрума, там наши засели, их так просто не выкурить. Мы там им сюрпризов наставили, ему надолго хватит... развлечений. Ворон прыгнул во взорванный шеадр, пока неясно, выжил ли вообще. Но судя по тому, что Грань не разорвалась — ничего катастрофического. Шеадр оцеплен и Пауки-мастера шеадров там суетятся, видимо, все обошлось. Но ему сейчас точно не до тебя. Придется подождать.

Юлька проводила его взглядом, полным ненависти, решив больше не тратить слова. Пусть язвит.

Обед ей принесла немолодая сдержанная кицу. Юлька попыталась с ней заговорить, но та делала вид, что не слышит. Самым невыносимым оказалось безделье: Юлька делала зарядку, залезала на окно, пытаясь разглядеть окрестности, но только убедилась, что стены здания гладкие и ровные, и комната ее находится где-то слева от центрального входа.

Когда стемнело, кицу появилась снова, крепко взяла ее под руку и вывела из комнаты. По пути вверх Юльку потрясло здание, огромное и очень старое. Пористый желтый камень стен на ощупь оказался идеально отполированным, прохладным и гладким, как стекло. Лестница вилась спиралью вокруг удивительной колонны, толстой, сплошь покрытой знаками, точь-в-точь напоминающими египетские иероглифы. Камень перил чуть мерцал в полутьме, излучая слабый свет. Юлька с любопытством вертела головой по сторонам и один раз даже остановилась, чтобы разглядеть сложный рисунок, выгравированный на колонне в самом конце лестницы, но кицу потянула ее дальше. Разозлившись, Юлька изо всех сил толкнула Двубликую, и та еле удержалась на ногах. Бросившись к ней, она хотела схватить ее за плечо, но разъяренная Юлька с ненавистью зыркнула на нее, показав кулак, и кицу неожиданно сдалась и отступила; в глазах ее вспыхнул огонек страха.

Она вошла в огромную комнату, расположенную на самом верху, под гладким, небесного цвета куполом. Колонны поддерживали его по краям, а высокие арочные окна, обрамленные изящными рамами с тонкой каменной резьбой, днем наверняка заливали ее солнечным светом, но сейчас их застилал темно-синий бархат ночного неба. Низкая и мягкая шамальская мебель, столик, уставленный блюдами, приятный приглушенный свет делали огромное помещение атмосферным и уютным.

В одном из кресел сидел Кинэн, задумчиво вертя в руках бокал вина.

— Привет, — бросил он, потянувшись к бутылке. — Хочешь?

Юлька поморщилась и покачала головой. Не здесь и не с ним.

— Располагайся, — предложил он, махнув рукой.

Она выбрала одно из кресел и потянулась за тарелками, наполненными изысканной шамальской снедью.

— Ну как тебе у нас? Удобно?

— Ничего так, — кивнула она с дозированной снисходительностью. — Только чертовски скучно. Заняться нечем. Хоть бы книжку, что ли, дали, — добавила она

насмешливо.

— А что тебе принести? — полюбопытствовал он.

— Учебник для первого курса по теории сил и стихий, — фыркнула она. — А то я из-за ваших разборок опять учебу прогуливаю.

— Спроси меня, я теорию не хуже учебника знаю, — предложил он, широко улыбаясь.

— Чтобы спрашивать, надо сначала хоть что-то прочесть и озадачиться вопросами, — сказала она. — Нет знаний — нет вопросов.

— Логично, — опять улыбнулся он. — Еще?

— Что-нибудь по истории, — велела она тоном строгой учительницы. — И не для школьников.

— Подберем, — кивнул он, плеснув себе вина. — А в бытовом плане?

Юлька задумалась. Что бы такого потребовать?

— Кофе у вас отвратительный, — мстительно сказала она. — Не знаю, кто уж его варит, локки, наверно, — локки почему-то считались здесь плохими кулинарам. — Вернусь домой — разорюсь на хорошую современную кофеварку.

— Хм, а по мне — нормальный кофе, — удивился Кинэн.

— Лучший кофе я пробовала в Нуэйне, — мечтательно сказала она, глядя на него из-под ресниц — разозлится или нет, но Кинэн словно бы не заметил подначки. — Попросить, что ли, Ширин, чтобы прислала вам сорт попроще?

— А что, я не откажусь, — фыркнул он, но в глазах у него появилось напряжение.

— Так куда заказывать-то? Где я нахожусь? Кстати, потрясающе красивое здание, наверняка еще до раскола земель построенное. Я бы посмотрела его повнимательнее.

— Надеешься убежать?

— Ну, если решу покончить жизнь самоубийством, то да.

— Это очень старый домен, — пояснил Кинэн, ухмыльнувшись. — Ты права, еще той эпохи. Таких старых доменов не так уж и много сохранилось. Этот — под Рувибом. Эксеру видела?

Юлька кивнула.

— Кстати, она не всегда принадлежала Вагабру. До него там обитало совсем другое существо. Тысяч так пять лет назад... В те времена глава пантеона Вечных был несколько иным.

— И каким же?

— Хм... трудно объяснить, — задумался он. — Помесь льва с драконом. Крылатый, с чешуей и с гривой. Его описания, кстати, во многих эпосах остались. Почитай, очень эффектные.

— А кто из вас самый древний, а кто — моложе? — заинтересовалась она.

— Зубр. Кошка. Это, кстати, ее очаг, одно из старейших зданий в Ар Соль вообще, и целехонькое, сохранилось почти в неизменном виде. Ворон. Феникс. Кстати, его дворец на Кейдрии тоже один из древнейших. Не была еще? Рекомендую. Сразу видно, что здание не в наши времена и не по нашим канонам ваяли, как и это, впрочем.

— А Элианна и ее Иллирия?

— Нет, это было позднее, — ответил он после паузы. — Причем Элианну и Гевора можно условно назвать самыми молодыми. Кстати, ты знаешь, что старый домен Нигейра — не Наган-Карх? Когда-то у него была гигантская крепость в Ар Элес, где-то на южных отрогах Фераннона, но ее раскурочило во время раскола. Там до сих пор есть остатки

крепостных стен и даже остовы башен. Это очень интересная тема, но к сожалению, информации осталось мало, слишком уж давно было дело.

Юлька кивнула, глядя, как он встает, плавно и грациозно, словно танцор, подходит к окну, а потом стремительно и неслышно оказывается за спинкой ее кресла.

— Ты бы не хотела провести это время более интересно, чем за чтением нудных книг? — прошептал он, склонившись к ее уху.

— А конкретнее?

Он провел рукой по ее волосам, накрутив локон на палец. Юлька скрипнула зубами. Прикосновение не было ни грубым, ни вульгарным, но ее передернуло.

— Наедине.

Она ждала этого вопроса еще тогда, в Наган-Кархе, и ответ придумала заранее.

— Боюсь, я тебе не понравлюсь, — ответила она спокойно. — Я не девственница, но опыта у меня немного. Уверена, тебе будет скучно.

— Ну почему, — мурлыкнул он, скользнув ладонью по ее плечу. — Это даже... приятно. Неискушенность.

— Не думаю, — она старалась держаться все так же сдержанно и чуть отчужденно, словно они обсуждали научную проблему. — Женщины не сильно отличаются одна от другой.

— В целом — да, — сказал он, выпрямляясь и возвращаясь в свое кресло напротив нее. — Но надежда, как ты знаешь, умирает последней. Мне, например, очень нравится, что ты сопротивляешься. Знаешь, мне еще никто никогда не отказывал, — он развалился в кресле и пристально уставился на нее. — Только ты не забывай, что я могу и приказать... Правда, это будет уже не так интересно.

Его глаза поймали ее взгляд, и Юлька почувствовала давление. Ага, сейчас, разбежался, со злостью подумала она. Не так давно она поинтересовалась у Ширин, можно ли сопротивляться приказу Вечного, на что та лукаво улыбнулась. "А ты как думаешь? Конечно можно, — был ответ, — только никому об этом не рассказывай. Это, конечно, не так просто, особенно для местных, воспитанных в вере и уважении, но тебе будет несложно. Для начала, просто не позволяй ему или ей поймать твой взгляд. Никаких контактов глаза в глаза, а если тебя поймали, закрой их или отвернись. Если уже не можешь — думай о чем-то постороннем, или с силой пошли гипнотизера к черту. Еще можно попробовать мысленно выскользнуть в Маар, это лучший ход, но под давлением у тебя может не получиться".

Без привычных камней выскользнуть в Маар действительно не вышло, и она с силой мысленно прокляла его и, на мгновение почувствовав, как давление ослабло, закрыла глаза. Сразу же стало легче.

Кинэн рассмеялся.

— Способ хороший, но может не помочь, — мурлыкнул он. — Я, например, физически сильнее. Как тебе такая идея?

Ничего, подумала она. Если садануть ногой, а лучше — вилкой, по одному чувствительному месту, до демонстрации физической силы может и не дойти.

— Можно тебя связать, — продолжил он вкрадчиво. — Постепенно срезать с тебя всю одежду. Немножко оживить плетью, ну или тем же ножиком — совсем чуть-чуть, для остроты ощущений.

Тебе бы наши киношки посмотреть, подумала она с отвращением и страхом. Знал бы, как с такими поступают. Я тебе язык откушу, паскуда, будешь знать, как издеваться.

— К утру ты устанешь... кричать, — он снова схватил ее взгляд, когда она опрометчиво открыла глаза. С ненавистью рванувшись из его ментальной хватки, она резко поднялась с кресла и отошла к окну, развернувшись к нему спиной. Это было ошибкой, потому что он мгновенно очутился рядом.

— Гордость — отличная вещь, но только в том случае, если уверен, что она не обернется против тебя, — прошептал он, и она почувствовала его руки, скользнувшие по бедрам. Стиснув зубы, она старалась не шевелиться, не зная, что будет безопаснее — сразу же ударить его или все-таки заманить, изобразить интерес и, дойдя до дивана, дотянуться до вилки...

К счастью, звук открываемой двери и резкие тяжелые шаги прервали его попытки — Кинэн как мальчишка отдернул руки, вызвав у нее приступ истерического смеха, подавить который оказалось сложнее, чем абстрагироваться от его прикосновений. Юлька обернулась, сделав шаг вперед и чуть ли не толкнув его в сторону — и увидела стремительно влетевшую в помещение Джану.

Бросив на нее взгляд, Юлька изумилась. Куда делась мягкая, очаровательная молодая женщина, когда-то преданно глядящая в глаза своему Вечному начальнику? В комнату вошла женщина-воин, жесткая и холодная, с заострившимися чертами лица и скупыми, далеко не женскими движениями.

— Они взяли Озерный дом, — сообщила она устало, падая в кресло и дотягиваясь до блюда с запеченным в листьях мясом.

— Я думал, они до него раньше доберутся, — фыркнул Кинэн. — Кто именно?

— Я видела Эрлен и Алекса, — пробормотала она. — Нагов много, и целый отряд райзе. Эрлен за мной погналась, я еле ушла.

— Много наших полегло?

— Почти все целы, кроме охраны. Остальных не трогали, заперли по кабинетам и спальням.

— Думаешь, сдадут?

— Забыл про Вейдра? — ядовито спросила она. — Тебе даже в голову не приходило, что его могут вычислить, да еще и допросить.

Кинэн нервно потер шею и плечи, поморщившись, словно от боли.

— Кстати, у тебя получилось... — он искоса глянул на Юльку, по-прежнему стоявшую у окна и внимательно следившую за разговором, — добыть материал для нового слепка?

— Нет, — отрезала Джана, и на лице ее появилось неприятное выражение. — Он внимательно за мной следил. Он вообще был... бешеный. Злой. Циничный. Избавь меня от дальнейших попыток, будь добр.

— Где шляется твой братец? — спросил он с раздражением, явно недовольный ее тоном и ее заявлением.

— Там, куда ты его послал, — фыркнула она. — Договаривается. Ты собираешься ее использовать? — Джана кивнула на Юльку. — А то я бы не отказалась от такой хорошей батарейки.

Юлька внутренне содрогнулась, представив, что она может иметь в виду.

— Собираюсь, — отрезал Кинэн. — Завтра утром предъявим ультиматум. А теперь пошли, есть разговор, — он резко поднялся, но направился не к Джане, а к Юльке.

— Подумай над моими словами, — прошептал он, глядя ей в глаза. — Знаешь, зачем ты ей, — он кивнул в сторону Джаны, — нужна? Она ведь такая же, как Кольер, только

искуснее. Она и ее рыжий братец. Ты, кстати, с ним знакома. Джилейр, помнишь? Им не обязательно убивать, чтобы насытиться и продлить себе жизнь. Они умеют и по-другому.

— Что-то много вас, — с ненавистью отчеканила Юлька, глядя ему в глаза без малейшего страха. — Желающих. На одну меня. На всех не хватит. Не подеритесь там.

Кинэн широко ухмыльнулся.

— Ничего, не подеремся, — и он поцеловал ее в губы, долго, жадно, придерживая ее голову и не давая отодвинуться. — Подумай до завтра, — отпустив ее, он направился к Джане. — Есть хороший способ нейтрализовать Алекса...

Юлька смотрела им вслед, пытаясь прислушиваться, но они покинули зал, так и не перейдя к обсуждению. Через несколько минут в зале появилась та же самая кицу, чтобы отвести ее обратно.

Когда она осталась одна, ее захлестнула паника. Меня убьют, подумала она. Не сразу. Используют по максимуму. Сначала как заложницу, потом — как игрушку, каждый для своих целей, и неважно, кому из этого зверья я достанусь. Саша не поможет, его нейтрализуют. Рес... Рес даже не знает, что со мной случилось. Ширин... надо как-то смочь без камней-концентраторов выйти в Маар.

Надо смочь.

Глава 26. Корни дерева

Пока мы шли через длинные коридоры Эксеры, Саша, отстав, шепотом рассказывал, что он успел сделать за утро.

— Мы взяли лабораторию на озере. Почти без потерь, благодаря Эрлен. Только охрану пришлось приструнить. Они были потрясены ее появлением, — он улыбнулся, не скрывая восхищения. — Ей достаточно было пару раз сменить облик у них на глазах и рыкнуть, чтобы персонал лаборатории сдал всех с потрохами.

— Кто истинный хозяин? Кинэн? — спросил я, беря его под локоть и догоняя остальных. Сейчас нам было нечего скрывать.

— Нет, Лануэль. Эрлен пришла в восторг от того, что там нашлось. Просила узнать у тебя с Ревалем, можно ли ей считать эту территорию своей, раз уж там и так стоит Эрлениум.

— Пусть играет, — фыркнул я. — Ты, кстати, как? Бок болит?

— Болит, — вздохнул он. — Но заживает быстро, прям удивительно. Никак не привыкну...

Вагабр ждал нас в библиотеке — старинном зале с огромными арочными окнами во всю стену. Взгляд его скользнул по моим саблям, по старинному кинжалу Даллаха, по перчаткам Алекса, по парализу на поясе Гевора, по щитам на Ревале и Ширин... Оценив нашу решимость, он как-то сразу осунулся, оборвав уже заготовленную приветственную фразу. Возникла пауза, пока мы смотрели друг на друга и оценивали, как дальше строить разговор.

— Вы все знаете, — сказал он утвердительно, и мы с Гевором, подготовившие обмен обвинительными репликами, так и не начали свой спектакль.

— Не все, — сухо отозвалась Ширин. — Но многое. Пожалуй, большую часть вашего с Кинэном заговора и существенную часть задействованных в нем людей. Но есть вопросы. И главный из них — зачем?

— Был амбициозный план, — Ваэль поднялся из своего изящного старинного кресла и встал перед нами, переводя взгляд с одного на другого. — Расширить количество земель за счет Анг Мирта. Вернуть Нигейра. Выйти на прямой контакт с Основой... План был не мой, — отрезал он.

— Кинэна, — съязвила Ширин. — А ты, бедная деточка, тут ни при чем.

— Нет, не Кинэна, — продолжил он так же сухо, — хотя у него была своя игра и он многое дополнил. У этого дерева очень глубокие корни... Глубже, чем вы себе представляете. Это план старого Вагабра. Я наткнулся на отдельные элементы, когда через какое-то время после принятия ипостаси стал углубляться в его наследие. Вначале я обнаружил записи о том, как вернуть Нигейра, в его рабочих дневниках. Вагабр Реус, если вы помните, вошел в силу где-то через 200 лет после смерти старого Нигейра, и когда счет отсутствия Змея перевалил четырехсотлетний рубеж, он попытался понять, что с ним случилось, почему он не воплощается и как это можно исправить. Я счел себя обязанным продолжить то, что он начал. В дневниках Реуса описано несколько возможных вариантов поиска и возвращения Нигейра. Одним из них — поискать на Старой Земле — мы и воспользовались.

Реваль, так и не дождавшись приглашения, отодвинул от стола одно из кресел и сел,

сделав нам приглашающий жест. Ширин и Даллах сели, я отошел к окнам, Саша — к дверям, а Гевор принялся бродить вдоль стен, с любопытством вытаскивая книги с полок, и лишь изредка поглядывая на рассказчика.

— У Кинэна были свои цели, — продолжил Ваэль, ни к кому не обращаясь. — И, что удивительно — идея покорения Анг Мирта тоже оказалась не его, а прежнего Горностая. Возможно, наши предшественники и раньше были в сговоре, а может быть — действовали в одиночку, каждый — преследуя свои цели. Я не знаю. К тому моменту, когда Кэйн занял его место, первые шеадры, ведущие в Анг Мирт, уже стояли, и ставили их именно Горностаи более раннего периода. Он рвался продолжить работу.

— Кто посеял в наших землях Веру в Единого? — спросил Реваль. — И зачем?

— Старый Вагабр, — усмехнулся Ваэль. — Частью плана было вырастить неприязнь к остальным божествам нашего пантеона, при этом самому остаться... в белом. Кто-нибудь из вас читал Канон Единого со всей внимательностью? Там очень мало Вагабра. Почти нет ни его злодеяний, ни историй о его поражении от рук Единого. Ему хотелось прибрать всех к рукам, оставив существовать только самых необходимых и лояльных. Менять их по своему усмотрению, уничтожать тех, кто слишком уж... самостоятелен. У него был хорошо продуманный план, часть его зафиксирована в передаточной книге, подробности я нашел в рабочих дневниках, сохранившихся в личных покоях. Он предусмотрел, чтобы в случае гибели его ипостаси все его материалы достались преемнику, но не сразу после вступления в силу, а позже, после того, как юный Олень помучился бы с кругом вечно недовольных друг другом и упрямых, как бараны, бессмертных коллег. Если интересуется, могу дать ознакомиться.

— Еще как интересуется, — Гевор живо повернулся к нему с загоревшимися от любопытства глазами.

— Меня тоже, — подтвердила Ширин, а Реваль брезгливо поморщился.

— Обычный заговор, чего там читать. Ничего нового. Грязь.

— У меня было предположение, что план этот возник до него, — продолжил Ваэль, — Заметьте, за это тысячелетие количество воплощенных божеств уменьшилось на троих, и мир прекрасно существует и без их физического присутствия — достаточно лишь идеи. Но без Нигейра невозможно расширение земель, внешняя экспансия, поэтому мы вместе с Кинэном задумались о том, как вернуть нашей руке меч.

Саша напрягся, сжав и разжав кулаки, а я заметил, что Легарот на его левой руке обрастает чешуей, выдавая волнение.

— В школе Эгрох, которую я привычно курировал, уже тогда были интересные наработки по управлению людьми посредством рисованных образов, попавшие к ним от детей Альсара. Потихоньку, втайне от всех, они их развивали. С переменным успехом: иногда случались прорывы, иногда — тупики на много, много лет. Рейнард, один из лучших ее специалистов, нашел общий язык с Кинэном, еще не будучи главой школы. Эксперименты велись под прикрытием, в разных местах. Все вы помните домик на озере, якобы принадлежащий Эрлен, — усмехнулся он. — Эрлен действительно тут ни при чем. Это был наш с Кинэном совместный проект, но реализацией занималась Лануэль, которая тоже была не против оказаться поближе к центру влияния и получить свой кусок пирога. Моя идея... Никто не станет уточнять, кому из Вечных действительно принадлежит объект, если кажется очевидным, кто именно его хозяин.

— Шеннон-Арский шеадр, ведущий во Фрейфен, прикрывает точно такая же

структура, — заговорил я. — Якобы принадлежащая Пардусам. Мы нашли и его, и шеадр, и Фрейфен.

Ваэль коротко кивнул, бросив на меня пронзительный и в то же время полный сожаления взгляд.

— Что ж, неудивительно. Все тайное когда-нибудь становится явным. Есть и другие подобные места. Если копнуть глубже, сторонников уменьшения количества Вечных набралось достаточно, особенно здесь, в перенаселенном Лессене, где вы все имеете свои домены и вечно грызетесь. Это на больших землях хорошо и спокойно — в Элезии, в Шеннон Аре, в Иллиме. Кстати, никогда не мог понять, почему такой богатый и благодатный Иллим не поделен и не раздираем вами на части, — съязвил он.

— А там ничего не поделишь, — хмыкнул Гевор. — Океан и острова. Океанические ресурсы, конечно, богатые, но их добыча будет чересчур трудоемкой. Население небольшое, рабочих рук мало, а со стороны не завезешь, острова и так густо населены.

— С Элианной было трудно тягаться, — добавила Ширин. — После ее исчезновения никто долго не решался туда зайти. Гильдия и Альсар были там и раньше, поэтому никто, в общем, и не стал рваться, оставив все, как есть.

Ваэль кивнул, посчитав объяснение исчерпывающим, и продолжил.

— Но Кинэн меня переиграл. Я думал, что возглавив это движение, смогу его контролировать. Но Кинэн с Лануэль совсем недавно совершили прорыв, создав яд, блокирующий трансформацию, как в человеческом, так и в вечном облике, и принялись его обкатывать. Опробовать его эффективность, как вы понимаете, можно только на себе подобных. Честно скажу, я был не против, — признался он с печальным сарказмом. — Для заманивания вас в ловушки они использовали разные приемы, играя на индивидуальных особенностях каждого. Больше всех нам мешал Крейг, — Ваэль покосился на Гевора, резко повернувшегося на это заявление. — Который, получив предложение к сотрудничеству, не ответил ни "да", ни "нет", а принялся копать под нас, пытаюсь выяснить, что стоит за нашими предложениями.

— И я стал первым, на ком вы опробовали яд, — рыкнул тот.

— У нас не было цели тебя убрать. Только снизить активность, отвлечь от дел и посмотреть, как быстро ты справишься с ядом и справишься ли вообще. Наши люди в твоём окружении за тобой следили.

— Я даже догадываюсь, кто именно, — проворчал Гевор.

— Вторым, кого требовалось устранить, был Хэйген, — продолжил Ваэль. — Ему предложили сотрудничество, но он не только отказался, но и продолжал активно расследовать эпизод с проникновением Нигейра в Ар Соль. Самая неудобная фигура — слишком независимый и слишком активный. Его решили сменить, а яд добавили, чтобы обеспечить успех операции по устранению. Какое-то время мы даже были уверены, что наш план удался, — тут он отвернулся, то ли досадуя, то ли жалея о сделанном, а я громко, напоказ, рассмеялся. — Но Хэйген вернулся, более того, он очень удачно вычислил часть наших планов и ткнул их нам в лицо на летнем балу. Из-за него мы потеряли союзников — тебя, Реваль, и Кольера, который, будучи изначально непосвященным, но активным участником, откуда-то узнал о нашей работе со слепками-образами и взбунтовался.

— Кольера я вам никогда не прощу, — впервые подал голос Саша и все обернулись в его сторону, а Ваэль, получив откровенно непримиримый, полный ненависти взгляд, слегка оторопел.

Я злорадно хмыкнул. Не будет вам, друзья, ручного Нигейра. Будет сила, самостоятельная, и, как я надеюсь, гораздо более порядочная, чем вы сами. Со временем вы будете его бояться, а не ручонки тянуть...

— В работе с управляющими слепками — образами у них тоже наметился прорыв, — Ваэль взял себя в руки и продолжил. — Мы решили попробовать контроль над ипостасью, лишив ее человеческой составляющей. У нас получилось загнать во второй облик Даллаха, Хэйгена и Ревалья, но двое последних не потеряли разум и быстро освободились, а затем и Даллах пришел в себя. Где-то в это же время я поссорился с Кинэном и сам стал предметом эксперимента.

Ведя наблюдения в Анг Мирте за казнями, еще лет десять назад мы обнаружили эффективную связь между жертвоприношением и реальным носителем того образа, на который проецируют свои ожидания и надежды участники процесса. Жертвы обращаются к Единому со своими страхами и надеждами, участники ритуала повторяют хвалебный гимн, а кровь питает того, кому направлены обращения. Потом Рейнард опять что-то нашел в архивах, и они стали активно ставить эксперименты с ритуальными жертвами, похищая людей и Двуликих в отдаленных местах Ар Соль.

— И на самих себе, — добавил я. — Кинэн — точно. Как так получилось, что в божественном пантеоне Анг Мирта отсутствует Горностай?

— Мы пришли к выводу, что их вера сформировалась еще до того, как Кинэн был создан, — ответил Ваэль. — А потом они нашли способ связать Единого и Кинэна с помощью образа-медальона. Видели у него на шее ариад с фигуркой?

Гевор, общавшийся с Коллегиумом и с его главой чаще всех, энергично закивал.

— Тогда, — голос Ваэля перешел в шепот, — я отнесся скептически, сочтя его желание стать частью Анг Миртовского пантеона проявлением комплекса неполноценности. Его всегда раздражала его небольшая, статичная ипостась и замершее в мальчишеском образе тело. Маленький, юркий зверек, вечный мальчишка, едва вышедший из подростничества. Он не любил оборачиваться, потому что ему казалось, что он смешон. При мне какая-то из женщин, увидев его в облике, воскликнула — ах, какая чудесная зверушка... Он отомстил ей потом. Он практиковал разные техники, перерывал библиотеки, ища способ усилиться и усилить свой вечный облик. Как вы думаете, кто из Вечных вызывал у него самую большую зависть и, следовательно, ненависть?

Мне стало неудобно под взглядами присутствующих, опять обратившимися на меня.

— Да, Хэйген. Огромный домен, фактически единоличный, несмотря на присутствие Даллаха, который мудр и редко вмешивается в политику. Физически сильная ипостась, способная менять размер по желанию и которой покоряется небо. Популярность у местных жителей. Интерес женщин. Независимость. Кинэн, по его словам, сильно не сошелся с Антом, они открыто враждовали, а ты, Рессер, когда вошел в силу, проигнорировал его попытки сблизиться.

Я пожал плечами. Манера поведения Кинэна выведет из себя даже самого терпеливого, а мой предшественник терпением не отличался. А я его не понимал — несерьезный, взбалмошный, он казался мне поверхностным и слишком уж непредсказуемым.

— Он делал все, чтобы его никто не принимал всерьез, — раздраженно проворчал Реваль.

— Тем не менее, он переиграл всех нас. Он настаивал, что Хэйгена надо убрать любым способом, и чем скорее, тем лучше. Но Рессер выкручивался и возвращался с еще большим

упорством. В конце концов, желание избавиться от него дошло у Кинэна до маниакальной идеи... — Ваэль посмотрел мне в глаза, и я поежился. — Будь осторожен, — предупредил он с холодной усмешкой. — Не надо его недооценивать.

Я вернул ему такой же холодный, высокомерный взгляд. Любопытно, как он дальше собирается выстраивать отношения со всеми нами? После этой исповеди...

— Когда он похвастался мне своим новым обликом, я пришел в ужас, особенно от способа, которым он его обрел. Его ипостась-двойник в Мааре успешно связался с обликом Единого с помощью образа-медальона и все казни, моления и прочие ритуалы Единому в Анг Мирте теперь шли ему. Он часто использовал Анг Мирт, пустоши и отдаленные северо-восточные территории, где есть не только многоярусные города, но и равнинные поселения, чтобы там охотиться и осваивать новый облик. Здесь он совершал вылазки в Ар Шамале и в Шеннон Аре, подальше от обитаемых мест. Вот тогда я и решил разорвать с ним союз, пригрозив, что если он не прекратит эти эксперименты, я перестану его поддерживать. И сразу получил отравленную стрелу в бок. Дальнейшее вы знаете и без меня.

— Почему он вдруг так резко решил избавиться от Алекса? — спросила Ширин.

— Не знаю, — Ваэль еще раз скользнул по Саше взглядом. — Я был в шкуре в этот период. Возможно, познакомившись поближе, он понял, что взять его под контроль не удастся, а попытка управлять им с помощью образа провалилась. Скорее всего, когда погиб Рейнард, он запаниковал.

— Лануэль — третий участник вашего заговора? — еще раз уточнила Ширин.

— Да, — кивнул Ваэль. — С той же мотивацией, что и у Кинэна.

— Дура, — буркнул Даллах. — Не ожидал.

— Можете судить меня, — он обвел нас глазами, каждого по очереди. — Я допустил ошибку. Я признаю ее. Я приму ваше решение, но мне не хотелось бы умирать. Я считаю, что я понес наказание, пробыв почти два месяца в полубеспамятстве. Я сделал выводы.

Мы переглянулись

— Убери участников заговора из своего окружения, и полностью — из нашего, — сказал я. — Нам нужны все имена, во всех доменах.

— Не всех, — возразил он. — Есть такие, кто хоть и участвовал, но ни в чем себя не запятнал. Если дать им шанс продолжить работу, вреда от них не будет.

— Мы должны знать обо всех, — раздраженно вступил Гевор. — И обо всех местах, где велись эксперименты.

Ваэль упрямо поджал губы.

— Пусть дополнит список Вейдра, — предложила Ширин.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Как ты его вычислил? Он был абсолютно уверен в себе и очень осторожен.

— Его, как и тебя, опознали наши люди в Анг Мирте. А в остальном он признался сам. Хочешь знать, как? — усмехнулся я, чувствуя нарастающее раздражение.

Он посмотрел на меня со странной тревожной заинтересованностью.

Я достал из кармана визор, включив запись с середины.

— Хватит, — оборвал меня Ваэль через минуту. — Я понял ваш намек. Я не собираюсь доводить дело... до этого. Я назову всех, кого знаю, и тех, кого предполагаю замешанным со стороны Кинэна и Лануэль.

— Мы обсудим наше решение, — сказала Ширин, переглянувшись с Даллахом и Ревалем. — И поставим тебя в известность. Я бы предложила арестовать тебя, пока мы

решаем, но не хочу поднимать волну слухов. Так что сделай милость, не вздумай бежать. Сам знаешь, найдем мгновенно и... — она кинула мимолетный, но многозначительный взгляд на Сашу, и лицо Ваэля, и без того малоподвижное, окаменело. Потом он медленно кивнул.

— Я останусь здесь, — пообещал он твердо.

Когда мы вышли, Реваль пригласил нас отобедать в его рузаннской резиденции.

— А он не сбежит, пока мы тут... дегустацией занимаемся? — спросил меня Саша шепотом, нервно потирая перчатку.

— Он же знает, как легко Вечным кого-то найти, если среди них есть единство, — я хотел улыбнуться, но понял, что улыбка выходит у меня слишком уж циничной. — И я думаю, он хорошо помнит свой испуг, когда над ним в небе кружили две... твари. А тут еще и третья на подходе, союзничек бывший.

— Я бы все-таки его сменил, — с брезгливостью заявил Реваль, когда мы расположились в гостиной в ожидании обеда, потягивая вино. — Его высокомерие мне не нравится. Дурак он, хоть и прикидывается умным.

— Давай не сейчас, — Ширин успокаивающе погладила его по плечу. — У нас Анг Мирт на шее и Кинэн-переросток. Этого-то точно придется менять.

Гевор рассмеялся.

— Что ж вы так... откровенно, — с иронией спросил он, и Реваль, похоже, стусевался.

— Никуда он не денется, — заговорил я. — Он зажат с двух сторон — между нами и старыми союзниками. Ему выгодно проявить покорность, в надежде, что мы защитим его от Кинэна.

— В перспективе — да, его надо... убирать, — прогудел Даллах, и мы с удивлением уставились на этого добряка, редко высказывающего столь крайние воззрения. — Раух, — и Реваль вздрогнул от этого интимного обращения. — Ты ошибся. Он не дурак. Наоборот... Посмотри на то, как красиво он построил с нами разговор и как быстро сориентировался. Как Вечный он молод. Сколько он в облике? Лет 120–125, не более. Сейчас он сделает выводы и затаится. Но план старого Вагабра никуда не денется из его памяти. Да и из передаточной книги, если уж на то пошло... И постепенно он найдет новых союзников и новые способы продолжить, уничтожая нас поодиночке.

Мы удрученно молчали. Возражений не находилось.

— Но не сейчас, Шейла, ты права, — вздохнул он. — Сейчас нам надо готовиться к войне.

— Почему ты так уверен, что Анг Мирт нападет? — проворчал Реваль.

— А куда он денется? Ресурсы и оружие есть, план готов, сведения добыты, тактика отработана. Они не зависят от того, на чьей стороне играет Ваэль или в каком облике бегают Кинэн — маленькой тварюшки или чудовища.

— План войны готов у них давно, — подтвердил я.

— Кинэна надо отрезать от мест его силы, — продолжал Даллах. — Постепенно, шаг за шагом. Возможно, это означает внутреннюю войну, но сейчас это необходимость. Постепенно и методично выявить и уничтожить всех его сторонников. С Лануэль сложнее — у нее много очагов во всех землях, она хитра и умна, хотя, как мне кажется, проиграв, она будет способна признать поражение и успокоиться. В общем, нелегкое времечко нас ждет, — вздохнул он. — Но пожалуй, больше всего я бы хотел избежать встречи с Анг Миртом. Рес, — он посмотрел на меня и сразу же перевел взгляд на появившихся в зале слуг,

вносивших блюда, — как ты считаешь, насколько верны оценки Горностаев по слиянию земель?

— При такой большой площади уничтожения грани, на которую они рассчитывают — вполне, — заговорил я. — Следопыты, получив кое-какие подробности от Вейдра, сейчас проверяют вероятности. Но у меня самого есть и третий вариант. Опять же, из серии "я вычитал это в дневнике моего дедушки", — хмыкнул я, и большинство присутствующих засмеялось, — Маар. Изнанка наших миров. Есть гипотеза, достаточно старая, что при большой площади искажения или повреждения Грани она может заместиться Мааром. Маар съест значительный кусок пространства. Поэтому мы всегда так быстро и радикально реагируем, когда что-то происходит с Гранью.

— Теоретически это допустимо, — подтвердила Ширин после паузы.

— Насколько хорошо у вас налажена разведка в Анг-Мирте? — продолжил Даллах.

— У нас охвачен только Фрейфен, — подал голос Гевор. — Его можно считать столицей, хотя города там считаются независимыми, и вооруженные силы имеет каждый из них.

— Все силы, играющие против Ар Соль, сосредоточены во Фрейфене и вокруг него. Две военные крепости, где стоят размыкатели, — продолжил я. — Мы наращиваем агентуру, но больше путем Зеркал, чем путем внедрения реальных резидентов. С этим пока сложно.

— Хоть так, — кивнул Даллах, и повернулся к Саше, которого увидел сегодня в первый раз. — Ты сможешь смоделировать нападение с их стороны и возможные варианты защиты?

— Попробую, — кивнул Алекс. — У нас немало данных по их тактике.

— Будем готовиться, — постановил Даллах. — К Ваэлю я схожу сам, вечером. Побеседуем по душам, — в его голосе прозвучало нечто такое, отчего я поежился, представляя, что может сказать старейший и мудрейший из Вечных в личной беседе. Не хотел бы я это услышать...

— Что делать с остальными? — спросил Гевор.

— Кинэна — менять, — отрезала Ширин.

— А что ты будешь делать с его перекормленной тварюкой? — ворчливо поинтересовался Реваль. — Носитель сдохнет, тварюка останется. Потом обретет нового носителя и... Мы не знаем, что это будет за божество, но явно не Горностай.

— Не знаю, — ответила она озадаченно. — Давай для начала с носителем ипостаси разберемся. А там, возможно, воплотятся Элианна и Наджар, и можно будет объединенными силами его уничтожить.

— А с Лануэль?

— Убрать, — брезгливо заявил Реваль. — Баб не перевоспитаешь.

— Да ладно тебе, — упрекнул его Гевор. — Лишившись союзников, она притихнет.

— И снова споется с Ваэлем.

— Если правильно объяснять, чем ей это будет грозить, не споется, — сказал Даллах. — У Зубра, знаешь ли, есть еще одно предназначение, которое он очень редко применяет, но... никто его не отменял.

— Судья, — сказал я тихо.

— Судья, — повторила Ширин.

— Вы можете ее... уничтожить? — с волнением спросил Саша.

— Я могу сделать ее человеком, — пророкотал Даллах. — Освободить от ипостаси. Вернее, Зубр может.

— Приходилось ли Судье применять это умение хоть когда-нибудь? — скептически спросил Гевор. — Что-то я не припомню такого в нашей истории.

— Приходилось, — негромко ответила Ширин.

— Приходилось, — кивнул Даллах.

— Элианна? — догадался я. — Никто не знает, как и почему она когда-то исчезла...

Даллах кивнул.

— Когда все успокоится, я поговорю с Лани, — пообещал он. — История Элианны зафиксирована в моей передаточной книге. Думаю, ей полезно будет ее послушать.

— Если она захочет услышать, — пробурчал Реваль.

— Смерть и Деньги правят миром, — сказал Саша с горечью, когда мы покинули резиденцию Реваля. — Мудрость сбежала не хочет возвращаться, Любовь не может найти ту, которая захотела бы ею стать. Спасибо, что позволил мне это... увидеть.

— Только этим? — удивился я. — Разве на Старой Земле не так?

— У нас есть хотя бы любовь, — с горечью откликнулся Саша.

Глава 27. Переговоры

Я только что вернулся из Элласара, когда на Альбре упал Нигейр. Моя голова раскалывалась от попыток мирным путем завершить конфликт трех южных бреннов, переросший в небольшую локальную войну. В конце концов у них появились первоначальные тезисы будущего мирного договора, но впереди еще нас ждало множество словесных баталий. Мне предстояло лететь в Западную стражу — меня там ждали, чтобы окончательно решить вопрос о преемнике Вейдра, но, увидев Змея, стремительно снижающегося прямо на нас, я понял, что все мои дела откладываются.

Саша неловко обернулся прямо перед крыльцом, почти свалившись на нас с Шандром.

— Юлю взяли заложницей, — выпалил он с ходу. — Кинэн звонил, хочет встречи.

Я похолодел.

— Где и когда?

— В Рузанне, в кафе. Только... он поставил условие... Прости, Рессер, но он категорически запретил тебе приходить вместе со мной. Иначе никаких переговоров не состоится, он убьет ее сразу.

— И ничего не получит, — вмешался Шандр. — Это пугалки.

Саша с отчаянием посмотрел на него.

— Я пойду один.

— Как именно он сформулировал свое требование? — переспросил я, а Шандр открыл дверь и подтолкнул его внутрь, и мы направились в его кабинет. — Ты должен быть один или тебе нельзя брать с собой Рессера?

— Без Рессера, — сказал Саша.

— Звони Эрлен, — велел я. — Попроси ее сопровождать тебя. Одному — ни в коем случае.

— Почему именно ее? Может, лучше Гевора?

— У нее богатый опыт по части обмена заложниками, — выдавил я. — И по части ведения грязных войн.

Саша быстро закивал.

— Возьмешь визор, — продолжил я. — Двусторонний. В карман, но лучше в нагрудный. Или отдашь ей, она лучше справится. Только не трансформируйся с ним — разрядится. Когда встреча?

— В два часа дня.

Я бросил взгляд на часы. Полдень.

— Звони Эрлен, — я подтолкнул его к гвору.

Эрлен отыскивали не сразу, но уже через час она сидела напротив Шандра, с любопытством оглядывая его кабинет.

— Место он хорошее выбрал, гад, — прокомментировала она, выслушав Сашу. — В очень людном месте. Никто из нас не рискнет не только применить силу, но и вовсе выдать себя, во избежание излишних волнений у народа. Так что запасайся выдержкой, — предупредила она. — Сейчас давайте посмотрим вместе, где она находится.

— Думаешь, Кинэн этого не предусмотрел? — с горечью бросил я. — Перепрячет.

— Не сразу, — возразила Эрлен. — Сначала он даст нам возможность ее увидеть, а потом — перепрячет. Мы будем договариваться, а ты сиди и думай, как ее оттуда можно

вытащить. Можешь даже смотреть туда под видом маленькой безобидной птички. Только не засветись, вряд ли они забыли о твоей способности уменьшаться.

Я кивнул.

— И еще, — она посмотрела на Сашу. — Подыгрывай мне. Я буду истерить, язвить и всячески обижать его и тех, с кем он придет. Буду возмущаться условиями. Буду провоцировать их на грубость. Может быть, скажу, что их заложник не имеет ценности и мы уходим. Но раз они взяли ее и вышли на связь, значит им действительно что-то нужно и они будут торговаться.

— Только не перестарайся, — предупредил ее я, на что Эрлен посмотрела на меня с сочувствием.

— Его гнев будет направлен на меня, а для меня эта девочка — никто, — пояснила она. — Если Алекс мне подыграет, изобразив как минимум равнодушие к ее судьбе, мы подорвем их уверенность в нужном исходе. Все, пошли к Зеркалу, — велела она. — Время уходит.

— Я знаю это место, — воскликнул Саша, когда Зеркало показало нам древнее, высокое шестиугольное здание, заканчивающееся каплеобразным куполом.

— Очаг Лануэль неподалеку от Рувива, — сказал я. — Я тоже его знаю. Судя по всему, комнаты, что мы видели, находятся где-то на средних этажах.

— И ни одного открытого окна, — усмехнулась Эрлен.

— Чтобы уберечься от пустынной жары и от ночного холода, — сказал Саша.

— И от маленьких черных птичек, — закончила она. — Сколько там входов-выходов?

— Один, кажется, — ответил Саша.

— Три, — сказал я. — Один центральный и два подземных, один выходит на окраину Рувива, второй — в заброшенный пустынный руб. Пустынным она не пользовалась, он наполовину завален, а вот тот, что ведет в город, хорошо расчищен и весьма удобен.

— Персональные шеадари?

— Один, в Элезию, очаг на юге Тайрема.

Эрлен кивнула и решительно поднялась.

— Время. Пошли.

Еще полчаса я сидел, как на иголках, вертя в руках синхронизированный с Сашиним визор. Руки у меня тряслись. Когда они вошли в кафе, Эрлен, забравшая визор себе, начала негромко комментировать происходящее.

— Кинэн и Лануэль. Пришли раньше, судя по пустым тарелкам, — я услышал ее саркастический смешок. — Меня они точно не ждали. Особенно она.

Шандр, сидевший рядом, вопросительно посмотрел на меня.

— Девочки не ладят между собой? — спросил он с иронией.

— Не дерутся, и на том спасибо, — пробормотал я. — Но да, взаимной любви не наблюдается. Еще я думаю, дело в Алексе.

— До чего унылая забегаловка, — голос Эрлен источал тысячу оттенков презрения. — Я конечно понимаю, Кэйн, твои подростковые вкусы, но здесь же можно отравиться. Или это твой выбор, дорогая? Ну да, элесское захолустье просто так из себя не выведешь, — я услышал горестный вздох и пожалел, что не вижу ее лица — зрелище, скорее всего, того стоило.

— Куда уж нам, — фыркнул Кинэн. — Давай к делу. Твоя названная сестричка, Алекс, жива и здорова, сидит у нас в гостях, можешь даже посмотреть, где именно, мы ничего не

скрываем. Лезть туда не советую — как только сунетесь, сразу убьем.

— И ничего не получите. Нет, получите — полноценную войну, — парировала Эрлен. — Я, знаешь ли, очень зла на вас обоих за сидение в шкуре. Потому и взялась помочь Алексу, раз уж вы Хэйгена не хотите видеть. Кстати, насчет Хэйгена: ты не забыл, дорогой, что я злопамятная? И память у меня длинная... С удовольствием с тобой поквитаюсь. А теперь и повод есть.

— Хорошо, не убьем, — со смешком согласился Кинэн. — Поиграемся немножко. Не до смерти.

Я скрипнул зубами.

— А я-то потом как с вами поиграюсь, — расхохоталась Эрлен. — Лани, деточка, я ж за всеми твоими питомниками слежу, и в Элезии и в Лессене. Мне ж их сжечь — пара дней, не больше. Стоит оно какой-то девки, на которую почему-то запал твой дружок и союзник? Кстати, а что ты в ней нашел-то? Видела я ее когда-то в Рамьене... ни кожи, ни рожи.

— Ну а что ж вы тогда сюда примчались, если оно того не стоит? — хихикнул Кинэн. — В общем, так: мне нужно, чтобы ты, Алекс, отозвал своих нагов от Либрума и прекратил его осаду. Вы, ребята, опоздали. Это теперь моя собственность. В дальнейшем, если между нами больше не будет таких... фатальных противоречий, мы сможем исследовать его вместе. Как именно — я думаю, договоримся. Я знаю и умею больше тебя, и я смогу лучше разобраться, что там находится и как это можно применить. Без меня Либрум тебе не по зубам.

— Хорошо, — спокойно ответил Саша, но странное напряжение в голосе заставило меня насторожиться. — Либрум действительно мне не по зубам. Можешь забирать его. Хоть сейчас.

— Срочно свяжись с Гевором, — сказал я, догадываясь о причинах его столь быстрого согласия. — И с Тэром. Они планировали его взрывать где-то на днях. Когда назначен подрыв?

Шандр ушел в соседнее помещение, чтобы не мешать мне, и я снова сконцентрировался на разговоре.

— Второе: Озерный дом. То же самое, — продолжил Кинэн. — Освободить людей, покинуть территорию.

— А это теперь моя собственность, — рассмеялась Эрлен. — Хотя... все, что там было интересного, мы уже разглядели и прибрали. Можешь забирать, — в ее ласковом, игривом голосе слышалась издевка. — Захочу — в любой момент обратно верну, глазом моргнуть не успеешь. Охрана твоя — дохляки, неумелые и безмозглые. На них и пары райзе хватит.

— Спасибо, я учту, — вежливо парировал Кинэн. — Твои советы особенно ценны, ты лучше всех нас разбираешься в силовых захватах.

— Что-то еще? — ядовито поинтересовалась она.

— Пока все, — отчеканил Кинэн. — Сестренку твою я привезу прямо к тебе в Наган-Карх, как только увижу моих людей. И да, мой тебе совет — держись от Ворона подальше. Он все равно покойник, а тебе проблемы ни к чему.

Вернувшийся Шандр выглядел встревожено.

— Сейчас, — сказал он.

— Что сейчас? — не понял я.

— Подрыв. Они должны были начать цепочку подрывов в два часа дня. Гевор там на месте, сам руководит. Можешь попробовать успеть...

Я опрометью бросился вон из кабинета, стремительно обернувшись прямо на крыльце и

чуть не сбив с ног двух заходящих в здание Пауков. Рванувшись в небо, я сразу же скакнул через Грань и вывалился прямо над хребтом, к которому примыкало здание Либрума. На моих глазах, прямо подо мной, часть скалы с апокалиптическим грохотом осела, подняв в воздух густую взвесь из крошева, земли и ошметков растительности. Когда видимость немного прояснилась, я обнаружил, что это уже не первый подрыв, и большая часть Либрума превратилась в развалины.

Покружив, я заметил в стороне техноасов-подрывников и две триады нагов, их охранявших. Садиться, искать Гевора, разговаривать уже не имело смысла.

Когда я вернулся в Альбре, встреча в кафе уже закончилась.

— Алекс согласился с их условиями, а Эрлен настояла, чтобы ровно через полчаса Кинэн связался с Наган-Кархом и дал Юле поговорить с ней, чтобы убедиться, что она действительно жива и здорова. Они идут туда, просят нас присоединиться.

— Либрум взорвали, — сказал я хрипло. — Нам не выполнить их условий. Кинэн хотел вернуться к сотрудничеству с Алексом, используя для этого Либрум, но теперь ему не на чем это сотрудничество строить. А значит — нет смысла поддерживать с ним любые отношения.

— Может, стоит попробовать... — начал Шандр, но я перебил его.

— Я ее там не брошу. И не буду больше ни с кем договариваться. Разнесу к чертям этот проклятый очаг и...

— Тогда надо атаковать сейчас, — сказал он с безапелляционной уверенностью. — Единственный ваш козырь — внезапность. Тебе — не бросаться грудью на купол, а зайти через подземный выход на окраине Рувоба, Алексу и Эрлен — шуметь вокруг крепости и отвлекать на себя внимание. И еще — надо придумать повод выманить Кинэна оттуда. Пока вам это.... существо не по зубам, а если ритуалы продолжаются, оно еще и растет...

Я стиснул и разжал кулаки.

— Попробую поговорить с Ваэлем. Пусть предложит ему встречу, — я набрал номер Эксеры. — Думаю, он найдет, чем задержать внимание своего бывшего союзника хотя бы на час. Он все еще Вагабр, несмотря ни на что.

Голос Юли из гвора звучал холодно и насмешливо.

— Раскармливают, — ответила она на встревоженный вопрос Саши, как с ней обращаются. — Ем и сплю, больше делать нечего. Видимо, они считают, что от такого образа жизни пленники жиреют, тупеют и потом сами не проходят в дверь. Скукота... в окошко не полюбуешься — одна степь да небо. Сижу в какой-то супердревней кошачьей клетке, даже поговорить не с кем, — пожаловалась она ехидно. — Кинэн завел философию и сбежал, а моя церберша сегодня явно не с той ноги встала. Вчера еще рыжая приходила, очень злая на кого-то из вас.

— Достаточно, — услышал я раздраженный голос Лануэль. — Довольны?

— Юль, ты там поосторожнее, — попросил Саша с волнением в голосе. — И держись, не вешай нос, мы тебя не бросим.

— А вы поменьше их слушайте, — заявила Юлька громко и явно что-то сделала, отчего Лануэль сдавленно ругнулась. — Такую дрянь слушать — себя не уважать.

Связь прервалась, а Саша с надеждой посмотрел на меня.

— Девочка пыталась сообщить то, что знает, — заговорила Эрлен. — Но немного, увы. Кинэна выманили... Рискнем? Выполнить их условия вы все равно не можете — Либрум больше не существует. Остается только идти ва-банк.

— Почему мне кажется, что это ловушка? — пробормотал Саша, нервно растирая кисти

рук, на которых сейчас не было перчаток

— На кого? — Эрлен покосилась на меня.

— На тех, кто туда придет.

— Что именно тебя беспокоит? — продолжила она. — Ты Змей, возможно ты интуитивно чувствуешь, где подвох. Подумай.

Саша сосредоточился, закрыв глаза.

— Нет, — с отчаянием воскликнул он. — Не понимаю. Просто чувство, что мы что-то недооцениваем.

Я поднялся, думая, что надо бы вернуться домой за саблями.

— Значит, ловушка, — бросил я, ни на кого не глядя. — Мне наплевать. Я все равно покойник, как сказал Кинэн. Сдохну — значит сдохну. Кого-нибудь из них точно с собой захвачу, одной мразью на свете меньше станет. А может быть и не одной. Я пойду с того хода, что ведет к западной окраине Рувиба. Кинэн убрался, мимо остальных как-нибудь прорвусь.

— Подожди, — Эрлен схватила меня за руку. — Давай начнем с меня и с Алекса. Мы появимся у очага и отвлечем на себя внимание. Я уверена, что спровоцирую Лануэль и она захочет померяться силами. Сиди и жди. Как только я ее выманю, ныряй в свой ход.

— А если она... тебя ранит? — ужаснулся Саша.

— Эта драная кошка? — рассмеялась Эрлен надменно. — Куда ей. Она только мужиков в постель затаскивать умеет.

— А как же черная ипостась?

— Не больше моей, — фыркнула Рысь. — Всегда мечтала... выдрать пару клочков из ее прилизанной шкуры.

Глава 28. Провал

За дверью было отчетливо слышно, как кто-то быстро сбегал или поднимался по лестнице, а голоса проходящих мимо казались громче и нервнее обычного. Юлька прислушивалась, но ничего разобрать не получалось. Она велела себе успокоиться, но на самом деле разволновалась еще больше. После разговора по гвору с Сашей она отвратительно, со взаимными скорбями и мелким членовредительством разругалась с Лануэль. Та не преминула передать ей нелестные слова Эрлен, на что ставшая непомерно язвительной и языкастой Юлька прошлась на тему взаимной любви двух драных кошек и ее последствий. Та грубо отволокла девушку в комнату, швырнула на пол и пообещала рассказать о ее неподобающем поведении Кинэну, на что Юлька съязвила насчет жалоб папочке, радуясь, что по дороге умудрилась пару раз больно укусить Лануэль за руку.

Она нервно вскакивала и садилась снова, бросалась к двери и снова возвращалась в комнату. Что-то происходит. Странно. Слишком быстро. Кинэн и Лануэль выглядели озадаченными после переговоров, по их репликам Юлька догадалась, что Сашу неожиданно поддержала Эрлен, и это поставило их в тупик. Она не знала, что именно потребовали они от Саши, в курсе ли Рес и когда и как именно ее собираются возвращать. Неопределенность и страх сводили с ума.

А через некоторое время она вдруг почувствовала, что здание содрогнулось. Потом еще раз, чуть слабее. Потом снова, сильнее. Забравшись на подоконник и высунувшись из окна, насколько позволял ей узкий оконный проем, она увидела Змея, яростно кружащего над очагом. Несколько раз он приближался и ударял огненной плетью по стенам, но древнее здание строилось так, чтобы укрыть его обитателей не только от стихий, но и от гнева божественных сил. Некоторые вспышки разбивались о землю, и от них загоралась сухая степная трава. Юлька напряглась в ожидании стрельбы из баллист, но видимо, их тут не оказалось. Он кружил и падал, размахисто ударяя по стенам и куполу, и здание только вздрагивало, но не поддавалось его атакам.

Потом в ее поле зрения неожиданно попали две кошки — большая и маленькая. Рысь — она узнала Эрлен, и... черная — не кошка, нет... существо, больше похожее на нескладную пантеру с кошачьей мордой и ушами, или даже на гипертрофированную, странно непропорциональную, нелепую домашнюю мурку. Рысь на ее фоне казалась скромным котенком-подростком.

Они кружили друг против друга, прижав уши, выгнувшись дугой и вздыбив шерсть, как настоящие кошки, потом кошка-переросток размахнулась и сильной когтистой лапой отбросила Рысь в сторону. Перекатившись по земле, та быстро поднялась и злобно ощерилась. Они кинулись навстречу и покатались, пытаясь полоснуть друг друга по животу задними лапами, но Рысь быстро вывернулась, отскочила назад и, прижавшись к земле, снова кинулась на кошку, прыгнула ей прямо на морду и вцепилась в ухо. Та издала жалобный утробный вой и покаталась по земле, пытаясь сбросить с себя противницу. Эрлен прытко соскочила сама, отбежала на порядочное расстояние и принялась гонять кошку, бросаясь на нее издалека, словно молния, и ловко отскакивая назад. Несмотря на более крупные размеры, кошка казалась неуклюжей, неловкой, словно получив мощное тело, она не слишком уверенно умела им управлять. В конце концов Рысь прыгнула ей на загривок и намертво вцепилась зубами в шею. Кошка мотала головой, кидалась в разные стороны,

пытаясь ее сбросить, падала на землю, сдирая ее лапами, ударяя о камни, но та впиалась и обвилась вокруг шеи, вгрызаясь в тело. Кошка отчаянно кричала, пронзительно и жалобно, не в силах избавиться от агрессорши, и Юльке даже стало немного жаль ее. Затем Рысь ловко спрыгнула на землю и бросилась прочь. Кошка кинулась за ней и тут они обе исчезли из поля Юлькиного зрения.

Потрясенная, она сползла с окна, подумав, что больше не видит Змея и не чувствует его ударов по крепости. Он смог прорваться в очаг? Или наоборот, понял бесполезность своих попыток и оставил ее?

Ей оставалось только набраться терпения и ждать развития событий.

Саша с ужасом смотрел на то существо, что вышло из крепости против Эрлен. Когда-то Лануэль показывала ему обе свои ипостаси, и теперь он ясно видел, что с черной произошли заметные изменения. Он с ужасом понял, что ее тоже подкармливали кровью жертвоприношений. Меньше, чем Кинэна, но все равно результативно. Этого-то он и боялся... Чувство ловушки только усилилось, когда они с Эрлен вышли из шеадра в Рувибе и направились к окраине города, чтобы там трансформироваться и начать свой демонстративный поход к огромному, грозному сооружению, высившемуся в нескольких хаарах от города.

Огромная кошка выглядела скорее нелепо, чем грозно — мускулистое и крепкое тело пантеры и голова дворовой мурки. Двигалась она не совсем ловко, видимо, мало тренировалась в новом теле, еще не привыкнув к нему и не обретя нужную координацию.

Эрлен, если и оторопела, то ничем себя не выдала. Кошка напала первой, несколько раз успешно отшвыривая Рысь. Саша стал снижаться, стремясь ей на помощь, и в этот момент ощутил странный, далекий и сладостный зов, словно кто-то многократно повторял его имя, наполняя его силой и желанием. Он попытался отрешиться от этого зова, но тот проник в сознание, зацепился и постепенно заполонил его, вытесняя все иные мысли. Из глубины вдруг поднялось что-то повелительно властное, и древний змей-аспид перехватил контроль над человеком, мгновенно выбросив его на задворки сознания. Саша пытался бороться — и не смог. Змей полностью подавил его, превратив душу в крохотную искру, вынужденную утонуть в бушующем океане неуправляемой стихии. Нигейр развернулся и пошел в сторону Рувива, откуда тянулся этот мощный и страстный призыв.

Там, на одной из маленьких белых улочек, стояло такое же шестиугольное, как и очаг Лануэль, здание с каплеобразным куполом, стены которого были покрыты изображениями Змея, сражающегося с разными устрашающего вида существами. Храм Нигейра... Зов шел отсюда. Нигейру очень хотелось попасть туда, но он был больше, чем дверной проем. Неожиданно Саша почувствовал, что трансформируется обратно, словно Аспид швырнул его человеческое тело на ступени храма. Еле устояв на ногах, он мстительно вытолкнул Змея из своей головы, но тяга, мучительная тяга вынудила его войти.

Там, за дверью, была темнота, но сумрак не был слепым — он освещался не аэрами, а множеством живых свечей. Саша разглядел силуэты людей, и собственные — Змея — изображения в виде статуй. Он обо что-то споткнулся, а когда посмотрел под ноги, то увидел, что пол под ногами абсолютно прозрачный, словно он стоит на поверхности оледеневшего кристально чистого озера. Там, подо льдом, на глубине, прозрачной и сияющей, двигались тени, а дно терялось среди выступов, похожих на перевернутые вниз скалы. Когда он с трудом оторвал взгляд от хрустально-ледяной поверхности, на него

навалилось небо, агатово-алое, неровное небо, выступающее острыми гранями черного и красного цвета. Там, дальше, где ледяная прозрачная земля встречалась с аспидным небом, он увидел словно топором нарубленные черные и красные скалы вперемешку с прозрачными глыбами.

Маар. Еще ни разу Саша не попадал сюда, но знал по описаниям, какой он.

Он осторожно огляделся. Там, впереди, в нескольких шагах от него сияло небольшое озерцо, властно позвавшее его к себе. Он сделал шаг и остановился, увидев по ту сторону озерца еще одного обитателя.

Змей-аспид смотрел на него в упор поразительно знакомыми человеческими глазами.

Он был потрясающе красив, этот змей. Каждая отдельная чешуйка на его черном теле была аспидно-черной, отточенной, и сияла, как отдельное маленькое солнышко. Задние лапы — львиные, бархатно-черные мощные крылья были распахнуты во всю ширину, но вот передние лапы — он вздрогнул, заметив их, — не лапы, а человеческие руки, а на кистях — две перчатки, с коротким и длинным когтем. Словно выточенные из алмаза, блестели в пасти острые кинжалы-зубы.

Ты кто, спросил Саша, парализованный этим странным существом, не в силах оторваться от человеческих глаз и рук.

Я — это ты. Мы — одно.

Я — человек, возразил он, все еще очарованный смертоносной красотой существа.

Уже нет, ответило оно. Раз ты здесь — уже нет. Пей, — он кивнул на озерцо. Это — сила.

Сашу потянуло вниз и он наклонился к сияющей субстанции. Зачерпнув ладонью, он поднес ее ко рту. И тут от нее дохнуло таким смрадом, вонью, кровью и тухлятиной, что его чуть не стошнило.

Я же в Мааре, подумал он. Тут моя проекция, а не тело. Меня не может тут тошнить.

Озерцо снова поманило его, но запах все еще держался, и он отшатнулся назад, не желая иметь с ним никаких дел.

Зря, грустно сказал Аспид, и наклонился к жидкости.

Дернувшись назад, он вдруг почувствовал спиной холодные плиты и неудобный выступ, упирающийся в бок, и неожиданно вспомнил, что вошел в храм Змея. Поднявшись, он осмотрелся. Свечи почти догорели. Вокруг лежали тела с перерезанным горлом... немного, шесть или семь. Под изображениями и статуями Нигейра стояли чаши, наполовину полные крови. Он содрогнулся от увиденного и принялся искать хоть кого-нибудь живого, кто бы мог объяснить, что тут случилось. Неужели это сделал... он сам? Он принес себе в жертву этих людей? Саша с ужасом посмотрел на свои руки, но обе перчатки были чисты. Заметив движение в дальней части храма, он бросился туда и настиг выходящего через задний ход человека. Повалив его на пол, он обнаружил, что это не человек, а райзе — крупный агрессивный самец, вооруженный коротким шамальским кинжалом. Вырвав оружие из рук, Саша распластал его по полу.

— Кто это устроил?

Райзе скрипнул зубами, пытаясь вырваться. Саша несколько раз врезал ему перчаткой по физиономии, но тот только рычал и огрызался. Поняв, что не добьется от него ответа, он решил не оставлять Дзуликого в живых. Перерезав ему горло, он снова едва не захлебнулся — кровь, хлынувшая из раны, затопила его сознание вместе с экстазом, как во время охоты, и он с трудом удержался, чтобы не впиться зубами в шею мертвеца. Еще одно

жертвоприношение Нигейрну... В человеческом облике. Он ужаснулся самому себе и, дрожа, бросился прочь из храма.

Там, за стенами, была уже ночь. Сколько времени он провел здесь? Там, в древней крепости неподалеку от Рувиба, наверняка все уже закончилось, но чем? Он обернулся и поднялся в воздух, чувствуя необычный прилив сил и накатывающий волнами гнев. Они отвлекли его от дела, принеся кровавую жертву и этим приманив к тому месту, где оно произошло. Так просто и так гнусно. И это существо... его копия, его демонический двойник сегодня получил свою первую порцию жертвенной крови. Нет, не первую. Он уже наверняка кормился ею во время ритуалов Единому и во время кровавых казней в Анг Мирте. Но сегодня все эти жизни из рувабийского храма Нигейра и вся кровавая сила ушла ему. Чем это грозит? Не станет ли он теперь сильнее, не попробует ли завладеть его собственным обликом и телом? Рессер говорил, что уже сталкивался с чем-то подобным, и советовал держаться от жертвоприношений подальше. Надо попросить его рассказать, что он знает.

Обуреваемый страхами и сомнениями, он со всей скоростью кинулся туда, откуда его недавно отвлекли.

Очаг Лануэль мирно спал. Ворота были заперты, и лишь на нижнем этаже тускло светились два маленьких окна. Что здесь произошло в его отсутствие? Покружив над куполом и поняв, что не знает, как поступить, он в отчаянии развернулся и полетел в сторону ближайшего шеадра.

Глава 29. Прыжок в неизвестность

Я быстро проскочил подземный ход и выбрался в просторном зале, который, как мне помнилось, находился на первом подземном уровне. Хорошо бы встретить кого-нибудь и заставить показать дорогу, так быстрее и надежнее. Выбравшись на первый этаж, я остановился, вспоминая дни, когда бывал здесь частым гостем. Эх, давненько это было... лет пятьдесят назад. Вверх вели две спиральные лестницы, похожие на изрезанные арками столбы. Пусто. Тихо. Есть здесь хоть кто-нибудь? Я заглянул в следующий зал и оказался в полупустом помещении с низким потолком, вдоль стен которого стояли скамьи, затейливыми ковриками, а в конце виднелась полуоткрытая дверь. Пройдя половину зала, я услышал, как дверь за моей спиной захлопнулась.

Я обернулся. Джана.

— Ты все-таки пришел, — усмехнулась она. — Кэйн так и говорил — ты обязательно сунешься, если тебя подначить. Стоило тебе что-то запретить, как ты сразу лезешь на рожон.

— Где девушка?

Она удивилась.

— Не говори мне, что ты пришел сюда ради нее.

— Ради чего же?

— Саблей помахать. Защитником себя выставить. Покрасоваться.

Я оторопел. Она сделала несколько шагов навстречу и вдруг я понял, что и у нее на поясе висят две сабли, и тоже — нигийские.

— А ты и правда считаешь себя защитником, — усмехнулась она, холодно глядя мне в лицо. — Не льсти себе. В тебе, как и во всех остальных, сидит демон, которого ты считаешь ручным, но он управляет тобой гораздо успешнее, чем ты сам.

— Я его убил, — парировал я, невольно вспомнив Анг Мирт.

— Разве? Тогда что за демона я видела несколько дней назад?

— Таким, как ты и твои дружки, не будет никакой пощады, — сказал я со злостью.

— Все верно, — презрительно подтвердила она. — Звери не рассуждают. Они просто... грызут. Бросаются. Убивают без рассуждения.

— Так где девушка? — повторил я, оставив попытки понять, что она имеет в виду.

— На третьем этаже, в гостевых покоех. Только ты туда не пойдешь. Ты тут ляжешь.

Я криво усмехнулся.

— Ты себя не переоцениваешь?

— Я — нет. Ты — да. Рано или поздно мы тебя прикончим.

— Рассчитываете прибрать к рукам нового Ворона? Не боитесь, что получите еще одного Змея?

— Не боимся, — отрезала она. — Признаю, с Алексом мы ошиблись. Он — чужак Взрослый чужак... Тут мы просчитались. Его человеческая часть сформирована иной культурой, сколько бы он не жил здесь, он не перестанет быть жителем Основы. А юный Ворон... — она улыбнулась. — Совсем другое дело.

Вспышка ненависти и страха накрыла меня, и я вытащил вторую саблю, до этого покоившуюся в ножнах.

— Или покажи мне дорогу к девушке, или уйди, — сказал я ей, сдерживая ярость. — Никогда еще не убивал женщин. И не хочу открывать этот счет.

— Ну, мой счет открыт, — холодно сказала она, — хотя я тоже никогда еще не убивала Вечных.

И она бросилась на меня.

Уже по первым движениям я понял, что действительно ее недооценил. Она билась мастерски, не хуже Шандра, а если учитывать, что практиковалась она намного дольше его, противник мне попался устрашающий. Проигрывая в физической силе и в напоре, она выигрывала в ловкости и подвижности. Пока я держался за счет силы и выносливости, ну и хоть какой-то, но практики.

Сколько раз я еще поблагодарю Шандра за науку...

В очередной раз отбросив ее назад так, что она упала на плиты, я быстро глянул на приоткрытую дверь в конце зала. В мои цели не входило показательное фехтование, мне надо было найти Юльку. Возможно, Джана тянет время, ожидая, когда вернется Кинэн. Ваэль обещал мне даже не час, а больше, у него была идея, как не только удержать Кинэна, но и напугать, и заставить на какое-то время вернуться к себе в Ледеру. В разговоре с ним я понял, что Ваэль сообщил нам далеко не все, и нам еще придется расхлебывать неожиданные последствия их союза. Что ж, все потом.

Поднявшись, она бросила на меня полный ненависти взгляд.

— Твой образ сделала я, — сказала она с отвращением. — Я их вообще хорошо делаю...
Образ Реваля, Ваэля. Сделала тогда, сделаю снова.

— Сашин тоже? — поинтересовался я насмешливо

— Нет. Я его не встречала. Алекса сделал Рейнард.

— Управляла мною тоже ты?

— Сначала Кинэн, потом Лануэль. Интересно, как ты сумел разрушить связь?

— Это не очень сложно, — заявил я. — Главное — понять, что тобой управляют, остальное — дело техники. Думаю, такой фокус у вас мог получиться, только пока мы не знали, что это возможно.

— Придумаем что-нибудь новенькое, — улыбнулась она.

— Если выживите.

Мы все еще стояли друг напротив друга, собираясь продолжить и выжидая. Я заметил, что она тяжело дышит.

— Что, старушка, может все-таки отойдешь? — я решил уязвить ее, чтобы спровоцировать атаку. — Кстати, как тебе Ант? Мне рассказывали, что он был очень грубым и жестоким любовником, особенно, когда его одолевал приступ голода.

— Ты не лучше, — огрызнулась она.

— Поделись секретом, как ты это делаешь?

— Как Кольер.

— Неужели беря в плен юных девственников и лишая их этого достоинства? — обидно расхохотался я, и у нее тоже вырвался смешок.

— Зачем? Достаточно любого ритуального убийства в свою честь. Ну или как недавно с тобой, — взгляд ее стал тяжелым и она сделала несколько шагов назад, явно собираясь напасть снова. — Можно ведь и не убивать. Достаточно выпить человека до капли, высосать из него силы, если знать, как. Вы, мужики, для меня что батарейки, особенно когда в постель ложитесь.

И она сделала шаг назад, отведя саблю в сторону, словно приглашая меня напасть. Ярость нахлынула на меня, дурная, неконтролируемая ярость, и я атаковал ее, свирепо и

бешено тесня к стене. Она парировала мои удары, но с каждым разом все менее ловко, словно с трудом, явно выдыхаясь и уставая. В конце концов она оступилась и раскрылась, и я понял, что мое начатое движение сейчас убьет ее, и в последний момент изменил его как мог. Не хватило у меня решимости убить ее, и кажется, она это поняла. Она извернулась, сумев уйти от удара, зато я увидел просверк рукоятки у виска и получил сильный удар по голове. Чувствуя, что ноги подгибаются и сознание меркнет, я уловил ускользящими остатками разума, что она наклоняется ко мне... и целует. И в этот же момент гаснет сознание.

Юлька вздрогнула, когда шум за дверью неожиданно усилился. Заскрежетал замок, дверь открылась и порог ее роскошной тюрьмы неожиданно переступила Джана. Оглядевшись, она покосилась на окна, а потом отступила в сторону, сделав приглашающий жест.

— Я тут тебе компанию нашла, — сказала она со смешком в голосе. — Ненадолго. До утра.

Два лэйсе втащили и бросили на пол бесчувственное тело, в котором Юлька с ужасом узнала Рессера. Подавив вопль отчаяния, она подняла на Джану глаза и спросила со всем невозможным в этот момент хладнокровием:

— А утром?

— А утром придет Кэйн и разберется, что с ним дальше делать.

— Очнется и улетит, — сказала Юлька со злостью. — А я помогу — окошко открою и подержу, чтоб не захлопнулось.

— Не улетит, — хмыкнула Джана. — Ему уже вкололи... что надо. Не обернется. По крайней мере пару-тройку суток — точно. Но нам и этого достаточно.

Она брезгливо толкнула ногой его растрепанную голову и перевела взгляд на Юльку.

— Что, жалко спасителя? — хмыкнула она с презрением. — Неужели думаешь, что хоть один из них стоит твоей жалости?

Юлька промолчала. Джана, постояв недолго в ожидании ответа — ей явно хотелось поговорить — и не дождавшись реакции, еще раз презрительно фыркнула и ушла. Юлька слышала за дверью, как она отдает указание сторожить дверь и жестко пресекать все попытки ее взломать, даже не сомневаясь, что таковые последуют.

Дождавшись, пока шаги стихнут, она села на пол с неожиданно навалившейся тяжелой усталостью. Что ж ты сделал не так, подумала она с горечью, какой бой проиграл? На лбу у него была большая ссадина от удара. Она осмотрела его, насколько могла, и убедилась, что других ран нет. Погладив растрепанные волосы, она привалилась к стене, подняла его голову и уложила себе на колени, горюя в ожидании, как он очнется и поймет, что вместо освобождения сам оказался в плену, да еще и лишенный возможности что-либо сделать и для себя, и для нее.

Через какое-то время он действительно открыл глаза. Поначалу взгляд его бессмысленно блуждал по потолку, затем задержался на Юльке и только потом обрел сосредоточенное и недоумевающее выражение.

— Тебя притащила Джана, — сказала Юлька, погладив его по плечу. — Тебе сделали какой-то укол, чтобы ты не обернулся.

Он закрыл глаза и Юлька увидела уже знакомое по Белому оврагу усилие, которое привело, как и тогда, к судорогам, скрутившим все тело и к полуобморочному изнеможению.

— Тихо, тихо, — прошептала она, удерживая его голову на коленях. — Не трать силы. Сомневаюсь, что она врала.

Полежав немного в неподвижности, он медленно сел.

— Дурак, — с горечью сплюнул он. — Идиот.

— Почему?

— Надо было ее убить, — пояснил он. — А я... рука дрогнула.

— Она вампирша, — сказала Юлька. — Ты в курсе? Как Кольер, только без убийства. Силы сосет.

— Это я уже знаю, — печально признался Рес. — Говорю же, идиот...

Он медленно поднялся на ноги и, слегка пошатываясь, обошел и внимательно осмотрел комнаты, ненадолго задержавшись в ванне. Потом подтянулся и запрыгнул на окно, выглянул вниз и коротко усмехнулся.

— Да, отсюда только птичкой, — прокомментировал он. — Или насмерть.

— Утром должен вернуться Кинэн, — продолжила Юлька. — По твою душу. По крайней мере, она так сказала.

Рес, закончив обход, повалился на кровать.

— Полежу немного — попробую выломать дверь, — заявил он со вздохом. — Она явно ко мне приложилась... Шатает. Но с дверью должно получиться, даже в человеческом облике.

— Тебя там ждут, — возразила она. — За дверью.

— Ну, пока другого пути нет, — вздохнул он. — Разве что заманивать их сюда поодиночке и сворачивать шеи.

— Одному свернешь, остальные поостерегутся, — опять возразила Юлька. — Но если что — у меня есть вилка.

— Уже здорово, — кивнул он и протянул ей руки. — Побудь со мной. Вдруг больше не удастся?

Она охотно поднялась с пола и легла рядом, прижавшись к нему и положив голову ему на грудь.

— Расскажи лучше, что у вас там происходит и как ты сюда попал, — попросила она, неожиданно расслабляясь под его ласковыми руками и чувствуя себя почти счастливой. Рес вздохнул и пересказал события последних дней, начав со вскрытия Либрума и пересыпая рассказ едкими саркастическими комментариями в адрес всех участников событий, а больше всех — себя самого.

— Я запаниковал, — признался он, — когда Либрум взорвали. Понимаешь, главное их условие сразу же стало невыполнимым. Я запаниковал, а они — Саша, Шандр — поддались, и Эрлен тоже, к сожалению. А надо было атаковать этот очаг силами Пауков через очаг в Тайреме, перестроив ее персональный шеадари в обычный, я это умею. Потеряли бы в неожиданности, зато я бы точно здесь не валялся.

Она потерлась носом о его плечо.

— Все не предскажешь. И не считаешь.

— Но некоторых глупостей можно избежать.

— Как ты думаешь, что дальше?

— Ну, скорее всего, меня поначалу все-таки не убьют, — предположил он со смешком. — Зато условий с моей помощью можно диктовать гораздо больше и уже не юному неопытному Алексу, а тем же Ширин, Ревалю и Даллаху. А значит и ставки будут

повыше.

— Как долго действует этот яд, блокирующий ипостась?

— Все мы преодолели его действие без противоядия, но не сразу, — задумавшись, ответил он. — Скорее всего, мне не дадут очухаться — добавлять будут.

Юлька вздохнула.

— А Реваль с Ширин пойдут на их условия?

— Пойдут, — кивнул он. — Наверно. Но я бы на месте Кинэна попытался их обмануть. Я бы на месте Кинэна вообще не отдавал заложников, обеспечив себе таким образом неприкосновенность. Совет Вечных решил убрать действующую ипостась Кинэна, но Даллах хочет дать Лануэль шанс отступить.

— Но он должен понимать, что если Вечные объединятся против него, то заложники его не спасут, — предположила Юлька. — Даже если он нас убьет, это ничего не изменит.

— Значит, у него только один выход — отвести им глаза, устроив длительный и красочный торг, поручив его, например, той же Джане с Лануэль, а самому сбежать в Анг Мирт и срочно оттуда ударить, — вздохнул Рес. — Удерживать меня здесь, чтобы я гарантированно не смог вмешаться, когда Анг Мирт нападет. Убить меня раньше времени нельзя, статуэтки потухнут, это станет сигналом. Я бы, пожалуй, прикончил себя-заложника незадолго до атаки, вот прямо за пару-тройку часов. Заодно и деморализовал бы противоположную сторону, подкинув труп куда-нибудь на видное место, — хмыкнул он. — Эх, дурак же я все-таки, — опять вздохнул он.

Юлька промолчала, теснее прижавшись к нему.

— Теперь ты рассказывай, — предложил он после паузы. — Как тебя заманили?

Юлька коротко пересказала, как оказалась здесь и как провела два последних дня, опустив непристойное предложение Кинэна, чтобы не расстраивать его еще больше.

— Бедная ты моя, — прошептал он, целуя ее макушку. — Одни беды тебе от нас с Алексом. Если выберемся — спрячу тебя куда-нибудь, чтобы никто не нашел.

— Я не хочу прятаться, — вздохнула Юлька. — Это не жизнь. Пусть уж лучше так, как есть.

Рес не ответил, и она закрыла глаза, слушая, как сильно, взволновано бьется его сердце. Они долго лежали почти неподвижно, тесно прижавшись друг к другу и напряженно прислушиваясь к любым звукам, доносившимся извне. Он по-прежнему гладил ее, мягко, невесомо скользя по телу, и она была почти благодарна Джане за этот неожиданный подарок — горсть драгоценных мгновений нежности и покоя.

— Он тебя хоть не обижал, этот хорек облезлый? — вдруг спросил Рес, резко приподнявшись на локте. — А то ведь он страхом до остановки сердца может довести. Да и не только этим. Слухи про него ходят... мерзкие.

Юлька на секунду замялась, а потом поспешила заверить его, что нет. Не успел.

— У меня вилка есть, — заявила она шутливым тоном, за которым отчетливо слышалась решимость. — Пусть попробует — сразу по яйцам получит.

— Ты только осторожнее, — он легонько прикоснулся губами к ее губам, и резко поднялся. — Себе не навреди.

Еще раз пройдясь по комнатам в глубокой задумчивости, он подошел к окнам и, забравшись на высокий подоконник, долго смотрел вниз.

— Я вижу только один способ бегства, — вдруг сказал он странным, бесцветным голосом. — Я прыгну.

— Убьешься, — констатировала Юлька. — Кинэн, конечно, лишится козыря, но может, ты все-таки еще поборешься?

— Если убьюсь, то да, лишится, — согласился Рес. — Да и черт с ним, я знал, на что шел. Но видишь ли... Вечное божество не дает тебе самому себя уничтожить. Оно вмешивается... Я пробовал... когда-то. Ни разу еще не было такого, чтобы Ворон не перехватил контроль. Высота тут большая, если божественная сила не возьмет верх, то грош ей тогда цена. Я обернусь и поднимусь обратно, а ты вылезешь через окно мне на спину. Я спущу тебя вниз и унесу в когтях. Наденешь мою куртку, чтобы я мог за нее зацепиться. За нее, а не за твои плечи. Такой способ путешествий весьма болезненный и страшный, но я полечу медленно и постараюсь быть максимально осторожным.

— А вдруг оно... не вмешается? — прошептала она с ужасом.

— Значит — не вмешается, — ответил Рес твердо. — Будет у нас через пару лет другой Ворон, поумнее меня. Я готов рискнуть. В заложники к Кинэну я точно не хочу.

Он спрыгнул с подоконника и стащил куртку через голову, оставшись в одной рубашке. Потом, подумав, снял ремень.

— Надевай.

Юлька покачала головой.

— Ты сошел с ума.

— К сожалению, опыт только что показал, что мне не с чего сходить, — фыркнул он язвительно. — Надевай и перетянишь ремнем потуже, чтобы не выскользнуть из куртки во время полета. Держи локти прижатыми к телу.

Она покорно надела куртку, и он туго затянул ремень у нее под грудью.

— потушим свет, чтобы глаза привыкли к темноте, — он вывернул из гнезд все аэры. Какое-то время они сидели в кромешной тьме, потом, когда Юлька стала все лучше и лучше различать очертания предметов, Рес подтащил к окну чайный столик из соседней комнаты.

— Залезешь? — уточнил он.

— Как-нибудь залезу, — проворчала она. — Может, все-таки не будем?

— Если я разобьюсь, скажи Шандру, чтобы сразу после моей смерти следил за всеми всплесками способностей у детей Ворона, — сказал он деловито. — Но ни в коем случае не привлекал внимания к этим людям, просто наблюдал. Кинэн и компания тоже будут искать нового Ворона, чтобы взять его под контроль. Шандр должен успеть первым. Вычислить и защитить... может быть, даже спрятать, отдалить от центра событий.

— Нет уж, — отрезала Юлька. — Сам ему скажи. Не будет никаких новых Воронов.

— Надеюсь, что он сам сообразит, если что, — вздохнул Рес и решительно взобрался на подоконник, но выпрямиться на окне в полный рост у него не получилось. Свесив ноги вниз, он еще раз оглянулся на Юльку. А потом — прыгнул.

Она закрыла глаза и стала считать, чтобы не думать. Там, за окном, было по-прежнему тихо, и, досчитав до пятидесяти, она вдруг поняла, что так и не знает результата. Похолодев от ужаса, она вскочила на подоконник и сразу же увидела почти вровень с окном гигантскую черную тень, слегка мерцающую синим. Дрожа от страха, она вытянула вперед руки, нащупала плотные, скользкие перья и, с трудом удерживая лихорадочную дрожь, кое-как, по-пластунски, переползла ему на спину, судорожно цепляясь за гладкое оперение. Он принялся медленно и плавно опускаться вниз, прижимаясь одним крылом к стене очага, а добравшись до земли, распластался, давая Юльке съехать со спины и подняться на ноги. Тут же он взлетел, и, не дав ей одуматься, схватил когтями за воротник куртки и резко пошел

вверх. Юлька едва успела прижать руки к бокам, почувствовав, что действительно может вывалиться из куртки...

Лететь было неудобно и страшно — ледяной ветер бил в лицо, не давая дышать, спина и ноги моментально замерзли и ее начала бить нервно-холодная дрожь. В какой-то момент она ощутила отвратительное, тошнотворно-болезненное чувство разрыва, словно все органы сразу решили вывернуться наизнанку, и поняла, что прошла вместе с ним сквозь Грань вне стационарного перехода. И сразу же почувствовала, как изменился воздух, став влажным и соленым на вкус, но и более промозглым. Движение вниз оказалось еще противнее: у нее заложило уши и перевернулся желудок. Когда ноги ее коснулись посадочной площадки Северной башни, тело онемело настолько, что Юлька мешком повалилась на камни, крупно трясясь и не зная, как встать.

Дальнейшее она помнила не очень отчетливо. Рес принес ее в кабинет и долго приводил в чувство, растирая руки и ноги, отпаивая горячим вином и все время шепча что-то успокоительно-подбадривающее. В конце концов она дико, истерично разрыдалась, обзывая его всеми ругательствами, пришедшими в голову. А потом, успокоившись и согревшись, поняла, что засыпает, убаюканная, как ребенок, его ласковыми объятиями.

— Ты быстро обернулся? — спросила она уже почти сквозь сон.

— Почти, — ответил он успокаивающим тоном, и она облегченно вздохнула, проваливаясь в приятную темноту. — Почти у самой земли, — добавил он беззвучно.

Глава 30. Планы

— Ты уверен, что они не изменят свой план? — спросила Ширин, встревожено переводя взгляд с меня на Алекса.

— У них нет другого, — ответил я. — Единственное, что они могут сделать, это как можно скорее ударить.

— Кинэн объявился во Фрейфене, среди поддерживающих партию войны генералов, — вмешался Гевор, — и очень ловко убедил их поторопить события. Несколько городов-башен поставлено на уши, под крепостью Кан стянуты войска.

— Насколько опасны именно войска? — спросил Реваль.

— Огнестрельного оружия у них нет, остальное похоже на наше, — взял слово Алекс. — Численность их сухопутных войск меньше наших объединенных сил. После исчезновения Грани начнется сухопутное наступление одновременно с атакой с воздуха. Они используют колесную технику для передвижения по земле, мы — виммы и Крылатых. Справимся, — подытожил он.

— Я по-прежнему не хочу доводить дело до прямого столкновения, — заявил я. — Я уже упоминал про риск замещения Грани Мааром. Не хочу проверять эту гипотезу на наших землях, — я в упор посмотрел на Ширин, которая еще раньше признала ее небезосновательной.

— Твой план подрыва крепости кажется мне чересчур рискованным, — пробурчал Реваль. — И я не понимаю, как ты собираешься закладывать туда взрывчатку. В нужном количестве тебе ее туда не протащить.

— Мы воссоздали крепость Кан и немного менее подробно — крепость Шен, — начал Гевор. — Мы ведем Зеркалами достаточно персонала, от рядовых техников до зам. коменданта, чтобы точно выстроить расположение основных узлов, размыкателей и резак. В крепости Кан три излучателя и один резак. В Крепости Шен — еще один излучатель, самый старый, с настройкой на Ар Хойт. Все они включатся через десять дней — именно тогда запланирована атака на Ар Соль с полным размыканием Грани между Ирнаном и Анг Миртом. Кинэн хотел начать еще раньше, но ничего не вышло — мощностей местных генераторов не хватает, чтобы запустить все четыре машины сразу: требуется накапливать энергию для удара.

— Как вы собираетесь подорвать установки-размыкатели?

— С помощью вот этого, — Саша выложил на стол несколько палочек-цилиндров разного размера, чем-то напоминающих карандаши. Темный металл тускло поблескивал, центр цилиндра по окружности разделял глубокий желоб. — Мы нашли целый склад таких в Нагре.

— Заряд некрота, — определила Ширин, покрутив палочку в руках. — Большой, концентрированный. Насколько я понимаю, он распространяется и съедает всю материю в радиусе распространения. Так?

— Да, — подтвердил Саша. — Взрыватель активируется, если раздвинуть цилиндр и повернуть его концы в противоположные стороны. Площадь поражения — от десяти до двадцати пяти квадратов, зависит от размера взрывателя. Если расположить их в важных узлах крепости на определенном расстоянии, у нас есть шанс их уничтожить.

— Они не активируются дистанционно, — возразила Ширин.

— Поэтому мне придется их активировать в человеческом облике, один за другим, последовательно, — сказал я. — Они не сразу срабатывают, есть запас минуты в 3–4. Мы тренировались на полигоне, — я переглянулся с Сашей, — я успеваю выскочить из зоны поражения даже с запасом времени. Самая трудная часть операции — разместить их в нужных местах. Придется таскать их в крепость в вороновом облике. Если сохранять размеры местных крэнов, обитающих в тех краях, за один раз я могу утащить в лапах не более двух небольших взрывателей. По ночам придется сновать как челнок.

— А если тебя заметят? А если заподозрят? — продолжала тревожиться Ширин.

— Пусть замечают, — рассмеялся я. — Я же птица. Я и днем там буду болтаться. Даже прикормить себя позволю, — видя, что она расслабилась и даже заулыбалась, я продолжил. — Кинэн и компания не делились с местными подробностями о способности Вечных принимать другой облик. Местная военная власть считает, что имеет дело исключительно с людьми, такими же, как они сами. Кинэну придется сидеть в крепости и отстреливать абсолютно всех птиц, нарушающих периметр. Боюсь, после такого приказа к нему вряд ли будут относиться серьезно.

— А он в крепости? — переспросил Реваль

— Нет, во Фрейфене. С местными военными переговоры ведет не он, а Джилейр и райзе по имени Ортер — весьма внушительный мужик, кстати. Гора мышц. И неглупый.

— То есть, вы уверены, что преуспеете, — подытожил Реваль.

— По крайней мере попытаемся, — заявил я твердо. — Недостаток плана только в ограниченном времени. Надо торопиться.

— Что если ты... не успеешь? Или не сможешь разместить или подорвать взрыватели?

— Что-нибудь да успею, — сказал я. — Хотя бы частично. Если же нет... сделаю что могу и вернусь сюда, на поле боя, в общие ряды.

Мы еще долго обсуждали подробности предстоящей операции, как здешней, по защите Ирнана, так и моей грядущей вылазки в Анг Мирт. Последние пять дней прошли для меня словно в сумасшедшем угаре. Сразу после нашего с Юлей освобождения на рассвете мы с Алексом ворвались в рувабийский очаг Лануэль, но никого там не обнаружили. Лануэль и Кинэн исчезли в ту же самую ночь. Мы перекрыли домен Кинэна в Ледере, затем один за другим взяли все названные Вагабром скрытые очаги, разбросанные по разным землям Ар Соль, в которых велись исследования, и почти везде наткнулись на неожиданное и хорошо подготовленное сопротивление обученных головорезов. За эти пять дней по землям прокатилась волна жертвоприношений Единому, жестоких и кровавых, когда маленькие независимые общины гибли все до единого. Мы с Сашей пытались идти по следу, но в конце концов от наших разведчиков из Анг Мирта пришли новости: Кинэн объявился во Фрейфене, убедив давно уже жаждущую войны общественность начать ее в ближайшие сроки.

Юлька настояла на том, чтобы вернуться в Саманданг, и я с трудом спрятал свой страх. Снова приступив к учебе, она потребовала от своего куратора срочно научить ее заряжать стрелы Некроса, твердо заявив, что собирается принять посильное участие в защите Ирнана.

— Стрелы — это конечный ресурс, — заявила она мне и Саше не терпящим возражения тоном. — И очень ценный. У меня прекрасно получается. Я не собираюсь бегать по полю боя и собирать их, это сделают другие, зато уже сейчас у меня уходит по полторы минуты на стрелу.

И она продолжила упорно практиковаться. Я заскакивал к ней, когда вырывал время между бесконечными погонями за последователями Кинэна, и уносил целые связки стрел, от

которых Шандр каждый раз приходил в восторг.

Сейчас я возвращался в Альбре, чтобы еще раз прокрутить схему крепости и пересмотреть совмещенные в единую запись картины ее внутренних коммуникаций, и отсмотреть свежие отчеты наблюдателей. Самым интересным на сегодняшний день представлялся зам. коменданта крепости Кан, на плечах которого лежала вся практическая часть подготовки к вторжению. Ультиматум в наш адрес после слияния земель и захвата части территорий Ирнана Кинэн планировал предъявить сам, опираясь на военный совет Фрейфена.

Шандр вышел на крыльцо, заметив меня в небе.

— Пауки обнаружили очередную секту Единого, — сообщил он, дождавшись, когда я закончу трансформацию и распахивая передо мной дверь.

— Опять жертвоприношение?

— Успели в самом начале, — ответил он. — Никто не погиб, люди сами подняли тревогу, успев позвать на помощь. Мы взяли организаторов. И знаешь, кого?

Я вопросительно поднял бровь.

— Джану.

— Не удивлен, — отрезал я. — Где она?

— Уже здесь, — хмыкнул он. — Только что привезли. Хочешь поговорить?

— Еще как, — кровожадно заявил я.

Глава 31. Откровения древней ведьмы

Выглядела она изрядно помятой — видимо, Пауки не церемонились, когда ее задерживали. Я окинул ее насмешливым взглядом, чувствуя, как закипает во мне жаркая, плохо сдерживаемая ненависть. Пока мы ждали ее, Шандр задал вопрос, что с ней делать. Поначалу я сомневался... теперь я неожиданно понял, что не хочу оставлять ее в живых, и казнь ее мне придется взять на себя.

— Что, доволен? — фыркнула она, вырываясь из рук сопровождающих и бесцеремонно усаживаясь в кресло напротив стола.

— А то, — ответил я. — Счастлив.

— А зря, — хмыкнула она. — Меня вытащат.

— Не успеют.

— Сожрешь?

— Зачем мне твои старые кости, — поморщился я. — Есть много других способов с тобой расправиться.

Она демонстративно рассмеялась.

— Напугал, — фыркнула она. — Зачем ты меня сюда притащил? Поговорить захотелось?

— Да, по поводу твоей насыщенной биографии. Хотел бы знать подробности — откуда ты такая взялась да чем еще прославилась, кроме воровства и проституции.

— Зачем тебе это?

— Хочешь на место Вейдра?

— А ты сможешь?

— Теперь да, смогу, — подумав, ответил я. — Ты избавила меня от последних комплексов. Спасибо, кстати. Теперь я гораздо лучше понимаю Анта.

— Что ж... — она покосилась на вошедшего несколько минут назад Шандра. Мой друг придвинул стул поближе, и, развернув его спинкой вперед, сел, положив голову на руки, в ожидании развития событий.

— Я родилась 215 лет назад, в маленьком городке недалеко от Рузанны. Мы с Джилейром близнецы. Дар у нас обнаружился еще в юности. Сильный дар, кстати. Тебе и не мечталось о таком, — фыркнула она. — Кем бы был Рессер Райз, если бы не Ворон?

— Человеком, — ответил я спокойно. — Гораздо более счастливым, чем сейчас. Но ты продолжай хамить, мне интересно.

— А вот профили у нас были разными, — она усмехнулась. — Мы оба учились в школе Эгрох, но я всегда была успешнее его. А потом... Потом случилась катастрофа. Джилейр и его девушка, моя близкая подруга, стали объектом охоты старого Вагабра. Знаешь, я его помню. Бегала по молодости в парк вокруг Эксеры, поглазеть на тряпки знати. Холеная такая мразь, красавчик голубоглазый, изящный, улыбчивый... Очаровашка. Он напал на них в лесополосе севернее Эксеры, как раз неподалеку от нашего городка. Они там гуляли... Девушка умерла, он ее выпил — шею перекусил, лицо разорвал, грудь... Я видела, как ее принесли... — она замолчала, и за маской циничной авантюристки вдруг проступило что-то от той молоденькой девушки, столкнувшейся когда-то с самой неприглядной частью нашего бытия.

— Брат почему-то остался жив, — продолжила она. — У него была разворочена грудная

клетка, сломаны ребра, порваны легкие... Повелевающие говорили, что он не выживет, предлагали усыпить, чтоб не мучился. Моя мать не смирилась — она кинулась к джмаровцам, которые рискнули использовать старый, запрещенный уже тогда способ оживления безнадежных больных. Они создали фантом в Мааре и напоили его кровью. Они говорили, что шансов мало, но у них получилось. Брат выжил.

Шандр удивленно посмотрел на меня, но я уже знал от Ширин о той старой технике школы Джмар, поэтому удивлен не был.

— Потребность поддерживать жизнь с помощью жертв проявилась не сразу, — продолжила Джана задумчиво. — Сначала это был эксперимент. Джилейр высоко поднялся в иерархии школы. Там он, кстати, познакомился и сошелся с Кинэном. Они быстро нашли общий язык, а когда Кинэн узнал историю спасения Джилейра, рассказал, что давно ищет способ усилить и расширить возможности как человеческого тела, так и Вечной ипостаси. Они стали экспериментировать вместе. Я очень быстро оказалась в постели у Кэйна — он, когда хочет, умеет быть очаровательным. Он-то и предложил мне создать мой слепок-образ, поместить его в Маар и попробовать подпитывать его кровью. Первым моим донором стал он сам — из любопытства. Ему хотелось посмотреть, насколько при этом изменятся мои способности.

А они действительно изменились, — Джана мечтательно улыбнулась. — Возросли, так же, как и физическая выносливость, и привлекательность. Я заметила, что перестала стареть. Постепенно и я, и Джилейр научились не убивать во время таких ритуалов. Оказалось, достаточно научиться вытягивать и впитывать чужие силы, и лучшим способом сделать это стал секс. А кровь... кровь тоже требовалась, но реже — только тогда, когда мы чувствовали, что силы на исходе, что нам требуется нечто большее, чем питательный коктейль из чужих эмоций. Тогда мы с ним находили, так же, как и Кольер, кстати, молодую, сильную, полную жизни и упрямства жертву, одну на двоих. Чтобы усилить выход энергии, требовалось умерщвлять ее медленно, дать ей побороться, подсунуть ей надежду... постепенно мы научились длить агонию, выкачивая из нее все до последней капли.

Кинэн с любопытством следил за нами, мотая на ус и постепенно приспособившая наши практики к самому себе. Ему хотелось избавиться от дурацкого мелкого зверька, в которого он был вынужден обращаться время от времени, хотя бы для того, чтобы охотиться и пополнять силы. Он быстро научился приносить жертвы самому себе, оставаясь в человеческом облике. Поприсутствовав однажды во время ритуальных казней в Анг Мирте, он обнаружил, что может частично впитывать эманации толпы. Требовалось связать его облик и выброс энергии... это была моя идея — сделать из него Единого, привязать его к облику спасителя с помощью его образа, заключенного в ариад. Его ипостась, и без того созданная искусственно, стала меняться... Он пытался влиять на изменения, но увы, существо получилось не слишком эстетичное, — тут она печально улыбнулась. — Зато мощное. Фактически неуязвимое. Ему очень хотелось померяться силами со всеми вами, но мы считали, что ему не стоит раньше времени демонстрировать свои способности.

— Все это время вы были любовниками? — поинтересовался я с отвращением.

— А тебе какое дело? — огрызнулась она. — Завидуешь?

— Ему быстро надоедают женщины, — прокомментировал я. — Не верится, что он не выбросил тебя после первого использования.

— Не выбросил, — ответила она с вызовом. — Но потом, конечно, все равно остыл. Но вскоре я нашла способ развлечься. Вас, Вечных, если хоть немного знать — легко

соблазнить. Сила Вечного отличается от человеческой — энергии больше, приход сильнее. Хватает надолго. Нет необходимости людишек умерщвлять.

— И многих ты... обработала?

— Многих, — хмыкнула она. — Все вы рано или поздно сдаетесь. Даже ты, мнивший себя недотрогой и праведником, а по факту оказавшийся обычной самовлюбленной скотиной.

— И как Кинэн смотрел на твои... похождения?

— Веселился, — ответила она. — И копил бесценную информацию. О том же Анте например.

— Сколько управляющих образов вы сделали?

— Много, — она посмотрела на меня в упор. — Только толку от них... сил много отнимают, результат не всегда предсказуем. Получающий приказ интерпретирует его в силу своего понимания ситуации. Были случаи, когда результат оказывался далеким от желаемого. Управлять можно и без этих игрушек, если хорошо понимать людей — их мотивы, их желания...

— Где они? — перебил ее я.

— Хочешь уничтожить? Зачем? Сложный, неоднозначный инструмент. Или ты хочешь попользоваться ими сам?

— Не хочу, — отрезал я. — Более того, не хочу, чтобы кто-то другой даже пробовал.

— А вот на это не надейся, — заявила она. — Разумные существа всегда будут задаваться вопросом о справедливости. И о возмездии. Для кого-то вы — объект веры, а для кого-то — объект изучения. Мошка под микроскопом. А для кого-то — борьбы. Всегда найдутся те, кто захочет изменить существующий порядок вещей. Собственно, Нигейра мы притащили сюда именно ради этого, — она покосилась на поднявшего голову Шандра, но продолжила с насмешливой уверенностью, глядя мне в глаза. — Вы, Вечные, верите в свою неприкосновенность... а зря. Всегда будут те, кто не просто захочет — решится направить в небо стрелу Некроса, чтобы избавиться от несправедливости. Или отомстить. Или получить выгоду. И преуспеет, потому что обычные люди гораздо изобретательнее вас, старых коряг, застрявших в позапрошлом веке и не желающих понять, что меняющийся мир — это закономерность, а не досадная помеха вашей вольготной и безответственной жизни.

— Что ж, я не против, если речь идет о справедливости, — сказал я.

— То, что справедливо для тебя, может оказаться несовместимо с жизнью для других, — отрезала она.

Мне нечего было ей возразить, поэтому я сменил тему.

— Где Лануэль?

— В Анг Мирте. Вместе с Кэйном. Она верный и надежный союзник, не бросит его в трудную минуту.

— Никогда до конца не понимал, зачем ей было участвовать в вашем заговоре, — пробормотал я. — Кинэна и Вагабра могу понять, но ее...

— А ты думал, что она удовольствуется ролью домашней кошечки, милой, обаятельной и послушной воле старших? — неожиданно разъярилась Джана. — До чего ж ты самолюбивая и эгоистичная тварь... Она тебя любила, а ты... ты не захотел ее поддержать, помочь ей стать чем-то большим, чем ей было отведено.

— Как вам всем хочется стать чем-то большим... за счет других, — с отвращением бросил я. — Поделив и отобрав. За счет соседей. За счет чужой жизненной силы. За счет

денег любовников, присосавшись пиявкой. Почему не за счет собственных усилий? В итоге вы остаетесь ни с чем и выдумываете себе месть. Может быть, она действительно меня любила. Поначалу. Но свои амбиции она любила гораздо сильнее.

Джана долго и пристально вглядывалась в мое лицо, ожидая продолжения, но я не намерен был обсуждать с ней свою личную жизнь, даже ту, что закончилась пятьдесят лет назад.

— Да, случайные связи лучше, — наконец-то заявила она с безразличностью. — На то они и случайные, что душа не болит. Заботиться о любимом человеке не надо. А ты и не умеешь о других — ты только о себе любимом привык. Зачем тебе кто-то рядом? Одному легче, ведь так? Удобнее.

— Лучше уж одному, чем так, как ты, — бросил я. — Кстати, забыл спросить — в день, когда Рейнард натравливал Алекса на Рузанну, это ты его предупредила, что мы его нашли?

— Ну я, — согласилась она, опять покосившись на Шандра. — Жаль, что у него ничего не вышло. Кто ж знал, что эта ваша девка с Основы с ним увяжется...

— Хочешь еще что-то добавить? — процедил я, видя, как каменеет и без того малоподвижное лицо моего друга.

— А тебе мало? — съязвила она.

— Выведите ее во двор, — приказал я, окликнув стоявших на страже у входа Пауков и, взяв с подставки одну из сабель Шандра, направился за ними следом.

Там, в закрытом дворике, я велел Паукам отойти в сторону и поставил ее спиной к себе.

— Ты должна была умереть там, в очаге Лануэль, — сказал я отчетливо. — Но я облажался. Рука дрогнула.

— Теперь не дрогнет? — она хотела повернуться, но я тронул концом сабли ее шею, приказывая стоять смирно.

— У меня нет списка всех твоих преступлений, — продолжил я. — Но мне достаточно попытки организовать жертвоприношение, предательства и покушения на мою собственную жизнь. Надеюсь, твой брат проживет не дольше тебя.

Я размахнулся и отсек ей голову.

Глава 32. Прощание

— Я хочу показать тебе одно чудесное место, — сказала Юлька, твердо беря Реса за руку и заставляя оторваться от Зеркала. Она нашла его в здании Стражи, в комнате по соседству с кабинетом Шандра. Вид у него был ошалелый — похоже, он всю ночь просматривал Анг-миртские записи, а ближе к утру заснул прямо на пульте. Она знала, что завтра он собирается уходить в Анг Мирт, и ей не нравилось то лихорадочное нервное возбуждение, что нарастало в нем с каждым часом. Он устал и нервничал, пытаясь успеть везде.

Нервничали все. Наги и Пауки переоборудовали виммы и обучали добровольцев, техноасы Гевора строили временные укрепления по линии соприкосновения Граней, джмаровцы вместе с Нагами готовили и накапливали оружие. Если Ресу удастся подорвать размыкатели в крепости Кан, то все это не пригодится, но он боялся не успеть в срок, поэтому требовал, чтобы все были готовы по максимуму.

— Там очень красиво. И я точно знаю, что там ты никогда не был, — продолжила она. — Ничего нового про крепость Кан ты уже не узнаешь. Давай прогуляемся, — и она улыбнулась ему одной из своих самых очаровательных улыбок, надеясь хоть как-то отвлечь его от мыслей об Анг Мирте.

— Пожалуй, ты права, — пробормотал он со странным, отрешенным выражением лица. — Я это либо сделаю, либо нет, третьего не дано. Если нет — будем сражаться. Алекс предлагает самим атаковать крепость, когда образуется достаточный разрыв, но мы точно знаем из подслушанных у коменданта совещаний, что они предусмотрели такую возможность и отправляют за Грань далеко не все болиды. Крепость имеет оружие для защиты с воздуха, а открытое пространство перед крепостью хорошо простреливается.

— И что вы решили? — спросила она, потянув его на себя и тем самым заставляя подняться со стула. Он послушно встал и натянул куртку, на минуту задержавшись, чтобы поставить Зеркало в режим записи.

— Там видно будет, — ответил он рассеяно. — Есть несколько вариантов, посмотрим по ситуации. А что это за место, о котором ты говоришь?

— Иллирия, — улыбнулась Юлька.

— Ты уверена? — изумился он.

— Конечно. Пойдем.

— Давай только позавтракаем. Я уж и не помню, когда я последний раз ел, — печально усмехнулся он.

Когда они благополучно прошли через шеадари, ведущий на остров Элианны, Рес пришел в неопишное волнение.

— Он ведь не работал, — заявил он восторженным шепотом. — Вообще. А тут...

И он первым выскочил из шеадра, жадно оглядываясь по сторонам.

— К сожалению, к замку и к храму Элианны не подойти, — сказала Юлька, выходя следом за ним, беря его за руку и ведя по едва заметной тропинке, натопанной за последнее время ею самой. — Но их хорошо видно, и можно обойти вокруг и полюбоваться.

Она наведывалась сюда раз в несколько дней, чтобы хотя бы пару часов поваляться под солнышком. В Ар Иллиме тоже стояла зима, но по Юлькиным понятиям это было настоящее лето, только без изнуряющей жары. Вода в море, невероятно прозрачная, хорошо

прогревалась на мелководе, и если не было ветра, здесь вполне можно было комфортно купаться.

— А на крыльях ты здесь летала? — поинтересовался он, чуть ли не бегом таща ее за собой.

— Нет, сюда быстрее попасть через шеадры. И еще я не уверена, где окажусь, если подымусь выше. Вдруг я выйду из какого-нибудь защитного поля вокруг острова и не смогу попасть обратно в шеадр? Тогда придется лететь через океан, а я не знаю карты поверхности и какие острова рядом, — пояснила она.

— Разумно, — согласился он. — В таких случаях лучше не рисковать, места тут неизвестные. Вернее, давным-давно забытые... Никто из нас-Вечных здесь не был. Хотя... Наверно, Кольер мог тут бывать, он застал ее — прошлую Элианну.

Ни храм, ни замок по-прежнему не позволяли к себе приблизиться, но им хватало и видов. Сам остров был ошеломляюще прекрасен — дубы и каштаны, перемешанные с кипарисами и пиниями, давали удивительный, насыщенный дух; парк вокруг замка, давно превратившийся в лес, скрывал множество засыпанных опавшими листьями и увитых вьюнами статуй, беседок и павильонов. Юлька призналась Ресу, что боится в одиночку уходить далеко от храма, вглубь острова, чтобы не потеряться, и опасаясь животных, которые могут тут обитать.

— Я точно знаю, что если пройти вдоль берега вон в ту сторону, — она махнула рукой, показав направление, — там есть башня. Белая. Там берег высокий, она в море выдается, но вдоль моря не подойти — камни мешают.

— Давай попробуем через лес, — предложил он. — Сейчас я немного огляжусь...

Обернувшись Вороном, он медленно поднялся на уровень верхушек деревьев, сделал несколько кругов над замком, а потом направился туда, куда только что указывала Юлька. Через минуту она совсем потеряла его из виду. Оставшись в одиночестве, она неожиданно занервничала. Как этот странный остров отнесется к чужому Вечному воплощению? Она-то обычный человек, и была здесь уже неоднократно, можно сказать, они знакомы... А вдруг он Реса...выбросит, вытолкнет куда-нибудь в другое место?

К счастью, он быстро вернулся.

— Пойдем, тут недалеко, — с энтузиазмом сообщил он.

Может быть, напрямик по воздуху и недалеко, думала она ворчливо, плетясь в горку и едва поспевая за ним. А по земле так даже очень... Но результат того стоил — восьмиугольная башня, белокаменная, ажурная и изящная, построенная на выдающемся в море мысе, в отличие от других построек Иллирии, пустила внутрь их обоих. Там, внутри, она была абсолютно пустая, просторная и светлая, с огромными арочными окнами, наполовину застекленными, по обычаю всех земель, разноцветными витражами, отчего в огромных помещениях было уютно и радостно. С верхней площадки открывался фантастический вид на океан и на прибрежную полосу, частью покрытую большими серыми валунами, поросшими старыми, искривленными ветром соснами. С другой стороны берег был песчаный и пологий, с белым, мелким песочком.

— Не хочешь искупаться? — предложила Юлька, когда они досыта налюбовались видами.

Рес как-то странно посмотрел на нее, то ли растеряно, то ли печально.

— Не знаю, — ответил он, вдруг теряя свою ослепительную улыбку. — Наверно нет. А ты?

— А я тут постоянно купаюсь. Погода сегодня вроде подходящая, — она с наслаждением подняла голову к яркому голубому небу — солнышко пригревало не позимнему. — Только полотенца нет. Жаль...

Постояв еще немного, они неспешно направились обратно, стараясь держаться поближе к берегу. В конце концов, выйдя на песчаную полосу, Юлька скинула ботинки, подвернула брюки и залезла почти по колено в прохладную, но приятную телу воду.

— Юль, а как ты сюда попала? — спросил Рес, сделав то же самое. Теперь они неторопливо шли вдоль берега, время от времени перепрыгивая через частые и мелкие волны.

— Рейнард предложил проверить шеадари Элианны, — коротко пояснила она. — Он считал, что я — это она, но он ошибся. Статуэтка Элианны светится, возможно, она действительно скоро воплотится, но это точно не я, — Юлька рассмеялась. — Храм меня не пускает, сам видишь. А остров уже доступен. Надо пользоваться, пока хозяйка не пришла сюда и не прогнала посторонних вон.

— Думаешь, она прогонит? — улыбнулся Рес.

— Судя по тому, что я о ней читала и слышала — вполне.

— Ну, не все Элианны в нашей истории были такие, как последняя, — хмыкнул он. — А вообще, ты же знаешь — все зависит от человека. Не хочешь быть злобной ведьмой — просто не будь ей.

Оказавшись неподалеку от шеадра, они вопросительно посмотрели друг на друга.

— Жаль, что я не захватила полотенце, — вздохнула Юлька, с сожалением глядя на море. — И бутерброды. В следующий раз обязательно возьмем, — закончила она решительно. — Теперь я зверски хочу есть.

— Пойдем домой? — предложил он.

Но ей было жаль уходить, хотя она не могла не заметить, что настроение ее спутника резко переменялось. Он замолчал, уйдя в свои мысли и больше не радуясь красивому месту и почти не поддерживая ее веселую болтовню. Юлька забеспокоилась. Чем она могла его расстроить? Или она тут не при чем, просто он снова погрузился в беспокойство, связанное с нависающей над Ар Соль угрозой? Если так, то у нее осталось последнее средство, чтобы его отвлечь.

Когда они оказались перед дверью в шеадр, она остановилась перед ним и прямо, пристально посмотрела ему в глаза. Почему он так печален? Она уже решила открыто спросить его, но он в этот момент обнял ее за плечи и поцеловал. Он целовал ее долго — долго, не отрываясь, а у нее подкашивались ноги и колотилось сердце. Когда же у нее совсем кончилось дыхание, он оторвался от ее губ и положил ее голову себе на грудь.

— Я приму любой твой выбор, Юль. Любой...

— О чем ты? — растерялась она.

— Любой, слышишь? Приму и прощу, как бы ты не поступила, что бы ты ни сделала.

Она покачала головой, все еще не понимая.

— Я ничего не собираюсь делать, — сказала она растеряно.

— Не думай об этом, — он погладил ее по голове. — Просто знай. Я приму все, что ты решишь.

— Пойдем, — вздохнула она, окончательно расстроенная его печальным голосом и непонятными заявлениями. — Я знаю один очень миленький ресторанчик на Далирии, совсем недалеко от шеадра.

Глава 33. Крепость Кан

Обе крепости располагались в десятке хааров от Фрейфена, Шен — на западе, Кан — на востоке. Были и другие, но они нас не интересовали, поскольку находились вне аномальных зон и не имели вооружения, нацеленного на Ар Соль. Обе крепости представляли собой гигантские укрепленные сооружения, вписанные в рельеф местности так, чтобы служить продолжением естественных скал. По данным разведки, старейшая из всех крепостей, крепость Шен, специализировалась на выращивании нэргов и пожирателей грани. Там стоял всего один размыкатель — самый первый и наименее мощный, тот, что ранее был нацелен на Ар Хойт, а теперь перенастроен на Ар Элес, для создания общего хаоса и распыления наших сил. Я быстро, за одну ночь, справился с закладкой взрывателей, рассовав их по нужным точкам. Подрывать крепости требовалось одновременно, в одну и ту же ночь, чтобы не дать врагу опомниться и усилить охрану.

С крепостью Кан было сложнее. Огромное сооружение стояло на большом скальном массиве на границе аномальной зоны. Нижняя, естественная гранитная часть, изобиловала пещерами и внутренними галереями, там держали нэргов и пожирателей. Южная стена крепости краем задевала аномальное пространство, поэтому емкости-накопители нэргов, питающихся эманациями некроа, размещались именно там. Я наблюдал сверху, как их привозили из других мест в специальных стеклянных кубах и вываливали в хранилище. К ним относились как к неживым предметам, несмотря на то, что они шевелились, издавали высокие раздражающие звуки и все время норовили расползтись в разные стороны. Глядя на них, я пожалел, что мало времени уделил обычному пассивному наблюдению: так мы давно смогли бы наловить нэргов для своих экспериментов, разобравшись, как именно с ними обращаться.

Я почти не замечал воздействие аномальной зоны в вороновом облике, но в человеческом мне было неприятно: тяжелый, зловонный воздух не давал вдохнуть полной грудью, резкий, неестественно алый свет резал глаза, движения казались замедленными и давались словно бы через силу. Служащие крепости пересекали красную границу в специальных костюмах, главным элементом которого был шлем, уменьшающий давление и фильтрующий вонь. К счастью, мне спецкостюм был не нужен — все размыкатели и резак размещались на западной стене и красную зону не задевали. Две ночи подряд я затаскивал и размещал взрыватели, сначала — в небольшие незаметные углубления в стенах, потом, когда крепость уходила на ночной режим несения службы и на ее внутренней территории прекращались передвижения, переносил их через вентиляционные шахты или пожарные проходы к намеченным техноасами точкам подрыва. Надо сказать, никаких особенных мер безопасности от проникновения извне здесь не предпринимали: у них не было внешних врагов, а небольшие банды, разбойничающие между городами на пустошах, не могли причинить особого вреда такому монстру, как ощерившаяся оружием огромная крепость. Ночью крепость засыпала, наблюдение велось только по периметру и на внутренней открытой территории, с помощью камер, установленных на угловых башнях. Раз в два часа патруль из трех солдат обходил ее по стенам и визуально осматривал внутреннюю территорию.

Утром и днем я отсыпался во Фрейфене, в квартире у наших агентов, а после обеда прилетал на стены, садился на карниз крыши штаба, расположенного в центре просторного

внутреннего двора, и наблюдал за ее жизнью, радуясь, что до сих пор никто особо не обращал внимания на мелькающую то тут, то там черную птицу.

На третий день вся подготовительная работа была сделана, и теперь предстояла более простая, но не менее ответственная часть — активировать взрыватели.

Делать это приходилось руками. Когтями Ворона у меня получалось только раздвинуть взрыватель, но требовалось еще повернуть его половинки в разные стороны. В малом обличье на это не хватало сил, а в большом я моментально привлек бы внимание, да и не поместиться мне в тесных и замкнутых служебных помещениях. Мне требовались человеческие пальцы, поэтому придется все время менять облик. Чтобы не сильно бросаться в глаза, я раздобыл военную форму каждой из крепостей с отметками технической службы, а в крепости Кан я даже внешне походил на одного из местных техников. На это я и рассчитывал: если я и привлеку внимание, меня примут за своего.

Как только стемнело и в крепостях перешли на ночной режим несения службы, я, слегка волнуясь, начал операцию.

В крепости Шен взрыватели помещались в четырех точках внутри угловой башни, в которой располагался весь механизм. Основной блок размыкателя стоял на втором уровне, под ним находился генератор, а вот огромная вогнутая ячеистая полусфера — гиперболический облучатель, транслирующий сфокусированный поток, режущий грань, был смонтирован наверху стены. В принципе, без размыкающего устройства он ничего не значил, но я рассчитывал еще и на психологический эффект — исчезновение такой зрелищной громадины должно произвести сильное впечатление на противника. Однако именно ее было сложнее всего уничтожить — мне приходилось трансформироваться прямо на ее вогнутой поверхности и удерживаться, не скатываясь, хотя бы полминуты.

По плану, разработанному Гевором и его командой, я должен был двигаться снизу вверх, чтобы, когда я достигну крыши, возможные обломки и мусор, валяющиеся с боковых сторон, не падали мне на голову и я мог бы свободно улететь. К счастью, с крыши было легко попасть в здание, а Гевор опять снабдил меня универсальной отмычкой. Правда, приходилось прятать ее там, на крыше, на внешней части стены — от частых трансформаций она быстро превратилась бы в бессмысленный кусок металла.

Прилетев на крышу, я принял человеческий облик, спустился по лестнице, быстро оказался на втором уровне и, легко проникнув в помещение, активировал четыре взрывателя. Потом бегом бросился наверх, оставляя по одному из них на каждом лестничном пролете. Снова оказавшись на крыше, я стремительно трансформировался, влетел в полусферу, принял человеческий облик и, с трудом удерживаясь на ее поверхности, активировал два взрывателя, закрепленные в пазах между ячейками. Потом, уже чувствуя, как содрогается стена подо мною, опять перекинулся в Ворона и что есть силы рванул прочь.

Зрелище показалось мне до обидного скучным. Я ждал чего-то грандиозного, феерического, впечатляющего... А тут часть стены бесшумно исчезла, словно растаяла, оставив после себя облако медленно осевшей вниз пыли. Верхняя часть размыкателя стала проваливаться в образовавшееся пустое пространство, а потом, когда заложенный внутри взрывателей заряд наэра распространился на окружающую материю, так же рассыпалась в прах. Завыла сигнализация, включились прожекторы, на территорию крепости стали выскакивать солдаты и офицеры, а я, сделав один круг и убедившись, что от размыкателя не осталось даже руин, стремительно помчался к крепости Кан. Они, несомненно, скоро узнают о диверсии, и мне надо было начать вторую часть операции как можно скорее.

Начинать требовалось с резака, расположенного в конце западной стены. Его внешняя часть была так же, как и гиперболический облучатель установки-размыкателя, смонтирована на стене, а все механизмы помещались ниже. Три размыкателя — один за другим — находились на одинаковом расстоянии друг от друга, последний — рядом с крайней западной башней, очень близко к красной зоне. Порядок действий тут был совершенно иной из-за множества удаленных друг от друга точек подрыва, находившихся и наверху, и в подвалах крепости. Я начинал сверху, с антенны резака, потом нырял внутрь, активируя взрывы в управляющих механизмах, и выскакивал наружу, обернувшись вороном, через окно на лестнице в галерее-переходе вдоль стены, чтобы перенестись наверх, к антеннам, и опять спуститься вниз — механизмы второго и третьего размыкателя размещались на первом этаже и частично в подвале, поэтому мне нужно было дважды спускаться вниз и подниматься на крышу, чтобы ликвидировать антенны.

Даже погруженная в сон, крепость Кан и в этот раз впечатлила меня своей угрожающей мощью. Огромная, черная, с юга на нее падали алые сполохи аномального пространства, она казалась монолитом, естественным порождением этой суровой, недоброй земли. Облетев ее несколько раз по кругу и убедившись, что патрули закончили регулярный обход, я приземлился прямо на вогнутую поверхность антенны-ретранслятора, активировал спрятанные там взрыватели, спрыгнул, кинулся вниз, через технический люк, бегом по лестнице, к помещениям на первом этаже и в подвале. Запустив процесс, я выскочил через дверь, быстро огляделся, трансформировался, взмыл на антенну и повторил свой путь сверху вниз. Находясь внутри, я не видел, что происходит с соседним сектором, но судя по едва заметному подрагиванию стен, процесс разрушения уже шел, бесшумно, а в темноте ночи — еще и малозаметно.

По-прежнему стремительно я кинул два взрывателя на первом этаже и нырнул в подвал, где размещалась часть блоков первого по счету размыкателя, самого мощного из всех. Добравшись до трех спрятанных в разных местах взрывателей, я активировал их и бросился вверх по лестнице, планируя выскочить на плац и сразу же нырнуть в соседнюю дверь, расположенную в десятке метров от этой. Даже если меня заметят, мне больше не придется появляться на открытом внутреннем пространстве плаца, только когда я закончу подрыв последнего размыкателя и сразу же обернусь. Все внимание людей будет приковано к уже разрушенным объектам, что-то будет исчезать прямо у них на их глазах, и даже если меня отследят наверху, на крыше между антеннами, то качественно прицелиться не успеют.

Одолевая последние лестничные пролеты, я поднял голову и с ужасом увидел, что перекрытия над моей головой стремительно исчезают. Почему так быстро? Период распространения наэра взрывателей этой емкости был около пяти-шести минут, я прекрасно укладывался, тратя несколько секунд на активацию каждого, и еще минуту — на обратный подъем. Разрушения уже должны были захватить антенну-излучатель и часть верхнего этажа, но первый этаж все еще должен был оставаться сохранным, так же, как и подвальные помещения. Слишком рано... Почему волна наэра вдруг покатила быстрее? Неожиданно все окружающее пространство вспыхнуло и засветилось, завывли сирены аварийного оповещения, омерзительно запахло плавящимся пластиком...

Я рванул изо всех сил и с трудом успел выскочить на плац, едва не задохнувшись от задымления и вони, и в панике огляделся, не понимая, почему возник пожар и где горит. Пламя вырывалось из окон второго уровня соседнего уцелевшего участка стены, что остался неразрушенным между блоком резака и блоком размыкателя, а кусок стены прямо передо

мною стремительно таял, опережая расчетную скорость и площадь охвата. Я метнулся к соседнему подъезду, за дверью которого находился следующий размыкатель, и уже почти достиг его, когда плац ярко осветился прожекторами, и я вдруг понял, что нахожусь под их ослепительными лучами, а дверь подъезда распахнулась и прямо на меня выскочили два солдата с оружием наизготовку. Срочно обернуться и прочь отсюда! Доделаю оставшееся завтра, сейчас здесь слишком опасно...

Но я не успел. Скорее всего, охрана заметила меня еще раньше, как только я выскочил из дверей и когда растерянно озирался по сторонам, потеряв несколько драгоценных мгновений. Две стрелы одновременно пригвоздили меня к плацу — одна воткнулась в бедро, другая — в плечо. Мельком я увидел рядом с собой солдат, свистнул шок-бич — раз, другой, я содрогнулся от адской боли, сотрясшей все тело, и потерял сознание.

Глава 34. Исповедь

— Как же так получилось? — спросила иссиня-бледная от расстройства Ширин, выслушав доклад Шандра.

— Это я вас хотел спросить, — бросил тот с яростью. — Почему мы ничего не знаем про кумулятивный эффект Некроса?

— Потому что вы никогда не имели дело с такими взрывателями, — отрезала она, бросив острый, словно наговский клинок, взгляд в сторону Саши. — Потому что они восемьсот лет пролежали в закоулках Награ. Надо было сначала прийти ко мне. Ко мне! — рявкнула она. — Исследовать, а не расшвыривать их, как гранаты, в разные стороны. При превышении критической массы наэр покатылся по всем пустотам и проводам, увеличивая скорость и площадь разрушений, и сожрал материю в два раза быстрее.

— Мы боялись пожара на генераторных станциях под размыкателями, — пробормотал Гевор. — Но по всем расчетам наэр должен был их уничтожить раньше возможного возгорания. Рессер считал, что успеет выскочить при любом развитии событий.

— Что в итоге? — Ширин вопросительно посмотрела на Шандра, который выглядел полностью раздавленным.

— Эгри-резак и два размыкателя разрушены до основания. Два — не пострадали. Их генераторы автономны, как только восстановят коммуникации, они заработают. Вторжение отложили на два дня, надеются восстановить резак, на него возлагались большие надежды. Их техники считают, что при таких объемах разрушения быстро его не восстановишь, даже имея под рукою все комплектующие. А их нет. Кинэн в ярости. Он даже облик принял, прямо в крепости, когда узнал, что случилось. Это произвело на гарнизон не меньшее впечатление, чем катастрофа, — мрачно усмехнулся Шандр.

— Мы готовы к вторжению, — подал голос Саша.

Ширин смерила его убийственным, полным раздражения взглядом.

— Итак, ты отбил атаку. Перебил все болиды, раскрошил нэргов и пожирателей в труху. Что с Гранью? — она перевела взгляд на Шандра. — Что говорят специалисты?

— Земли действительно могут слиться, если образуется сплошной разрыв по площади соприкосновения, — подтвердил Глава Пауков.

— Или не слиться, — буркнул Гевор. — Или произойдет замещение Мааром в том месте, где пройдет разрыв. Говорили тебе — никто не знает, — рыкнул он. — Прецедентов не было. Есть только догадки да исследования, проведенные на локальных разрывах.

— Что говорят Горностаи? Кроме детей Ворона, исследованиями Грани занимались они, — продолжила Ширин требовательно.

— Ты доверяешь Горностоям? — язвительно осведомился Гевор. — Мы захватили немало сторонников Кинэна, в том числе и из Коллегиума, но специалистов по пространству среди них не было.

— Обычно разрыв затягивается, — вмешался Шандр. — Какое-то время на границе держится аномальная зона пространственного хаоса. По сути, она возникает каждый раз во время атаки нэргов. Меняется сила тяжести, температура, состав и плотность воздуха, затрудняется движение, искажается взаимодействие с традиционными стихиями...

— А теперь объясни мне, как вы это все собираетесь останавливать, — Ширин откинулась назад в кресле, в упор глядя на Шандра.

— Так же, как во время обычной атаки, — он отвел взгляд.

— Главная цель — продержаться до того момента, когда у Анг Мирта иссякнут ресурсы, — поддержал его Саша. — Мы сформировали подразделения воздушной и наземной защиты, от гранеедов, от воздушных болидов, от наземных войск. Гвардия Пауков, имеющая наибольший опыт уничтожения нэргов в аномальной зоне разрыва, создаст защитный заслон. Наги возьмут на себя воздушный и наземный бой, при поддержке той части Гвардии, которая не будет задействована в зоне разрыва...

— Вы продержались, — властно перебила его Ширин. — Войска противника разбиты и отступили назад к крепостям. В зоне разрыва ни одного нэрга, ни одного живого анг-миртовца. Что дальше?

— Я понял, к чему ты ведешь, — проворчал Гевор. — Что будет с Гранью.

— Именно.

— Я тебе уже ответил, — голос Гевора Крейга отчетливо напоминал звериный рык. — Мы не знаем. Возможно, если Рессер в тот момент будет хотя бы жив, Грань начнет понемногу восстанавливаться.

— Я и пытаюсь заставить вас перестать говорить о второстепенном, — проворчала она. — О нэргах, болидах и ваших готовых к бою войсках. И перейти к главному. Разрыв Грани такого масштаба без живого, дееспособного Ворона не восстановится.

Шандр уронил голову на руки.

— Нет, — подтвердил он хриплым шепотом.

— Что можно с этим сделать?

— Ничего.

— Ты уверен?

— Мы с утра это обсуждаем, — прорычал Гевор. — Нам его не вытащить. У нас, как ты знаешь, нет живой агентуры, только зеркала. Мы можем наблюдать, как сейчас, но не можем вмешаться.

— Я считаю, можно атаковать крепость Кан, — заговорил Саша. — Этот вариант мы неоднократно обсуждали с Рессером. Зайти на виммах, воспользоваться взрывателями некреса как бомбами. Там, в Нагре, есть стержни бОльшей емкости. Нескольких точных попаданий хватит, чтобы снести с лица земли эту чертову крепость.

— Атаковать ты ее сможешь только после разрыва Грани, — напомнил Гевор раздраженно.

— Почему мы не можем поставить шеадр и открыть путь прямо к стенам крепости Кан? Или даже в саму крепость?

— Тебе объясняли, — рявкнул Гевор. — Шеадр ставят с двух сторон, а не с одной. Грузовой, как ты хочешь, займет двое суток, это если пренебречь техникой безопасности и не выдерживать положенные 12 часов после фиксации ариадов. Выйдя на ту сторону, надо сразу же монтировать вторую часть. А где ты ее там поставишь? В чистом поле? Под огнем противника?

— За скалами, вне прямой видимости из крепости. Ночью. Быстро, — настаивал Саша.

— Знаток, — проворчала Ширин с досадой. — Это тебе не дырку в стене просверлить. Площадь портала должна быть больше виммы в два раза. Это даже я, неспециалист, знаю. Не выйдет быстро, к сожалению.

— Не выйдет, — подтвердил Шандр. — Мы с Амиромуже пять раз просчитывали все до минуты. 30 часов на монтаж и настройку с одной стороны, затем строительство

оборонительного вала в аномальной зоне, под огнем противника без возможности отступить, с одновременной атакой на крепость. С их стороны хватит одного прицельного удара размыкателем, чтобы все закончилось, не начавшись — снесет и кусок Грани и всех, кто окажется в зоне поражения.

Саша упрямо сжал губы, сдерживая рвущееся несогласие.

— Вы знаете, где его держат? — спросила Ширин внезапно севшим голосом.

— В тюрьме, под штабом, — ответил Шандр. — Мы по-прежнему наблюдаем за зам. коменданта через Зеркало. Единственный реальный вариант — ждать, пока они нападут сами, и атаковать крепость во время сражения.

— Значит, шанс есть?

Шандр молчал.

— Только в том случае, если на момент вторжения Рессер будет еще жив, — ответил за него Гевор.

— У вас есть сомнения?

Шандр кивнул.

— Почему?

— Шейла, что ты хочешь от нас услышать? — взорвался Гевор.

— Правду.

— Чтобы вы кого-нибудь из нас убили в приступе ярости? — неожиданно съязвил Саша.

— Памятливый, — прошипела Ширин. — Какого черта вы послали его на смерть с плохо проверенным оружием в руках? Почему нельзя было сразу сделать ставку на атаку на крепость?

— Это была его собственная идея, — возразил Гевор, а Саша лишь скрипнул зубами.

— Я с себя вины не снимаю, — ответил он.

— А вы и обрадовались, — продолжила она с яростным отчаянием. — Что кто-то готов рискнуть... Всегда готовы поддержать... самоубийцу.

В комнате воцарилось тяжелое молчание.

— Он сможет выбраться... сам? Обернуться?

— Он ранен, — ответил Шандр. — Не смертельно, но неприятно. И...он в руках у Кинэна.

Я открыл глаза и уставился на серый пластиковый потолок. Где я? Ах да, в камере где-то в крепости Кан. Я вспомнил, как позорно, бездарно попался. До сих пор не могу понять, почему куски стены стали рушиться раньше, чем мы рассчитывали. Такой красивый, хорошо продуманный план где-то содержал ошибку, возможно, одну-единственную, зато фатальную. Жаль... Что ж, риск все равно был. Увы.

Медленно и осторожно я сел на койке, стараясь дышать глубоко и ровно и не делать резких движений. Меня избили шок-бичами до потери сознания, но кажется, ничего не сломано, я могу двигаться, несмотря на простреленные ногу и плечо. Хорошо бы понять, где именно я нахожусь. Я напрягся, вспоминая выученный за последние несколько дней чертеж крепости. Окон тут, естественно, нет. Камеры заключенных, если мне не изменяет память, находятся на подземном этаже северной стены. Неудобно... Ничего, вырвусь, если смогу сменить облик, хотя переть по коридору в вороновом облике ужасно неудобно: двери придется вышибать телом или фэйром, вместе с косяками, на что сил хватит. И делать это надо как можно скорее, пока не начали допрашивать, кто я и откуда. При худшем развитии

событий можно выдать легенду, которая озадачит руководство крепости и подставит одного из местных лидеров партии войны, но лучше до этого не доводить. В человеческом облике лучше с ними вообще не встречаться.

Осмотревшись, я обнаружил в камере раковину и туалет, а под самым потолком — широкий вентиляционный раструб, из которого ощутимо тянуло сыростью, металлом и гарью от пожара. Возможно, в образе вороненка я смогу проскочить по вентиляционным каналам. Решетку можно скovyрнуть клювом, если увеличиться настолько, насколько позволит камера, ну а дальше я куда-нибудь, да выберусь.

Напившись и умывшись, я разорвал наволочку на полосы и перетянул простреленные плечо и ногу. Ничего, главное сейчас — обернуться хотя бы раз, дальше оно легче пойдет.

Сосредоточившись на кончиках пальцев, я дождался отклика, убеждаясь, что трансформация с трудом, но начинается. Тело била нервная дрожь, волны ледяного холода судорогой прокатывались по мышцам, но очертания пальцев расплылись и почернели, послушно превращаясь в перья. Как назло, в этот момент лязгнула входная дверь, и я поспешно сбросил трансформацию.

— На выход, — охранник для острастки продемонстрировал мне включенный шок-бич. Я послушно поднялся с кровати, прикидываясь более слабым, чем на самом деле, и хромая, потащился за ним. Мы шли по коридорам, я озирался и отставал, держа в памяти план крепости, охранник нервничал, торопя меня и угрожающе поднимая бич. Войдя в помещение, расположенное по моим догадкам точно под северо-западной башней, я вздрогнул — прямо напротив входа, в кресле за кривоватым металлическим столом в немом изумлении на меня уставился Кинэн.

Что ж, этого я тоже... ожидал. Но готов не был. Я надеялся, что столкнусь с зам. коменданта и повожу его за нос, намекая на свою связь с оппозицией и с одной важной шишкой из партии войны, о котором я все время слышал, читая отчеты и просматривая записи с Зеркал. Сидящий передо мной Кинэн всем своим видом рассеивал последние сомнения, подтверждая слова Ваэля — ставка на военное вторжение при поддержке местных сторонников экспансии делалась всерьез.

Кинэн был одет в местную военную форму без знаков отличия — темно-серую, приталенную, с множеством карманов. Выглядел он в ней неузнаваемо и нелепо, слишком уж юным было его лицо и телосложение, словно мальчишка решил поиграть в войну. Любопытно, как же он общается с местными, в таком виде его трудно принимать всерьез... Хотя я уже знал ответ — с анг миртовцами имели дело его внушительные, солидные помощники. Увидев меня, он, не скрывая изумления, вскочил с кресла.

— Ты??? Так это был ты?

— Что, не ожидал? — ворчливо бросил я, ища, куда сесть. Бегло оглядев помещение, я понял, что оно мне категорически не нравится. Страх и паника захлестнули меня, тошнотворные и удушливые, и какое-то время я старался не поворачиваться к Кинэну лицом. Не факт, что я выйду отсюда на своих ногах. Эх, надо было все-таки обернуться там, в камере, напугать охранника и переть напролом, не на крыльях, так на лапах, пуская в ход клюв, когти и сам впечатляющий воронов внешний вид. Авось вырвался бы.

Растерянно он осмотрел меня с головы до ног. Да, зрелище я представлял весьма жалкое: одежда разорвана шок-бичами, губы разбиты и опухли, ссадины на лице и руках, синие кровоподтеки по всему телу... С диверсантами не церемонятся.

— Что это было? Чем ты взрывал стены? От них же ничего не осталось, даже

обломков, — на его озадаченном лице отразилась лихорадочная работа мысли, потом он радостно заявил. — Наэром! А я-то ломал голову, как можно буквально испарить такие огромные площади металла и камня, откуда взялась эта невообразимая технология... Хвала Маару, все так просто... Всего лишь ты.

— О, я рад, что облегчил тебе ношу, — усмехнулся я, наконец-то найдя не прикрученный к полу стул. Поставив его напротив Кинэна спинкой вперед, я сел и оперся на нее, сложив руки. Ответный взгляд Кинэна был полон удивления и опаски.

— А ты не боишься, что я тебя убью?

— Даже не знаю, — ответил я искренне. — Я, в общем-то, готов и умереть. Но, как понимаешь, я бы еще пожил. Сколько получится.

Он поймал мой взгляд, и я понял, что он все еще не оправился от изумления и растерянности.

— Знаешь, я иногда мечтал, что тебя убиваю, — признался он неожиданно. — Мечтал о благородном поединке, который выиграю. Тренировался с мечами. Когда обрел новый облик, тренировал прыжки, чтобы зацепить именно тебя, потому что понимал — рано или поздно мы с тобой столкнемся. Помнишь, ты видел в Шеннон Аре, как я тренируюсь? Я тебе тогда даже достал, — кривая улыбка появилась на его лице и исчезла. — Тогда я так этим гордился, хотя понимал, что вряд ли я причинил тебе вред, даже небольшой. Потом, когда у нас появился Алекс, я понял, что гораздо проще натравить его на тебя, чем сражаться самому.

— Алекс оказался вам не по зубам, — констатировал я. — Вообще, идея с управлением сознанием Вечных была провальная. Большинство из нас быстро разобрались бы, что к чему, и как с этим бороться. Скажи, зачем ты вообще все это затеял? Только, чтобы вырасти самому и изменить свой Вечный облик?

Он долго молчал, словно сомневаясь, стоит ли начинать откровенный разговор, но потом, подняв на меня серьезный, удивительно сосредоточенный взгляд, заговорил негромким, задумчивым голосом.

— Ты никогда не задавал себе вопрос, почему божество выбрало именно тебя?

Я пожал плечами.

— Поначалу — да. Потом стало некогда, а позже — привык.

— А я все время ломал голову, почему я и почему именно Кинэн. Знаешь, кем я хотел быть в детстве?

— Нигейром? — предположил я. Все мальчишки лет до десяти повально об этом мечтают. Нигейра нет — вернее, до сих пор не было, и каждый из них надеялся, что однажды древняя силаизберет именно его.

— Я родился и вырос в Западном Ферте, — сказал он с печальной, ностальгической улыбкой. — В том маленьком городке, что лежит на юго-востоке от Западной башни. Помнишь его название?

— Аррем, — кивнул я. — Я понял тебя. Можешь не продолжать.

— Всегда завидовал твоей памяти, — вздохнул он. — Я часто видел Анта в небе и всегда провожал его взглядом. У нас его боялись, а я не понимал, почему. Я мечтал стать Вороном. Ну хотя бы научиться летать, но в школе Крылатых я потерпел поражение. Я так и не полетел, хотя пытался несколько лет. Какое разочарование... — он горько усмехнулся. — Потом моя семья переехала в Рузанну. Повзрослев, я, конечно же, избавился от детских хотелок, зато стал интересоваться законами пространства. Пространственная математика

давалась мне легко, словно это были стишки, а не сложнейшая дисциплина. Меня еще тогда волновала тема, почему наши миры до сих пор разделены Граниями, почему мы — не единое пространство, а какие-то нелепые осколки земель, ведь по сути мы — одно целое. Объяснение про катастрофу двенадцатитысячелетней давности меня не устраивало. Что мешает мирам воссоединиться?

— Все ученые-пространственники через это проходят, — кивнул я, выслушав его внимательно и сочувственно. — Сложный вопрос, на который, как ты сам заметил, до сих пор нет однозначного ответа.

— Я поступил в Рузаннский университет, — продолжил Кинэн, печально усмехнувшись. — На факультет пространственных взаимодействий, и закончил первые два курса в один год. Я и думать забыл о Вечных, разве что, живя в Рузанне, все время слышишь о Вагабре и о Ревале. Меня мучил вопрос, почему наша наука о пространстве стоит на месте уже столько времени. Почему ничего не меняется? Мы пользуемся готовыми технологиями, возраст которых — не одно тысячелетие. Вот решетка с микроядерными процессорами, вот кристаллы высокой частоты, вот справочники преломлений по землям, приборы для определения координат в любой точке миров... Вот чертеж шеадра, строй не хочу. Почему мы не идем дальше?

— Кто сказал, что не идем? — перебил его я. — Мы давно готовы изменить и упростить действующую конструкцию шеадра, сделав его небольшим, компактным, стабильным, менее подверженным разрушениям и перекосам от внешних природных явлений. Фактически, это позволит открывать двери-пороги в любой дом.

— Почему же ты молчишь?

— Разве я молчу? — рассмеялся я. — Это общее дело. Все мы должны принять решение, но, как ты знаешь, среди Вечных нет единства. Когда я заговариваю об этом, Реваль, или Ширин, или Вагабр начинают противиться из страха, что мы не сможем контролировать миграцию населения. Если передвижения между мирами будут настолько легки, что мы потеряем контроль над доменами. Страх хаоса, страх утраты контроля не дает им сделать шаг вперед.

— Тогда почему не обратиться к тем, кто тебя поддержит? Молодое поколение совсем по — другому смотрит на этот вопрос, — возмутился он.

— Проще постепенно заменять старые шеадры на новые. Вышел старый шеадр из строя, разобрали, закрыли проход, дали Грани устояться, потом поставили новый, — проворчал я. — Что мы и делаем понемногу в последнее время. Без пафосных криков о спасении мира и техническом прогрессе. Кстати, мы прекрасно научились определять и неизвестные преломления, и рассчитывать координаты без приборов. Сами. У меня в сейфе лежат шесть проектов по шести пограничным мирам, вычисленным нашими Следопытами. Не спрашивай меня, почему я молчу.

— Боишься, — бросил Кинэн.

— Боюсь, — согласился я. — Опять же, это общее дело. Когда я столкнулся с первыми нэргами, я очень тщательно изучил историю Анг Мирта. Я не хочу, чтобы со следующим открытым нами миром произошло то же самое.

— Не только, — возразил он холодно. — Тебе мешает Ворон. Тебе, Рессеру Райзу, мешает та тварь, что сидит в тебе.

Я промолчал. Об этом я тоже думал, и не раз.

— Любой новый внешний мир — это угроза, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза

с неприкрытым осуждением. — Угроза дестабилизации, угроза благополучию, угроза установившемуся равновесию и порядку. А Ворону это не нужно. Та идея защиты, что воплощена в нем, включается с максимальной силой, борясь со всеми изменениями, угрожающими стабильности, не позволяя даже идеям нарушать статус-кво. Теперь ты понимаешь, почему нашему миру так нужен Завоеватель?

Я опять промолчал. Он прав, и я это знал. Возразить было нечем.

— Жаль, что ты этого не понимаешь... — в его голосе зазвучало презрение. — Мир нуждается в защите, а не в опеке. Ребенок вырастет инфантилом, если над ним все время трястись. Нам нужны потрясения, чтобы двигаться вперед, иначе мы зачахнем.

— Не потрясения, — возразил я. — А стимул к развитию.

Кинэн хмыкнул, оставив мою поправку без ответа.

— Так вот, возвращаясь к тому юнцу, который так не вовремя стал божеством, — с горечью продолжил он. — Тогда, на первом курсе, у меня была гипотеза... Знаешь, я в ней до сих пор убежден. Я попытался ее проверить, и как раз тогда меня шарахнуло перерождением.

Я был шокирован. Мне только что стукнуло 18 лет! Какой из меня Вечный... Но я решил, что это к лучшему. Теперь у меня имелось все, чтобы продолжить эксперименты с Гранью. Я был уверен, что причина разделенности миров — Маар, что во время раскола земель некрос — нежизнь выделился в отдельное пространство, в отдельный слой, и именно он не дает нашим мирам ни слиться в одно целое, ни распасться совсем. Я подозревал, что наше мироздание устроено не по принципу пчелиных сот, как заявляет официальная наука, а на самом деле все мы граничим с Мааром. Что, проходя через шеадр, ты идешь не из одной земли в другую, пересекая всего лишь одну вуаль Грани, а сначала попадаешь в Маар, буквально на мгновение, и сквозь Маар ты перемещаешься в другую землю. Шеадр — это не проход-порог, это мостик или тоннель.

Я кивнул, соглашаясь. Мысль о "тоннельности" шеадра уже не раз приходила мне в голову, об этом говорили кое-какие показатели, которые мы замеряли при смещении и перекосе решеток, да и собственных наблюдений, накопленных во время стягивания, восстановления Грани после разрывов, хватало.

— Но проверить гипотезу можно было только построив прямой переход в Маар. Считается, что живое тело не может там находиться. Маар-Некрос — это иное состояние материи, но я, став Вечным, решил, что у меня есть шанс. Я построил... устройство. И стал его испытывать. В общем, ты видел, как оно работает. Ты только что уничтожил несколько таких устройств.

— Так ты доказал свою теорию? — нетерпеливо перебил я, заинтересовавшись его исследованиями.

— Убедительных доказательств я не получил, к сожалению, — вздохнул он. — Мы создавали точки входа, но удерживаться в них мог только я сам, обычные люди теряли сознание или вовсе гибли. Но косвенных подтверждений накопилось достаточно. Очень быстро я перенес эксперименты в Анг Мирт. У моего предшественника-Горностая давно был налажен с ними контакт, и поначалу я просто экспериментировал в Ар Хойте, замеряя показатели и исследуя все, что с этим связано. Оченьгодились нэрги — они расширяли пространство разрыва, позволяя мне задерживаться в прорехе между мирами и замерять показатели. Как ты думаешь, почему Грань в месте разрыва так похожа на пространство Маара? Именно поэтому. Две витасферы соединяются вместе, создавая мост через изнанку,

но изнанка миров все равно через них сквозит — она его окружает. И да, есть риск, что если держать окно открытым очень долго, Некрос прорвется в наш мир, сожрав мост.

— Значит, Маар, — кивнул я. — Что дальше?

— Я теоретик, — отрезал Кинэн. — Я скорее сумасшедший ученый, из тех, что пытаюсь изобрести велосипед, изобретают атомную бомбу. Мне нужен был практик, кто-то, кто мог бы воплотить в жизнь те идеи, что приходили мне в голову. Я хотел работать вместе с тобой. Я долго следил за тобой, когда ты появился, изучал твое прошлое. Убедившись, что ты ничем не похож на Анта, я попытался наладить с тобой контакт. Но ты... ты считал меня пустышкой. Все мои усилия по установлению отношений пропали всуе.

Я попытался вспомнить или хотя бы понять, что именно он имел в виду. Нет, не помню. Вряд ли можно считать попытками установить отношения те странные встречи, дурацкие многозначительные разговоры и глупые полудетские шутки, постоянно ставившие меня в тупик. Да, общение с людьми никогда не было сильной стороной Кинэна Кэйна, избалованного ребенка-вундеркинда, слишком рано получившего божественную силу.

— Я долго надеялся, что мы найдем общий язык и сможем работать вместе. Но нет. Ты всегда предпочитал Гевора, хотя наш союз был бы более результативным. Но ты... ты смотрел свысока, считая меня то ли капризным ребенком, то ли мелкой зверушкой. Поначалу я пытался хоть чем-то тебя заинтересовать. Потом злился. Потом ненавидел и завидовал. Видишь, я ничего не скрываю... — усмехнулся он с сарказмом, через который сквозила искренняя печаль. — Потом решил, что мне проще избавиться от тебя и вычислить нового Ворона.

— Как ты его вычислишь? — удивился я.

— А как мы вычислили Алекса? — парировал Кинэн. — Хотя... все было очень неоднозначно. Ты знаешь, что когда мы задали вопрос Зеркалу, кто может стать Нигейром, мы получили восемь кандидатов?

— Сколько? — изумился я.

— Да, восемь. Пятеро из них находились здесь, в Солнечных Землях. Мы наблюдали за ними несколько лет, но... ни один из них не стал Нигейром. Мы следили за статуэткой из коллекции Кольера, но Змей так и не засветился. Тогда мы притащили сюда первого мужика со Старой Земли, который казался нам идеальным воплощением Нигейра. Американец, успешный в своем мире конструктор оружия. Мы инсценировали несчастный случай, заверив его, что в своем мире он умер, и что возврат невозможен. Я оставил его у себя в Ледере, заявив, что нам очень нужны его мозги. Поначалу он с любопытством и удовольствием работал, а потом стал спиваться. Кончилось все гибелью в пьяной драке с каким-то вервом.

— А статуэтка? — заинтересованно спросил я.

— Поначалу стала немного тлеть, но затем быстро потухла. С Алексом мы решили поступить по-другому. Мы задумали создать такие условия, чтобы ему было ради кого в нашем мире жить. Ты, кстати, когда-нибудь спал с райзе?

Я удивился скачку его мысли.

— С райзе — нет, причем тут это?

— У самок райзе существует одна очень интересная особенность — притягательный для людей запах во время течки. У Эрлен есть целый отряд модификантов, которых она использует для совращения. Поэтому именно райзе получила задание влюбить будущего Змея в себя и привести в Ар Соль. Они должны были немного поскитаться по землям, он бы

считал, что защищает ее, а она бы охраняла его от действительно серьезных проблем. Но вышло немного не так... Там, на острове, где был Порог, та девушка, Юля, первая пересекла его, причем совершенно случайно, а следом за ней — и остальные, и райзе пришлось идти с ними. С феромонами у нее было все в порядке, а вот с мозгами — не очень. Она запаниковала, попытавшись убрать "хвост" по дороге. Убить Румянцева, обернувшись райзе, убить Юлию, заманив ее в храм Эрлен и одурманив ядом. Не вышло, хвала богам. Одновременно с их появлением засветилась статуэтка Нигейра, и мы поняли, что попали в цель. В дальнейшем Кольер предложил дать Алексу Легарот, и мы все убедились, что Нигейр таки выбрал себе носителя.

— Что же по-твоему движет богом, когда он выбирает себе тело? — напомнил я вопрос, с которого начался наш долгий разговор-исповедь.

— Поначалу я был уверен, что это знания или навыки в профильной сфере. Но нет... Ты хорошо понимаешь, что такое Вечный? Что представляет собой эта странная сущность, которая вселяется в людей, наделяет их силой, делает могущественным и почти бессмертными?

— Существо из Маара? Не мертвый и не живой?

— Может быть и так, — пробормотал он. — Но это не существо. Это идея. Идея в чистом виде. И она ищет сродство. Духовное сродство с возможным носителем ипостаси. В нем должен гореть тот же самый огонь. Ворон-защитник. Кинэн — генератор идей. Гевор-прогресс. Нигейр — Завоеватель. Даллах — дающий жизнь и целитель. Вагабр — порядок. И так далее...

Я прикрыл глаза. Да, это лучшее объяснение, которое я когда-либо встречал.

— Как же ты вычислишь нового Ворона? — спросил я его после длинной паузы.

— Я буду искать человека, для которого идея защищать дороже, чем собственная жизнь, — пояснил он.

— Вряд ли это будет заметно поначалу, — пробормотал я в задумчивости. — Скорее оно начнет проявляться, когда молодой Ворон войдет в силу.

— Даже тогда будет не поздно, — парировал Кинэн. — Но давай теперь поговорим о тебе. Видишь, я был с тобой откровенен. Теперь твоя очередь.

— Что именно тебя интересует? — усмехнулся я.

— Должен признать, что ваш план по разрушению размыкателей Грани был хорош, и он почти удался, — сказал он задумчиво. — Почти. Поскольку при тебе ничего не было, я хотел бы знать, где остальные заряды, которыми ты собирался подорвать уцелевшие размыкатели.

Я пожал плечами.

— Забудь о них. Я здесь и уже ничего не подорву.

Кинэн покачал головой.

— Ты раздражил мое любопытство. Очень хочется посмотреть. Сашок их сам сделал или в Нагре нашел?

— Какая разница? — усмехнулся я. — Но ты прав, это оружие сделано руками Нагов.

— Себе хочу, — заявил он. — Так где оно?

Я выразительно посмотрел ему в глаза.

— Обойдешься.

— У вас есть агентурная сеть в Анг Мирте?

— Нет, — почти честно ответил я. — Мы зашли сюда недавно. Просто не успели.

— Не может быть, — хмыкнул он. — Ты слишком хорошо знаком с планом крепостей.

Без агентуры это невозможно.

— Ну почему же? Я давно тут летаю. Иногда даже — с визором.

Он молча покачал головой.

— Почему я тебе не верю?

— Ты же сам только что изложил причины. Я тебя раздражаю одним своим существованием. А еще тем, что вовремя не потрафил твоей мании величия.

— В общем-то, я и не думал, что ты добровольно что-то скажешь, — пробормотал он. — Как тебе нравится идея занять место Вейдра?

— Совсем не нравится, — ответил я, холодея и уже с трудом подавляя очередную волну паники. Эх, дурак я, дурак...

Я заставил себя прямо посмотреть Кинэну в глаза и даже изобразить насмешку:

— Но ты особо не надейся, я не Вейдр. Своих не сдам.

— А это мы посмотрим, — злорадно ухмыльнулся он.

Глава 35. Место в бою

Все эти дни Юлька разрывалась между университетом, Нуэйном и Наган-Кархом. Она заявила, что будет участвовать в сражении, с такой безапелляционной решительностью, что перед ней спасовали все, даже Ширин, которой сразу же нажаловался глава самандангской школы Джмар, не в силах поставить на место талантливую и строптивую ученицу. Юлька знала, что он советовался с Ширин, что с ней делать, и в результате получил обескураживающий ответ — пусть девушка поступает, как хочет. Она продолжала заряжать стрелы Некроса, отдавая результат то Саше, то Ресу — в зависимости от того, с кем виделась. Когда же Саша сообщил ей, что вторжение все-таки состоится, она потребовала, чтобы тот прикомандировал ее или к своим нагам, или к Паукам, в качестве технической поддержки. Саша растерялся от ее напора, обещав посоветоваться с Шандром, но ответа до сих пор не дал.

Вечером, когда она уже собиралась ложиться спать, в дверь постучали. С некоторых пор она стала опасаться неожиданных гостей, но она каждый день ожидала возвращения Реса, поэтому кинулась к двери, не раздумывая. И отшатнулась — на пороге стоял Румянцев, на поясе которого висели иглопал и короткий шамальский кинжал. Она мгновенно сдернула с крюка для одежды висящий там парализ, из которого по ближней цели было сложно промахнуться, и выставив его вперед и нацелив ему в грудь, очень неприветливо спросила:

— Что тебе надо?

Он озадаченно уставился на оружие.

— Ты действительно выстрелишь? — удивился он.

— Забыл Рейнарда? Без малейшей жалости, — подтвердила она. — Спасибо вам, научили.

— Юль, я хочу поговорить, — попросил он миролюбиво. — Впусти меня, пожалуйста.

Она внимательно в него взгляделась: Румянцев был хмур и сосредоточен, но что-то жалкое, просительное в его глазах заставило ее посторониться и пропустить его в комнату. Он мельком оглядел ее маленькую спальню с традиционно низкой шамальской кроватью, устланной подушками и покрытой плотным узорчатым покрывалом, изящным столиком на гнутых ножках, на котором стояла маленькая аэр-плитка для чая и кофе, и широким, грубым деревянным столом, заваленном книгами и большими разноцветными тетрадами с записями. Для остальных вещей у нее имелась просторная встроенная кладовка. Юлька очень любила свою комнату, несмотря на ее крохотность и простоту, но разместить гостя ей всегда было негде. Она подождала, какие действия предпримет он сам, но он неловко топтался у входа, и она решительно указала ему на стул у стола — садись, мол. Он пододвинул его поближе, покосился на плитку со стеклянным чайничком, но Юлька хладнокровно проигнорировала его намек, — вздохнул и пристально посмотрел ей в глаза.

— Вы проиграете, — начал он неожиданно. — Шансов у вас, конечно, много, но в итоге вы все равно проиграете.

— Почему? — нахмурилась она.

— Разрыв Грани. Даже если вы уничтожите войска, разрыв останется, земли соединятся, и с Анг Мирта на Ирнан хлынет толпа обычных людей-переселенцев.

— Она восстановится, — возразила Юлька.

— Без Ворона — не скоро. А если постоянно поддерживать текущее состояние, время

от времени выпуска гранеедов, то земли в итоге станут единым целым.

— Или их пожрет Маар, — вспомнила Юлька объяснения Реса. — Пограничные территории вдоль Грани.

— Или так, — кивнул он. — Но вероятность слияния гораздо выше. Кроме того, Кинэн планирует подорвать пару шеадров в Ирнанае для дестабилизации обстановки, и чтобы затруднить вам перемещение войск. И еще — он выйдет против вас сам. Лично. Его вечный облик растёт с каждым днем, и будет расти дальше. Ни один из Вечных не сможет ему противостоять. Даже Сашка.

Юлька слушала его хмуро и сосредоточенно, внимательно вглядываясь в его лицо.

— Ты пришел меня запугивать? — с отвращением поинтересовалась она. — Ну, допустим я испугалась. Что дальше?

— Ты можешь избежать всего этого.

Она молча ждала продолжения, не задавая вопроса.

— Я знаю, что ты меня не любишь, — вдруг заявил он печально. — Мне надо было быть решительнее когда-то... В общем, я всегда думал, что у меня нет шансов. Сейчас я хочу предложить тебе защиту. Я не знаю, любишь ли ты Сашку, раньше ты вроде бы была в него влюблена...

— Я давно излечилась от этой любви, — отрезала она. — Он сам постарался.

— Ну вот, тем лучше. Джилейр считает, что ты — наша будущая Элианна. Может быть, так даже лучше — ну, то, что ты меня не любишь... Когда ты войдешь в силу, тебе не придется мною жертвовать — ни отвергать, ни предавать. А так я буду рядом. Смогу защитить тебя от всех — и от интереса Кинэна, и от мести Сашки, если тот вдруг обозлится, что ты ушла к нам, — он говорил, нервно потирая руки, ерзая на стуле и стараясь не смотреть ей в лицо, а потом вдруг поднял на нее глаза, несчастные, умоляющие. — Я... мне все равно, что у тебя с кем было. Любовь — странная штука, оказывается... Я понял, что я многое могу простить, лишь бы... ты была рядом.

Потрясенная Юлька онемела. Меньше всего она ожидала от Румянцева подобных откровений. Задумавшись, она вспомнила их долгую, как она считала, дружбу еще до пересечения грани, его теплое и заботливое отношение вплоть до последних дней, до его пленения в Анг Мирте. Вернулся он уже другим — более язвительным, отстраненным, более одержимым, чем раньше...

— И как ты это себе представляешь? — спросила она настороженно, на всякий случай отыскав глазами парализ, лежавший на краю кровати. Она умышленно оставила оружие в пределах досягаемости: даже после этого откровенного признания доверять ему у нее больше не было оснований.

— Я увезу тебя в одно из наших укрытий, — продолжил он. — До него они не доберутся. Потом, когда все катаклизмы пройдут и ситуация урегулируется, мы сможем открыто жить вместе.

Юлька содрогнулась от такой перспективы, но сумела сохранить бесстрастное выражение лица и неподвижность позы.

— Подожди, я что-то не поняла... Почему это вы Хэйгена списали со счетов?

— А ты не в курсе? — удивился он. — Странно... Он попался во время подрыва крепости. Угрохал половину размыкателей и резак. Возник пожар, сработала сигнализация, и его подстрелили. Кэйн теперь его в живых точно не оставит. Выжмет информацию и скорее всего принесет себе в жертву. Выброс силы от него будет очень мощный, это к

гадалке не ходи, Кэйн ее впитает перед боем. Так что можешь передать Сашке, чтоб они его не ждали и на него не рассчитывали.

Юлька потрясенно молчала. Нет. Он врет. Он специально врет, чтобы запугать ее, заставить добровольно броситься к нему за защитой. Но ведь Рес до сих пор не вернулся... и если бы у него все получилось, вторжения бы не было. А Саша подтвердил, что оно состоится. Значит, Румянцев говорит... правду?

Острая, яростная, невыносимая ненависть нахлынула на нее. Задыхаясь, она схватила парализ и махнула им в сторону двери.

— Убирайся отсюда. Живо. Или я тебя сейчас сама пристрелю и принесу кому-нибудь в жертву. Себе, например. Или Шандру сдам. Если то, что ты мне сказал — правда, он тебя на куски порежет. Умолять будешь, чтобы он остановился.

Он поднялся неловко и растеряно.

— Я хотел тебе помочь, — сказал он с неожиданным отчаянием. — Что с тобой будет, ты же совершенно беззащитна...

— Ненавижу, — выкрикнула Юлька. — Как я вас всех ненавижу... — и она прицелилась ему в грудь, собираясь выстрелить. Он опрометью бросился к двери, выскочил, и, отбежав на некоторое расстояние от двери, остановился и сказал:

— Может, ты все-таки подумаешь? Я найду тебя через несколько дней, давай обсудим все еще раз!

Она нажала на курок. Заряд парализа просвистел у него над головой — она не целилась, просто отвела душу...

— Сумасшедшая, — бросил он в сердцах и скрылся во дворе дормитория.

Ночью она так и не заснула, перебирая в голове все, что сказал ей Румянцев, а утром отправилась к Шандру. Он был не один: неожиданно в большом кресле напротив его стола обнаружилась закутанная в пушистую белую шаль Ширин. Юлька никогда еще не видела эту энергичную, сдержанную и в целом жизнерадостную женщину бледной, печальной и изможденной.

— Завтракала? — коротко спросил ее Шандр. Юлька кивнула, но он все равно распорядился насчет кофе. Глотнув горячего бодрящего напитка, она с удивлением обнаружила, что кофе у Шандра не местный, а земной, горчащий. Контрабандный.

Выслушав ее рассказ о встрече с Румянцевым, он схватился за голову.

— Подрывы шеадров! Этого нам только не хватало... Демоны Маара, и охрану-то не поставишь, их тысячи, шеадров, по всей Ар Соль.

— Мастера шеадров в боевых действиях участвовать не будут, — успокоила его Ширин. — Настрой все свободные Зеркала на наблюдение за центральными шеадрами. Предупреди всех до единого мастеров Стражи, чтобы были готовы.

— Можно частично снять наблюдение с Основы и переключить его на внутренние участки. Мы все время ждали опасности с ее стороны, но она пришла изнутри, — усмехнулся он, набирая номер Амира. Изложив ситуацию, он услышал в ответ очередную порцию проклятий и обещание подумать над вариантами защиты. — Проклятие, как плохо без Рессера... Он всегда мог найти какое-нибудь решение, пусть и не сразу.

Ширин болезненно поджала губы

— А что с Кинэном-то делать... — продолжил он с отчаянием. — Гигантская опасная тварь, Рес с ним не справился даже в большом облике... А Алекс молод и неопытен, у него

пока не достанет ни сил, ни умения. Нам нечего ему противопоставить.

— И Рейнард, и Румянцев говорили, что Вечного можно уничтожить, если всадить в него несколько стрел стазиса и некроса. Носителя ипостаси это убьет, а если что, можно ему потом и голову отрубить, чтоб наверняка, — вспомнила Юлька. — Что, если его утыкать этими стрелами, как ежика? Наверняка же они как-то на него повлияют, замедлят, хотя бы... Отпилим ему голову, потом разрубим на много-много частей и сожжем останки.

Ширин неожиданно рассмеялась.

— Если только он не нарастит броню, что было бы логично. Но твое предложение мне нравится.

— И мне, — кровожадно добавил Шандр.

— Мне кажется, участвовать должны все, — продолжила Юлька, воодушевляясь. — Все Вечные. Каждый по-своему силен. Ведь даже Альсар, наверно, что-то может, ведь так?

— Может, — энергично кивнула Ширин. — Он же эгри-фэйр, в облике Феникса, если он на эмоциях, поджечь может одним прикосновением крыла. Он стар и опытен, и давно уже таких фокусов не выкидывает, но мочь — может, да еще как. Помню, как он как-то по молодости дом очередной пассии подпалил. Решил ее, значит, проведать, а у нее — другой. Он обернулся прямо в доме и из окна вылетел, полыхая, да крылом занавески задел...

— Вот пусть он шкуру этой твари подпалит!

Шандр сардонически усмехнулся.

— На самом деле ты абсолютно права, — сказала Ширин. — Мы все должны защищать свою землю. Это общее дело. Я поговорю... с оставшимися. Думаю, возражений не будет.

Юлька повернулась к Шандру.

— Определи мне место в бою, — сказала она твердо. — А то Саша все тянет и тянет...

— Решай сама, — ответила вместо Шандра Ширин. — Мы разделимся. Мои ассасины будут вместе с наземной гвардией ноа. Часть специалистов школы Джмар — с Пауками, часть — с Нагами.

— А какие у кого задачи?

— У Пауков — нэрги, гранееды, воздушная защита от болидов, — пояснил Шандр. — Часть ноа — атака на крепость Кан, уничтожение пехоты и всего, что движется по земле. Уничтожение авиации противника вместе с Пауками. Если ты планируешь участвовать в зарядке стрел и концентраторов, то тебе скорее к нагам.

Юлька кивнула.

— Ты уверена, что хочешь... там быть? — спросил он с неожиданной болью. — Может... не стоит? Если ты погибнешь, в этом мире станет на одного замечательного человека меньше.

— Мы сюда попали из-за вашего заговора, — сказала она. — В котором Кинэн — один из главных. Я хочу вернуть должок.

Глава 36. В тупике

Я с трудом пережил возвращение к реальности. Проклятая память услужливо подбрасывала эпизоды вчерашних — а может и более ранних издевательств, отчего я закрипел зубами от унижения. Постепенно приходила боль, судорогой скручивая простреленную ногу и плечо, невыносимо терзая исхлестанные до лохмотьев спину и грудь. Я стал искать такую позу, чтобы хоть как-то ее уменьшить. Думать о чем-то другом было сложно.

Когда принесли еду, я силой заставил себя подняться и поесть. Труднее всего после пробуждения было бороться с апатией и отчаянием. Кормили тут сносно, без изысков, но голодом не морили. Надо есть. Еда — это энергия, возможность держаться хоть как-то в ожидании либо счастливого случая, либо позорного конца. Каким бы он ни был, я должен стоять вертикально и двигаться сам. Я не знаю, когда мне подвернется шанс вырваться, и подвернется ли он вообще, но я должен быть готов им воспользоваться. В любой момент. Хоть как-нибудь.

Обернуться... Нет, теперь уже никак. Это стало навязчивой идеей, но каждый раз, когда я пытался заставить себя трансформироваться, боль становилась настолько невыносимой, что я вырубался и не сразу приходил в себя.

Я потерял счет времени. Сколько прошло — сутки, двое, больше? Если считать наши с Кинэном встречи, то сегодня шел четвертый день моего позорного пленения. Дознаватели крепости виртуозно владели шок-бичами и прочими методами допроса, и я мгновенно оказался на месте Вейдра, только мои палачи были весьма искусны и опытны, и их не мучили угрызения совести. Я терял сознание и приходил в себя от ведра воды на голову или от укола стимулятора, чтобы снова провалиться в боль, но разговаривать с психопатом, жрущим страдание, больше не собирался. Кинэн брызгал истерикой, проклинал меня, обвиняя во всех смертных грехах, а когда я надолго выпадал из реальности, требовал от дознавателей продолжения допроса. В минуты собственного просветления я замечал, как его трясет от возбуждения, как он заговаривается и задыхается, а по телу в этот момент пробегают судороги спонтанной трансформации. Несколько раз он выскакивал из помещения и возвращался через пять-десять минут с мокрой головой, успокоившийся, но еще более злой.

Поев, я почувствовал небольшой прилив сил и немного согрелся. Кое-как скрючившись на боку, я завернулся в одеяло и снова принялся оценивать свое печальное положение. Какие у меня шансы вырваться? Я сильно сомневался, что Кинэн захочет обменять меня на нечто ценное для себя, сейчас он уверен в грядущей победе и рассчитывает взять все необходимое сам. Живой и полностью покорный Ворон ему нужнее: с аномалиями Грани шутки плохи, да и если задуманное им слияние земель пойдет не так, как он рассчитывает, кто-то должен будет хотя бы попытаться восстановить равновесие. За избавление от боли я, пожалуй, могу на многое согласиться. А значит, какой-то шанс выжить у меня есть. Другое дело, что он скорее всего не даст мне очухаться настолько, чтобы я смог сменить облик, а следовательно, истязания будут продолжаться, ровно настолько, чтобы не дать мне умереть.

Вскоре за мной снова пришли, но я по крайней мере смог подняться сам. Мне в общем-то было уже плевать на гордость и на все прочее, но идти самому было легче.

Кинэн ждал меня, уплетая нечто, похожее на пирожное. Оглядев меня злорадно-

довольным взглядом, он приказал подвесить меня за руки на специально смонтированную раму для допросов.

— Завтра ты сдохнешь, — заявил он, поудобнее усаживаясь за стол в дальнем углу комнаты, в большое кожаное кресло с высокой спинкой. — Знаешь, как?

Я молчал.

— Тебя казнят, как преступника, на глазах у жителей Фрейфена. Вся ваша агентура это увидит.

— Я же тебе говорил, что ее нет, — выдавил я через силу.

— И все твоё окружение узнает об этом.

— Не узнает.

— Вы же как-то связываетесь? Или через визор, или через Зеркало. Я бы на твоём месте велел поставить на себя Зеркало, чтобы мои помощники и союзники были в курсе, что происходит, и получили дополнительную информацию, — прокомментировал он. — Это вполне разумная временная мера, хоть и ведёт к лишению приватности. Не верю, что ты этого не сделал.

— Нет, не сделал, — ответил я. — Зачем? И так все будет понятно — либо я преуспею, либо нет.

— Значит, все-таки агентура в крепости, — удовлетворенно кивнул он.

— Нет.

— Думаешь, я тебе поверю?

— Мне плевать, — огрызнулся я. Он сделал знак своим палачам, и те со знанием дела принялись за свою работу. Я уже давно не геройствовал — мне было все равно, что он про меня думал. Кричать было легче. Я понимал, что таким образом насыщаю его, питая своей болью и кровью этот странный концентратор под названием "душа Вечного", но перестать не мог.

— Ты сдохнешь, — продолжил он, трясясь от очередной порции этого жуткого энергетического коктейля, когда я затих. — Но не просто так. Я принесу тебя себе в жертву. Весь выброс силы, что даст твоя душа, уйдет мне. А потом... потом я сожру твой образ в Мааре.

— Подавишься, — бросил я, и мстительно добавил. — Тебе это не поможет.

— Почему?

— Наши отобьются, — заявил я. — Что бы вы не делали. Алекс силен. Он уже силен. Вам не удалось сделать из него мерзавца, он будет защищать свою новую родину до последнего. Ваши ресурсы просто кончатся.

Он натянуто, искусственно рассмеялся.

— А вот тут нам поможет моя новая ипостась, — пояснил он самодовольно. — Переварив тебя, я удвою свое личное могущество и обрету способность расти. Я сожру всех, кто попытается выйти против меня. Даже Вечных.

— Всех не получится, — прошептал я, понимая, что его расчеты и его бахвальство не лишены основания. С моей смертью он усилится, и может быть, действительно сможет увеличить ипостась до размеров Ворона, если поглотит его маар-облик. Демоны Маара, он был в очередной раз прав, этот завистливый гаденыш — надо было поставить на самого себя Зеркало, чтобы наши меня отслеживали. Тогда они бы уже знали о его планах, а значит, попытались бы подготовиться.

— Завтра одновременно с началом вторжения начнется казнь, и ты станешь ее частью.

Представляешь, какой от тебя будет выброс силы? — он явно наслаждался ситуацией. — Да он и сейчас неплохой...

— Обожрешься — лопнешь, — огрызнулся я, но он лишь язвительно улыбнулся.

— Знаешь, что я сделаю, когда вернусь в Ар Соль? Найду эту строптивую девчонку со Старой Земли, подружку твою. Люблю строптивых. Они горячие...

Он ведь может. Тварь, тварь... Я судорожно дернулся, охнув от боли, и Кинэн в очередной раз едва не поплыл, с трудом удерживая человеческий облик.

— Не найдешь, — бросил я сквозь зубы. — Она в ближайшее время переродится в Элианну, и первое, что она сделает, это оторвет тебе твой дряблый коротенький конец. Вилкой, — я неожиданно вспомнил Юлькино единственное оружие во время плена в Рувике и рассмеялся.

— Ты веришь гипотезе Рейнарда? — Кинэн поморщился. — Это было всего лишь предположение.

— Я был с ней на Иллирии, — прошептал я. — Почти у самого храма. Она готова, осталось немного. Как только ты меня прикончишь, ты завершишь ее путь, и она воплотится. Маар-пробой у нее будет посильнее, чем у Ширин. А потом они объединятся с Алексом против тебя. Так что жди.

— Ну-ну, — хмыкнул он, но видно было, что я не на шутку задел его. — Верь и надейся. Кстати, с тобой тут кое-кто поговорить хотел, — он встал, бросив моим палачам, — приведите его в приличный вид, чтобы дама не испугалась, — и вышел из помещения.

Меня облили водой, заставили надеть такую же, как у Кинэна, куртку, и сесть на стул. Я уже знал, кого увижу, но задавать вопрос "почему" мне давно расхотелось.

Лани вошла и остановилась, разглядывая меня. Да уж, зрелище было... далеко не такое приятное, как раньше. Я заметил, как ее лицо скривилось от жалости и сочувствия, и испытал раздражение. Возможно, она не лицемерила. Но я был уверен: она могла помочь мне. Но не помогла. Значит, говорить нам не о чем.

— Мне очень жаль, — начала она сочувственно. — Но ты сам во всем виноват. Ты мог бы изменить свою судьбу.

Я вопросительно поднял бровь.

— Тебе не раз предлагали сотрудничество. Но ты все время считал себя умнее, сильнее, значительнее... правильнее других. И доигрался.

— Я и сейчас так считаю, — ответил я, вложив в голос максимально возможное презрение.

— Ты проиграл и умрешь, — сказала она с пафосом книжной злодейки, но в голосе ее читалось удивление и неуверенность.

— Ну и что? — хмыкнул я. — Я прожил долгую и насыщенную жизнь. Мне хватило. Все мы когда-нибудь умрем, рано или поздно.

— Ты мог бы... — начала она, но я так брезгливо поморщился, что она замолчала.

— Не в вашей компании, — пояснил я. — Среди вас слишком много... существ с комплексом неполноценности. Мне вас сложно понять. Тебя, например — с какой стати тебе вдруг захотелось мне мстить? И это после полусотни лет абсолютно нормальных, пусть и не близких, отношений?

— Я не мстила, — ответила она печально. — Даже не думала об этом. Я хотела... как лучше. Надеюсь, что может быть... можно что-то... вернуть. Если у нас будет общая цель...

Я окинул равнодушным взглядом ее эффектную фигуру и покачал головой.

— Ты выбрала очень неудачный способ. Кстати, зачем тебе вообще была нужна эта встреча? — поинтересовался я, чувствуя, что попытки сидеть прямо и вообще выглядеть независимо и невозмутимо отняли у меня слишком много сил.

— Я хотела попроситься, — сказала она несчастным голосом.

— Прощай, — бросил я, закрыв глаза. Видеть ее больше не хотелось. Она подошла ко мне и наклонилась, пытаясь поцеловать, но я отстранился, почти отталкивая ее.

— Прощай, — сказала она, отступая назад. Затем я услышал, как за ней закрылась дверь. Через какое-то время вернулся Кинэн.

— Ты, кстати, знаешь схему расположения ваших защитных групп? — спросил он, усаживаясь в свое кресло. — Сколько у вас людей? Сколько техники, где она?

Я пожал плечами.

— Планами защиты занимались Алекс и Шандр, — и это опять была правда, хоть и неполная. — Я в них не вникал. К тому же, я давно здесь. Текущего положения дел не знаю.

— Врешь, — раздраженно гаркнул он. — Не можешь не знать. Ты всегда совал свой нос во все, до чего мог дотянуться. Добавьте ему, — бросил он экзекуторам.

Сквозь пелену боли я видел, как он наблюдает за мной, впитывая весь тот дикий коктейль эмоций, что смешивался сейчас в этой комнате и эффективно накачивается силой, делавшей его неуправляемым. Наши, конечно, знают, что он не преминет появиться на поле боя, но, к сожалению, они даже не представляют, с чем могут столкнуться... А я не могу никого предупредить. Тупик, полный тупик. Я не могу вырваться отсюда, я не могу предупредить друзей и хоть как-то повлиять на ход событий. Моя смерть только усилит врага... Наилучший выход — сдохнуть сейчас от пыток, и поскорее, чтобы больше не кормить собою эту дьявольскую тварь. Так ведь и сдохнуть не могу — не дадут. Будут держать еле живым, чтоб использовать, как батарейку...

Что же делать-то, а...

В конце концов я потерял сознание.

Глава 37. Вторжение

Эту тревожную ночь перед вторжением Юлька провела в Наган Кархе, беспокойно ворочаясь в постели и изредка просыпаясь от странных, тяжелых и муторных снов, полных бескрайних черно-красных равнин и агрессивных тварей. В какой-то момент, вскочив посреди ночи, она засомневалось в правильности своего решения. Какой толк от нее, молодой бестолковой женщины, на поле боя? Будет путаться у всех под ногами, отвлекая и отнимая драгоценные мгновения... А если ее ранят или вовсе убьют? "Ну и пусть убьют, — подумала она мрачно. — Конец сомнениям и страхам", — и тут она сразу же почувствовала, что умирать ей ни капли не хочется. Но отступать было поздно: то качество характера, которое она и ее близкие считали упрямством, но которое на самом деле было стойкостью и упорством и не давало ей отчаяться, свернуть с выбранного пути, и которое изредка толкало ее на казавшиеся безумными поступки, включилось сейчас с удвоенной силой. "Поздно что-то менять, — решила она. — Будь что будет"

Благодаря слежке за зам. коменданта они знали время начала вторжения: размыкатели должны были ударить в четыре утра. И действительно, несколькими минутами позже в крепости раздался сигнал, оповестивший нагов о первом разрыве Грани. Еще через какое-то время с Сашей связался Шандр и сообщил, что пространственные координаты разрыва соответствуют предполагавшимся — две крайние точки по границе соприкосновения Ар Ирнана и Анг Мирта. Триады ноа на боевых и транспортных виммах одна за другой уходили в черное зимнее небо, и Юлька провожала их тревожным взглядом, напряженно ожидая своей очереди, вместе со элементалами школы Джмар. Саша обернулся Змеем и золотым пятном ушел одним из первых.

Для тыловых и вспомогательных групп был выстроен и замаскирован углубленный в землю бункер, но работы для Юльки пока не было, и она выбралась на крышу, жадно глотая холодный влажный воздух и беспокойно озираясь по сторонам. Когда-то в Ар Хойте она уже видела разрыв Грани — огненно-красную, словно сполох, вертикальную щель между мирами, расползающуюся под напором неуклюжих, но шустрых шестипалых нэргов-клякс и таких же, но огромных и медлительных гранеедов, но то, что происходило сейчас на ее глазах, потрясло воображение. Когда они оказались на месте, небо в двух местах, справа и слева, рассекали две огромные алые трещины, из которых, как лавина тараканов, валили нэрги, а бесформенные серые туши гранеедов громоздились друг на друге, выгрызая узкий проем. Съеденная ими реальность — припорошенная снегом пустошь, по которой здесь и там были разбросаны огромные валуны, наливалась пламенно-алым, дрожащие между двумя крайними разрывами заросли кустарника медленно растворялись, словно кто-то неторопливо отодвигал огромную занавесь, а вместо нее маленькими частями проступали черные и серые скалы, грязно-алое небо и очертания гигантской крепости где-то вдалеке. Картина была настолько невероятная, что Юльке стало жутко: перед ее глазами неотвратимо оживал сценарий какого-то фантастического фильма, причем фантазия автора этого кино была гораздо богаче всего, виденного ею ранее на экране.

С другой стороны — со стороны Реарских гор — медленно разгорался холодный, золотисто-розовый нежный рассвет.

Из красной прорехи растревоженным пчелиным роем сыпались болиды, проскакивали кусок пространства над пустошью и схлестывались с виммами. Один из совместных отрядов

Пауков и нагов должен был уйти и атаковать крепость, но когда болиды прорвались на территорию Ирнана, завязался отчаянный воздушный бой. Юлька неожиданно осознала, что бункер находится не так уж далеко от места сражения; очень быстро маневры авиации противника стали добираться и сюда.

Гранееды и нэрги продолжали течь какой-то нескончаемой волной, и Юлька видела, как наги перестраиваются, приходя на помощь Паукам, которых физически не хватило бы, чтобы остановить эту лавину. С той стороны стала прорываться пехота, пешая и на самоходных транспортах, похожих на открытые БТРы, но Крылатые и виммы пока что успешно отбрасывали их за границу разрыва, не давая продвинуться по территории Ирнана.

Юлька следила глазами за Сашей, золотая шкура которого быстро потемнела, и он черной молнией мелькал то тут, то там. Зрелище было фантастическое и грозное, и она испытывала за него гордость, словно сама, своими руками, сотворила это совершенное и могущественное создание. Еще она неожиданно обнаружила в небе Феникса, который тоже являл собою нереальное, феерическое зрелище: небольшая, по сравнению с теми же Змеем и Вороном, но очень подвижная, гибкая и юркая птица, пылающая всеми оттенками желтого, от бледно-золотого до густо-оранжевого, он перечеркивал небо огненными полосами, набрасываясь на противника. Он сосредоточился на особо крупных тварях — наглых гранеедах: снижался над ними, касался крылом, и они вспыхивали, словно факелы, и через какое-то время взрывались, разлетаясь горящими ошметками и поджигая других очутившихся поблизости гранеедов. Летучая мышь, непривычно большая для своего обычно скромного облика, выцеливала пехоту, расправляясь с солдатами, и пикировала на головы водителям машин; в аномальной зоне разрыва Грани она, в отличие от остальных, чувствовала себя легко и уверенно, и могла залететь туда дальше всех. Феникс тоже не боялся пересекать разорванную Грань, но задерживался там недолго: судя по тому, что его свечение в тех краях постепенно затухало, зона разрыва истощала его силы, и ему приходилось выскакивать обратно, чтобы восстановиться.

Белый олень врезался в гущу пехотинцев, с разбегу грудью опрокидывая машины тяжестью своего тела. Зубр, надвигавшийся на противника с медлительной неотвратимостью, напоминал танк. Эрлен предпочла сражаться с нэргами в человеческом облике. Юлька увидела, что она прекрасно орудует закаленной нигийской саблей, кроша и нечисть, и подвернувшихся под руку пеших. Где-то вдалеке мелькал белый леопард, но отсюда она не смогла разглядеть, чем именно он занят.

Через какое-то время небо расплосовало еще двумя прорехами — э то размыкатели сменили координаты, кроша следующий кусок пространства. А потом на поле появилось... нечто.

Юлька узнала существо, несколько раз являвшееся ей в ночных кошмарах.

Оно было в точности такое же, только во много раз больше. Оно двигалось резче, быстрее и казалось отвратительнее и гораздо опаснее. От него шарахнулись в стороны бесстрашные Пауки и хладнокровные наги. Казалось, от его шагов содрогалась сама земля...

Над ним сразу же возникла Ширин, покружила и точным, молниеносным движением кинулась ему на голову, метя в глаза. Тварь попыталась отшвырнуть ее хвостом, но она ловко увернулась, отошла назад и снова кинулась в атаку, успешно зацепив и расплосовав ухо. Следом за ней на чудище спикировал феникс. Юлька в очередной раз восхитилась отвагой этого Вечного, который, как она слышала, и вовсе был чужд боевым искусствам и всему, что связано с войной и насилием, но который отважно кидался в самую гущу боя. Ей страстно

хотелось, чтобы он поджег злобную тварь, но та внимательно отслеживала его атаки и удачно увертывалась от пылающих огнем крыльев. Потом она увидела оленя, который храбро бросился на чудище рогами и успешно боднул его в бок, но тварь опять удачно махнула и отбилась хвостом, отшвыривая оленя далеко в сторону.

Юлька с напряжением ждала, когда появится Змей. Неожиданно она осознала, что давно не видела его в небе, ни там, где валили нэрги и Грань продолжала рваться, ни в тех местах, где ее уже не было и где свои и вражеские силы активно сталкивались и уничтожали друг друга.

Тут ее позвали: принесли первую порцию стрел, и она спустилась вниз, приступив к своим обязанностям.

Глава 38. Казнь

— На выход, — скомандовал охранник, и я послушно поднялся с койки. Тело слушалось плохо, каждое движение становилось отдельной пыткой. Интересно, если я сейчас лягу и откажусь шевелиться, что они со мной сделают? Вероятно, погрузят в машину, а там, на площади, вышвырнут тело к подножию обелиска Единому и закончат свою грязную работу. Что ж, за последнюю бессонную ночь у меня появилась одна вялая и жалкая, но все же рабочая мысль.

— У меня есть одна маленькая просьба, — заговорил я со старательным, вымученным обаянием и убедительностью, на которые только был способен в этот момент. — Я бы не хотел свалиться в обморок перед толпой, да и вообще хотел бы... держаться достойно. — Можно сделать мне укол стимулятора или обезболивающего, чтобы хватило хотя бы на пару часов? До казни?

Охранник посмотрел на меня с уважением.

— Я спрошу, — кивнул он и ушел. Еще ночью мне пришло в голову, что он однозначно не станет обращаться к Кинэну, хотя бы потому, что того уже не будет в крепости. Скорее всего, он пойдет или к надзирателю, или к тому же зам. коменданта, который время от времени заглядывал ко мне и проверял, жив ли я вообще. Я считал, что шансы на положительное решение у меня достаточно высоки. Через какое-то время он вернулся и отвел меня в местный медпункт.

— Даже не пытайся сбежать, — ворчливо прокомментировал врач, всаживая мне в вену тяжелый шприц. — Поймают, но не пристрелят — даже не надейся на легкую смерть. На кусочки порежут. Живьем. И медленно.

Я молча кивнул. Лишь бы подействовало, хотя бы ненадолго.

Ехали в крытой машине, без окон, я — в наручниках. Добравшись до Фрейфена, пересели в лифт и долго поднимались вверх. В конце концов вышли на террасе, и я сразу же узнал площадь — ту самую, где я когда-то наблюдал за подобной казнью и после которой на время потерял личность. Где-то в этот момент я понял, что чувствую себя лучше, но голова от сильных наркотиков потяжелела и стала мутной и сонной.

Оказалось, что казнь уже началась, и когда меня втолкнули в клетку с остальными, первому из жертв уже зачитывали приговор. По дороге я вертел головой, высматривая среди надзирателей и толпы Кинэна или Лануэль. Ему необязательно тут присутствовать, у него есть ариад с образом, связывающий его и Единого, он получит всю эту силу — и мою, и других казнимых, и эмоции толпы. Я боялся, что кто-нибудь из них окажется здесь, на площади, и сможет каким-нибудь образом помешать мне, а я, к сожалению, сейчас не в том состоянии, чтобы столкнуться даже с Лануэль. Даже с любым из их человеческих последователей.

Чтобы отвлечься от тягостного ожидания, я стал рассматривать еще двоих приговоренных. Первый — молодой, крепкий парень, был страшно избит и не мог держаться на ногах; второй, постарше, выглядел сносно, но пребывал в истерике. Его трясло, он все время повторял, что невиновен, буйствовал, бросался на прутья клетки и пытался вырваться. Его пару раз огрели шок-бичом по рукам, он затих, но потом начал кричать снова.

Я медленно и глубоко вдохнул, задержал дыхание и выдохнул, прислушиваясь к своим ощущениям. Тело казалось неродным, оглушенным, боль отступила, но затаилась тенью.

Состояние чем-то напоминало опьянение. Что ж, хоть так... Я осторожно сосредоточился на кончиках пальцев. Поначалу я не почувствовал и не заметил никаких изменений, и на меня нахлынула паника. Приказав себе успокоиться, я медленно вдохнул и выдохнул, а потом заставил себя сосредоточиться снова. Постепенно пришло хорошо знакомое чувство холода и характерное покалывание. Я пристально смотрел на пальцы. Медленно, с трудом, холод потек по кистям, и они начали деформироваться, превращаясь в привычные черные перья. Удовлетворенно выдохнув, я прервался. Пока хватит. Рано.

И тут меня выбросило в Маар. Видимо, в этот момент кровь коснулась фигуры Ворона. Вот об этом я не подумал. Забыл... Я оказался в том же памятном месте Маара, что и тогда, в первый раз, но сейчас здесь было пусто. Светящееся озерцо, совсем крохотное, только что образовалось и слабо мерцало на прозрачной поверхности Маара. Я поспешно огляделся. Прошлый раз сюда на "водопой" еще до Кинэна пришли демонические сущности, повторявшие облик Вечных, но сейчас здесь никого не было. Возможно, они появятся позже, когда озерцо станет побольше и его зов распространится дальше от этого места. Озерцо притягивало меня как магнит, я даже не пытался сопротивляться его зову и сделал шаг навстречу. Потом — другой. Третий... Обнаружив, что стою у самого края, я присел на корточки и зачерпнул сияющую жидкость ладонью. Сила, чистая сила... Некая странная смесь всех стихий сразу — эгри, джив, фэйра, роха и наэра... я не выдержал и плотнул ее. Поток свежести побежал по жилам. Я упал на четвереньки и принялся жадно ее пить, зачерпывая двумя руками. Ощущения были... экстатические. Я чувствовал, как странный коктейль течет по жилам, делая меня легким и слегка безумным. Оглядевшись, я заметил вдалеке фигуры, повторявшие демонов на обелиске, и поспешно отступил, выбросив руку вперед и выталкивая себя в реальный мир.

Вернувшись в реальность, я обнаружил, что лежу, скорчившись на полу клетки. Толпа кричала. Одного из приговоренных уже выволокли на площадь, второй неподвижно лежал на полу и не откликался на мои осторожные попытки заговорить с ним.

Я снова посмотрел на свои руки. На этот раз они похолодели от одного лишь взгляда, и я едва успел остановить трансформацию. Отлично. Оглянувшись на помост, который отсюда был почти не виден, я стал ждать, когда меня снова выбросит в Маар, стараясь отрешиться от криков казнимого и бурной реакции толпы. Во второй раз это произошло гораздо медленнее... Обнаружив себя у того же озерца, которое к этому моменту изрядно разрослось, я заметил кружившие около него темные тени. Не обращая на них внимания, я нагло рванул к нему и снова припал к источнику живительной силы, а когда отвалился, насытившись, словно упырь, увидел почти рядом с собой ту самую тварь, которая теперь владела разумом и телом Кинэна.

Только, как я того и боялся, она действительно выросла в размерах и обрела вместо шерсти блестящую мелкую чешую.

Я попятился. Тварь сделала несколько медленных, угрожающих шагов мне навстречу, а потом вдруг стремительно прыгнула — я едва успел отпрянуть, когда ее мелкие острые зубы клацнули у моего горла. В то же мгновение мне в лицо прилетело острое скорпионье жало на хвосте, я дернулся в сторону, но хвост все-таки успел меня оцарапать. Щеку сразу же задергало жгучей болью... Стоп, здесь не может ничего болеть, потому что тут у меня нет настоящего тела, я всего лишь энергетическая проекция, образ самого себя. Как только я об этом вспомнил, боль исчезла. Тварь снова кинулась на меня, я упал и откатился назад, судорожно пытаюсь сообразить, как подобраться к этому порождению больной фантазии то

ли хозяина ипостаси, то ли Некроса. Я так и не узнал, где у него уязвимое место. Наверно, надо все-таки целить в шею, она тоньше всего.

Я вскочил на ноги, отбежал назад и выпрямился. Когда-то я смог победить демоническую ипостась Ворона... Я вспомнил себя с саблями и почти сразу же почувствовал их в руках. Да, вот они, удобные, привычные, словно продолжение руки — как крылья. С легкостью я кинулся на тварь, целя в горло и глаза. Чудовище оскалилось и стало пятиться. Мельком подумалось, как странно, что существо, гораздо более мощное, чем я, так быстро переменялось от моего напора. Мне мгновенно пришло в голову, что тут, в пространстве Некроса, все может зависеть не столько от физической формы, сколько от намерения и решимости. Если так, то... Я бросился на него с бесконечной яростью и скоростью, вызвав в себе всю ту ненависть, что испытывал к нему после пыток. Тварь больше не пыталась нападать. Она пятилась, отступала, отскакивала, уворачивалась от моих ударов, с нее летела какая-то труха, я отсекал небольшие куски плоти... все-таки она была достаточно проворной. Потом вдруг развернулась и с бешеной скоростью рванула прочь от меня. Я кинулся ее преследовать, но, к моей досаде, меня неожиданно выбросило в реальность.

Вот и подошла моя очередь. Меня выволокли из клетки и, поставив на ноги, толкнули в сторону помоста. Я покорно сделал несколько шагов вперед, чувствуя, что полон сил и энергии, и посмотрел на свои руки. Трансформация началась мгновенно. Привычный короткий ледяной ожог — и я взмыл в воздух над обелиском и над городом.

И кинулся прочь отсюда, прямо в крепость Кан. Надо понять, что происходит дома, началось ли вторжение, и доделать начатое — подорвать оставшиеся два размыкателя.

Глава 39. Два змея

Закончив дело, Юлька снова выбралась на крышу бункера и встревожено озиралась по сторонам. Почему нет Саши? Еще вечером он гневно, взалхлеб заявлял, что первый выступит против переродившегося Кинэна, и они вместе пытались предположить, где у него может быть уязвимое место, что каждый из Вечных может сделать, чтобы его остановить и можно ли это сделать вообще. Но теперь его не было ни в небесах, ни на земле. С тварью тоже происходило что-то непонятное — она перестала нападать и принялась пятиться назад, отступая к Грани, и в какой-то момент развернулась и быстрыми скачками понеслась на территорию Анг Мирта, исчезнув в одной из прорех.

Бой продолжался и без него. Она в конце концов разглядела черного Змея, забравшегося слишком далеко на вражескую территорию и спешащего обратно, и выдохнула с облегчением. Хотя разве кто-то или что-то может причинить ему вред? Разве что нацеленная стрела Некроса больших размеров, пущенная точно ему в грудь метким стрелком. Но с той стороны таковых не наблюдалось — большинство воинов Анг Мирта либо пилотировали болиды, либо передвигались по земле, стреляя из чего-то, похожего на арлы, либо сражались на земле холодным оружием и шок-бичами лицом к лицу.

И тут она заметила, что с ним действительно что-то не так. Его движения не были нацелены ни на объекты в небе, ни на врагов на земле. Он метался. Отлетал в сторону, бестолково бросался на всех подряд, а иногда, словно цепenea, и вовсе зависал в воздухе.

Она похолодела. Он вел себя так, словно в нем не было разума или как будто его разум вело нечто постороннее. Слово он не понимал или не видел окружающей реальности или наоборот, осознавая, что с ним что-то не так, пытался сопротивляться.

Панический ужас хлынул в ее сердце. Неужели кто-то опять взял над ним контроль? Или уже тогда медальонов-образов было несколько? А почему нет? Почему они все были так уверены, что образы существовали в единичном экземпляре?

Когда он уже в который раз пронесся над ее бункером, куда относили раненых и где заряжались отработавшие стрелы, она села на колени, устроившись поудобнее, и, схватившись за камни ожерелья, вышла в Маар, желая понять, что же все-таки с ним происходит и есть ли шанс ему помочь. Очутившись в хорошо знакомом черно-красном пространстве, она быстро осмотрелась и отпрянула в ужасе. Там, на неровной и прозрачной ледяной земле, кружили друг против друга не один, а два Змея.

Первый был удивительно красив и страшен. Покрытый черной, сияющей чешуей, распахнув бархатно-черные крылья, на одном из которых сиял длинный алмазный коготь, он парил над человеком, растеряно пятившимся назад. Человек выглядел таким же, как в жизни, только на спине у него были такие же, как и у первого, огромные, но золотистые крылья. Она немедленно вспомнила Сашин рассказ о нападении на очаг, где ее держали, когда его неожиданно и фатально отвлекли жертвоприношением, и как он впервые столкнулся в Мааре со своим демоническим двойником. Ему опять принесли кровавую жертву, тем самым отвлекая его от сражения, ослабив и сделав неуправляемым. Хотя... Жертва и так приносится, вокруг гибнут люди, льется кровь, много крови... Идет война и Нигейр Аспид, как и положено, возглавляет ее — его крупица есть в каждом движении, что совершается сейчас на земле и в небе. Сражение, с его кровью, жертвами и страданием, само по себе, без всяких жертвоприношений, могло притянуть сюда иную, демоническую

ипостась Нигейра, созданную и выпестованную теми, кто привнес на земли Ар Соль культ Единого с его нарисованными демонами, так похожими на настоящих. И Саша столкнулся с ним лицом к лицу.

А что если сюда сейчас, словно на водопой, придут остальные?

Она вытолкнула себя из Маара в реальность и с волнением стала искать вокруг себя Ширин и Даллаха, а найдя их — с облегчением вздохнула. Демоническая ипостась Кинэна исчезла за сполохами в месте разрыва грани, и они вернулись на поле боя, к остальным войскам. Змей продолжал хаотично кидаться в разные стороны, то поднимаясь ввысь, то снижаясь над землей, пугая и своих, и чужих. Несколько раз его забрасывало за Грань, откуда он стремительно возвращался, время от времени бестолково хлеща эгри-плетью по тем, кто в этот момент оказывался под ним на земле.

Она схватилась за свои камни, заставив себя снова увидеть мир Некроса, и, оказавшись там, медленно, сквозь силу, попыталась подойти ближе к двум Нигейрам. Те сражались — черный Змей нападал на человека, норовя ударить его когтем в грудь, человек с крыльями уворачивался, пятился и падал, защищался, но парировать удары демона-Змея ему было нечем. Человек был безоружен.

Собрав все свои силы, Юлька крикнула ему:

— Брось его! Вернись в реальность! Там, в витасфере, ты сеешь хаос. Остановись!

Саша мельком оглянулся на нее, и чуть не пропустил очередной удар черным когтистым крылом.

— Не могу, — донеслось до нее, — он хочет меня сожрать, — он отвлекся, кувырнувшись, нырнул под брюхо Нигейра-демона и выскочил с противоположной стороны. — Он меня преследует. И он сильнее меня. Если он меня сожрет, там, в витасфере, вы получите его, а не меня. Он станет Нигейром.

Юлька растеряно кивнула. Наверно он прав. Что же тогда делать? Она продолжала наблюдать за их сражением, обмирая от страха, и вдруг в какой-то момент поняла, что находится уже не в Мааре, а на холодных плитах бункера и смотрит на небо. И что она не одна — вокруг нее толпятся те, кто еще недавно находился в убежище. И они смотрят и видят то же самое, что и она.

Прямо перед ней были уже не перемешанные куски реальности Ирнана и Анг Мирта, а черные и красные скалы Маара с его хрустальной землей. Случилось то, чего больше всего боялся Рес — участок пространства между мирами, на который пришлось больше всего ударов размыкателей и гранеедов, заместился Некросом.

Выглядело это... странно. Весь горизонт от края до края превратился в хаос, словно кто-то вырвал разные картинки из книжки и слепил кривоватый коллаж. Казалось, мир и вовсе сошел с ума, перемешав небо и землю, красное и черное, живое и неживое. Люди замерли, увидев ворвавшуюся в реальность изнанку мироздания и двух существ, так похожих на Змея, бившихся друг против друга. Нэрги и гранееды словно по команде развернулись и поползли в сторону аспидно-черных острых скал, поползли со всех сторон, не разбирая дороги. Попав на прозрачно-ледяную землю Маара, они проваливались в ее глубины, истаивая, словно снег на солнце.

Какое-то время Юлька стояла столбом, пытаясь унять бешеный, панический стук сердца. Потом наконец схватилась за концентратор на шее и снова бросила себя в пространство Некроса, туда, где мелькали силуэты человека и Змея. Темный змей по-прежнему наступал, Саша продолжал увертываться, проигрывая ему в напоре. Было в них

что-то бесплотное-нематериальное... Юлька вдруг вспомнила объяснения на уроках, что проекции личностей и существ в Мааре не имеют физической телесности, а представляют собой сгустки тех или иных, или смешанных сил, движимых разумом или волей.

— Ты его сильнее! — крикнула она Саше изо всех сил. — Слышишь? Я лучше знаю, меня учили, — она заметила, что он быстро скосил глаза и кивнул. — В Мааре дух важнее тела! Неважно, что делает тело, побеждает тот, кто сильнее духом!

— Он уже дважды меня достал, — рявкнул Саша, не сводя глаз со Змея и продолжая двигаться. — Боль настоящая.

— Где раны? Где кровь? — она кричала изо всех сил, а потом друг поняла, что это бессмысленно, он и так хорошо ее слышит, именно по той же причине. — Их нет.

— У меня нет оружия, — донеслось до нее. — Мне нечего ему противопоставить!

— Представь его! Я вижу тебя человеком с крыльями, так взлети и напади сверху!

— У него мое лицо, — донеслось до нее слабым эхом. — Я не могу его... ударить. Это значит — убить себя.

— Это не ты, — крикнула она с яростью и Саша вздрогнул, словно ее слова отдались в нем жесткой оплеухой. — Он копирует тебя. Хочет убедить, что вы похожи. Но это не так. Тебе кажется, что он двойник, но на деле это не ты! Ты же видишь, он не похож на тебя в облике. Это просто животное, злое и безмозглое. Оно жрать пришло. Да, у него есть коготь, но это не меч! Меч сильнее!

— Где я меч возьму? — она почувствовала, что он разозлился — его эмоциональный ответ прокатился мурашками по ее телу, а голос зазвучал громче и резче.

— Ты разумный, а он — нет. Представь меч в своей руке! Представь и ударь! — вдруг заорала она, устав от его нежелания понять очевидное. — Ну или сдохни, дурак трусливый, раз ты такой никчемный, и тебе нечем сражаться!

Но она уже видела, что каждое ее слово словно бы питает Сашу, вливая в его силы. Вдруг осознав, что у него есть крылья, он неожиданно оттолкнулся от поверхности и взлетел над Змеем, смело ударил его ногами в шею и тем самым прибил к земле. Тварь дернулась и неожиданно сжалась. Спланировав назад, Саша мягко приземлился, и тут Юлька заметила, как в руке его что-то блеснуло. Он и сам, казалось бы, изумился, увидев у себя в руке светящийся изогнутый меч, так похожий на Асгарот. Мгновение, и он взлетел снова, атаковал противника и почти удачно полоснул его по длинной гибкой шее. Его движения вдруг вернули себе прежнюю отточенность и лаконичность, став такими, какими она их видела когда-то на тренировках в Наган-Кархе. Приземлившись, он кинулся на Змея и отсек ему лапу с когтем. Потом, не дав тому опомниться — крыло. А следом и голову.

Существо рухнуло на землю, но Саша в остервенении продолжал рубить туловище, которое на глазах распадалось и съеживалось, подтверждая тезис, что тело в Мааре — всего лишь сгусток энергии, ведомый волей. Разрубив голову, он пнул ее ногой и проследил, как ее останки проваливаются в прозрачную землю и уходят туда, куда уходит все истинно мертвое. Потом словно бы очнулся и судорожно, нервно огляделся.

— Как мне выйти? — крикнул он. Юлька сделала несколько шагов ему навстречу и с силой выбросила вперед обе руки, словно желая оттолкнуть его от себя. Его отшвырнуло назад, а потом он вдруг разом исчез, словно провалился сквозь землю.

От этого чрезмерного усилия Юлька тоже вывалилась из Маара. Оказалось, что она, как собака, стоит на четвереньках на крыше бункера, и рядом опять никого нет. Поискав Сашу, она быстро нашла его в облике Змея и смотрела, как он движется назад, в сторону Ирнана, к

нагам и Паукам, следившим за странным боем на фоне черно-красных скал, недоумевающим, растерянным. Все люди — и жители Ар Соль, и обитатели Анг Мирта наблюдали за величественной картиной боя двух Змеев, но теперь, когда исход был решен, сражение возобновилось с еще большей яростью.

Едва держась на ногах, Юлька спустилась в бункер, в котором неожиданно обнаружила военный совет. Находясь в Мааре, она не заметила, как и когда они собрались: Ширин, Шандр, Тэр, заместитель Алекса, Балеяр, глава школы Джмар — все мгновенно замолчали, когда она вошла. Ее донельзя смутила эта напряженная тишина, и она, чтобы разрядить обстановку, сказала:

— Все закончилось. Он летит обратно, — и Балеяр с Ширин кивнули, соглашаясь. Ширин поднялась, обняла ее и повлекла к одному из пустовавших стульев.

— Мы все тебе обязаны, — сказала она, усаживая едва живую девушку и придвигая к ней чашку с чем-то горячим. — Они, — она кивнула на людей, — тебя не видели, но мы с Балеяром тоже там были. Я подошла достаточно близко. Я слышала, что ты ему кричала.

— Его так и не научили пониманию, как устроен этот мир, — сказала Юлька с горечью. — Прежним учителям это было не нужно, а Рес... Рес не успел.

— Он бы проиграл, если б не ты, — сказал ей Балеяр, ласково погладив по руке.

Юлька обессилено положила голову на руки и закрыла глаза.

— Есть ли смысл продолжать их сдерживать? — спросил Балеяр. — Судя по всему, Маар сейчас всосет всех нэргов и гранеедов, и расширение прорехи остановится.

— Скажем так, они перестанут участвовать в ее расширении, — сказал Шандр. — Но размыкатели работают и уже дважды меняли координаты удара, — продолжил он. — Надо атаковать крепость Кан. Верховная, — он посмотрел на Ширин. — Вам придется дать Алексу сигнал, чтобы он обернулся и мы могли обсудить дальнейшие планы. Его надо позвать.

— Как вы считаете, распространение Некроса на наши земли остановится или продолжится? — обеспокоенно спросил Тэр.

Ширин покачала головой.

— Не знаю, — вздохнула она. — Но разрушить крепость Кан надо однозначно.

Глава 40. Стрела Некроса

По дороге к крепости я рос, насколько мог, пытаюсь совладать с непривычными ощущениями. Выпитая сила жертвоприношений бушевала во мне, придавая сил и просясь на свободу, а Ворон, который ослаб, запертый в человеческом теле, требовал еще жертв. Ненависть и гнев оглушающе мутили голову мне-человеку и мне — Ворону. Неизвестно еще, чьи желания на поверку оказались бы сильнее, возьмись я анализировать свое состояние: человеческие эмоции или порывы тесно связанного со мной существа.

Еще задолго до крепости на горизонте стала проступать невероятная, ужасающая картина. Издалека я видел холодное и белесое зимнее ирнанское небо и очертания редких сосен, цеплявшихся корнями за скалы в предгорьях Реара. Знакомый пейзаж... И почти сразу же Эйла ворвалась в мое сознание, отчаянно, горестно умоляя о помощи. В голове хаотично пронеслись одна за другой обрывки происходящего — чудовищный разрыв пространства, в который тучей хлынули пожиратели всех мастей, хлесткие удары размыкателей, последовательно создававшие прорехи, в которые лезли все новые и новые гранеды, потом неожиданно — Алекса и его кошмарного Маар-двойника, сражающихся друг против друга, и в конце — кусок Некроса, съевший тот участок Ирнана, где от грани остались одни ошметки.

Я чуть не подавился своим собственным и вороновым гневом. Мое второе "я" было в ярости, и эта ярость пылала настоящими фэйром и дживом, оставляя за собой ощутимый след в витасфере. Они посмели покуситься на мой мир, мои земли, мои владения. Они убивали тех, кого я считал частью своей жизни и смыслом своего существования... Ворон рвался туда, к Грани, страстно желая уничтожить наглых тварей, осмелившихся поднять руку на самое драгоценное, что у него было. Я мчался к Грани вместе с ним, и вместе с ним во мне kloкотало желание уничтожить все живое в Анг Мирте, все, что попадет на моем пути. Уничтожить не только врагов, напавших на мой родной мир — вообще все, что здесь есть: камни, землю, строения... людей. Стереть их с лица земли, вместе с их мерзопакостным мирком, ошибкой Вечных, нашим бессилием, нашим позором, нашей слабостью. Я вдруг понял, как просто я могу это сделать. Разрушить все живое, так же, как делают это гранеды, безмозглые фабрики по переработке материи, что снуют сейчас там, между Ирнаном и Анг Миртом. Обратить весь этот мир в прах.

Я понял, как. И главное — только мне, Ворону, это под силу. Только мне дана возможность чувствовать пространство, как часть себя, пропускать потоки сил и стихий сквозь себя, связывать и разделять их. Мне приходилось это делать так много раз, восстанавливая Грань, открывая и закрывая проходы между землями, между нашими мирами и даже просто летая над Элезией... Я сделаю это, закрыв глаза и без малейших усилий.

Я могу уничтожить Анг Мирт.

Я развернулся и полетел назад, к Фрейфену, по дороге поймав вот то самое, необходимое для работы с потоками сил и стихий чувство. Оказавшись над городом, я описал вокруг его верхних террас несколько кругов и принялся расти, впитывая силу, идущую от его обитателей. Не так давно я слонялся тут, пытаюсь вспомнить, кто я такой, запутавшись в двух ликах собственного "я". Они не верили в Ворона-защитника, зная только Ворона-демона, но они верили в него, а значит... да какая разница, в кого из них они верят? Я легко впитаю их силу и веру, ведь они знают, что Ворон-демон существует, а значит,

отдают мне каплю своей души. Я с легкостью опрокину этот город в себя, вот в этот самый водоворот потоков, что струились сейчас сквозь меня, пронизывая тело и сознание таким привычным, родным холодом... холодом Некроса, смешанного с фэйром.

Я бросил взгляд вниз. Тень моя стала настолько огромна, что полностью закрыла Фрейфен. Я медленно поднялся вверх, выше, и двинулся в облет города, захватывая своими кругами все большее и большее пространство вокруг него и закручивая воронку невероятного смерча, в котором клокотали, смешиваясь в убийственное варево, все стихии сразу. Я сам был центром этого смерча... как только концентрация сил достигнет пика, я опрокину в себя этот проклятый муравейник, недостойный того, чтобы коптить это и без того серое небо, так же, как весь этот проклятый мир.

И тут я вдруг увидел того самого демона с моим лицом, которого, казалось бы, разделал на кусочки в Мааре. Он смотрел на меня прямо с неба и искренне, заливисто смеялся.

— Ты — это я, — сказал он, улыбаясь мне так, словно встретил старого друга. — Я же говорил... Мы с тобой — одно целое.

Я содрогнулся от ненависти и хотел крикнуть ему, что это не так, но... мне было нечем ему возразить. Я — это он. Он не умер, уйдя в прозрачное и безжизненное пространство Маара, он остался во мне. Внутри меня. Частью меня. Он всегда там был, и будет, и станет мной, если я не стану хозяином самому себе, не обрету власть над темной частью моей собственной души. Прости, Джана, кажется, ты была права, когда говорила о живущем во мне демоне. А я тебя убил, так же безжалостно, как это и должен был сделать зверь, защищающий свое логово и свою правду. Бездумно и беспощадно. Зверь не способен на милосердие. Он не способен остановиться и повернуть назад, признав свою ошибку.

Тварь, знай свое место, прошептал я сам себе и что есть силы затормозил бездумное движение, сбросив и попытавшись рассеять накопленную силу. Взглянув на ни в чем не повинный город, я принялся осторожно останавливать и ликвидировать то, что едва не натворил.

Оказалось, остановить процесс гораздо труднее, чем его запустить... Когда жуткий ураганный ветер утих, а движение силовых потоков пришло в норму, я плавно уменьшил размер до крупной, но не гигантской птицы и снова направился к крепости Кан. Навалившееся безумие отвлекло меня от по-настоящему нужных и важных дел, и это могло стоить кому-то жизни там, где схлестывались два разных мира, сливаясь и разрушая друг друга.

Но перекусить парочкой мразей я все равно должен, злорадно подумал я, снижаясь над крепостью. Для поддержания сил и для скорейшего достижения нужного эффекта.

Камнем упав на крепость, я кинулся на первое, что двигалось по территории. Слегка умерив голод, но не насытившись, Ворон кинулся за вторым. Этого уже пришлось догонять, потому что открытая территория внутри стен мгновенно опустела. Потом за третьим. Когда в зоне видимости никого не осталось, я сел на крышу рядом с уцелевшими параболами размыкателей и в человеческом облике спустился вниз через люк. На меня оглядывались, но все, что сейчас происходило в крепости, и без того было настолько диким, что никто особо не обращал внимание на человека, одетого в грязную, испачканную кровью форму без нашивок, забегающего в одно, другое, третье помещение, достающего из укромных уголков какие-то блестящие палочки и бросающего их на пол. Даже если они их поднимут и попытаются избавиться — это уже ничего не изменит. Добежав до самого низа, я не стал спускаться в подвал, чтобы не повторить ту же самую ошибку, и сразу же выбрался наружу.

Сейчас и этого достаточно, чтобы прекратить их работу. Заскочив в последний подъезд, я проделал все то же самое, на глазах у потрясенных служащих выбил огнетушителем первое попавшееся окно, обернулся и вылетел наружу.

Стена, где размещался модуль первого размыкателя, уже рушилась, исчезая у всех на глазах, вторая только начинала разваливаться, разъеденная Некросом.

Я обернулся и поднялся в воздух, снова наращивая физические размеры, чтобы побыстрее добраться до Грани. С ней надо было что-то делать... Положение показалось мне катастрофическим.

Странные ощущения преследовали меня, пока я огибал заместившееся Некросом пространство. Словно в омут нырнул и ко дну идешь, а выбираешься рывками, сквозь силу. Заметив, что все нэрги и гранееды ползут туда, словно животные на водопой, я подлетел поближе и понаблюдал, что происходит с ними дальше. Убедившись, что они без следа растворяются в Мааре, я решил попробовать затянуть Грань, как обычно. Надо же с чего-то начинать... Так я хоть уменьшу разрыв, а там, глядишь, станет понятно, что делать потом.

Привычно кружа в небе, я сосредоточился на потоках энергии, текущих сквозь меня, и изредка поглядывал на то, что происходило внизу. Группировка вимм, ведомая Алексом, что направлялась в сторону крепости Кан, развернулась и пошла обратно. Он приблизился ко мне, описал круг и ушел на землю, приняв человеческий облик и призывая поговорить, но я отрицательно качнул крыльями. Я не был уверен, что смогу совершить обратную трансформацию после того, как приму человеческий облик. Действие лекарств закончилось, когда я менял облик в крепости для активации взрывателей, но человеческое тело все еще держалось на эйфории от кормежки и от свободы. Я не испытал проблем, приняв облик Ворона второй раз, но опыт говорил мне, что третьего раза может и не быть. Я знал, что в какой-то момент все закончится, я упаду и надолго выключусь из жизни. Сейчас я не могу, просто не могу себе этого позволить. Пока я держусь в облике Вечного, я должен в нем оставаться и успеть сделать все, что нужно.

Прореха затягивалась тяжело... но затягивалась. Уменьшалась. То, что возникало в результате моих усилий на месте разорванных земель, представляло собой каменистую безжизненную пустошь. Эх, как же легко разрушить и как трудно создать... Еще вчера здесь были ухоженные, распаханые поля, простирившиеся до самых скал, поросших редким лесом. Обычно пустоши, созданные нападением Анг Мирта, оживали где-то за два-три года. Ничего, народ сюда все равно вернется, хоть и не сразу. Я продолжал кружить, терпеливо выращивая Грань. Сначала это была тоненькая еле живая пленочка, но постепенно она укреплялась, становясь видимой, и за ней исчезал суровый, серый и голый мир Анг Мирта. Вот и крепость Кан уже потеряла свои резкие, контрастно-пугающие очертания. Участок Некроса пока никуда не делся, но я заметил, что он дрожит и струится, бледнеет, тоже теряя свои режущие глаз краски, становясь похожим на мираж или нарисованную крупными мазками картину. Это радовало. Это говорило, что силы Ворона достаточно, чтобы справиться с прорвавшимся в наш мир Мааром.

Бросив очередной взгляд вниз, я неожиданно увидел Кинэна. Тварь вернулась, увидев, что размыкатели перестали работать, Некрос отступает и Грань затягивается. Возможно, его вытолкнуло, когда Грань начала замещаться Мааром, и только теперь он нашел способ обойти ее. Возможно, он умышленно выжидал, пока ситуация станет менее опасной. Бой на земле заканчивался: недобитые болиды пытались уйти в Анг Мирт через прореху в Грани. Оставшиеся в живых наземные силы уже не успевали этого сделать, окружаемые Пауками и

Нагами, которым теперь не было необходимости уничтожать нэргов. Тварь галопом мчалась по земле, расшвыривая и вгрызаясь во всех живых существ, что попадались на пути. Ей навстречу бросились белый олень и пытающийся огнем феникс. Следующим подоспел Змей. Увидев, как тварь сбивает в полете феникса скорпионьим хвостом, как гигантской когтистой лапой отшвыривает оленя, я тоже бросился туда, срочно выращивая тело Ворона. Я рос и рос, приближаясь к нему, пока наконец не понял, что стал значительно больше противника, и камнем упал сверху, придавив его к земле. Он пытался отбиться от меня хвостом, неистово лупя в подбрюшье; я вздрагивал от его ударов, но со второй попытки крепко вцепился когтями в шкуру и снова телом придавил его к земле. Очень скоро зубр подоспел на помощь и вонзился рогами ему в грудь. Через мгновение яростной молнией на него бросилась рысь и вцепилась зубами и когтями в горло, с усилием, но прогрызла и расплосовала его плотную шкуру и принялась рвать жилы на шее. С другой стороны точно так же его терзал леопард. Феникс бросился ему в морду, полоснув огненным крылом по глазам. Летучая мышь трансформировалась прямо перед ним и оглушила его мощнейшим маар-пробоем, одним, другим, третьим... она лупила и лупила, пока тварь, которая все еще пыталась сопротивляться, не завалилась на бок. Глаза ее помутнели... Я немного отпустил его, позволяя Алексу-Змею подойти ближе к шее и полоснуть по ней изрядно выросшим Асгаротом. Один за другим, мощными отточенными ударами он отсек твари голову.

Я поднялся вверх, оставляя рухнувшее наземь безголовое тело остальным Вечным, и уменьшился до привычных размеров. Надо было вернуться к прорехе между мирами и доделать дело.

Тем временем Феникс пытался поджечь и голову, и тело, и Саша присоединился к нему, вспомнив о своем владении эгри-плетью. Постепенно запылала и туловище, и голова. Смрадный чад разносился во все стороны, отравляя и без того зловонный воздух. Издалека я увидел, как Вечные один за другим принимают человеческий облик. Прореха в небе затягивалась, черно-красные скалы Маара медленно, но верно таяли, но уродливый остов полуразрушенной крепость Кан еще маячил на горизонте. Потом, позже, мы соорудим одноразовый портал для вимм и атакуем ее, разрушая окончательно. Но это будет потом. Пока что мы выиграли это важное для нас сражение, но неясно, было ли оно решающим или у них все еще остались козыри за пазухой. Я кружился, стягивая прореху, устало и бездумно, лишь изредка поглядывая вниз, чтобы убедиться, что там, на земле, не появилась перерожденная Лануэль, которая, как мне показалось, так и не приняла участия в сражении. Что ж, мудро с ее стороны. В отличие от Кинэна, она осталась жива.

Стрела прилетела со стороны своих, из одного из укрытий, разбросанных по территории вдоль линии разрыва Грани. Ранее я мельком заметил стрелка, который перебрался с крыши бункера, пристроенного к скале, и принялся налаживать на противоздушную баллисту большую серебристую стрелу с прозрачным наконечником, но мне даже в голову не пришло, что она может быть нацелена в мою сторону. В какой-то момент мне даже показалось, что я вижу лицо стрелка, круглое, русоволосое, кареглазое, чем-то напомнившее мне лица жителей Основы. Первая стрела стазиса воткнулась мне в грудь, вторая — в подбрюшье. Вторую я легко выдернул, а первую, чей наконечник воткнулся глубже, яростно перекусил. Одна стрела Некроса насквозь прошила крыло, вторая воткнулась в лапу, но ее я успел выдернуть еще до того, как онемение потекло по телу и я почувствовал, что падаю. Попытавшись выровнять полет, я понял, что телом не управляю — стазис постепенно разливался по нему. Все, что я смог, это немного погасить скорость и плавно опуститься на

землю, смягчив себе падение. Третью стрелу я увидел мельком — она ударила напоследок, в спину где-то в районе шеи. Я что есть сил попытался дернуть крылом, не понимая, вошла она или нет, и неожиданно почувствовал, что самопроизвольно трансформируюсь. Ворон стремительно покидал непутевого носителя, спасая свой вечный облик. Адская, невыносимая боль нахлынула на меня, а потом сознание милосердно погасило ее — я провалился в обволакивающее, ласковое и милосердное ничто.

Глава 41. Суд

Когда Юлька вышла из шеадра в Кархе, в лицо ей ударил ледяной ветер. Оглядевшись по сторонам, она обнаружила, что из-за метели не видит соседних строений. Как назло, на стоянке вимм по соседству их не оказалось ни одной — разобрали из-за погоды. До твердыни нагов придется добираться на крыльях, как она в общем-то, и собиралась, но... она и так опаздывала. Неохотно раскинув крылья, она поднялась на специальную взлетную горку, оборудованную для Крылатых на краю стоянки, и включив гравидиск на максимум, резко рванула вверх. Ветер жестоко швырял ее из стороны в сторону, маска и очки, предназначенные для полетов над зимней Элезией, быстро обледенели. Хотя... климат в Кархе был более суровый, чем в том же Альбре, вблизи которого проходило теплое океаническое течение и смягчало зиму. Над посадочной площадкой на крыше Наган-Карха метель свирепствовала с удвоенной силой, но Юлька успешно села с первого раза, точно у лестницы, ведущей в замок. Идеальное приземление. Она даже не оступилась и удержала равновесие, когда очередной порыв злющего колючего ветра хлестнул ее по лицу. Наука Реса. Никаких слов благодарности не хватит... Да и некому теперь их говорить.

На посадочной площадке обнаружилось множество вимм — столько, что некоторые из них пристроились прямо на широкой части парапета. Часовые зябко прятались в будки, и только белая кошечка сидела, укрывшись от ветра за одной из них, и равнодушно вылизывала и без того белоснежный хвост. Метель ее явно не пугала.

— Где суд? — спросила Юлька часового, который вышел поздороваться.

— В Белом зале.

Да, точно, Саша уже говорил ей об этом. В Белом зале по традиции проводили важные совещания, суды и встречи. Белым он назывался, потому что был удивительно светлым и просторным: располагаясь в западной башне замка, две его стены выходили на белоснежные пики гор, огромные окна не имели традиционных витражей, а однотонно-молочные панели на стенах отражали свет, льющийся из окон.

— Уже начали?

— И давно, — сочувственно кивнул часовой, видя, что она расстроилась. — Народу много, — он кивнул на виммы, против правил прилепившиеся на площадке для Крылатых. — Полный зал, наверно.

Юлька бегом спустилась по лестнице, заранее испытывая неловкость: она войдет, и все присутствующие обернутся на нее. Когда же она очутилась у дверей, они распахнулись ей навстречу, и на нее хлынула толпа. Наги, Пауки и Стражи, знакомые и незнакомые, проходили мимо, здоровались или просто кивали, завидев ее. Она мельком увидела Шандра и хотела подойти, но он увлеченно разговаривал с каким-то пожилым мужчиной и прошел мимо, не заметив ее. Когда толпа схлынула, конвой вывел Румянцева. Заметив ее, он вцепился взглядом в ее лицо, жадно и горько, но она выдержала этот терзающий взгляд с хладнокровной ненавистью, постаравшись вернуть ему все, что испытывала. Саша, Тэр и остальные его приближенные вышли последними.

Он отпустил их кивком и подошел к ней.

— Я не рассчитала время, — призналась она огорченно. — Занятие поздно закончилось — меня куратор задержал, все пытал, не хочу ли я перейти в школу в Нуэйне, она мол сильнее. Пришлось слушать, — вздохнула она. — Никак не могла от него отвязаться. А тут

такая непогода.

— С утра метет, — кивнул он. — В общем, ты немного потеряла. Его приговорили, конечно же. Хотя он неожиданно заявил, что оба убийства совершил под внешним управлением и показал нам свой медальон-образ. Я сам проверил — рабочий... Оживает. Для большинства из присутствующих все его оправдания показались дикими и странными. Поняли только те, кто и так был в курсе.

— Хорошо, что большинство пока не сообразило, о чем речь, — Юлька нахмурилась. — Позже могут пойти слухи. Кстати, откуда он у него взялся? К нему что, кто-то приходил?

— Вот и я ломаю голову, — раздраженно признался Саша. — Теперь жалею, что затеял этот публичный процесс, надо было закрыть доступ для непосвященных. Слишком уж много вопросов... возникнет.

Юлька покачала головой.

— Так все равно лучше. Пусть люди знают, что виновник наказан.

— Я до сих пор не очень хорошо понимаю, как он там оказался, почему его пустили в тот бункер, да еще и никто особо не обращал на него внимания, — с горечью продолжил Саша. — Бункер с самого начала был наш, наговский. Мы его и обустроивали, Тэр помнит, что при нем баллисту от болидов монтировали, из новейших и самых мощных, скорострельную и полуавтоматическую.

— Потому что он выглядел, как свой, — отрезала Юлька. — Все слышали, что Кольера убил Румянцев, друг Нигейра, только мало кто из рядовых нагов видел, как этот Румянцев живую выглядит. А тут обычный парень, форма на нем — реарского маркграфа, Гвардия порядка Кархи, на вид — элез-элезом. Их же много в ваших войсках было. Обученный, но не слишком ловкий — ничего удивительного. Помогал, как мог, стрелы подтаскивал. Никто и внимания не обратил под конец, как он наверх, к баллистам, поднялся.

— И никого не удивило, что часть стрел в три раза больше обычных?

— Немного больше обычных бронебойных для вимм, — поправила она. — Вряд ли кто-то задумался, зачем им стрелы-концентраторы такого необычного размера. Наоборот, небось, радовались, что на всякий случай у них есть такая убойная фигня под рукой.

Саша понуро кивнул. Он и сам все прекрасно понимал.

— Когда казнь? И где? Кто будет приводить приговор в исполнение?

— Я сам это сделаю, — сказал он твердо. — Так будет... честнее. Из-за меня он попал сюда. Из-за меня вляпался и из-за меня появился в Наган-Кархе. Его ко мне подослали, чтобы мог нужную инфу выуживать и идеи подкидывать. В том, что с ним случилось, больше половины моей вины.

— И когда?

— Сегодня, чтобы не тянуть, — отрезал он. — На закате, часов в пять, сейчас рано темнеет. Сил нет, как душа болит. От всего.

— Я с тобой, — сказала Юлька. — Тоже хочу попрощаться и проводить его.

Она отправилась вниз, во внутренний двор крепости, надеясь разыскать Шандра, но того нигде не было — видимо, уже улетел домой. Зашла в столовую, привычно выбрала любимые блюда и уселась за свой любимый, самый дальний столик у окна. К ней подходили, здоровались, спрашивали, она отвечала с заученной, автоматической вежливостью, улыбалась и даже умудрялась шутить. Оставшееся время она скоротала в библиотеке, привычно взяв все тот же учебник по силам и стихиям, нашла главу, на которой остановилась, и принялась читать.

Какое-то время ее всерьез занимали витасферные трансформации, но постепенно она отвлеклась от чтения, думая о последних неделях, проведенных в непрерывном движении между Самандангом, Наган-Кархом и Далерной. Последствия вторжения оказались в целом не столь ужасными, сколь казалось поначалу. Было мало погибших и много раненых, но всех выходили целители Повелевающих и Джмар. Пострадало много вимм, но их постепенно ремонтировали. Грань полностью восстановилась, на месте разрыва осталась голая, серая и мертвая пустошь, но Даллах пообещал, что ближе к весне попробует воздействовать на нее целительной силой своей ипостаси. Разведчики во Фрейфене передавали, что больше ни о какой войне речи не идет, Анг Мирту нанесено жесточайшее поражение. Несмотря на потери, настроение у обитателей Солнечных и Подлунных земель было приподнятое, об Ирнанской битве слагались стихи, песни и легенды.

Саша был потрясен, что именно Румянцев послал в небо те стрелы Некроса. Уйти ему, к счастью, не удалось, хотя ему почти повезло: поначалу в суматохе никто не разобрался, откуда они вылетели и кто стрелял, его перехватили только потому, что он двигался в противоположную от фронта сторону и заподозрили в дезертирстве. Признался в содеянном он только тогда, когда на него указали очевидцы, находившиеся с ним в одном бункере, а сознавшись, потребовал, чтобы ему дали поговорить с Юлькой. Та наотрез отказалась — боялась, что убьет его прямо с порога. Публичное слушание дела было организовано по настоятельной рекомендации Вагабра.

Ровно в пять она зашла в Сашин кабинет. Он оглядел ее и кивнул.

— Мы пойдем наверх, на мою верхнюю площадку, — сообщил он, беря теплую куртку.

— Мне не нужно, — торопливо сказала Юлька. — У меня термокостюм.

— Это для него. Чего ему мерзнуть-то...

Юлька криво усмехнулась. За то, что он сделал, она бы выгнала Румянцева на верхнюю площадку голым.

Молча следуя за Сашей в тюрьму, она думала, что несмотря ни на что, его мучает чувство вины. Он сильно изменился после битвы, став старше словно бы лет на сто. Рельефно выступили суровость и сдержанность, лицо стало совсем чеканным, взгляд — пронзительным, улыбка — более скупой и редкой. В нем стало меньше сомнений, больше уверенности в себе, а еще — больше терпения и какого-то удивительного внутреннего спокойствия, словно он уверился в реальности своей силы.

А еще время от времени, оставаясь с ним наедине, она слышала в его голосе горечь и тоску, и тогда ей страстно хотелось его утешить и поддержать, но она не знала, как. Кто б ее саму утешил... Впрочем, она умело прятала свое горе от посторонних глаз.

Выведя Румянцева из камеры, Саша заставил его одеться. Тот с недоумением оглядел и его, и стоящую в стороне Юльку, и заметил с невыносимым ехидством, надевая куртку:

— Нафиг мне ваша забота за пять минут до смерти?

Они поднялись на верхнюю площадку, и Саша отпустил охрану. Снег прекратился, но ветер все еще хлестал.

— Мне жаль, что так получилось, — сказал Саша, глядя Румянцеву в глаза. — Я не виню тебя за ошибочный выбор. Видимо, иначе было никак.

— А я не считаю, что мой выбор ошибочный, — усмехнулся тот холодно. — Мне никто бессмертие не предлагал. Меня не лелеяли, обучая военной премудрости, надо мой не тряслись наставники, ко мне не приставляли учителей. И девки за мной не бегали, — он зло посмотрел на Юльку. — Поддерживая меня, даже когда я был последней сволочью.

— Тобой управляли, — сказала она сочувственно. — Тебя сделали жертвой эксперимента. Как и Сашу, впрочем, просто с ним они не совладали, и он оказался сильнее.

— А я отомстил, — бросил он со смешком. — Всем, кто приложил руку к экспериментам надо мной. Знаешь, например, кто сделал ошейник для Эрлен? Это была моя идея, — в голосе его прозвучала неожиданная гордость. — За дни, проведенные в ее бестиарии. И не только за это... А управляли они — вами, — продолжил он язвительно. — Сашком в особенности, все кому не лень. И сейчас продолжают. И дальше будут.

Саша покачал головой.

— Уже нет. Уж ей-то, — он ухмыльнулся уголком рта и кивнул на Юльку, — и вообще невозможно управлять. Она единственная из нас смогла выбрать свой собственный путь.

— У меня был... хороший учитель, — выдавила Юлька, сглотнув горечь.

— Кстати, с чего вы решили, что мной управляли? — Румянцев опять насмешливо посмотрел на Юльку.

— Ты сам сказал, — изумилась она. — Только что, на суде.

— Ну, это была попытка смягчить приговор и создать вам проблемы в будущем, — съязвил он. — Сейчас вам придется объяснять, что это за медальоны, откуда взялись, как работают... технология всплывет из небытия, народ начнет пробовать. Тут очень талантливый народ. Думаю, простым запретом Вечные не отделаются.

— Ты был зависимым ведомым, — возразила Юлька. — Я наблюдала за тобой и исследовала твои нити. У тебя все время был хозяин. Мы это видели, я и Кольтер.

— Но предпочли от меня скрыть, — продолжил он с брезгливостью. — Не поставили меня в известность, не попытались помочь.

— Думаешь, ты бы мог что-то изменить?

— Не знаю, — ответил он честно. — Возможно, задумался бы, если бы понял, что я... не сам. Но вы мне этого не дали, а сразу же записали в роботы, а затем и во враги.

— Прости, — сказала Юлька — Все это... сложно. Невозможно понять с первого раза, что правильно, а что нет, когда защищаешь свою жизнь. И когда все — впервые.

— Прости, — сказал Саша. — Я, наверно, мог бы что-то изменить, но я до сих пор не знаю, как.

Румянцев посмотрел на них со злобой.

— И не собираюсь. Это теперь ваши проблемы, а не мои. Расхлебывайте, — и он коротко хохотнул. — Отмывайтесь. От сегодняшнего вам точно придется отмываться всю жизнь. А она у тебя, Сашок, длинная будет. И у тебя, Юль, тоже. Ладно, заканчивайте уже эту тягомотину сопливаю. Харе играть в благородных. Давай быстрее, — гаркнул он на Сашу.

Тот молча снял с пояса подвешенную к нему большую перчатку — Асгарот, и принялся натягивать ее трясущимися руками.

И в этот момент на него что-то прыгнуло. Юлька отбежала назад и обнаружила огромную, размером с лошадь, черную кошку. Повалив Сашу на камни площадки, она телом прижала его, не позволяя шевельнуться. Саша дернулся, пытаясь ее сбросить, но в отместку она вцепилась зубами ему в плечо — целила в глотку, но он успел вывернуться и оттолкнуть ее от себя. Она снова кинулась на него, опасно отбрасывая прямо на парапет и пытаясь столкнуть вниз. Из будок выскочили часовые, первый из тех, кто отважился подойти ближе, выпустил несколько зарядов из парализа, попав в заднюю лапу кошки и в спину поближе к хвосту, но заряды парализа слабо действовали на Вечных. Кошка чуть замедлила движения,

благодаря чему Саша телом удержался на парапете и отшвырнул ее от себя ударом ног. Кошка клацнула здоровенной челюстью и вцепилась ему в ногу, отчего он взвыл и стал отчаянно лупить ее свободной ногой по носу.

Озираясь по сторонам, Румянцев попятился к парапету, и тут снизу, словно подводная лодка, всплыла вимма с черными и золотыми полосами — цветами нагов. Вимма поравнялась с парапетом, распахнулась задняя дверь и Юлька, бросившаяся за ним следом, даже успела увидеть на месте водителя знакомого рыжего элеса.

Румянцев ловко прыгнул внутрь, оттолкнув ногой попытавшуюся его удержать Юльку. В этот же момент черное тело сбило ее с ног, кошка, уменьшаясь на ходу, нырнула следом за ним, и вимма упала вниз, в сумрак, и стремительно понеслась прочь. Подоспевшие к баллистам часовые принялись стрелять ей вслед, но темнота мешала точному наведению. Поднявшийся на ноги Саша зажимал разорванное плечо рукой и ругался им вслед.

— Сволочи, — прохрипел он.

А Юлька вдруг поняла, что испытывает облегчение.

Молча они вернулись в его кабинет. Саша не на шутку хромал.

— Что я людям скажу, — пробормотал он с горечью. — Шандру... Стыд. Из-под носа, считай, из рук вырвали.

— Правду, — строго ответила она. — Они должны знать об опасности. Что ничего не кончилось. Он сам не так-то много и значит, — продолжила она рассудительно. — Главное, мы предупреждены, что эти двое живы, по-прежнему активны и сдаваться не собираются.

— Ты не понимаешь, что он для них такое, — вздохнул Саша, вытаскивая из шкафа аптечку и протягивая ей. — Помоги мне. Не хочу, чтобы наши видели. Стыдно. Тем более, оно через несколько дней исчезнет бесследно.

— Наверно не понимаю, — согласилась Юлька, помогая ему раздеться и принимаясь обрабатывать раны. — Кто он? Символ? Информатор?

— Генератор идей, — сказал Саша, охнув. — Кроме того, ему помогает знание нашей Земли, наших технологий, нашего мышления. Да он просто кладезь идей! Если они проберутся на Старую землю под его руководством, мы не разгребем последствий. А у нас нет Ворона, чтобы с этим справиться.

Юлька закрыла глаза. Ей было мучительно слышать это и не выдавать своих чувств.

— Почему нет? — возразила она через силу. — Есть. Может быть, он еще очнется.

— Мог бы — очнулся, — пробормотал он с болью. — Никто в это уже не верит.

Несмотря на поздний час, из Наган Карха Юлька направилась в Далерну и попала в настоящую русскую зиму. К счастью, термокостюм спасал от морозов, но вот дышать в сухом морозном воздухе на высоте было очень неприятно — у нее пересыхало горло и перехватывало дыхание. От шеадра до лечебницы она летела низко, на уровне вторых этажей, и медленно, хотя всегда предпочитала носиться, как угорелая, чуть ниже уровня вимм.

Главная лечебница Повелевающих, расположенная на окраине Далерны, светилась яркими огнями и жила своей неторопливой жизнью. Юльке нравилось, что больничные здания — разные, от скромных индивидуальных домиков до больших современных корпусов — были разбросаны по огромной лесной территории, из одного конца в другой можно было добраться на маленьких индивидуальных виммах, привязанных к территории, или на больших пассажирских, летавших по расписанию.

Ей нужно было большое здание, находившееся почти в центре. На входе ее пропустили

без вопросов: ее уже знали, поскольку она появлялась тут очень часто.

Рес лежал в отельной палате, на верхнем этаже этого красивого современного здания. Даже не палате — уютной комнате. Ничто здесь не напоминало больницу, кроме специальной кровати и тоненьких трубочек, идущих из его носа и вен.

Она привычно села на край. Сколько прошло с того момента, когда Румянцев выпустил в него две стрелы стазиса и три — Некроса? Она посчитала... три недели. Он выжил благодаря тому, что выдернул одну из них, вторая прошла сквозь крыло, отдав лишь немного, а третья, вонзившаяся глубоко в спину, выпала при обратной трансформации, когда его тело самопроизвольно сменило облик, коснувшись земли, и отдала не весь заряд. Но он так и не пришел в себя. Его сильное, но истерзанное издевательствами и отравленное некросом тело сопротивлялась попыткам целителей вернуть его к жизни. Кроме того, наконечник той стрелы стазиса, что он перекусил, застрял в груди при трансформации, войдя глубоко в мышцы и оставшись под кожей справа между ребрами. Его не стали вынимать, опасаясь, что это может повлиять на и без того еле живое, еле дышащее тело. Несколько дней целители боролись за его жизнь... потом его состояние стало стабильным, но он по-прежнему оставался в коме. Тело, все еще привязанное к вечному существу, начало потихоньку восстанавливаться. Заживали страшные раны, оставляя рубцы, которые, если бы он ожил и пришел в себя, постепенно бы исчезли бесследно. Но он не оживал, так и оставаясь неподвижным и безжизненным, и лишь редкое, едва заметное дыхание говорило о том, что в нем все еще теплится слабый, готовый в любую минуту угаснуть огонек. Юлька глядела, как с каждым днем все больше худеет лицо, зарастая русой седоватой бородкой, как высыхает без жизненных сил красивое, сильное тело. Она разговаривала с ним, надеясь, что где-то там он ее слышит, гладила его худые неподвижные руки — следы шок бича и наручников уже почти сошли с них, целовала едва теплые, сухие, истончившиеся неживые губы... Все зря. Каждый раз это заканчивалось одинаково: она клала голову ему на грудь и бессильно замирала, пока ее вежливо, но настойчиво не уводили целители.

Иногда кто-нибудь приходил сюда. Ширин, Шандр, Даллах, Гевор, Эрлен, много других, совершенно незнакомых людей и Дзуликих. Они так же, как и она, садились рядом и пытались поговорить. В такие моменты она уходила, оставляя их наедине со старым другом.

Мнения, что делать дальше, расходились. Поначалу Даллах и его целители надеялись, что лечение и особенная живучесть Вечного сами сделают свое дело, но теперь, по прошествии трех недель, они уже ни в чем не были уверены. Даллах говорил, что раны заживают не как на Вечном, а как на человеке — медленно, а Глава целительской школы Повелевающих жизнью вздыхал, что не чувствует в теле джив, необходимой для выздоровления. Целители школы Джмар высказывались еще более мрачно. Их глава, проведя у постели больного чуть ли не полдня, сообщил, что связь между телом и маар-обликом потеряна, он не нашел энергетического отпечатка — личного маар-облика в пространстве Некроса. Еще их всех — и Повелевающих, и целителей Джмар — беспокоил этот неестественно вросший наконечник. Ни те, не другие не чувствовали остатков стазиса, но опасались, что именно он держит Рессера в небытии. Вынимать же наконечник боялись и те и другие, аргументируя это слабостью пациента. Более того, Повелевающие боялись, что даже если он очнется, пришедший в движение во время смены облика наконечник может его убить, разорвав грудную клетку.

Старые Вечные — Даллах и Реваль были обеспокоены текущим положением вещей. Ант Мирт затих, разведчики докладывали, что партия войны полностью разгромлена,

размыкатели невозстановимы. Более того, в крепости Кан хранились их чертежи, которые уничтожились вместе с модулями, а значит, технологии размыкания грани надолго потеряны. Во Фрейфене воцарился хаос, но как считал Шандр, идея проникновения в Ар Соль никуда не делась — она лишь ушла на задний план на какое-то время, ее последователи затаились, но не исчезли. Кроме того, свои, доморощенные заговорщики были живы и продолжали мелко пакостить. Незадолго до вторжения Румянцев угрожал взрывом в шедре, но к счастью, ничего подобного не произошло. Взрыв прогремел несколько дней назад, в людной, оживленной Ледере, в бывших владениях Кинэна. Предупрежденные еще тогда, при первой угрозе, Дети Ворона быстро и умело стабилизировали Грань, но сам факт изрядно напугал зависящее от стабильности шеадров сообщество земель. Необходимо было искать и обезвреживать собственных внутренних врагов.

Всем нужен был Ворон, живой и здоровый. От Ширин Юлька услышала точку зрения, что если Рессер не очнется, надо прервать его жизнь, пожертвовать им ради нового, молодого воплощения Ворона, которого, как и Сашу, надо найти и выпестовать побыстрее. Ее до глубины души потряс Шандр, который неожиданно поддержал эту позицию.

— Я обещал ему, — сказал он сухо, выслушав гневную Юлькину отповедь. — Поклялся. "Если со мной случится нечто, что поставит под сомнение мою разумность, мою вменяемость и весь смысл моего существования" — повторил он, почти скопировав Рессера. — Я думал, не придется никогда, он всегда справлялся со всеми неприятностями сам. Но Рессера больше нет, и нам надо с этим смириться. Он и так спас нас. Взорвал крепость, как и хотел, пусть не разом, а по частям. Помог прикончить Кинэна. Затянул Грань. И ушел. Честнее и порядочнее будет освободить его тело от дальнейшего... медленного умирания. Честнее сделать это... быстро.

Она видела боль в его глазах, разумом понимала его позицию, но душою... душою она теперь Шандра ненавидела.

Ширин при поддержке Даллаха устроила страшный скандал, когда на совете Вечных Вагабр поднял эту тему.

— Устраняешь главных свидетелей своего позора? — кричала она, заставив вжаться в кресло главу совета. — Продолжаешь план старого Вагабра? Двоих нет, Кинэна угрохали, не возродится он больше, еще и от неугодного и неподконтрольного тебе Ворона решил избавиться? Так я быстро угрохаю твое жалкое туловище, за один Маар-пробой, пикнуть не успеешь.

Саша, который теперь на равных присутствовал на всех встречах Вечных и даже умудрялся продавливать свое мнение, говорил ей, что Ваэль в тот момент посинел: Хозяйка Некроса явно придушила его наэром, только он не понял, как.

— Рано или поздно они все равно с этим смирятся, — сказал он с горечью. — Если он не очнется, конечно. Или все будет проще — они заставят Даллаха-Судью освободить Рессера от бессмертного облика-ипостаси. Я уже слышал этот вариант, от того же Ревалья. Пока что остальные против, но... со временем они все равно к этому придут.

Мне все равно, Вечный он или нет, подумала Юлька про себя. Лишь бы жил. Вслух же она спросила:

— Почему они уверены, что Горноста́й уничтожен и не возродится?

— Ну, мы ведь уничтожили именно ипостась, — сказал Саша. — В облике. А еще статуэтка Горноста́я рассыпалась в прах. Во всех копиях коллекции.

Она задумчиво кивнула. Эх, спросить бы Наджара-Филина...

Вот и сегодня — не изменилось ничего. Юлька молча сидела, понимая, что он больше никогда ее не услышит. Гевор все еще был уверен в почти всецельной медицине Ар Соль, да и Саша все еще надеялся, но Юлька верила тому, что сказали джмаровцы. Она сама была теперь частью их школы и знала, как редко они дают прогнозы, как редко опускают руки и как редко ошибаются. Сегодняшние новости о бегстве Румянцева прибавят аргументов тем, кто считает, что им всем нужен новый жизнеспособный Ворон, и как можно скорее. И чем раньше они запустят процесс, тем лучше.

Она взяла его ладонь. Едва теплая.

— Рес. Ну пожалуйста.

Тишина.

Ей мучительно, остро сдавило сердце. Если тебя не будет, я тут не останусь, вдруг решила она. Вернусь домой. Шандр мне обещал.

Не скрывая катящихся градом беззвучных слез, она встала и быстро, не оглядываясь, вышла из палаты.

Глава 42. Зеркало Элианны

С утра снег выпал и на Саманданг, неожиданно, к восторгу ребятни и смятению взрослых. Выпал и растаял, оставив к полудню огромные грязные лужи. Отучившись, Юлька решила наведаться на Иллирию, поплавать в теплом, ласковом море, а потом полежать на горячем песке в полном одиночестве. Она вдруг поняла, что у нее больше нет сил. Что мир разделился для нее на две разноцветные половины — раньше и теперь. И та, что раньше, была полна красок и надежд, а эта — серая и тоскливая — гнула к земле, вытягивала силы, отравляя своей безнадежностью. Вырываясь из ночных кошмаров, полных черно-красного неба, нэргов и других чудовищ, она с трудом поднималась утром и с тоской плелась по каким-то делам, казавшимся ей теперь неважными и ненужными. Глава школы Джмар в Саманданге уже не в первый раз заговаривал о переводе в шеннон-арскую школу на правах полноценной ученицы, а не вольной слушательницы. Для этого требовалось сдать всего один экзамен, по теории сил и стихий, с выполнением двух практических заданий, и она понимала, что с практикой справится шутя, а теорию легко подучит, если засядет за учебники хотя бы дней на десять. Но сил не было, ни физических, ни душевных.

А еще она не хотела в Шеннон Ар, при всей своей глубочайшей симпатии и уважении к Ширин. Если уж цепляться за жизнь, так лучше здесь, в столь полюбившемся ей Саманданге, чем под вечно сумрачным подлунным небом.

Саша по-прежнему звал ее к себе в Наган Карх, обещая, что снимет ей квартиру в Кархе, если она не хочет жить в крепости, но она понимала, что учиться ей будет неудобно, несмотря на то, что путь из центра Кархи в центр Саманданга занимал от силы полчаса. Она так привыкла к шумным улицам, к кипению жизни в университете, к веселым бесшабашным гулянкам в общежитии... Променять их на тишину, серьезность, деловую сосредоточенность Кархи — нет, ни за что! Она готова была время от времени бывать у Саши в крепости на правах дорогой гостьи и советчика, но никак не в качестве его подданной. Лучше уж тогда в Шеннон Ар, поближе к Ширин. Хотя... выучившись, она скорее всего присоединится к одному из доменов или очагов Ширин и будет говорить про нее "моя Верховная" — так же, как говорили сейчас другие ее последователи. Если, конечно, выучится.

Иллирия встретила ее ласковым и влажным ветром и пепельными густыми облаками, грозившими пролиться дождем. Дожди здесь шли теплые, они не мешали ей купаться, а если дождь припускал с настоящей южной силой, она пряталась в большой белокаменной беседке на полпути от шеадра к храму. Сейчас тоже стало накрапывать, и она решительно повернула от берега вглубь острова. Прوماхнув почти до самого храма, она хотела свернуть к беседке, когда ей показалось, что дверь храма широко распахнута. С трудом сдерживая волнение, Юлька подбежала ближе и затормозила почти у входа. Невидимая стена, до сих пор не пускавшая ее к дверям, исчезла, порыв ветра распахнул приоткрытую дверь еще сильнее, поманив зайти в гости.

Кто-то смог попасть сюда до нее? Только сама Элианна, нарождающаяся или уже воплотившаяся, могла первой войти в собственный дом. С мучительным страхом Юлька двинулась по занесенным землей плитам и остановилась прямо перед темным арочным порталом. Оттуда пахло чем-то странным, немного — затхлостью запертого дома, немного — камнем и старым деревом, и еще чем-то едва уловимым, пряно-сладким, похожим на смесь апельсина, ванили и сандала. Она сделала решительный шаг вперед и очутилась в

просторном сводчатом зале, сумрачном оттого, что через мозаичные разноцветные окна не проникал солнечный свет. Со страхом она прошла вдоль огромного, но теплого и уютного зала, любуясь множеством удивительных статуй: Элианна представляла тут во всем своем великолепии. Нежная, печальная, страстная, гневная, скорбящая... в толпе детей, обнимающая стариков, окруженная Двудикими. Разная. Статуи были сделаны из разных видов камня и даже из дерева, большие, маленькие, светлые и темные, тусклые и мерцающие... Их пестрота и разнообразие очаровывали, заставляя ее сердце замирать от восторга.

Дойдя до самого конца, Юлька неожиданно натолкнулась на одиноко стоящее под витражной розой зеркало, закрытое тонкой белоснежной вуалью. В точности, как в ее снах. Она осторожно подошла к нему вплотную, медленно потянула вуаль на себя и боязливо заглянула в прикрытое зеркало. Его поверхность была подернута сероватой дымкой и ничего не отражала. Машинально и бездумно Юлька накинула вуаль на себя и, чуть отступив назад, снова заглянула в зеркало.

Поверхность медленно светлела, становясь прозрачной, и через несколько мгновений показала ее саму с покрывалом на голове. Неожиданно Юлька поняла, что нравится себе такая — с тонкой белоснежной паутинкой на темных, вьющихся волосах. Она слабо улыбнулась и поправила локон, упавший на щеку. И тут же испуганно обнаружила, что там, за спиной, отражается вовсе не храм, а хорошо знакомые черно-красные небеса. Резко повернувшись, она ступила на прозрачную ледяную землю Маара.

Двигаться оказалось в разы легче, чем раньше. Юлька сделала шаг, другой и поразилась, как легко и радостно стало перемещаться. До сих пор движения в этом необычном мире давались ей с большим трудом, словно у нее тяжелые, слоновьи ноги, но теперь ей казалось, она не идет — летит на крыльях. Восторженно оглядевшись, она заметила впереди причудливое нагромождение красных, черных и кристально прозрачных скал и решила произвести разведку.

Легко, словно невесомая, она преодолела расстояние, которое раньше казалось ей огромным. Скалы приближались, маня своими загадочными контрастами. Краем глаза она заметила, что справа от нее к ним движется еще один путник. Юлька насторожилась, но вовремя вспомнила, что все тела в Мааре — проекции, и побеждает тот, кто сильнее духом. Из любопытства она ускорила шаг, а когда подошла ближе, то вздрогнула от изумления.

Тот, кто вместе с ней спешил к хрустальным скалам, оказался... Рессером.

Она бросилась следом за ним, перепугавшись, что сейчас он исчезнет в проходе между скалами, но догонять его, как в тех мучивших ее снах, не пришлось. Он оказался у причудливой горной гряды чуть раньше нее и остановился, поджидая. Юлька едва затормозила шаг, чуть не врезавшись в него. Она никогда раньше не видела его маар-облик, а теперь, стоя в двух шагах, радовалась, что он так похож на самого себя в обычной жизни. Здесь, в мире образов и духов, он выглядел моложе, чем в реальности, и немного крупнее.

— Как здорово, что мы встретились, — заговорил он, широко улыбаясь. — Я по тебе скучал!

Сначала Юлька растерялась — слова болезненным комком застряли в горле, а затем, обгоняя хаос мыслей и чувств, вырвались сами.

— Почему ты не возвращаешься?

— А я должен? — удивился он.

— Разве тебя не тянет... в реальность?

— Я же умер, — растеряно сказал он. — Меня убили между Ирнаном и Анг Миртом Стрелами. Кто-то там у вас уже идет путем Ворона. Мне некуда возвращаться.

— Нет, — Юлька схватила его за руку и поразилась, что даже здесь он был осязаемо живым и теплым, как в реальности, только ощущался как энергия — как джив и фэйр. — Ты не умер. Ты лежишь у Повелевающих в лечебнице, и не приходишь в себя. Ты должен вернуться!

На лице его отчетливо проступило недоумение.

— Зачем?

— Что — зачем? — растерялась она.

— Возвращаться.

Юлька растерялась еще сильнее.

— Чтобы жить, — ответила она неуверенно.

— Теперь я живу здесь, — улыбнулся он радостно. — Тут гораздо интереснее. Ты знала, что Маар — это не один мир, а несколько? И что можно по этим мирам путешествовать? И что отсюда, если умеешь, можно выглянуть в другие миры, у которых одна и та же изнанка? Их множество. Десятки, а может быть даже и сотни, а не только наша Ар Соль. Пойдем, я покажу тебе одно совершенно невероятное местечко, — и он потянул ее за собой, шагнув в сторону узкого прохода между прозрачной и красной скалами.

Юлька сделала несколько шагов следом за ним, но потом остановилась, осторожно вытащив свою руку из его ладони.

— Рес... подожди, — взмолилась она. — Мы очень хотим, чтобы ты пришел в себя и вернулся к обычной жизни. В витасфере, не здесь. Без твоего духа стареет твое тело. В нем нет ни тебя-человека, ни тебя-Ворона. Если так пойдет и дальше, ты просто умрешь. Совсем умрешь.

— Так я и без того уже умер, — повторил он с недоумением. — Я же помню, как меня убили. Как я мог выжить?

Юлька удрученно молчала.

— Ну умертвите тело, раз оно умирает, — предложил он беспечно. — Окончательно. Напомните Шандру, он мне обещал.

— А если ты исчезнешь и тут?

— Не-а, не исчезну, — возразил он с веселой уверенностью. — Если я там лежу, а мое сознание тут, значит, связь между ними потеряна. Помнишь, ты рассказывала о Филине? Как я понял, со мной произошло то же самое. Кстати, тут немало таких существ, которые обитают сами по себе, не имея физического облика в витасфере. Они разговорчивые, — он рассмеялся. — Есть такие чудики... И теперь я точно знаю, с какими землями, кроме уже знакомых земель Ар Соль, мы граничим. Некоторые из них прекрасны и необитаемы, и мы могли бы прийти туда без ущерба для себя. Некоторые полны жизни, очень похожей на нашу, а некоторые отвратительны и туда точно не стоит соваться. Я их вижу и могу наблюдать их жизнь. Это дьявольски интересно. Знаешь что? Когда ты придешь в следующий раз, я покажу тебе одну из них, — он снова взял ее за руку, отчего ей стало мучительно не по себе. Он был абсолютно настоящий, и смотрел на нее с такой неподдельной радостью, прямо-таки лучась счастьем, что она с трудом удержалась, чтобы не расплакаться от его удивительного равнодушия к земному бытию.

— Гевор приходит к тебе через день, — перебила она его с упреком в голосе. — Разговаривает с тобой, как с живым. Не верит, что ты не слышишь. Приходила Эрлен,

извинялась, я уж не знаю, за что именно. Плакала.

— Да что уж теперь-то, — буркнул он, смутившись.

— Ширин сидит молча, — продолжала Юлька упрямо. — Я чувствую, как она пытается что-то сделать, но не понимаю... Пока мне слишком сложно понять. Я, к сожалению, недоучка, — тут она грустно усмехнулась.

— Так ты учишься, — Рес забавно взмахнул руками. — У тебя есть все, чтобы стать очень сильным элементом. Ты же умница!

— Приходил Вагабр, — и видя, что он поморщился, настойчиво продолжила. — Гневно требовал, чтобы тебя лечили как человека. Потом требовал от Ширин и нашего главы школы, чтобы джмаровцы забрали тебя к себе, раз Повелевающие не могут ничего сделать. Ширин при всех обозвала его идиотом и он даже не обиделся.

Рес расхохотался.

— О, на это я бы посмотрел, — прокомментировал он. — Шандр тоже сидит? Ни за что не поверю.

— Нет, он сразу же сказал, что ты умер, и он не собирается ходить и смотреть на труп. И честнее было бы дать тебе умереть. И если мы не примем решение в ближайшее время, он сам тебя убьет, потому что он тебе это обещал, — призналась Юлька, внимательно следя за его реакцией.

— Передай ему, чтоб не тянул, а то развели болото у моей кровати, — фыркнул Рес, поморщившись.

— Альсар написал поэму и собрался написать оперу, — мстительно заявила Юлька. — Если не оживешь, станешь народным героем и тебя начнет изображать на сцене какой-нибудь безголосый придурок.

— Тьфу ты гадость какая, — выругался он. — Они еще и петь про меня начнут. Никогда не понимал этот вид искусства! Слава богу, что я этого никогда не услышу.

Юлька совсем сникла.

— Вернись пожалуйста, — попросила она печально.

— А зачем? Ради чего? — голос его неожиданно переменился, превратившись из веселого в печально-сердитый. — Ты подумай, что меня там ждет? Ну очухаюсь. Встану еще не скоро, да и не дадут мне, народному герою, жалеть будут, лечить-оберегать... — он досадливо поморщился. — Потом опять шишки на голову повалятся, словно я мишень или подопытный кролик. Анг Мирт-то никуда не делся и не денется. Что-то я устал от этого... Я-человек устал от Ворона. Хочу прожить нормальную человеческую жизнь. Состариться хочу. Надоело уже одну и ту же рожу почти двести лет в зеркале видеть, — бросил он с раздражением. — Ну или умереть, как человек. Зачем мне крылья, если летать не с кем? Вернусь — опять интриги начнутся. У нас же целый бесхозный домен образовался, прикинь, какая дележка нас ждет? Союзы, опять же, новые начнут заключать. Эрлен та же, сегодня плачет, завтра зубы точит. Тошнит меня, — в сердцах закончил он. — От всего тошнит. Не хочу. Тут и спокойнее, и интереснее.

— Ну хотя бы ради Саши, — упрямо продолжила она. — Ему очень нужен твой совет. Он остался один, ему очень тяжело. А он больше никому не доверяет. Только тебе.

— Пора уж и самому начинать думать, — проворчал он, становясь похожим на занудливого учителя. — Своими мозгами. Ничего, справится. Так даже лучше, без моих советов. Я ведь тоже... пристрастен. А если что — вот ты и помоги ему. Ты строгая и справедливая, не промолчишь, если что. А это такие редкие качества даже среди друзей, —

он кивнул ей, подбадривая. — У меня был Шандр. А у Саши будешь ты.

Юлька замолчала. У нее кончились слова. Если смотреть так, как он, то действительно... незачем. Ну что, что она еще может ему предложить, чтобы он захотел вернуться? Ей стало так тошно, так больно, что она попятилась и присела на ближайший камень. Вдруг ей показалось, что воздух вокруг стал пронзительно холодным и тяжелым, тянет, давит ее к земле, хотя только что ей и дышалось, и летелось со сказочной легкостью. Рес сразу же это заметил и присел рядом.

— Устала? — сочувственно спросил он, обнимая ее за плечи, и его прикосновение отозвалось в ней теплой живительной волной, прокатившейся по всему телу, словно он поделился с ней силой.

Юлька понуро кивнула.

— Так выходи, — предложил он. — Не мучай себя. Я очень рад тебя встретить, но мы можем увидеться и потом. Сейчас тебе надо назад, а то свалишься без сил. Приходи и зови меня, когда захочешь, я тебя услышу и быстро найду. Я тебе тут столько всего покажу, — продолжил он, снова загораясь, словно восторженный мальчишка. — Сначала немного, тебе, пока ты человек, далеко от точки входа не уйти. А потом, когда ты станешь Вечной, можно и подальше сходить, и побродить подольше...

— Почему ты так в этом уверен? — сдавленно спросила она, уже понимая, что все бесполезно. Она не смогла его убедить. Он не вернется.

— Я понял на Иллирии, — печально ответил он. — На самом деле никто не смог бы попасть на остров, кроме входящей в силу Элианны. У меня тогда даже мелькнула мысль, что я, наверно, не вернусь из Анг Мирта, — добавил он с грустной улыбкой. — Жертва все равно должна быть принесена, так уж устроен наш мир. Из тебя получится замечательная Элианна, — он отстранился и сжал ее ладони, заглянув в глаза. — Любящая. Справедливая. Красивая. Ты самая достойная из всех, — закончил он с нежностью. — Я даже завидую тем, кто встанет рядом с тобой. У тебя впереди — вечность и огромные возможности.

— Я не хочу ей становиться, — перебила она его, давя в себе глухое, невыносимое отчаяние.

— Почему?

— Обратная сторона Элианны — это жестокость. Ударная сила Элианны — это наэр. Смерть. Не хочу.

— Это зависит только от тебя, — возразил Рес с неожиданной строгостью. — От твоей мудрости и от твоей твердости. Не бойся. Пойдем, — он встал с камня и протянул ей руку. — Выходи. Или давай я тебя вытолкну отсюда, если у тебя своих сил не осталось. Помочь?

Все, тоскливо подумала Юлька. Надо уходить. Я сделала все, что могла. Мне его не убедить... Нет такого, ради чего он захотел бы вернуться. Она решительно встала, но ноги неожиданно подогнулись сами собой, и она рухнула на ледяную прозрачную землю и захлебнулась хлынувшим из груди беззвучным горем. Рес тут же кинулся ее поднимать, и, глядя на свое перекошенное, какое-то нелепое, некрасивое, расплывшееся отражение в кристально-чистой поверхности Некроса, она вдруг оттолкнула его с неистовой, взявшей себя ниоткуда силой.

— Тебе непонятно, почему я не хочу быть Вечной? — крикнула она яростно. — Да потому что в этом мире не будет тебя, дурака такого! Мне, мне-то ради чего жить? Зачем мне эта ваша вечность проклятая, если в этом мире нет и не будет... тебя!

Резкий толчок сделал свое дело — она почувствовала, как отдаляется от него и вываливается из Маара в реальность.

Она еще долго сидела на теплом, шершавом полу храма, с отвращением отбросив от себя вуаль, словно ядовитую змею. Потом с трудом поднялась на ноги, подошла к зеркалу и боязливо заглянула в него. Оно отразило потолок и стены храма, но не отразило самой Юльки, словно ее и не существовало вовсе. Через несколько мгновений оно стало мутнеть, снова подергиваясь непрозрачной сероватой дымкой. Юлька подняла вуаль с пола, повесила ее на зеркало — так, как та висела, когда она вошла, повернулась и быстрыми шагами вышла из неожиданно печального, померкшего зала.

Оказавшись на улице, она обнаружила, что тучи отнесло далеко в океан, но и солнце клонится к горизонту. Темнело... Она опять испугалась, что заблудится на острове, который теперь стал чужим и холодным, и бегом бросилась к шеадру.

Утром она еле поднялась с постели, пошатываясь и с трудом разлепив опухшие от слез глаза. Кое-как пересидела день на занятиях, слабо реагируя на то, что происходит вокруг, и все время тревожно прислушивалась к изменениям в себе, пытаясь понять, что произойдет с ее личной силой теперь, когда Элианна ушла из нее навсегда. Вечером она со страхом достала пустые концентраторы, лежащие в шкафу, и попыталась зарядить их. Получилось почти так же, как и раньше, за исключением скорости: из-за подавленного состояния, страха и бегающих мыслей ей было мучительно трудно сосредоточиться. Она протянула руку к ожерелью с синими и красными камнями, боясь его, словно гремучей змеи, а когда набралась смелости, сжала красный камень и привычно, без усилий, нырнула в Маар. Постояв там без движения, она глядела себе под ноги, сквозь хрусталь Некроса, и думала о множестве загадочных миров, с которыми он граничит, задаваясь вопросом, хотела ли бы она их увидеть. Да, поняла она, хотела бы... Возможно, если бы она прожила так же долго, как Рес, ее действительно привлекли бы и иные пространства, и необычные собеседники. Но она видела так мало. Она и земли Ар Соль-то увидела не все.

Вернусь домой, вспомнила она свое прежнее решение. Вернусь и все забуду. Нет, не забуду... сменю жизнь. Когда-то Шандр обещал мне отправить меня на Старую Землю по первому моему требованию. Пусть теперь исполняет обещание.

На следующий день она прямо с утра направилась в Альбре, надеясь застать его на месте в здании Стражи. Выслушав ее просьбу, высказанную твердым, решительным и уверенным голосом, он только коротко кивнул.

— Неделя, — сказал он глухо. — Подождешь? Мы подготовим тебе документы и легенду.

— Спасибо, — облегченно откликнулась Юлька, очень боявшаяся, что он начнет ее отговаривать.

— Мне жаль, что ты так решила, — продолжил он, уже не скрывая печали. — Но ты имеешь право на любой выбор. — Алекс знает?

— Нет еще, — вздохнула она. — Сейчас вот... узнает. Я — туда.

— Удачи, — серьезно пожелал Шандр. — Боюсь, для него это будет тяжелым ударом.

Саша был в ярости. Он кричал, упрекал, обвинял Юльку в предательстве. Она молчала. Он тряс ее и требовал сообщить истинную причину ее неожиданного решения. Она молчала. Когда он наконец успокоился, она подошла и, впервые за долгое, долгое время, обняла его, прижавшись к груди.

— Прости меня.

— Может, ты еще передумаешь? — спросил он жалобно, стальной хваткой прижав ее к себе. Едва не задохнувшись, она высвободилась из его рук и пожала плечами, так ничего и не добавив.

— Давай посмотрим на статуэтки? — попросила она, и он покорно повел ее в бывший кабинет Кольера, который так и стоял незанятый.

Юлька напоследок оглядела каменные изваяния Вечных. Глаза Ворона по-прежнему тускло, едва заметно мерцали, а вот статуэтка Элианны, казавшаяся до этого живой и теплой, сиявшая внутренним, золотистым теплом, теперь потухла. Юлька осторожно прикоснулась к серому, безжизненному камню.

Я не могу отринуть любовь, мысленно сказала она изваянию. Ищи себе другое воплощение. Развернувшись, она наткнулась на вопросительный взгляд Саши, который ждал ее в дверях. Как хорошо, что он так ничего и не сказал.

Глава 43. Возвращение

Потянулась обещанная Шандром неделя ожидания. Первые несколько дней Юлька терпеливо и покорно ходила на занятия, просто так, чтобы быстрее скоротать время, а потом наступили выходные, и она неожиданно оказалась перед фактом, что ей абсолютно нечего делать. Зачем готовиться к следующим занятиям, если она на них не придет? Надо бы сходить к Ширин, рассказать ей о принятом решении, поблагодарить за все, что та сделала для девушки, но у Юльки не хватило решимости. Она написала ей и главе школы письма, решив вручить их накануне возвращения, и, отважившись, рассказала Ильнаре. Подруга бурно разрыдалась, а затем принялась ее уговаривать, рисуя всяческие перспективы будущей счастливой жизни, в которых главной темой проходило суперудачное замужество. Юлька слушала ее, с трудом сдерживая раздражение и стыд. Неудивительно, что ей не удалось уговорить Реса. Если ты твердо решил, уговоры друзей не только не помогают изменить точку зрения, но и сильнее укрепляют ее, разрушая последние сомнения. Волевым усилием подавив гнев, Юлька ласково, насколько могла, попросила подругу больше не возвращаться к этой теме.

Ей хотелось взять с собой что-нибудь на память об этом мире, но она так и не придумала, что именно. Больше всего ей было жалко крыльев — там, на Старой земле, не летаешь. Нигде и никогда не летаешь, даже в глухой деревне. Она держала в руках ожерелье-концентратор, подарок Рессера, и понимала, что его тоже домой не заберешь, слишком уж экзотическое для ее родины. А больше... больше у нее и не было ничего ценного.

Она отправилась в путешествие по городам, в которых еще ни разу не была. В основном, это были города Ар Лессена и Ар Иллима. Центральная земля Ар Соль ее очаровала, и Юлька пожалела, что ей уже не доведется побродить по ее маленьким, старинным, хорошо сохранившимся городкам, таким похожим и таким бесконечно разным. Ближе к вечеру она заглянула на Далирию — ее тянуло к тому самому шеадру, откуда можно было попасть в домен Элианны. А вдруг? Вдруг еще не все потеряно? Войдя в старую пирамиду, она убедилась, что все кончено — шеадари снова превратился в плоскую, неживую картинку, нарисованную на куске холста. С грустью она вспоминала тот проклятый день, когда она потащила Реса сюда купаться. Он-то все понял сразу, понял и попрощался с ней еще тогда, зная, что ценой воплощения Элианны станет он сам. А она удивлялась его печали, пыталась его растормошить, веря, что он просто озабочен предстоящей трудной операцией. И как он ее целовал...

Нет, лучше забыть.

Так прошло два дня, а вечером третьего Ильнара встретила ее упреками.

— Тебя тут полдня ТАКОЙ мужчина искал! — она восторженно закатила глаза. — Красавец-шаам из благородных! Весь университет обегал. Так ему твой куратор наябедничал, что ты прогуливаешь, — она рассмеялась. — Ну что тебе не нравится, неужели и он не по вкусу?

Шандр, подумала Юлька с неожиданной горечью. Вот и все. Пора собираться.

— Он оставил тебе записку, — протянула она Юльке листок бумаги. Та впилась глазами в текст, но там не было ничего, кроме витиевато изложенной просьбы навестить Альбре в ближайшие два-три дня. Ильнара меж тем продолжала переживать короткие

моменты беседы с легендой Ар Соль.

— Может мне вас познакомить? — задумчиво предложила Юлька. — Он, между прочим, холост. Только характер... не сахар. Будешь в золотой клетке сидеть.

Ильнара посмотрела на нее с мольбой. Она была согласна даже на клетку.

Она решила отправиться в Альбре на следующий день, чтобы услышать приговор — все готово, можно возвращаться, путь назад открыт. Ей вдруг стало непереносимо больно покидать этот уютный, благожелательный, такой красочный и необычный мир, ставший близким и родным за эти полтора года. Это бегство, подумала она с леденящим пониманием того, что сделала. У меня не хватает мужества принять мир, где нет любви, пусть даже ее нет только для меня одной. Уж лучше тогда вернуться домой, забыть и попробовать начать все с начала.

Она не собиралась лететь на крыльях. Ей хотелось в последний раз прогуляться по городку и по берегу океана до Северной башни, чтобы отдать ожерелье-концентратор Нверу, или, может быть, Шандру, если у нее не хватит мужества дойти до бывшего обиталища Ворона. Оно принадлежало Ресу и было создано целенаправленно для Хэйгенов, чтобы усилить их в бою. Пусть оно достанется следующему Ворону и принесет ему пользу, как принесло ей.

Утром, собираясь, она неожиданно спохватилась, что теплой одежды у нее нет. За время обитания в Саманданге она обзавелась платьями, пиджаками и курточками для теплой шамальской погоды, двумя летними термокостюмами разной плотности, несколькими шлемами и очками, перчатками и специальными полетными ботинками с шипованной подошвой, бесценной при посадке, но у нее не было ни теплого зимнего пальто, ни куртки, чтобы провести несколько часов в настоящем холодном климате. Она расстроилась до слез, столкнувшись с пустяшным препятствием, а потом, вдруг плюнув на вечную экономию, отправилась в роскошный магазин в центре Саманданга и купила нарядное, длинное теплое пальто, сверху похожее на короткошерстную шубку, а со стороны подкладки утепленное тем же материалом, что использовался для летних костюмов, и подобрала к нему теплую шапку, шарф и сапожки. Зачем теперь экономить? Уже через пару дней местные деньги не будут ей нужны, а это — еще одна память о Ресе. Она в конце концов разобралась, откуда именно приходили деньги: Сашины бухгалтера, увидев детали транзакции, рассмеялись и заявили, что счет закодирован тем же способом, что и личный наследственный счет Нигейра. Это не стало для нее неожиданностью: позаботиться о ней больше было некому.

Переодевшись, она не узнала себя. Куда девалась та осунувшаяся, уставшая, поблекшая девушка? Она невольно улыбнулась своему отражению в зеркале. А пожалуй, не хуже, чем в зеркале Элианны! Обновки чисто по-женски развеяли ее тяжелую, мутную тоску и неуверенность, и она усилием растянула губы в улыбке, вспомнив рекомендации психологов по поднятию настроения. Это простое, механическое действие дало волшебный результат — она неожиданно воспряла духом. Страх перед встречей с Альбре попятился и отступил, свернулся холодным комочком где-то под ребрами, и она решительно отправилась к шеадру на Элласар, чтобы там привычно перепрыгнуть напрямиком в Альбре.

Городок был припорошен свежим, ослепительно белым снегом и встретил ее легким морозцем и ярким солнцем. Какая светлая, яркая, жизнеутверждающая красота... На нее словно свежим ветром дохнуло, и комочек внутри вдруг растаял, прорвавшись наружу неожиданными слезами. Выйдя из шеадра неподалеку от купола Северной Стражи, она не стала искать Шандра, а развернулась в сторону города. В лучах зимнего солнца городок

приобрел особое очарование, и она с тихой печалью обошла все памятные ей улочки, а потом села в любимом кафе выпить чаю с пирожным. Здесь они когда-то встречались с Ролли после занятий, и он с едва сдерживаемым волнением, смущаясь, брал ее за руку. Она расплатилась и вышла из кафе, найдя ту маленькую квартирку на южной окраине, которую когда-то занимала. Постояв под окнами, она решительно отправилась в сторону высокого скалистого берега, внизу которого лежал океан.

Солнце и яркий белый снег до слез слепили глаза, пока она шла к знакомой тропинке вдоль берега. Океан был сегодня удивительно спокоен, сияя густой бирюзой, столь гармонично сливавшейся у горизонта с нежно-лазурным, неярким зимним небом. Дышалось сказочно легко — Юлька с наслаждением, полной грудью вдыхала морозный солоноватый воздух, и с каждым вздохом из ее сердца уходила боль, словно океан смывал с души всю накопившуюся за этот долгий, мучительный период страха, сомнений и отчаяния черноту, всю ту горечь, которая, как ржа, разъедала ее изнутри. Она вдруг почувствовала, что обрела некое хрупкое душевное равновесие, благодаря которому дальнейший путь уже не выглядел таким безнадежным и тоскливым.

Капризные и переменчивые ветра, хозяева здешних мест, сегодня не буйствовали, притихнув и позволяя солнцу согреть этот суровый берег. Северная Башня виднелась где-то вдалеке, пепельно-серая на фоне ослепительного неба, и Юлька не торопилась, наслаждаясь каждым шагом. Давно ей не было так легко... Она вспомнила тот день, когда неподалеку от этой башни на нее бросался неуправляемый и голодный черный ворон, и как она яростно швыряла в него камни.

Юлька рассмеялась, вспомнив, как грозная сердитая птица прямо на ее глазах превратилась в голого человека, нелепо сверзившегося в грязь. Тоже мне, владыка Элезии... Как жаль, что она не сразу поняла, что влюбилась. Она влюбилась еще тогда, в Белом овраге, в те длинные весенние дни, когда рассказывала ему свою историю, а он внимательно слушал, и расспрашивал, расспрашивал... Потом она долго не могла простить, что он оказался не тем, кем был на самом деле, боялась его загадочного и грозного второго облика, боялась признаться и выдать, как он стал ей дорог и нужен, а в итоге, потеряла время, которого было отмеряно и так немного. Как жаль. Если бы она еще тогда, в Белом овраге, сумела признаться себе, что влюбилась, у нее было бы гораздо больше воспоминаний, которые можно перебирать, как драгоценные бусины. Но она цеплялась за Сашу, за какие-то остатки пустых надежд, за уже тогда ставшее безвозвратным прошлое.

А теперь и Альбре станет прошлым.

Она остановилась посреди тропинки, не дойдя до башни и половины пути, жадно впитывая сочную бирюзу океана. Вон над теми останками древних фортов он учил ее справляться с ветрами. Они осмотрели их все, один за другим. Внезапно Юлька пожалела, что не надела крылья. Как здорово было бы сейчас слетать туда, промчавшись над океаном, сияющим и спокойным, полежать на нагретых солнцем камнях, бездумно глядя в небо.

И тут она вздрогнула: с одного из них в небо поднялась крупная черная птица.

Юлька опешила. Да нет, мало ли тут птиц, она же совсем не знает местную фауну. Присмотревшись, она убедилась, что птица не такая уж и большая, да и угольно-черной не кажется. Может быть, виною всему солнце и белый снег, слепящий глаза. Тем не менее, она не могла сдвинуться с места, пристально следя за ней. Птица приближалась к берегу, и Юлька со страхом убедилась, что она все-таки гораздо крупнее обычных птиц. Когда он поравнялся с тропинкой и стремительно пронесся у нее над головой, у нее не осталось

сомнений, что это ворон.

Большой черный ворон.

Нет, не может быть, подумала она со страхом. Это существо не может быть Ресом. Рес умер, отказавшись возвращаться. А то почти безжизненное тело, что осталось в Далерне...

Она проводила его взглядом, пытаясь понять, светятся ли синим кончики крыльев, но неожиданные слезы мешали ей видеть.

Меж тем, птица описала вокруг башни широкий круг и снова полетела прямо на нее. Промчавшись высоко над головой, она взмыла над океаном, рванув в небо, затем камнем упала вниз, ниже уровня берега, туда, к тонкой песчаной полоске. Потеряв ее из виду, Юлька опасливо подошла к краю.

Ворон плескался в волнах, разбрасывая вокруг себя серебристые брызги. Отсюда он казался ей гранитно-серым и чуточку бесплотным.

Фантом, подумала Юлька. Это же фантом, с ужасом поняла она. Кто-то опять создал фантом, чтобы напугать или запутать обитателей Элезии. Заменить настоящего Ворона призрачным, а человека, лежащего в Далерне — внешне похожим, объяснив разницу состоянием здоровья.

Похолодев, она стала нервно озираться в поисках оператора, наверняка затаившегося где-то за скалами, лежащими за башней. А она здесь одна. Что если ее опять попытаются взять заложницей, чтобы шантажировать Сашу? Похоже, Румянцев не успокоится, пока не отомстит...

Она оглянулась назад. До города было ближе, чем до башни. Убедившись, что подозрительная птица ее не видит, она опрометью бросилась по тропинке в сторону Альбре.

Как назло, птица вынырнула из-под скал, поравнялась с ней и какое-то время неслась в точности у нее над головой. Потом обогнала, уйдя далеко вперед, и опустила над тропинкой на высоте человеческого роста. Юлька резко затормозила и, споткнувшись о припорошенный снегом камень, не удержала равновесие, растянулась на тропинке и упала лицом в снег. Боль от ушиба растеклась по телу, но она, стиснув зубы, заставила себя подняться, для начала — на четвереньки. И замерла — напротив нее так же неловко вставал с тропинки хорошо знакомый ей человек.

Живой.

— Я тебя напугал, да? — спросил он, неуверенно садясь на бок. — Прости пожалуйста. Я тебя не узнал, — он улыбнулся, отряхивая налипший на серый свитер снег. — Ты такая... такая необычная, такая красивая в этой шубке... Я привык, что ты всегда в летном комбинезоне, и удивился — что это за девушка тут гуляет...

Живой.

Мир расплылся и помутнел — это слезы застилали ей глаза. Ноги подогнулись сами и она тоже неловко осела в снег рядом с ним.

— Ты... когда ты... вернулся?

— Три дня назад, — ответил Рес, неловко пытаясь встать. Его пошатывало, тем не менее, со второй попытки он сумел принять вертикальное положение. — Ты прости, что тебе не сказали сразу, это я попросил. Я действительно мало чем отличался от трупа после пробуждения, и чувствовал себя так же. Шандр вчера искал тебя, но не застал дома.

Дрожа всем телом, Юлька медленно поднялась на ноги. Голос ее не слушался.

— Пойдем домой, — всхлипнула она. — Ты совсем синий и едва стоишь.

Они медленно, неторопливыми неуверенными шагами двинулись по тропинке, словно

два подбитых зверя, едва очнувшихся от ранений. Где-то посреди пути Юлька громко, со свистом вдохнула морозный воздух и подавилась рыданием, и он остановился, обнял ее, прижав голову к груди, а потом поцеловал ее мокрые от слез глаза и дрожащие губы.

— Все будет хорошо, любовь моя, — прошептал он, и она мелко закивала, судорожно вцепившись в его свитер, и заметив, что его тоже потряхивает, то ли от волнения, то ли от холода. Взяв его под руку, Юлька подтолкнула его вперед, к башне — не хватало еще, чтобы он окоченел тут от холода.

Двигались медленно — Ресу явно было нехорошо. Он шел и ворчал.

— Тело как тряпка, мышцы атрофировались. Я вчера утром только с кровати сполз, и то, когда обернулся.

— Подожди, а как же наконецник? — испугалась она, подхватывая его, когда его в очередной раз шатнуло.

— Да ну вас, развели курятник, — рассердился он. — Я его выбросил из тела при трансформации. Я ж сабли как-то обратно трансформирую, когда металл с собой беру! Ну вот. Дырку потом зашили, и все. Раскудахтались — нельзя, нельзя, сердце рядом... — продолжал бурчать он. — Я вчера вечером от них сбежал. В Башню.

— Может, не надо было? — осторожно спросила Юлька, когда он остановился передохнуть. — Ты и правда еле живой.

— Зато я полетал, — заявил он довольно. — Там, на камнях, так хорошо... Вырасти пока не могу, сил не хватает. Ну, это дело временное.

— То-то я тебя за фантом приняла, — улыбнулась она, вспомнив только что пережитый страх. — Решила, что это опять какие-то козни наших врагов.

— А что, дельная мысль, — согласился Рес. — Пугать людей демонами, чтоб они в них верили и боялись. Не удивлюсь, если вскоре мы об этом услышим.

Тут он сделал несколько шагов вперед и неожиданно осел на тропинку.

— Все, я пришел, — рассмеялся он со странной смесью раздражения и веселья. — Зови Нвера.

Юлька попыталась его поднять, чтобы самой дотащить до башни, но не тут то было — даже несмотря на худобу, он был тяжелый и категорически не хотел наваливаться на Юльку, а ей не хотелось оставлять его мерзнуть на снегу.

— Почему не оделся? — спросила она со всей возможной строгостью.

— Так я же только полетать, — жалобно возразил он.

И тут она неожиданно вспомнила про ожерелье в сумочке. Концентраторы были полностью заряжены.

— Надевай, — велела она, сунув артефакт ему в руки. Какое-то время он сидел с закрытыми глазами, медленно дыша и впитывая из него фэйр, а потом, облегченно улыбнувшись, поднялся на ноги, и они продолжили свой неторопливый путь.

— Я хотела вернуть его Воронам, — пояснила Юлька. — Там, на Старой земле, оно бы мне не пригодилось.

— А почему ты решила вернуться? — спросил Рес.

— А почему решил ты?

— Ну... ты меня убедила, — рассмеялся он.

Из башни навстречу им уже торопился Нвер, неся своему беспечному Верховному теплую куртку и шарф. Какое-то время они оба стояли внизу, обнявшись и глядя на залитый

солнцем океан, а потом так же медленно поковыляли наверх. Он все еще сильно хромал и задыхался на каждой ступеньке, отчего подъем превратился в долгое и не слишком радостное предприятие.

Стол в его кабинете как всегда был завален бумагами.

— До чего ж мне лень во все это вникать, — признался он, с облегчением вытягиваясь на диване, и Юлька поспешила укрыть его пледом.

— Успеешь еще, — улыбнулась она, усаживаясь рядом. — Народ тут таких легенд про Ирнанскую битву насочинял — диву даешься, на что людская фантазия способна.

Выпив горячего вина, он сразу же уснул, а Юлька забралась в его огромное кресло и с удивительным успокоением глядела, как Нвер разжигает камин. За окнами темнело, и она решила подняться на верхнюю площадку, чтобы полюбоваться невероятно красочным, алым закатом. Даже здесь, в этом средоточии ветров, сегодня было непривычно тихо. Она долго стояла, сквозь слезы глядя на всю эту красоту, и думала о делах, брошенных в ожидании возвращения домой, и которые теперь срочно придется переделать. Ильнара будет счастлива, но пожалуй, с Шандром она ее знакомить не будет. Не пара они. И слава богу, что она не отправила Ширин письмо...

На нее накатило странное изнеможение, словно после тяжелой болезни, которая наконец-то схлынула, отступив и оставив после себя пустоту и легкость, и невероятное чувство покоя.

Живой.

Налюбовавшись, она спустилась обратно в кабинет, где настырно и истошно трезвонил гвор. Рес, проснувшись, только махнул рукой.

— Шандр, наверно. Или Даллах, — прокомментировал он, так и не ответив на вызов. — Один все за мое здоровье боится, а другой обрадовался, что есть на кого Анг Мирт свалить. Вон, смотри, — он кивнул на папки, — это отчеты наблюдателей. Надо вникать.

Они ужинали, сидя у камина, и Рес рассказывал, как вырвался из плена, а потом — как бродил по Маару.

— Я ведь попытался выйти сразу же после того, как ты исчезла. Но не смог. Не чувствовал, где тело, не знал, как попасть обратно. Запаниковал. Потом решил позвать Ширин и объяснить ей проблему. Вдруг она подскажет, что делать? Знала бы ты, как она меня костерила... За то, что не сделал это сразу же. Я столько нового про себя узнал, пока ее слушал!

Юлька расхохоталась. Она не могла представить себе изящную, аристократичную и сдержанную хозяйку Некроса, ругающуюся нецензурными словами.

— А сколько ей лет? — отсмеявшись, спросила она. — Я никогда ничего не слышала о ее возрасте.

— Она скрывает, — улыбнулся Рес загадочно. — Но на самом деле, она старше Даллаха. Она как-то проговорила, что помнит, как помогала ему после обретения ипостаси. Так что за пятьсот точно. Но Филина, как я понял, она не знала, значит меньше шестисот.

— А по ней не скажешь, — ошарашено заявила Юлька.

— Ты ведь меня не бросишь тут одного? — вдруг спросил он, подняв на нее обеспокоенный, напряженный взгляд. — Я так по тебе соскучился... Мне до сих пор не верится, что я здесь и ты рядом.

— Не брошу, — прошептала она, стараясь удержать бешено заколотившееся сердце.

— Завтра убежим куда-нибудь, — мечтательно заявил Рес. — В Ар Иллим, например.

Там много райских островов, не только сама Иллирия. К морю. Подальше от гворов с их звонками и Вечных с их проблемами. И чтоб никто не знал, где мы, — он заговорщицки подмигнул. — Даже Шандр.

— А как же бумаги? — рассмеялась она. — Возьмешь с собой?

— А ну их, — решительно заявил он. — Подождут. Ты будешь купаться, а я на тебя смотреть...

— То есть, ты купаться не собираешься?

— Собираюсь, конечно. Буду мешать тебе плавать.

— Только попробуй, — сказала она угрожающим шутливым шепотом.

... А потом была ночь, и много-много нежности, и немного горечи от грубых шрамов на его спине, и много-много счастья. "Знаешь, когда я влюбился? — шептал он. — Еще Белом овраге. Когда открыл глаза и увидел тебя. Ты ходила по комнате в длинном зеленом платье, словно принцесса из сказки, а когда заметила, что я очнулся, подошла и села рядом. Я тогда понял, что все, я пропал..." На рассвете она сонно смотрела, как он, не одеваясь, выскакивает на верхнюю площадку, чтобы застать в полете просыпающееся солнце и пообещала себе, что в следующий раз присоединится к нему в небе, а потом снова приняла его, прохладного и полного сил, в свои объятия...

Шандр появился неожиданно, около десяти утра. Недавно позавтракав, Рес, обуреваемый угрызениями совести, все-таки уселся за отчеты Стражи, и даже не уселся, а улегся на диван, свалив их на пол, а Юлька предложила свою помощь в систематизации их по хронологии. Дело пошло быстрее, но они оба все время отвлекались на посторонние разговоры и не только, забывая о работе.

Увидев Юльку, Шандр широко и облегченно улыбнулся.

— Передумала возвращаться?

Она кивнула.

— У меня две новости, — заявил он. — Хорошая и плохая.

— Плохую я и так знаю, — буркнул Рес.

— Почувствовал?

— Да. Начни с хорошей.

— Алекс рассказал мне вчера, что Наджар засветился.

— Любопытно, — прокомментировал Рес. — Что-то сдвинулось в наших мирах.

Хочется верить, что к лучшему.

— А какая плохая? — робко спросила Юлька

— Взрыв в шеадре, — вздохнул Рес.

— И опять в Ар Лессене, — добавил Шандр. — Но на этот раз в Талесе. Бригада Стражей уже там, они знают, что делать.

— Домен Лануэль, — кивнул Рес. — Предыдущие были тоже в их собственных владениях.

— Не понимаю их логики. Зачем пакостить у себя дома?

— А если я тебе скажу, что после возвращения я чувствую, что сеть шеадров стала больше? Не намного, но когда я позавчера вечером сбегал из Далерны, по дороге почувствовал два совершенно свежих Порога на границе Тайрема и Лаорики. Там, как ты помнишь, новый очаг Лани неподалеку. Оба по эманациям ощущались как дальние, через Грань, не внутренние. И есть еще... Не в Элезии.

— Возможно, они хотят уничтожить старые Пути и выстроить новые, только для своих.

Оградить те очаги и территории, где они скрываются, от сплошного потока людей, — предположила Юлька, и Рес согласно кивнул.

— Кроме того, за малым количеством Путьей проще установить наблюдение, — продолжил он.

— Значит, последует укрепление отдельных доменов, — сделал вывод Шандр. — Виток внутренней войны?

— Может быть. Кинэна мы уничтожили, — Рес поморщился, — но Лани на поле боя даже не появилась. А еще весь Коллегиум Изысканий остался без хозяина, а там очень много талантливых людей. Думаю, у них появится местоблюститель, как у нагов когда-то. Вроде Кольера. И продлевать себе жизнь он научится тем же способом.

— Джилейр?

— Румянцев.

Юлька вздрогнула от подобного предположения, а потом неожиданно поняла, что Рес прав. Коллегиумом изысканий может руководить только человек с нестандартным мышлением и оригинальными идеями.

— А Джилейр станет рядом в качестве советчика. Оба знают, как продлить себе жизнь и получить дополнительные физические возможности. Мы получили очень серьезного противника, — Рес привычно взлохматил, а потом пригладил волосы. — С Анг Миртом было проще справиться, — признал он.

— Румянцеву не нужна война, — лихорадочно заговорила Юлька. — Он не воин, он ученый. Да и не сумеет он...

— Зато Лани — воин, — вздохнул Рес.

— Союз воина, элементала и ученого, — подытожил Шандр. — Хуже не придумаешь.

— Пожалуй, я туда слетаю, — Рес неохотно поднялся с дивана. — Поддержу людей, посвечусь над территорией... что-то мне кажется, там могут быть сюрпризы.

— Можно мне с вами? — осторожно попросила Юлька. — Конечно, я там вряд ли пригожусь, — заторопилась она, не давая возразить уже открывшему рот Шандру. — Но я хочу понять и посмотреть, как смещается Грань. И что вы делаете при этом. Мне же нужно учиться, — твердо закончила она.

— Там может быть опасно, — сурово напомнил Глава Пауков, а Рес покачал головой.

— Нельзя запретить человеку летать, — сказал он, покосившись на Шандра и тот чуть ли не впервые не нашел, что возразить. — А насчет опасности... Уже не может, — продолжил он через несколько мгновений, прикрыв глаза и словно прислушиваясь к чему-то, различимому только ему одному. — Она права. Нам всем нужно учиться — противник нас опережает. Возьми ее с собой, — велел он своему помощнику. — Я все равно окажусь на месте раньше вас, если что не так — успею предупредить.

— Ладо уж, — проворчал тот и кивнул Юльке, — собирайся. Я подожду внизу.

Оставшись одни, они посмотрели друг на друга тревожно и печально, словно эти часы спокойствия, проведенные вместе, были последними в их жизни.

— Не получится убежать, — шепотом сказала она, с трудом скрывая сожаление.

— Получится, — твердо заявил Рес. — Вечером. Завтра. Всегда. Они все теперь в долгу перед тобой. Я ведь вернулся только ради тебя.

— Может, не стоит пока заявлять, что ты снова жив и в силе? — забеспокоилась Юлька. — Что если на тебя опять начнется охота?

— Видимо, начнется, — хмыкнул он с прежней беспечностью, но, увидев ее несчастные

глаза, добавил с убедительной серьезностью. — Придется все-таки стать осторожным. Теперь мне есть, ради кого, — мечтательная улыбка мелькнула на его лице, задержавшись буквально на несколько мгновений. — Надо хорошенько подумать, как защититься, и не только мне. Но сейчас два-три дня ничего не изменят. Слышала, как сегодня гвор трезвонил? Все уже знают, — подытожил он.

— Пожалуйста, будь осторожен, — шепотом попросила она и, чтобы скрыть свое волнение, принялась застегивать на нем куртку.

— Повтори мне то, что сказала тогда в Мааре, — сказал он серьезно. — В самом конце. Чтобы я никогда не забывал, что ты меня ждешь.

— Нет уж, — насмешливо заявила Юлька. — Теперь-то ты тут. Обстоятельства изменились... Боюсь, ты еще сто раз пожалеешь, что вернулся.

И поцеловала его.

Больше книг на сайте - Knigoed.net